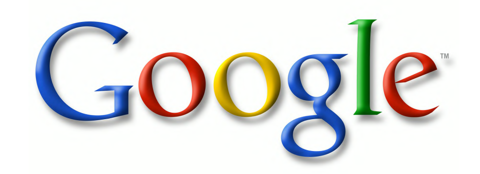
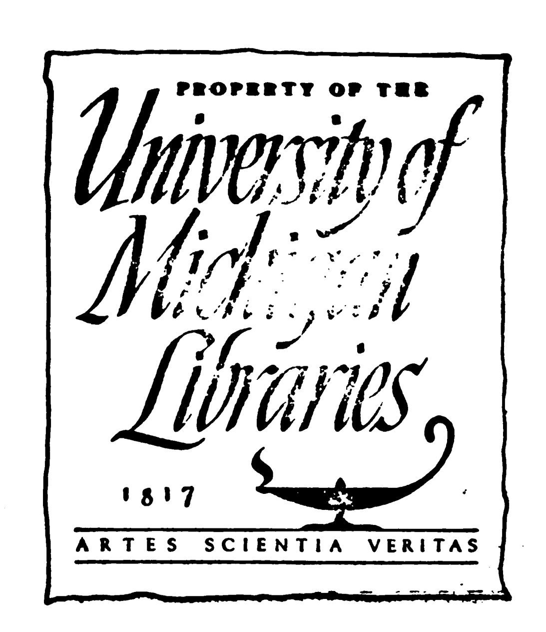
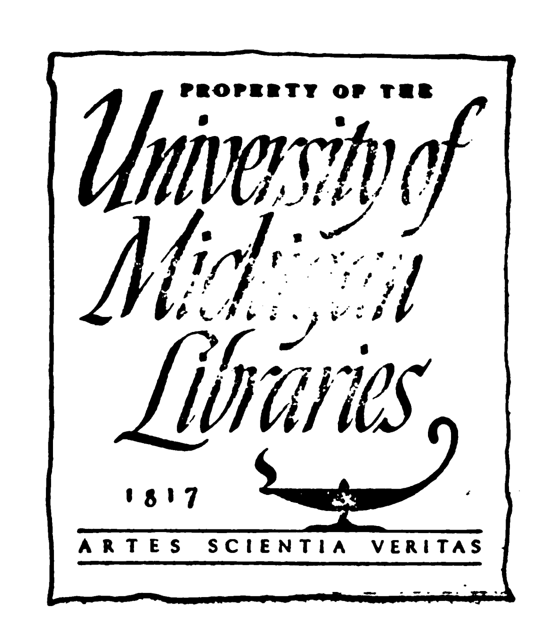



PROPERTY OF THE
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОЛЕЖАЕВА



СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОЛЕЖАЕВА

Грав Ф А Брокгауза въ Лейпцигѣ

Александръ Полежаевъ

зв. С.-Петербургъ, 12 марта 1888 г. Печатано въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. И. ПОЛЕЖАЕВА

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПОРТРЕТОМЪ
И СНИМКАМИ СЪ РУКОПИСЕЙ.

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. А. ЕФРЕМОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2
1889

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОЛЕЖАЕВА

Грав Ф А Брокгауза въ Лейпцигѣ

Александръ Полежаевъ

С.-Петербургъ, 19 марта 1888 г. Печатано въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

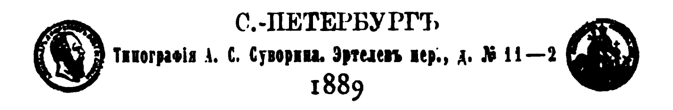
СТИХОТВОРЕНІЯ

А. И. ПОЛЕЖАЕВА

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПОРТРЕТОМЪ И СНИМКАМИ СЪ РУКОПИСЕЙ.

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. А. ЕФРЕМОВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2

1889

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЭМЫ И ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

ОДЫ, ГИМНЫ И ЭЛЕГІИ.

САТИРИЧЕСКІЯ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ И ЭПИГРАММЫ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ.

Стихотворенія А. И. Полежаева распредѣлены нами по четыремъ отдѣламъ, изъ которыхъ въ первомъ помѣщены пьесы, принадлежащія исключительно къ лирическимъ произведеніямъ, во второй — отнесены поэмы и драматическіе отрывки, а въ составъ третьяго вошли оды, торжественные гимны, написанные на опредѣленные случаи, и всѣ переводы элегій изъ «Meditations» Лямартина, а равно навѣянныя этими послѣдними оригинальныя произведенія Полежаева. Затѣмъ, сатирическія и юмористическія его поэмы и стихотворенія, вмѣстѣ съ немногими эпиграммами, составили содержаніе четвертаго отдѣла.

Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ мы размѣстили пьесы въ хронологическомъ порядкѣ, насколько это оказалось возможнымъ, по особымъ помѣтамъ автора при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ и по соображеніямъ, въ отношеніи прочихъ, основаннымъ на біографическихъ и библіографическихъ данныхъ и на времени перваго появленія ихъ въ печати. При этомъ, сверхъ общей провѣрки текста по первоначально-напечатанному, значительная часть стихотвореній провѣрена, исправлена и дополнена по подлиннымъ рукописямъ

поэта и по многочисленнымъ спискамъ и указаніямъ, за сообщеніе которыхъ считаемъ обязанностью принести искреннюю благодарность П. И. Бартеневу, А. П. Бахрушину, Е. И. Бибиковой, Н. Н. Буковскому, А. П. Воронову, В. К. Вульферту, А. Ѳ. Кони, Д. Д. Рябинину, Е. И. и В. Е. Якушкинымъ и А. Я. Фонъ-Ашебергу.

Къ изданію мы прилагаемъ портретъ Полежаева, гравированный на стали у Брокгауза, въ Лейпцигѣ, съ оригинальной акварели, сдѣланной съ поэта Е. И. Бибиковой въ 1834 году. Онъ до сихъ поръ еще не былъ издаваемъ ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи, и можетъ считаться единственнымъ портретомъ, съ достаточной вѣрностью передающимъ черты поэта, чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ прежнихъ, приложенныхъ къ изданіямъ стихотвореній Полежаева и появившихся отдѣльно или въ разныхъ иллюстрированныхъ сборникахъ и журналахъ.

Снимки съ почерка Полежаева, приложенные къ нынѣшнему изданію, сдѣланы съ рукописей, хранящихся у Е. И. Бибиковой и А. Ѳ. Кони, съ обязательною предупредительностью сообщившихъ ихъ для нашего изданія.

Біографическій очеркъ представляетъ нѣсколько новыхъ данныхъ, собранныхъ его составителемъ исключительно въ виду предполагавшагося изданія нынѣшняго сборника стихотвореній Полежаева.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ родился въ 1805 г. въ селѣ Покрышкинѣ, Саранскаго уѣзда Пензенской губерніи. Отецъ его, Леонтій Николаевичъ Струйскій, владѣлецъ этого села, самъ былъ сыномъ писателя екатерининскихъ временъ Николая Еремѣевича Струйскаго, имѣвшаго весьма значительное состояніе, раздробившееся послѣ его смерти между его сыновьями, которыхъ было очень много. Мать Полежаева была изъ дворовыхъ дѣвицъ Струйскаго — Степанида Ивановна, и отъ нея, кромѣ сына, Леонтій Николаевичъ имѣлъ еще дочь Олимпіаду.

Фамилію свою Полежаевъ получилъ по тому, что его мать, какъ указываетъ Мих. Петр. Струйскій, племянникъ Леонтія Николаевича, вслѣдствіе семейныхъ интригъ, вопреки воли этого послѣдняго, была повѣнчана съ мѣщаниномъ сосѣдняго селу Покрышкину города Саранска. Съ того времени, по словамъ М. П. Струйскаго, жизнь Леонтія Николаевича была окончательно отравлена. Путь къ усыновленію «любимыхъ» имъ дѣтей оказался порваннымъ. Тоскуя объ участи ихъ, онъ еще болѣе предался кутежамъ, доводившимъ его до delirium tremens. Вслѣдствіе такой жизни и по настоянію бывшаго пензенскаго губернатора, Сперанскаго, Леонтій Николаевичъ былъ осужденъ на поселеніе въ Тобольскъ, гдѣ до кончины своей пользовался покровительствомъ кн. Долгорукова, бывшаго въ то время тобольскимъ губернаторомъ.

Эти немногія строки не съ доброй стороны представляютъ намъ отца А. И. Полежаева и, повидимому, истина еще смягчена словами племянника, потому что нельзя не усомниться, чтобы Сперанскій «настаивалъ», а судъ «приговорилъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе» дворянина-помѣщика за одни только его кутежи и безобразное пьянство. Подтвержденіе нашего сомнѣнія мы находимъ и въ извѣстной книгѣ гр. Корфа о Сперанскомъ, гдѣ говорится, что назначеніе его пензенскимъ губернаторомъ было встрѣчено дворянствомъ и особенно помѣщиками съ самымъ сильнымъ предубѣжденіемъ, потому что въ низшихъ классахъ носилась молва, будто Сперанскій пострадалъ именно за то, что сталъ за крѣпостныхъ, подалъ государю проектъ объ ихъ освобожденіи и тѣмъ возбудилъ противъ себя всѣхъ господъ. Но вскорѣ послѣ его пріѣзда, прибавляетъ гр. Корфъ, изъ энергическихъ мѣръ его противъ взбунтовавшихся крестьянъ большаго помѣщичьяго села Кутли дворяне убѣдились, что новый губернаторъ «не поддерживаетъ затѣйливыхъ притязаній крестьянъ, не потакаетъ имъ» и, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, за все время управленія губерніей (съ 20 октября 1816 г. по 7 мая 1819 г.) было только два случая, показавшіе, что Сперанскій также не потакалъ тиранству дворянъ-помѣщиковъ. «Одинъ изъ нихъ, съ большими связями, засѣкъ своего крестьянина до смерти. Сперанскій безпощадно подвергъ его суду, который имѣлъ послѣдствіемъ ссылку виновнаго въ Сибирь». Не къ Струйскому ли относится это указаніе, потому что другой случай, приведенный въ книгѣ Корфа, относится только къ окончанію при Сперанскомъ долгое время производившагося дѣла о помѣщицѣ, затыкавшей до смерти перочиннымъ ножомъ своего двороваго за недосмотръ надъ ея кроликами.

Такъ или иначе, но за ссылкою отца, дѣти оставались безпомощными сиротами, и Леонтій Николаевичъ, отъѣзжая по назначенію суда, поручилъ ихъ общему попеченію своей матери, Александры Петровны, а въ частности, сверхъ того, сына — брату своему Петру Николаевичу, и дочь — сестрѣ своей Екатеринѣ Николаевнѣ (по мужу Коптевой).

Неприглядна была, конечно, жизнь «любимыхъ» дѣтей у такого родителя, проводившаго время въ кутежахъ да пьянствѣ, особенно жизнь дѣтей «незаконныхъ», прижитыхъ отъ крѣпостной. О воспитаніи ихъ, вѣроятно, онъ нисколько не заботился, и могъ, конечно, предоставить «лакею изъ своей дворни» быть первымъ учителемъ сына, который и научился отъ такого «ментора» только сквернословію и гадостямъ, какъ указываетъ самъ Полежаевъ въ первыхъ строфахъ своей поэмы «Сашка».

Если справедлива наша догадка, что указанный гр. Корфомъ случай суда и ссылки помѣщика относится къ Л. Н. Струйскому, то Полежаевъ остался послѣ отъѣзда отца 11-ти лѣтнимъ мальчикомъ (ибо дѣло происходило въ самомъ началѣ 1817 г.) и уже съ годъ былъ въ Москвѣ, такъ какъ, по указанію Полежаевской поэмы, герой ея былъ отправленъ туда родителемъ десяти лѣтъ.

Въ Москвѣ Полежаевъ былъ отданъ въ модный тогда пансіонъ Визара, откуда черезъ пять лѣтъ поступилъ въ Московскій университетъ.

Н. А. Поповъ, разыскавшій въ университетскомъ архивѣ дѣло о Полежаевѣ, указываетъ, что прошеніе «отъ уволеннаго изъ мѣщанства Александра Полежаева», было подано въ университетское правленіе 30 сентября 1820 г. Писано оно посторонней рукою и только подписано Полежаевымъ: «Изучившись россійскому, латинскому и французскому языкамъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ, по увольненіи моего изъ саранскаго мѣщанскаго общества, желаю продолжать ученіе мое въ семъ университетѣ, почему правленіе Императорскаго Московскаго университета покорнѣйше прошу допустить меня, по надлежащемъ испытаніи, къ слушанію профессорскихъ лекцій и включить въ число вольныхъ слушателей словеснаго отдѣленія. Свидѣтельство о увольненіи меня изъ общества прилагаю при семъ въ оригиналѣ.»

«1820 г., сентября 24 дня, Пензенской губерніи, саранское мѣщанское общество, будучи въ полномъ мірскомъ сходѣ, дало сіе увольненіе изъ среды себя мѣщанину Александру Иванову Полежаеву въ томъ, что обучаясь, онъ,

Полежаевъ, въ настоящихъ молодыхъ лѣтахъ, имѣя нынѣ отъ роду оныхъ только пятнадцать лѣтъ, россійской грамотѣ и разнымъ наукамъ, пріобрѣлъ, какъ сдѣлалось извѣстно намъ, хорошее познаніе, по которому и намѣренъ посвятить себя служенію по ученой части, закономъ дозволенной, на что мы, по одиночеству его, ни мало не препятствуя желанію его, Полежаева, и чтобы могъ онъ болѣе себя усовершенствовать, всѣ единогласно изъ общества мѣщанскаго его, Полежаева, навсегда уволили и государственныя подати платежомъ до будущей ревизіи приняли на себя. Въ чемъ ему сіе за рукоприкладствомъ нашимъ и свидѣтельствомъ саранскаго городоваго магистрата и дали. Къ сему увольненію мѣщанскій староста Алексѣй Кокуевъ руку приложилъ.» (Слѣдуютъ подписи, въ числѣ которыхъ находится подпись Евдокима Полежаева, можетъ быть мужа его матери или только однофамильца).

Экзаменовали его Н. Е. Черепановъ, Т. И. Перелоговъ и И. М. Снегиревъ, впослѣдствіи очень суровый цензоръ его стихотвореній. Экзаменаторы нашли Полежаева «способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій въ званіи вольнаго слушателя», о чемъ и донесли правленію 15 октября.

Университетскій курсъ, однако, едва не окончился для Полежаева въ слѣдующемъ же году. По всей вѣроятности, неприсылка денегъ отъ родныхъ заставила его, 20 октября 1821 г., подать прошеніе объ увольненіи изъ университета «по встрѣтившимся обстоятельствамъ» и о возвращеніи увольнительнаго свидѣтельства. Полежаевъ тогда же былъ исключенъ изъ списковъ университетскихъ слушателей, но черезъ 6 дней подалъ новое прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что «непредвидимыя домашнія обстоятельства принудили его противъ его желанія просить объ увольненіи изъ университета, но что «по перемѣнившимся уже обстоятельствамъ», позволяющимъ докончить начатое ученіе, онъ проситъ не поставить ему въ вину того, что вторично безпокоитъ членовъ правленія о включеніи въ число обучающихся.» Полагаютъ, что въ это время пришла помощь отъ другаго дяди Полежаева, жившаго въ Петербургѣ, Юрія Николаевича Струйскаго.

Въ годы университетскаго ученья Полежаевъ уже не только писалъ, какъ это было еще въ пансіонѣ, но и печаталъ свои стихотворенія. Дебютировалъ онъ въ печати прекраснымъ пе-

реводомъ изъ Макферсона: «Мòрни и тѣнь Кормала» и посредственнымъ оригинальнымъ стихотвореніемъ: «Непостоянство», напечатанными въ декабрской книжкѣ «Вѣстника Европы» 1825 г., издававшемся М. Т. Каченовскимъ, однимъ изъ профессоровъ Московскаго университета; а вскорѣ въ VI книгѣ «Чтеній въ обществѣ любителей словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ» былъ напечатанъ его переводъ Байроновой поэмы: «Оскаръ Альвскій», читанный имъ въ засѣданіи общества 19 февраля 1826 года, причемъ въ этомъ же засѣданіи талантливый переводчикъ былъ избранъ въ члены-сотрудники общества, вмѣстѣ съ студентомъ Леопольдовымъ, изъ-за котораго впослѣдствіи едва не пострадалъ Пушкинъ по дѣлу о стихахъ, посвященныхъ памяти Андрея Шенье, на которыхъ Леопольдовъ сдѣлалъ помѣтку, будто они написаны по поводу событія 14 декабря 1825 г. Кромѣ «Вѣстника Европы» Полежаевъ, въ 1825 г., далъ свой переводъ для альманаха другаго профессора, М. П. Погодина: «Уранія на 1826 г.» и помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1826 г. довольно значительное число переводовъ изъ «Meditations» Лямартина, самаго моднаго въ то время поэта, считавшагося даже выше Байрона. Его особенно любилъ, по словамъ С. П. Шевырева, «за его увлекательный слогъ» извѣстный Ив. Ив. Давыдовъ, у котораго Полежаевъ слушалъ тогда лекціи латинской словесности и философіи и который, вѣроятно, указалъ своему слушателю на своего любимца. Можетъ быть, поэтому, не совсѣмъ правъ Бѣлинскій, приписавшій выборъ Лямартина только «неразвитости» самого Полежаева, хотя и замѣтилъ, что переводы прекрасны, и если чрезвычайно скучны, то вина въ этомъ Лямартина, а не Полежаева.

Въ томъ же 1826 г. Полежаевъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» и нѣсколько оригинальныхъ своихъ произведеній, въ томъ числѣ одно довольно большое «Иманъ-Козелъ», надѣлавшее, по словамъ «Московскаго Телеграфа», «довольно шуму». Причина шума только недавно объяснена въ «Воспоминаніяхъ» Гилярова-Платонова, откуда видно, что Полежаевъ воспользо-

вался для своей поэмы ходившимъ тогда въ Москвѣ слухомъ «о попѣ въ козьей шерсти».

Само университетское начальство обратило вниманіе на талантливаго студента и поручило ему написать и прочесть на торжественномъ актѣ 12 января 1826 г. оду: «Въ память благотвореній Александра I Императорскому Московскому университету», а на выпускномъ актѣ, 3 іюля 1826 г., Полежаевъ, также по назначенію начальства, прочелъ написанное имъ для акта стихотвореніе: «Геній». Тогдашній попечитель Московскаго университета, кн. А. П. Оболенскій, не ограничился впрочемъ стихами Полежаева, но присоединилъ къ нимъ еще стихи, «сочиненныя Лопаснинскимъ 15-ти лѣтнимъ крестьяниномъ Борисовымъ». Не знаемъ, въ какомъ отношеніи къ университету находился этотъ Борисовъ, но стихи его помѣщены вслѣдъ за Полежаевскими въ книгѣ «Рѣчи и стихи, произнесенные въ память незабвенныхъ благотвореній блаженныя памяти государя императора Александра I, оказанныхъ Московскому университету, при воспоминаніи дня основанія онаго, 12 января 1826 года». При этомъ замѣчено: «Задано написать къ сему дню и пересмотрѣно самимъ попечителемъ Московскаго университета».

Трудно сказать, много ли далъ Московскій университетъ Полежаеву, особенно въ виду тѣхъ неблагопріятныхъ отзывовъ о профессорахъ и преподаваніи того времени, которые сохранились въ воспоминаніяхъ студентовъ ближайшей эпохи къ Полежаеву. Мастерской набросокъ картины университетской жизни мы находимъ въ воспоминаніяхъ Герцена, но болѣе подробныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе печальныя указанія встрѣчаемъ въ въ «Воспоминаніяхъ Г. Г.» и «Я. И. Костенецкаго» (1828—1833). Оба они даютъ такія неприглядныя характеристики московскихъ профессоровъ и ихъ преподаванія, что съ трудомъ можно насчитать пять-шесть личностей, вполнѣ достойныхъ званія профессора. Костенецкій даже невольно опасается, что «едва ли повѣрятъ, что Московскій университетъ былъ когда-либо въ такомъ жалкомъ положеніи», а Г. Г. говоритъ, что только послѣ 1835 г., «съ перемѣною университетскаго начальства и съ прі-

ѣздомъ изъ-за границы молодыхъ профессоровъ, начался новый блестящій періодъ Московскаго университета: тогда онъ поднялся на такую высоту, до которой никогда не достигалъ прежде, и въ теченіе 12 или 13 лѣтъ пользовался вполнѣ заслуженною репутаціею перваго учебнаго заведенія въ Россіи». Кромѣ того, мы имѣемъ и еще болѣе авторитетный отзывъ о тогдашнемъ университетѣ: «Жалѣю, писалъ Пушкинъ Погодину въ іюнѣ 1831 г., что вы не раздѣлались еще съ Московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому университету».

При такомъ положеніи университетскаго образованія трудно предположить, чтобы Полежаевъ, при своемъ умѣ и талантѣ, по выходѣ изъ университета остановился только на томъ, что ему дали плохія лекціи плохихъ профессоровъ, но дальнѣйшее самостоятельное его развитіе было остановлено внезапно разразившейся надъ нимъ бѣдою.

По окончаніи экзаменовъ Полежаевъ, въ числѣ прочихъ вольныхъ слушателей, представилъ въ университетскій совѣтъ свидѣтельства отъ профессоровъ-экзаменаторовъ, а совѣтъ, въ засѣданіи 21 іюня 1826 г., опредѣлилъ «препроводить эти свидѣтельства къ высшему начальству для ходатайства передъ правительствующимъ сенатомъ объ исключеніи изъ податнаго состоянія принадлежавшихъ къ нему вольныхъ слушателей, какъ окончившихъ курсъ слушаемыхъ ими наукъ». Но разрѣшенія этого представленія Полежаеву дождаться не пришлось.

Въ концѣ курса Полежаевъ написалъ шуточную юмористическую поэму, пародируя появившееся тогда начало Евгенія Онѣгина. Этой поэмѣ онъ далъ свое имя «Сашка», съ ясными намеками, что описываетъ самого себя, свои похожденія и кутежи съ товарищами. О кутежахъ университетской молодежи до того много писано въ мемуарахъ студентовъ тридцатыхъ годовъ, что распространяться о нихъ не стоитъ, но можно только замѣтить, что они не были скромнѣе Полежаевскихъ,

и только описаны болѣе сдержанно, тогда какъ Полежаевъ въ своей поэмѣ, не предназначенной къ печати, нисколько не стѣснялся, а напротивъ старался положить краски гуще, выставить безобразія рельефнѣе, такъ сказать, похвастаться ими, причемъ перешелъ всякую мѣру и всклепалъ на себя и на друзей много такихъ гадостей, продѣлывать которыя въ дѣйствительности, конечно, не дозволяло имъ нравственное чувство, присущее всякому порядочному образованному юношѣ, такъ что относить все сказанное о «Сашкѣ» къ самому Полежаеву болѣе чѣмъ наивно. Подтвержденіемъ этого предположенія служитъ съ одной стороны отзывъ министра народнаго просвѣщенія императору Николаю Павловичу о «превосходнѣйшемъ поведеніи Полежаева»; а съ другой—то обстоятельство, что никто изъ названныхъ въ поэмѣ студентовъ не только не пострадалъ, но и не былъ привлеченъ къ отвѣту. Все содержаніе поэмы, кромѣ двухъ-трехъ строфъ, дѣйствительно крайне рѣзкихъ въ политическомъ отношеніи и очень нескромныхъ, однако, не настолько цинично, какъ напр. «Петергофскій праздникъ», «Госпиталь» и «Уланша» Лермонтова, и не настолько атеистично, какъ извѣстная поэма Пушкина. Между тѣмъ, эта юношеская, заносчивая похвальба не только разбила всю жизнь Полежаева, но, съ легкой руки Бѣлинскаго, дала поводъ всѣмъ послѣдующимъ біографамъ утверждать, что Полежаевъ самъ былъ причиною своей гибели, самъ заслужилъ свой жребій. Не такое преступленіе эта «поэма», чтобы всю послѣдующую затѣмъ обстановку жизни Полежаева ставить въ вину только ему самому, и по справедливому замѣчанію Добролюбова: «именно себя-то онъ и не могъ обвинять».

Въ другое время авторъ поплатился бы за свою шутку легкимъ выговоромъ или карцеромъ, но въ половинѣ 1826 г., черезъ полгода послѣ событія 14 декабря 1825 г., когда соглядатайство, подозрительность и преслѣдованіе свободы мысли и слова были доведены до высшей степени напряженія, когда всю прошедшую смуту приписывали исключительно вредному направленію образованія юношества и распущенности обществен-

наго и домашняго воспитанія, дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ.

Тетрадка съ стихами, которые читались, конечно, только въ тѣсномъ кружкѣ товарищей, попала въ постороннія руки («И друзья, злодѣи скрытные, злобно предали меня»), изъ которыхъ, восходя все выше и выше, была представлена императору Николаю Павловичу, прибывшему тогда для коронованія въ Москву. Вотъ какъ разсказываетъ Герценъ, со словъ самого Полежаева, дальнѣйшій ходъ дѣла.

И вотъ въ одну ночь, часа въ три, ректоръ (А. А. Прокоповичъ-Антонскій) будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель (кн. А. П. Оболенскій). Осмотрѣвъ, всѣ ли пуговицы на его мундирѣ и нѣтъ ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.—Привезъ онъ его къ министру народнаго просвѣщенія (А. С. Шишкову). Министръ сажаетъ Полежаева въ свою карету и тоже везетъ, но на этотъ разъ ужъ прямо къ государю.—Министръ оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидались нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, не смотря на то, что былъ шестой часъ утра, и пошелъ во внутренніе комнаты. Придворные вообразили, что молодой человѣкъ чѣмъ нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ министромъ. Онъ бросилъ на вошедшаго испытующій взглядъ, въ рукѣ у него была тетрадь. «Ты ли, спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?» —Я, отвѣчалъ Полежаевъ. «Вотъ, продолжалъ государь (обратившись къ министру), вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди.—Читай эту тетрадь вслухъ», прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.—Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ государя неподвижно остановился на немъ. «Я не могу», сказалъ Полежаевъ. «Читай!» Это воротило ему силу.

*

Никогда, говорилъ онъ, я не видывалъ «Сашку» такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

Сначала ему трудно было читать, потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

«Что скажете?» спросилъ государь по окончаніи чтенія. «Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды, послѣдніе остатки: я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?» Министръ, разумѣется, не зналъ его поведенія, но въ немъ проснулось что-то человѣческое, и онъ сказалъ: «Превосходнѣйшаго поведенія, ваше величество!» *—«Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?» Полежаевъ молчалъ. «Я тебѣ даю военной службой средство очиститься. Что же, хочешь?»—Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.— Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо, и, сказавъ: «отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, то можешь мнѣ писать,» поцѣловалъ его въ лобъ.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же во дворцѣ. Дибичъ спалъ; его разбудили; онъ вышелъ, зѣвая, и прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»—Онъ, ваше превосходительство! «Что же, доброе дѣло! послужите въ военной, я все въ военной службѣ былъ—видите, дослужился, и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ...» Полежаева свели въ лагерь.

4-го августа 1826 г. юный поэтъ уже былъ зачисленъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, входившій въ составъ 14-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ московскомъ округѣ. При этомъ было признано за новымъ унтеръ-офицеромъ полученное имъ

* Не вѣрнѣе ли предположить, что министръ, прежде чѣмъ везти Полежаева во дворецъ, справился о немъ у ближайшаго начальства и сказалъ о поведеніи его только правду, которую не желалъ скрыть, не смотря на гнѣвъ государя.

по образованію право на чинъ XII класса (X классъ университетами тогда еще не давался), и слѣдовательно на личное дворянство, такъ что въ послужномъ спискѣ его отмѣчено: «Въ службу изъ уволенныхъ студентовъ Московскаго университета, съ чиномъ 12-го класса, опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію унтеръ-офицеромъ». Затѣмъ означено: «Россійской грамотѣ, читать, писать, ариѳметикѣ, языкамъ: греческому, французскому, латинскому и нѣмецкому знаетъ».

Въ университетѣ никакой дальнѣйшей разборки или слѣдствія не было, и такъ какъ Полежаевъ пострадалъ только одинъ, то о немъ и его дѣлѣ скоро забыли, и въ университетскихъ преданіяхъ не осталось о томъ никакихъ разсказовъ, какъ напр. о дѣлѣ Критскихъ или Костенецкаго съ товарищами, когда привлекалось къ отвѣту уже по нѣскольку человѣкъ. По крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ воспоминаніяхъ студентовъ начала тридцатыхъ годовъ имени Полежаева или совсѣмъ не встрѣчается или о немъ говорится мимоходомъ, какъ напр., въ статьѣ Г. Г., въ которой приводится только отрывокъ изъ стиховъ Лермонтова къ Московскому университету, съ упоминаніемъ о Полежаевѣ:

Хвала тебѣ, пріютъ лѣнтяевъ,
Хвала, ученья дивный храмъ,
Гдѣ цвѣлъ нашъ бурный Полежаевъ
На зло завистливымъ властямъ... *

Между тѣмъ, этотъ «бурный Полежаевъ», попавшій въ совершенно чуждую ему среду новыхъ товарищей унтеръ-офицеровъ, достигшихъ этого званія послѣ многолѣтней службы рядовыми, окончательно выбитый изъ колеи своей прежней жизни, не могъ примириться съ крайне тяжелымъ, невыносимымъ положеніемъ, еще болѣе усложнявшимся постигшею его карою,

* Лермонтовъ вспомнилъ о немъ и въ своей поэмѣ:

...«Сашка» — старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
И, недозрѣвшій, онъ угасъ въ изгнаньѣ... (стр. XXXIII).

особенно, какъ мы сказали, въ такое время, когда со стороны начальства не допускалось ни малѣйшаго послабленія политическому преступнику, и когда всѣ, даже близкіе родные и знакомые, сторонились отъ такого несчастливца, какъ отъ зачумленнаго. Желая найти какой нибудь исходъ и пользуясь дарованнымъ ему правомъ писать къ государю, Полежаевъ рѣшился послать ему просьбу о помилованіи или объ улучшеніи своей участи, но отвѣта на это не послѣдовало, равно какъ и на нѣсколько прошеній, имъ поданныхъ. Полагая, что просьбы его не доходятъ до государя, Полежаевъ задумалъ лично прибѣгнуть къ нему и—не сообразивъ всей тяжести своего поступка и страшной за него отвѣтственности — самовольно оставилъ полкъ и отправился пѣшкомъ въ Петербургъ; но, вѣроятно, одумавшись, вернулся съ дороги и явился къ своему начальству.

Въ виду того, что по самому факту опредѣленія на службу Полежаевъ состоялъ въ числѣ политическихъ преступниковъ и притомъ имѣлъ личное дворянство, приговоръ суда восходилъ на утвержденіе государя и по высочайшему повелѣнію, объявленному въ рапортѣ главнаго штаба къ московскому главнокомандующему 4-го сентября 1827 года: «за отлучку изъ полка, изъ коей самъ добровольно явился, разжалованъ изъ унтеръофицеровъ въ рядовые и лишенъ личнаго дворянства, безъ выслуги».

Съ этимъ приговоромъ погибла для 22-лѣтняго поэта вся его жизнь. Никакого выхода уже не предвидѣлось. Предоставленный самому себѣ, безъ всякой нравственной и матерьяльной поддержки со стороны семьи или кружка добрыхъ товарищей, оставленный всѣми знакомыми, Полежаевъ впалъ въ совершенное отчаяніе и запилъ съ тоски. Въ началѣ слѣдующаго года, онъ, какъ говорятъ, встрѣтился съ кѣмъ-то изъ прежнихъ своихъ товарищей-студентовъ, забылся съ нимъ за стаканомъ вина и воротился въ казармы нетрезвый, пропустивъ назначенный срокъ. Когда же фельдфебель сталъ ему дѣлать выговоръ за «самовольную отлучку отъ полка», то Полежаевъ не воздержался и выбранилъ его непечатными словами.

Началось новое дѣло. Почти годъ просидѣлъ Полежаевъ въ кандалахъ, на гауптвахтѣ спасскихъ казармъ. Отвѣтственность грозила ему очень большая. «Бѣглецъ» изъ разжалованныхъ безъ выслуги рядовыхъ, не имѣющій поэтому за собою тѣхъ правъ, которыя прежде ему предоставляли университетскій дипломъ и личное дворянство, онъ долженъ былъ ожидать только одного страшнаго наказанія, именно прогнанія сквозь строй. Вполнѣ сознавая это, онъ рѣшился на самоубійство и нашелъ въ числѣ своихъ тюремщиковъ добряка-солдата, который самъ отточилъ штыкъ и предложилъ его Полежаеву.

Надо еще прибавить, что одновременно съ этимъ дѣломъ надъ Полежаевымъ разразилась другая бѣда. По дѣлу московскихъ же студентовъ, двухъ братьевъ Критскихъ, обвинявшихся въ политическомъ преступленіи, было арестовано нѣсколько лицъ; изъ нихъ у одного было найдено стихотвореніе, направленное противъ верховной власти, съ припискою владѣльца, будто оно сочинено Полежаевымъ. Стихотвореніе это было представлено императору Николаю Павловичу. Государь приказалъ: узнать, написано-ли оно Полежаевымъ послѣ отдачи въ солдаты, или до того, и опредѣлилъ: въ первомъ случаѣ отдать его подъ судъ, во второмъ—простить.

Можетъ быть, послѣднее замѣчаніе повліяло на смягченіе участи Полежаева; а можетъ быть, вмѣстѣ съ донесеніемъ о томъ, что Полежаевъ вовсе не писалъ приписаннаго ему стихотворенія, было представлено о новомъ его проступкѣ, но во всякомъ случаѣ только по милосердію государя несчастный поэтъ избавился отъ ожидавшей его казни. Въ послужномъ спискѣ его отмѣчено: «Въ 1828 году судился за отлучку отъ роты, пьянство и произнесеніе фельдфебелю непристойныхъ словъ и ругательства. По конфирмаціи начальника сводной дивизіи генералъ-лейтенанта Набокова въ 17-й день декабря 1828 года, «что хотя надлежало бы за сіе къ прогнанію шпицрутенами, но въ уваженіе весьма молодыхъ его лѣтъ вмѣняется въ наказаніе долговременное содержаніе подъ арестомъ», прощенъ былъ безъ наказанія, съ переводомъ въ Московскій

пѣхотный полкъ», т. е. въ другой полкъ, той же расположенной въ московскомъ округѣ 14-й дивизіи.

Въ свой новый полкъ Полежаевъ былъ присланъ 2-го января 1829 года.

Вѣроятно, благодаря сравнительно счастливому окончанію дѣла Полежаева, въ 1829 г. начали вновь появляться въ печати его стихотворенія, исчезнувшія съ журнальныхъ страницъ послѣ іюньской книжки «Вѣстника Европы» 1826 г. Впрочемъ, прежде они подписывались полной фамиліей автора, а въ «Галатеѣ» 1829 и 1830 гг. подъ ними выставлялись только двѣ буквы «ъ. ъ.». Тутъ впервые читатели познакомились съ тѣми стихотвореніями, которыя принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній Полежаева, каковы, напримѣръ: «Видѣніе Валтасара», «Пѣснь плѣннаго ирокезца» и цѣлый рядъ стихотвореній, вызванныхъ несчастнымъ положеніемъ поэта: его заключеніемъ, ожиданіемъ суда и казни и наконецъ дарованною ему пощадою.

Замѣтимъ, что, содержась въ тюрьмѣ, онъ познакомился съ А. П. Лозовскимъ («И мы сошлись: ты въ красотѣ цвѣтущихъ дней, я въ нищетѣ позорныхъ узъ»), оставшимся лучшимъ другомъ до конца жизни Полежаева, который и посвятилъ ему нѣсколько стихотвореній, полныхъ чувства сердечной дружбы и пріязни.

Въ этомъ же году ужасная гибель Грибоѣдова повліяла на нѣкоторое улучшеніе участи Полежаева. Рядовой изъ разжалованныхъ безъ выслуги, онъ едва ли могъ надѣяться на что-нибудь хорошее, оставаясь въ войскахъ московскаго округа; но убійство въ Тегеранѣ творца «Горя отъ ума», нашего тамъ посланника, слухи о новомъ будто бы разрывѣ съ Персіей, о движеніи и даже прибытіи къ границѣ шаха съ войсками, вызвали представленіе графа Паскевича въ Петербургъ, 22 февраля 1829 года, объ усиленіи кавказской арміи, полки которой сражались тогда въ азіатской Турціи. Въ мартѣ отправлены были на Кавказъ резервы изъ 11 и 12 дивизій, два донскихъ полка и изъ Москвы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена 4-го, вся 14-я пѣхотная дивизія, которую составляли:

1-я бригада: Московскій и Бутырскій, 2-я бригада: Тарутинскій и Бородинскій пѣхотные полки, и 3-я бригада: 27 и 28 егерскіе; при дивизіи были двѣ роты пѣшей артиллеріи. Они начали приходить на Кавказъ въ іюнѣ и іюлѣ. Вторая и третья бригады прослѣдовали черезъ Тифлисъ прямо въ Грузію. Полки же первой бригады Бутырскій и Московскій, гдѣ служилъ Полежаевъ, оставлены на кавказской линіи: первый въ Георгіевскѣ, второй въ г. Александровѣ. Уже въ августѣ и ноябрѣ 1829 г. Бутырскій полкъ, а въ февралѣ 1830 г. и егеря 28 полка участвовали въ дѣлахъ противъ Астемира и Джаръ (Аджарцы). * Затѣмъ оба полка принимали самое дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ 1830—1832 гг. въ Чечнѣ и Сѣверномъ Дагестанѣ противъ мюридовъ, послѣдователей учителя ихъ—Имама Кази-Муллы.

Замѣтимъ, что дѣйствія нашихъ войскъ въ 1830—1831 годахъ описаны также А. А. Бестужевымъ въ его письмахъ изъ Дагестана (соч. Марлинскаго, 1838 г., ч. VI). Онъ служилъ тогда рядовымъ въ 10 Грузинскомъ линейномъ баталіонѣ и показанъ въ числѣ отличившихся при защитѣ Дербента въ отрядѣ генералъ-маіора Коханова, но съ Полежаевымъ онъ не встрѣчался и они не знали другъ о другѣ.

Новая жизнь, новая природа, новая обстановка, повидимому, освѣжили и ободрили поэта; но горе его безъисходно оставалось съ нимъ, мучило и грызло его, и въ одномъ изъ первыхъ же стихотвореній, присланныхъ друзьямъ съ Кавказа, онъ писалъ:

Все дышетъ нѣгою прохладной,
Все спитъ... но что же сонъ отрадный
Въ тиши таинственныхъ ночей
Не посѣтитъ моихъ очей?
Зачѣмъ зову его напрасно?
Иль въ самомъ дѣлѣ намъ ужасно
Утратить вольность и покой?...
Ужель они невозвратимы,
Кумиры юности моей...

* Джары были взяты 28 февраля 1830 г. колонною подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Бековича-Черкасскаго. (Ср. ниже стр. 259).

Затѣмъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній (1830—1832 г.), которыя обратили особенное вниманіе публики и критики, и Н. А. Полевой, котораго, къ сожалѣнію, цѣнили и цѣнятъ гораздо ниже его дарованія и заслугъ русской литературѣ, тогда же заявилъ, что эти стихотворенія исполнены чувствомъ истиннымъ, неподдѣльнымъ, незаимствованнымъ, истинно-поэтическимъ. А между тѣмъ, Полежаевъ могъ набрасывать свои произведенія только урывками, не имѣя времени для окончательной отдѣлки ихъ, такъ какъ почти постоянно находился въ экспедиціяхъ.

Мѣстомъ дѣятельности его были Чечня и Сѣверный Дагестанъ. * Чеченцы жили по р. Сунжѣ между р. Терекомъ и главнымъ снѣжнымъ Кавказскимъ хребтомъ отъ Черныхъ горъ. Рѣка Аргунъ раздѣляла Малую и Большую Чечню; а хребты Андійскій и Казалыковскій отдѣляли ее отъ Сѣвернаго Дагестана (Дагъ-гора), гдѣ на вершинѣ Андійскаго хребта находились Аухъ, Салатау, Аварія; къ Каспійскому морю прилегало владѣніе Кази-Кумыкское, у моря Мехтулинское и шамхальство ** Тарковское до р. Сулака, а между нимъ и Терекомъ владѣнія Кумыкское и Куринское. Общее названіе жителей — горцевъ—лезгины; въ частности, жившіе на вершинахъ, откуда вытекало нѣсколько рѣкъ съ именемъ Койсу, назывались тавлинцами, отъ тавъ—гора; группа ауловъ по р. Койсубу называлась койсубулинцами (стр. 267 и 280). Принадлежавшіе къ владѣніямъ и ханствамъ считались покорными или мирными (стр. 260 и 263); остальные составляли въ Дагестанѣ до пятидесяти вольныхъ обществъ, управлявшихся избираемыми кадіями и старшинами. Въ одномъ изъ покорныхъ, подвластныхъ намъ

* Въ формулярѣ Полежаева приведенъ перечень дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Мы сочли необходимымъ выбрать указанія на эти дѣла изъ спеціальныхъ военныхъ сочиненій, съ тѣми необходимыми подробностями, которыя поясняютъ многія кавказскія стихотворенія Полежаева и въ особенности двѣ поэмы его: «Эрпели» и «Чиръ-юртъ». Въ скобкахъ мы указываемъ страницы ихъ.

** Точнѣе шамъ-ханство, по ханскому роду изъ Шама (Дамаска).

владѣній, Куринскомъ, еще въ 1823 году возникло новое ученіе— мюридизмъ, которое, со времени отозванія Ермолова и войнъ персидской и турецкой, успѣло охватить всѣ свободныя общества и владѣнія, исключая Аваріи. Въ основу ученія положена была та часть алкорана, которая называется тарикатъ и трактуетъ о покореніи страстей для угожденія Богу, чтобы жить по шаріату, въ которомъ заключаются духовныя и гражданскія узаконенія. Проповѣдь заключалась въ томъ, что между всѣми магометанами должно быть равенство, каждый долженъ быть свободнымъ и не платить податей; но подъ властію невѣрныхъ, русскихъ, магометане обратились въ рабовъ, стали неумѣренно употреблять горячіе напитки, предаются разврату, воровству и разбоямъ; наступило время свергнуть иго, оставить семью, бросить домъ, не щадить жизни, начать священную войну (казаватъ) противъ невѣрныхъ. Ученіе это открыто проповѣдывалъ въ 1829 году:

Какой-то геній изступленный,
Пророкъ и попъ Кази-Мулла. (Стр. 264).

Онъ говорилъ лезгинамъ:

Опредѣленія судьбы
Готовятъ вамъ иную долю:
Исчезнетъ Русь, конецъ борьбы—
Вы возвратите вашу волю!
Нашъ Богъ, а я—его пророкъ!
Его уста во мнѣ вѣщаютъ;
Въ моей десницѣ пребываютъ
И жизнь, и смерть, и самый рокъ!
Какъ дождь нежданный и обильный,
Мы ополчимся на враговъ,
Прогонимъ ихъ рукою сильной
Съ анапскихъ пашенъ и луговъ,
Съ холмовъ роскошныхъ Дагестана,
И ненавистнаго тирана
Свободныхъ горъ, безъ оборонъ,
Обратно вытѣснимъ за Донъ!
О, вѣрьте! крѣпости, станицы
И сёла русскихъ—прахъ и тлѣнъ;

Ихъ дѣти, жены и дѣвицы
Узнаютъ гибель, месть и плѣнъ,
И населятъ лѣса и степи,
У насъ отнятые войной,
И только съ смертію земной
Спадутъ съ нихъ тягостныя цѣпи! (Стр. 264—265).

Ученіе Кази-Муллы сопровождалось чудесами. Бестужевъ въ письмѣ объ осадѣ Дербента пишетъ: «Плѣнники разсказывали про него тьму чудесъ: какъ летаетъ онъ послѣ намаза въ Мекку на буркѣ своей, какъ онъ съ однимъ нукеромъ невидимкою подходилъ къ стѣнамъ Дербента и отъ него разбѣжалась куча людей».—Въ «Эрпели» Полежаевъ возстановляетъ вѣрный отголосокъ молвы горцевъ:

Вездѣ Мулла благовѣствуетъ,
Онъ—имъ посланникъ отъ небесъ;
Нигдѣ ни шагу безъ чудесъ:
Тамъ—онъ покойно маршируетъ,
Босой, всѣ видятъ, по рѣкѣ;
Тамъ улетаетъ налегкѣ
Къ седьмому небу изъ аула;
Тамъ обращаетъ кошку въ мула;
А здѣсь забавной чередой
Перемѣняетъ видъ природной
И передъ вами, какъ угодно,
Безъ бороды и съ бородой!
Въ одинъ и тотъ же мигъ нежданный
Изволитъ быть въ пяти мѣстахъ. (Стр. 265—266).

Въ поэмѣ «Чиръ-юртъ» Полежаевъ прибавляетъ:

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, сей сынъ обмана,
Сей геній гибели и зла,
Глава разбоя и корана,
Бичъ христіанъ—Кази-Мулла.
Пророкъ, наслѣдникъ Магомета,
Братъ старшій солнца и луны... (Стр. 298).

Въ дѣйствительности, какъ пишетъ Н. А. Волконскій (Кавказ. Сборн. т. XI), «онъ былъ сынъ Исмаила; но что это былъ за Исмаилъ—никто намъ не объясняетъ». У Бестужева (стр. 131)

сказано: «Кази-Мулла родомъ койсубулинецъ изъ селенія Унцукуль. Говорятъ, будто дѣдъ его былъ бѣглый русскій солдатъ. Ребячество свое провелъ онъ въ Гимрахъ, въ селеніи, лежащемъ на южномъ обрывѣ Салатава, прямо противъ Эрпели. Кази-Мулла средняго роста, некрасивъ, по лицу рябинки, борода рѣдкая, глаза сѣрые, но свѣтлы и проницательны. Онъ продавалъ въ молодости водку и вино магометанамъ; умертвилъ своего отца самымъ ужаснымъ образомъ, вливъ ему въ горло кипящее масло» (Марл., ч. VI, стр. 132 и 211). Но во время возстанія:

Онъ все для горцевъ: судія,
Пророкъ, наставникъ, предводитель
И первый—правъ и бытія
Своихъ апостоловъ гонитель. (Стр. 299).

Цѣль возмущенія Кази-Муллы, по донесенію гр. Паскевича, была соединить всѣхъ магометанскихъ горцевъ подъ одно общее ѳеократическое правленіе. Не пристала къ нему только Аварія, почему, въ началѣ 1830 года, онъ съ восемью тысячами мюридовъ осадилъ Хунзахъ, мѣстопребываніе ея хана. Свѣдѣнія о быстрыхъ и обширныхъ успѣхахъ возстанія, притомъ смутныя и сбивчивыя, только въ февралѣ дошли до барона Розена. Узнавъ объ осадѣ, онъ собралъ отрядъ къ кр. Грозной, послалъ подкрѣпленіе въ кр. Внезапную, приказалъ усиленнымъ маршемъ идти Бутырскому полку къ Кази-юрту, а Московскій придвинулъ къ сел. Александріи. Особенность расположенія полковъ на Кавказѣ отмѣчена въ поэмѣ Эрпели. Она заключалась въ томъ, что роты женатыхъ солдатъ размѣщались особо отъ холостыхъ, въ отдѣльныхъ станицахъ, и когда первые уходили въ экспедиціи, роты женатыхъ занимали штабы квартиръ. (Стр. 259).

На этотъ разъ Полежаеву не пришлось участвовать въ экспедиціи: она не состоялась. Кази-Мулла, разбитый въ Аваріи, бѣжалъ въ Гимры. Московскій полкъ былъ отодвинутъ на Терекъ. Въ это-то время случилось такое сильное землетрясеніе, котораго еще никто никогда не помнилъ на Кавказѣ. Оно, съ перерывами, продолжалось болѣе мѣсяца и все время повторялось

отъ Хунзаха къ деревнѣ Андреевой (Эндери), образовавъ на пути громадную трещину, разрушивъ много домовъ и повлекши за собою значительное число гибельныхъ случаевъ. Бывшее 25 февраля землетрясеніе совершенно разрушило всѣ постройки въ крѣпости Внезапной, лежащей на р. Акташѣ, въ двухъ верстахъ южнѣе дер. Андреевой, такъ что гарнизонъ пришлось расположить въ кибиткахъ. Полежаевъ описываетъ это землетрясеніе въ началѣ V главы Эрпели:

Шесть сутокъ громъ по временамъ,
Изъ тьмы кромѣшной, по горамъ
Носился тихо и протяжно,
Потомъ рѣшительно и важно
Во всѣхъ мѣстахъ загрохоталъ,
Дома и сакли разметалъ,
Испортилъ въ крѣпости строенья,
Казармы, стѣны, укрѣпленья. (Стр. 268).

Кази-Мулла воспользовался этимъ землетрясеніемъ—проповѣдывалъ и разсылалъ всюду воззванія. Чеченцы первые увѣровали, что оно было наказаніемъ Божіимъ за несоблюденіе ими шаріата. Андреевцы даже стали выселяться изъ деревни. Проповѣдь была такъ успѣшна, что въ мартѣ и апрѣлѣ на сторонѣ Кази-Муллы было болѣе двадцати тысячъ семействъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Баронъ Розенъ, составивъ отрядъ изъ 800 человѣкъ Московскаго и Бутырскаго полковъ съ артиллеріей, поручилъ ему кр. Внезапную и ближайшія укрѣпленія; а самъ держалъ наготовѣ въ кр. Грозной остальныхъ людей Московскаго полка. Въ концѣ VI главы Эрпели Полежаевъ пишетъ:

Я разскажу имъ въ часъ досужный
Объ Эрпелійской красотѣ,
И эпизодъ довольно нужный
Не пропущу о барантѣ
Кафиръ-Кумыкѣ, Казанищахъ,
Гдѣ былъ второй нашъ батальонъ. (Стр. 278).

Изъ новѣйшихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ 14-й пѣхотной дивизіи, которыя только теперь разработываются въ подробности

(Кавк. Сб. 1887—1888 гг.), видно, что баронъ Розенъ велъ тогда переговоры съ Кази-Муллою и койсубулинцами, которые стали опять на сторону проповѣдника. Для отвлеченія ихъ отъ него и удержанія въ подданствѣ, баронъ Розенъ далъ приказаніе отряду изъ кр. Внезапной захватить и отогнать койсубулинскія стада въ безопасное мѣсто. Въ апрѣлѣ отрядъ изъ дер. Андреевой сдѣлалъ переходъ въ 70 верстъ и ему удалось захватить 3000 штукъ барановъ, сто лошадей, немного рогатаго скота и при нихъ десятка два пастуховъ. Остальной скотъ и люди были уже въ глубинѣ горъ, вслѣдствіе измѣны Абу-Муселима. Для охраненія спокойствія часть отряда была отправлена въ Кафиръ-Кумыки, а другая въ Казанищи, чтобы удержать селенія Эрпели и Каранай отъ присоединенія къ койсубулинцамъ. Послѣ этого, отношенія койсубулинцевъ къ намъ стали явно недружелюбны, что вынудило барона Розена составить отрядъ при кр. Грозной, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, изъ 800 человѣкъ Московскаго, 400 чел. Тарутинскаго полковъ, артиллеріи и казаковъ. Изъ остальной части Московскаго полка образованъ былъ въ той же крѣпости другой отрядъ подъ начальствомъ полковника Сорочана, командира 43 егерскаго полка. Такъ возникъ «ѳеирный городъ изъ палатокъ» въ маѣ 1830 года (стр. 247). Войска 1-й бригады 14-й дивизіи и прежде участвовали въ экспедиціяхъ, но Полежаевъ тогда въ первый разъ былъ въ дѣлахъ противъ горцевъ:

Теперь пора и горы знать:
Вы цѣлый годъ здѣсь ѣли дули,
Арбузы, тернъ и виноградъ;
Теперь—прошу—отвѣдай пули,
Кто духомъ истинный солдатъ. (Стр. 249).

Тутъ онъ узналъ походную тревогу и

Въ поту, усталый и въ пыли
Мочилъ нерѣдко сухари
Въ водѣ болотистой и грязной
И, помолившися потомъ,
На камнѣ спалъ покойнымъ сномъ. (Стр. 258).

Прибывъ съ войсками въ кр. Внезапную, баронъ Розенъ сталъ ожидать результата разосланныхъ къ койсубулинцамъ воззваній о покорности, такъ какъ графъ Паскевичъ предписалъ ему прибѣгнуть къ оружію противъ гимринцевъ, у которыхъ находился Кази-Мулла, только въ случаѣ неуспѣха другихъ мѣръ. Полежаевъ въ крѣпости увидѣлъ слѣды землетрясенія:

Все было дико и уныло,
Все душу странника въ тоску
И грусть нѣмую приводило.
Громады камней и песку,
Колоннъ разбитыхъ пирамиды,
Степные, пасмурные виды,
Туманъ волнистый надъ горой,
Кустарникъ голый, и порой
Какъ будто мертвое молчанье. (Стр. 268).

Баронъ Розенъ, не получивъ на свои требованія никакого отвѣта, 15 мая, наконецъ, двинулся въ шамхальскія владѣнія; на другой день прибылъ въ с. Эрпели и соединился съ бывшимъ тамъ отрядомъ. Туда же подошли мехтулинцы со своимъ начальникомъ, гвардіи капитаномъ Ахметъ-ханомъ, а также кумыки и тавлинцы съ Ибрагимъ-бекомъ Карчагскимъ, наслѣдникомъ князей вольной Табасарани (стр. 282). Всего собралось до шести тысячъ человѣкъ. Тотчасъ же Кази-Мулла съ койсубулинцами приступилъ къ укрѣпленію селенія Гимры и приведенію его въ сильное оборонительное положеніе; а между тѣмъ дозволилъ имъ чрезъ Абу-Муселима Шамхальскаго просить условій, на которыхъ съ ними рѣшено примириться. О прибытіи его къ барону Розену въ Эрпели говорится:

Изъ-за горы необозримой
Необозримою толпой,
Покорной, тихою стопой
Идетъ народъ непокоримый.
Потупя взоры, въ тишинѣ,
Какъ очарованы во снѣ,
Питомцы яростные брани;
Обезоружены ихъ длани;
Ни пистолетъ, ни ятаганъ
Не красятъ пышнаго наряда. (Стр. 270).

Повторивъ уже предложенныя условія покорности и передавъ ихъ Абу-Муселиму, начальникъ войскъ произвелъ рекогносцировку Гимръ. Селеніе лежало между утесистыхъ скалъ; туда вели три пути; по правому и лѣвому движеніе артиллеріи казалось возможнымъ съ чрезвычайными затрудненіями. Лѣвая дорога была недоступна; спускъ же съ каменистаго хребта имѣлъ всѣ крайнія неудобства: справа, надъ Койсу, пролегала только тропа для одного пѣшаго человѣка, посрединѣ была необыкновенная крутизна; а лѣвый спускъ, ниспадавшій зигзагами, былъ доступенъ артиллеріи только при содѣйствіи людей и вȣротовъ. Во время этой рекогносцировки произошла перестрѣлка. Разработка дороги производилась 20, 21 и 22 мая (стр. 282); гимринцы не переставали стрѣлять изъ-за заваловъ. Баронъ Розенъ приказалъ разобрать нѣсколько полевыхъ орудій и приготовить ихъ для спуска внизъ на канатахъ, съ помощью вȣротовъ, въ деревянныхъ корытахъ, окованныхъ желѣзомъ (стр. 286). Вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ тому, чтобы прекратить доставку койсубулинцамъ всякаго продовольствія и уничтожить сношенія съ сосѣдями. Къ 25 мая, вслѣдствіе этихъ мѣръ, были выданы аманаты отъ селеній Унцукуль и Гимры; прибыли старшины ихъ, а также и другихъ деревень, съ изъявленіемъ покорности и приведены къ присягѣ (стр. 288). Баронъ Розенъ объявилъ имъ, что съ этихъ поръ жители считаются нашими подданными и ушелъ съ отрядомъ въ кр. Грозную (стр. 288), гдѣ Полежаевъ и написалъ свою поэму Эрпели. * Полковой командиръ Любавскій представилъ ее барону Розену, которому она такъ понравилась, что онъ далъ автору 25 р. асс. Въ концѣ этой поэмы Полежаевъ, упоминая о появленіи холеры, говоритъ о себѣ:

Поклонникъ музъ самолюбивый,
Я вижу смерть невдалекѣ;

* Эрпели, расположенное въ неприступномъ мѣстѣ и окруженное оврагами, взято было уже въ слѣдующемъ году, именно 23 октября 1831 г., г.-а. Панкратьевымъ, послѣ упорной борьбы съ горцами, предводимыми Умалатъ-беемъ. Полежаевъ при этомъ не былъ.

Но все перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ неприхотливый:
Сойдя къ отцамъ вослѣдъ другихъ,
Остаться въ памяти иныхъ. (Стр. 289).

Дѣйствительно холера развилась въ ужасающей степени, охватила станицы Гребенскаго войска, закралась въ полки 14-й дивизіи, проникла въ Чечню, бичевала немилосердно и населеніе и солдатъ. Паника распространилась всюду. По словамъ очевидца, артиллериста С. А. Карпова, въ кр. Грозной однимъ изъ первыхъ заболѣлъ холерою Полежаевъ. Его оттирали уксусомъ и спиртомъ; а когда разошлись натиральщики, онъ выпилъ оставшійся спиртъ и дня черезъ два, уже совсѣмъ здоровый, разсказывалъ со смѣхомъ о своей болѣзни и способѣ леченія. Полежаевъ жилъ тогда въ кругу юнкеровъ и молодежи офицеровъ, но въ денежныхъ средствахъ нуждался и ѣлъ изъ солдатскаго котла.

Въ августѣ 1830 г. мѣсто барона Розена заступилъ служившій еще при Ермоловѣ начальникомъ штаба генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 3-й, первой заботой котораго было оградить войска отъ болѣзни. Для этого полки тогда же размѣщены были на зимнія квартиры. Московскому полку они даны близъ Моздока въ станицахъ: Галюгаевской, Стодеревской и Ищорской. Въ это время въ Чечнѣ пропаганда Кази-Муллы имѣла такой успѣхъ, что жители многихъ деревень даже между Сунжею и Терекомъ осенью приняли его ученіе и облеклись въ бѣлыя чалмы. Движеніе разросталось. Для прекращенія разбоевъ и хищничества Вельяминовъ предпринималъ экспедиціи въ Чечню и Полежаевъ участвовалъ въ нихъ: съ 18-го по 28-го декабря при истребленіи селеній Галгай-юрта и Пханъ-Кичу за р. Нетхой и другихъ; съ 4-го по 24-е января 1831 года было взято и уничтожено нѣсколько хуторовъ и деревень сначала въ малой потомъ и въ большой Чечнѣ: Мартанъ, Аутуръ, Гельдыгенъ и пр. По уничтоженіи Акъ-юрта и Лачи-юрта отрядъ возвратился въ кр. Грозную. Послѣ этого Полежаевъ не участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ до осени 1831 года, потому что Кази-

Мулла перенесъ съ весны свою дѣятельность къ Каспійскому морю. Въ маѣ онъ взялъ г. Тарки, осаждалъ кр. Бурную; лѣтомъ разбилъ отрядъ генерала Эмануэля въ Ауховскихъ лѣсахъ; а въ концѣ августа держалъ восемь дней въ осадѣ г. Дербентъ, отъ котораго бѣжалъ въ с. Чиръ-юртъ на Сулакѣ. Полежаевъ, въ поэмѣ своей Чиръ-юртъ, о дѣйствіяхъ подъ кр. Бурной, гдѣ былъ взорванъ пороховой погребъ, говоритъ про Кази-Муллу:

Тамъ, обольщая Дагестанъ,
Онъ грабитъ русскаго вассала,
И слабый подданный шамхала
Влечется силою въ обманъ.
Граната въ паркъ дохнула адомъ...
Скалы на воздухъ... Громъ, огонь
Взвились надъ моремъ... Всадникъ, конь—
Все пало ницъ кровавымъ градомъ...
Пророкъ исчезъ съ своимъ отрядомъ. (Стр. 299).

Далѣе упоминается объ отводѣ воды въ іюнѣ подъ крѣпостью Внезапной, гдѣ скопище горцевъ у Кази-Муллы простиралось до десяти тысячъ:

Тамъ онъ, разливъ, какъ океанъ,
Свои мятежные народы
Вкругъ малой горсти россіянъ,
Грозитъ бѣдой, отводитъ воды...
Но крѣпость русская тверда,
Не стонетъ воинъ изнуренный,
Сверкаетъ штыкъ ожесточенный—
И льется къ жаждущимъ вода! (Стр. 299).

Для приближенія къ этой крѣпости Кази-Мулла употреблялъ особаго устройства бревенчатые щиты на колесахъ и съ бойницами. Держалъ онъ крѣпость въ осадѣ 15 дней.

Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ узналъ въ октябрѣ о пребываніи Кази-Муллы въ Чиръ-юртѣ, когда заступившій мѣсто вызваннаго въ Варшаву графа Паскевича, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ, въ Дербентѣ, приготовлялъ экспедицію противъ мюридовъ. Подойдя, 15-го октября, къ Сулаку у Темиръ-Аула, онъ приказалъ войскамъ тотчасъ же переправляться, чтобы безъ потери времени напасть на Чиръ-юртъ (стр. 302), но переправа была

остановлена чрезвычайною прибылью воды. Въ это время Кази-Мулла ушелъ къ кр. Внезапной и часть отряда была отправлена туда на помощь. Непріятель былъ отбитъ и черезъ день войска воротились. Тогда весь отрядъ переправился на правый берегъ Сулака; на другой день, 19-го октября, Вельяминовъ атаковалъ Чиръ-юртъ, считавшійся неприступнымъ по чрезвычайной трудности мѣстоположенія, и послѣ двухчасоваго боя онъ былъ взятъ егерями 40 и 43 полковъ подъ предводительствомъ полковника Шумскаго. Мюриды были совершенно разбиты, оставили болѣе 400 плѣнныхъ, все имущество и слишкомъ пять тысячъ головъ скота и барановъ. Послѣ описанія приступа и взятія Чиръ-юрта, Полежаевъ прибавляетъ;

Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни и твердыни
И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни,
Предъ нимъ повержены лежатъ.
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣтеръ горный
Красы погибшей стороны:
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной. (Стр. 322—323).

Занявъ съ боя послѣ того аулъ Ачехи и разогнавъ приверженцевъ Кази-Муллы, чеченцевъ, Вельяминовъ двинулся къ Тереку, потому что предводитель ихъ появился въ Чечнѣ и оттуда, 1-го ноября, въ тылу нашихъ войскъ, разграбилъ г. Кизляръ. Возстаніе въ Чечнѣ усиливалось. Вельяминовъ, чтобы наказать участниковъ грабежа Кизляра приступилъ въ декабрѣ къ истребленію селеній, сначала подъ Грозною, на правомъ берегу Сунжи, противъ селенія Чертугай; а съ 28-го декабря въ горной странѣ Аухъ. Здѣсь первой была уничтожена, за р. Ямань-су, деревня Ярыкъ-су. Въ описаніи этихъ рѣкъ говорится, что они текутъ по каменистому руслу, между высокими берегами, от-

вѣсными какъ стѣны; свѣтлыя струи падаютъ каскадами. Можетъ быть, видъ этихъ рѣкъ далъ Полежаеву картину его водопада:

Между стремнинъ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ
И вдругъ, сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ горный водопадъ. (Стр. 87).

Послѣ Ярыкъ-су, 8-го января 1832 г., занятъ былъ и уничтоженъ Акташъ-Аухъ, о которомъ Полежаевъ въ своемъ стихотвореніи этого имени говоритъ:

На высотѣ пустынныхъ скалъ,
Подъ ризой инеевъ пушистыхъ,
Какъ сторожъ пасмурный, стоялъ
Дубъ старый, царь дубовъ вѣтвистыхъ. (Стр. 120).

Въ концѣ 1831 года, именно высочайшимъ приказомъ 29-го декабря, Полежаевъ, за отличіе противъ чеченцевъ, произведенъ въ унтеръ-офицеры, о чемъ извѣстіе въ полку получено только 3-го апрѣля 1832 года (а до того, конечно, онъ числился рядовымъ). Въ февралѣ Полежаевъ снова участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой Вельяминовымъ для усмиренія Чечни, причемъ истреблены деревни: Казахъ-Кичу, Албара, Самашки и нѣсколько другихъ близъ Сунжи.

Между тѣмъ, на Кавказъ былъ назначенъ новый корпусный командиръ—генералъ отъ инфантеріи баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ 1-й. Въ январѣ 1832 г. ему ужъ писалъ военный министръ, что государь ожидаетъ общаго покоренія горцевъ и конечнаго усмиренія ихъ; а что частныя экспедиціи и раззореніе только раздражаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось скорѣе возвратить въ Москву присланныя оттуда войска. По этому требованію 2-я и 3-я бригады 14-й дивизіи въ мартѣ получили приказаніе готовиться къ отправленію и лѣтомъ того же года прибыли на свое мѣсто. Полки же Бутырскій и Московскій, по просьбѣ барона Розена, оставлены на Кавказѣ для указаннаго изъ Петербурга покоренія возмущенныхъ Кази-Муллою въ Чечнѣ племенъ. Рѣшено было начать съ непокорныхъ обществъ, приле-

гающихъ къ военно-грузинской дорогѣ, и, чрезъ Чечню, пройти въ шамхальство Тарковское. Отрядъ Вельяминова 3-го, гдѣ находился и Полежаевъ съ Московскимъ полкомъ, былъ увеличенъ до восьми тысячъ, и въ іюлѣ выступилъ изъ укрѣпленія Назрановскаго противъ карабулаховъ и галашевцевъ (или галагаевцевъ). Истреблены были деревни Мельчиха, Галашки и три Маркея. Въ началѣ августа Полежаевъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ командою отдѣльныхъ лицъ, именно: князя Бековича Черкасскаго, при взятіи с. Ачхой; полковника Засса, послѣ разоренія с. Пханъ-Кичу; полковника Пирятинскаго при занятіи с. Алла-ерзо-юрта; полковника Шумскаго при истребленіи с. Нурки. Къ половинѣ августа пріѣхалъ къ войскамъ самъ корпусный командиръ и опустошилъ всю Чечню огнемъ и мечомъ. Начали съ Гойты; дѣлали просѣки чрезъ непроходимыя чащи гойтинскихъ лѣсовъ; лежавшія до р. Аргуна селенія были сожжены. 23-го августа, послѣ с. Шали, занято было приступомъ, подъ предводительствомъ полковника Засса, укрѣпленное селеніе Герменчугъ. Здѣсь мулла Абдурахманъ съ шестьюдесятью мюридами заперся въ одномъ домѣ и не сдавался, продолжая отстрѣливаться; въ трубу было брошено нѣсколько гранатъ и пылающія дрова; домъ наконецъ зажженъ и, когда уже нельзя было въ немъ оставаться, Абдурахманъ съ 49-ю приверженцами бросился съ кинжалами на окружавшую роту и всѣ погибли на штыкахъ. Послѣ боя на Герменчугскомъ кладбищѣ похоронено болѣе трехсотъ труповъ. Полежаевъ, оканчивая свое стихотвореніе Кладбище Герменчугское, говоритъ:

И все утихло: гласъ молитвы
Въ дыму, надъ грудой бранныхъ тѣлъ,
И шумъ, и стонъ, и грохотъ битвы!..
Осталась память славныхъ дѣлъ. (Стр. 130).

Аулы брались и истреблялись отрядами: въ августѣ, подъ командою Шумскаго, а съ 1-го сентября—Пирятинскаго, при которомъ сдѣлано было нападеніе на чеченскія семейства въ лѣсу близъ селенія Аутеры. Съ 7-го сентября началась экспедиція въ большой Чечнѣ, къ сел. Бейне, нападеніемъ на семей-

ства въ неприступныхъ чащахъ Маюртупскаго лѣса (ср. стр. 308), и истребленіемъ дер. Дараги: потомъ слѣдовало отраженіе горцевъ при нападеніи на арьергардъ у селенія Белготой (стр. 319); а 12-го сентября Полежаевъ принималъ участіе въ дѣлѣ при слѣдованіи къ сел. Сентуры подъ начальствомъ генералъ-маіора Вольховскаго, товарища Пушкина по лицею. Далѣе до 18-го сентября были отраженія непріятеля и перестрѣлки съ нимъ при селеніяхъ Гурдали, Кошгельды и Баги-юртѣ.

Результатомъ описаннаго прохожденія барономъ Розеномъ по Чечнѣ было то, что она смирилась. Въ концѣ сентября чеченцы изъявили покорность, выдали аманатовъ и внесли подати, а участвовавшіе въ набѣгѣ на Кизляръ заплатили кромѣ того и наложенный штрафъ. Корпусный командиръ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 6-го октября выступилъ съ войсками къ с. Гимры, гдѣ находился послѣ бѣгства изъ Чечни Кази-Мулла, и селеніе это считалось главнымъ вертепомъ бунтовщиковъ. Съ 10 по 16 число разработывалась дорога и были заняты передовые завалы. Гимринцы, къ которымъ никто на помощь не явился, не пустили отъ себя Кази-Муллу, который хотѣлъ уйти подъ предлогомъ сбора приверженцевъ. 17-го октября войска наши стали лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Произошла битва весьма упорная. Гимринцы потерпѣли совершенное пораженіе и разбѣжались. Кази-Мулла былъ убитъ въ башнѣ, заграждавшей доступъ къ Гимрамъ, вмѣстѣ съ шестьюдесятью преданными и самыми отчаянными мюридами.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ участіи Полежаева въ походахъ и дѣлахъ противъ горцевъ, не лишнимъ считаемъ упомянуть еще, что старшій адъютантъ корпуснаго штаба Альбрантъ написалъ тогда, въ подражаніе извѣстной пѣснѣ Эмиля Деброː T'en souviens-tu? «Воспоминаніе горской экспедиціи 1832 года». Въ слѣдующихъ строфахъ указаны дѣла полковника Засса, начальника корпуснаго штаба В. Д. Вольховскаго, корпуснаго командира барона Розена и Вельяминова:

Не помнишь ли, какъ на скалахъ Галгая
Нашъ громъ за сводомъ дальнихъ облаковъ

Гремѣлъ, и, горы грозно потрясая,
Борьбу небесныхъ потрясалъ громовъ?
Забылъ ли ты, когда Мюратъ Кавказскій,
Нашъ храбрый Зассъ, летя впередъ съ мечемъ,
Въ Герменчукѣ насъ велъ на приступъ адскій
И взялъ завалъ, въ окопъ влетя орломъ?

Не помнишь ли, товарищъ мой прекрасный,
Когда въ лѣсу, средь неприступныхъ скалъ,
Нашъ злобный врагъ готовилъ пиръ ужасный
И дерзко звалъ на гибельный завалъ?
Когда пошли—и бездны задрожали—
Вольховскій велъ впередъ со славой насъ;
Тамъ каждый шагъ мы кровью обагряли,
Но смѣло шли — и страхъ склонилъ Кавказъ.

Забылъ ли ты, когда нашъ Розенъ смѣлый
Чрезъ бездны въ бездну Гимрскую провелъ,
Когда кавказцамъ, воинъ посѣдѣлый,
Онъ новый лавръ побѣдный пріобрѣлъ?
Когда на льдистомъ темѣ Гимридага
Нашъ Вельяминовъ знамя водрузилъ,
И въ пасти страшной Гимрскаго оврага
Онъ колыбель злодѣвъ сокрушилъ?

Взятіе Гимръ было послѣднее дѣло, гдѣ участвовалъ Полежаевъ. 27-го октября отрядъ воротился на квартиры; а 22-го ноября объявленъ былъ обратный походъ полкамъ въ Москву. Съ 21 января 1833 года началось выступленіе Московскаго полка со станицы Наурской по дорогѣ къ г. Моздоку. Къ лѣту Полежаевъ явился въ Москву; а 1-го сентября того же 1833 года былъ переведенъ въ Тарутинскій пѣхотный полкъ той же 14-ой дивизіи, но только 2-й бригады.

Приводимъ теперь послужной списокъ Полежаева вполнѣ, такъ какъ въ извѣстіяхъ о кавказскихъ войнахъ мы не встрѣтили указаній на нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ участвовалъ Полежаевъ и которыя указаны въ этомъ формулярѣ.

Въ походахъ находился: 1830 года въ движеніи войскъ, подъ командою генералъ-лейтенанта барона Розена 4-го, въ сѣверномъ Дагестанѣ и Кумыкскомъ владѣніи, для прекращенія открывшагося тамъ народнаго вол-

нения, по іюнь, и при перестрѣлкѣ, бывшей при семъ случаѣ съ койсубулинцами у селенія Гимры, 20, 21 и 22 чиселъ мая. Того же года (изъ окрестностей Грознаго), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова 3-го, въ экспедиціи для наказанія и истребленія непокорныхъ чеченскихъ деревень, съ 18 по 28-го декабря и бывшихъ при семъ перестрѣлкахъ: 19 и 20 чиселъ при занятіи и истребленіи Джумай-юрта и Галгай-юрта, 21 при Катеръ-юртѣ, 22 и 23 при деревнѣ Пханъ-Кичу. 1831 года въ экспедиціи съ той же цѣлью, въ Чечню, съ 4 по 24 января и бывшихъ въ оной перестрѣлкахъ: 7-го января съ жителями деревень Мартанъ и Джираръ-юрта, скрывавшимися въ лѣсу съ своимъ имуществомъ, 9-го января при занятіи Узекень-юрта и при поискахъ бѣжавшихъ въ лѣсъ жителей сего селенія; 11-го и 12-го числа при истребленіи деревни Бессенъ-Бера и ближайшихъ къ оной хуторовъ; 15-го и 16-го при преслѣдованіи изъ Гребенчука къ селенію Аутуръ и сожженіи онаго, во время слѣдованія къ селенію Гельдыгену, при овладѣніи и истребленіи сего селенія, 19 при отраженіи непріятельскихъ скопищъ, неоднократно нападавшихъ на отрядъ во время слѣдованія онаго къ селенію Анто-юрта и истребленіи сего селенія, 20-го въ перестрѣлкахъ при истребленіи селеній Моцо-Ирзо, Оздемира и Гемсъ-юрта, при маршѣ 22-го, при Акъ-юртѣ и Лачи-юртѣ. Того же года, 19-го октября при взятіи приступомъ селенія Чиръ-юртъ, и 27-го при занятіи аула Ачехи, и преслѣдованіи изъ онаго собравшихся чеченцевъ за Сулакъ; въ перестрѣлкѣ 17-го ноября при отысканіи и переправѣ черезъ рѣку Сулакъ; 9-го декабря при фуражировкѣ при крѣпости Грозной; 23-го того же мѣсяца, подъ командою полковника Засса, при разореніи чеченскихъ хуторовъ, на правомъ берегу Сунжи, противъ деревни Чертугай лежащихъ; 28-го при занятіи приступомъ и совершенномъ истребленіи Ауховской деревни Ярыксу-аухъ и въ перестрѣлкѣ при оной по 4 число января 1832 года. Января 8-го, при занятіи и совершенномъ истребленіи деревни Акташъ-аухъ. Февраля 16-го при занятіи и истребленіи деревни Казахъ-Кичу, при перестрѣлкѣ, занятіи и истребленіи деревень: февраля 17-го Албару и деревни малыя и большія Самашки, 19-го деревни Гала-юрта, 20-го деревни Закенъ-юрта, 21-го деревни большой Куларъ и 23 деревни Алханъ-юрта. Экспедиціи * противъ карабулаховъ (и галгаевцевъ) съ 13-го іюля по 4-е августа: въ перестрѣлкѣ при занятіи деревни большой Мельчихи, въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда къ деревнѣ Галашки, того же числа при занятіи и истребленіи деревни Маркей, 21 при занятіи деревень средняго и малаго Маркей. Августа 5-го, 6-го и 17-го ** въ перестрѣлкѣ при занятіи и истребленіи селенія Ачхой, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Бековича-Черкасскаго; а 5-го же въ перестрѣлкѣ при возвращеніи

* Подъ начальствомъ г.-л. Вельяминова отъ Назрановскаго укрѣпленія.

** Подъ общимъ предводительствомъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса г.-а. барона Григорія Розена.

въ лагерь по разореніи селенія Пханъ-Кичу, подъ начальствомъ полковника Засса; 6-го при перестрѣлкѣ и занятіи селенія Алла-ерзо-юрта, подъ начальствомъ командира Бутырскаго пѣхотнаго полка полковника Пирятинскаго, 9-го въ перестрѣлкѣ при занятіи селенія Нурки, подъ начальствомъ командира 40-го егерскаго полка полковника Шумскаго, 14-го въ перестрѣлкѣ при селеніи Гойтъ, съ засѣвшими въ лѣсу чеченцами, 15-го при слѣдованіи арьергарднаго отряда черезъ Гойтинскій лѣсъ, подъ начальствомъ полковника Шумскаго; при занятіи деревни Тепли, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова 3-го; 18-го въ перестрѣлкѣ и при сожженіи селенія Чинахой, Устарханъ-Гойты и Балахой-Гойты и 19-го въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда чрезъ Гойтинскій лѣсъ и при занятіи селенія Енгеликъ-юрта, подъ начальствомъ полковника Засса; 22-го въ перестрѣлкѣ при переходѣ черезъ рѣку Аргунъ и слѣдованіи отряда въ деревню Шали, 23-го при взятіи приступомъ укрѣпленнаго селенія Герменчука и занятіи онаго; 27-го и 28 въ перестрѣлкѣ при занятіи онаго и истребленіи селенія Ахань-юрта, Узденъ-юрта, Урузбей-юрта, Хызынъ-ерзо-юрта и занятіи заваловъ при Сало-юртѣ, подъ начальствомъ полковника Шумскаго. Сентября 1-го въ перестрѣлкѣ при занятіи селенія Аутеры, 2-го въ перестрѣлкѣ при занятіи селенія Сеидъ-юрта, подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго; въ перестрѣлкѣ при нападеніи на чеченскія семейства въ лѣсу близь селенія Аутеры подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго. Въ экспедиціи къ селенію Бейне, съ 7-го по 15-е сентября мѣсяца, и бывшихъ при семъ случаѣ перестрѣлкахъ, 7-го въ перестрѣлкѣ при нападеніи на чеченскія семейства въ Маюртупскомъ лѣсу, 8-го въ перестрѣлкѣ бывшей при переходѣ чрезъ рѣку Гудермесъ, 11-го въ перестрѣлкѣ бывшей при занятіи и истребленіи деревни Дараги, подъ начальствомъ полковника Шумскаго; 12-го въ отраженіи непріятеля, нападавшаго въ большемъ числѣ на арьергардъ отряда, при обратномъ пути онаго отъ селенія Белготой, подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго; того же числа въ дѣлѣ во время слѣдованіи отряда къ селенію Сентуры, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вольховскаго; 13-го въ отраженіи непріятеля при селеніи Гурдали и перестрѣлкѣ онаго съ арьергардомъ отряда при слѣдованіи его, подъ начальствомъ командира Бутырскаго пѣхотнаго полка полковника Пирятинскаго; 14-го въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда къ селенію Кошгельды; 18-го въ перестрѣлкѣ при Баги-юртѣ, подъ начальствомъ полковника Шумскаго. Въ экспедиціяхъ: къ селенію Гимры съ 6-го октября по 27-е того же мѣсяца, съ 10-го по 16-е октября при разработкѣ дорогъ къ Гимрамъ и въ занятіи передовыхъ непріятельскихъ заваловъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова 3-го.

Поступленіе въ военную службу противъ желанія и послѣдовавшія затѣмъ событія въ Москвѣ привели Полежаева въ отчаяніе, которымъ дышатъ его стихотворенія того времени. По-

ходъ на Кавказъ ему, «убитому горестною долей», открывалъ дорогу воротить утраченныя права и прежнее общественное положеніе; онъ надѣялся порвать всѣ связи съ безотраднымъ прошедшимъ, заставить и другихъ о немъ позабыть. Эта надежда на болѣе свѣтлое будущее поддерживала его и послѣ производства въ унтеръ-офицеры. Въ поэмѣ Чиръ-юртъ онъ говоритъ:

Лечу за честію вездѣ
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ. (Стр. 294).

Но съ возвращеніемъ въ Москву, при неимѣніи средствъ и связей, которыя бы дали ему силу, помогли его стремленію воротить свое мѣсто въ обществѣ, всякая надежда исчезла. У него не было никого изъ близкихъ: ни родныхъ, ни знакомыхъ; у него не было никакого состоянія. Какія же при томъ особенныя отличія могъ оказать Полежаевъ для полученія офицерскаго чина при тогдашнемъ бытѣ и казарменной обстановкѣ нижнихъ чиновъ? Между ними и офицерами лежала непереходимая бездна. На Кавказѣ нижніе чины жили совершенно иначе. Сослуживецъ поэта С. А. Карповъ, разсказывая, что Полежаевъ ѣлъ тамъ изъ солдатскаго котла, прибавляетъ: «не мало и офицеровъ питалось такъ же. Рѣдкій изъ насъ заказывалъ себѣ платье на сторонѣ; большая часть шили въ ротной швальнѣ и сапожной». Приходившія на Кавказъ войска подчинялись существовавшимъ порядкамъ. Тамъ рота была самостоятельная хозяйка, говоритъ г. Зиссерманъ, такая община, какой нигдѣ въ другихъ войскахъ, да и въ русской арміи не встрѣчалось. Кавказская рота, сложившаяся, въ экономическомъ отношеніи, при особыхъ условіяхъ, почти совершенно свободно отъ начальственнаго вліянія, была своего рода артель, въ которой каждый членъ обязанъ заботиться для всѣхъ, въ которой общее желаніе было закономъ и противъ коей не рѣшался возставать никто: ни фельдфебель, ни даже ротный командиръ. Рота была учрежденіемъ не только полезнымъ, но и нравственнымъ: она берегла общее добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ была добродѣтельна, мягкосерда и съ нѣкоторымъ родомъ гордости всегда готова была помочь въ

нуждѣ...» Оставалось въ экономіи столько денегъ, что могли одѣвать всѣхъ людей въ отличные полушубки, сапоги съ длинными голенищами и пр. Объ отношеніи офицеровъ къ нижнимъ чинамъ почтенный авторъ, самъ старый воинъ и прекрасный знатокъ Кавказа, пишетъ: «Дѣло въ томъ, что мы на Кавказѣ (особенно на лѣвомъ флангѣ) не сочиняли безчисленныхъ правилъ, уставовъ, регламентацій; жили, какъ указывали условія жизни; имѣли всегда передъ глазами смерть; помнили, что солдатъ тоже человѣкъ, разумное существо; не обирали его, не гнушались имъ, не третировали его свысока, не вгоняли въ него постояннаго страха; не могли, наконецъ, не уважать его, видя, какъ онъ росъ вмѣстѣ съ опасностью, развивался нравственно и очевидно считалъ офицера своимъ наставникомъ и покровителемъ въ бою, старавшимся уберечь его отъ опасности...»

Не такъ было въ Москвѣ, гдѣ снова началась для Полежаева убійственная, сѣрая, однообразная казарменная жизнь. Вино сдѣлалось для него ужъ необходимостью, потребностью, однимъ словомъ—болѣзнью, и онъ не переставалъ пить безъ мѣры. Но что касается до кутежей и женщинъ, о чемъ разсказываютъ всѣ біографы со словъ Бѣлинскаго, то едва ли это правда. Бѣлинскій указывалъ, вѣроятно, только на кутежи студенческой поры, тогда какъ за этими немногими годами протянулось 12 лѣтъ безотрадной солдатской жизни, въ которые кутить и развратничать было не на что: родные ничего ему не присылали, совсѣмъ прекративъ съ нимъ всякія сношенія, казенное содержаніе было менѣе чѣмъ скудное, а литературные заработки сводились къ грошамъ, такъ что Полежаевъ былъ вынужденъ принимать, какъ увидимъ ниже, даже денежные подарки, до чего, конечно, самолюбіе не допустило бы его, если бъ онъ имѣлъ хоть какія нибудь средства.

Вообще же подробности московской жизни поэта по возвращеніи съ Кавказа, благодаря равнодушію его знакомыхъ и друзей, такъ и остаются неизвѣстными. Сохранился только одинъ разсказъ о встрѣчѣ съ Полежаевымъ молодой 16-ти лѣтней дѣвушки, Ек. Ив. Бибиковой, въ 1834 году, въ с. Ильинскомъ подъ Москвою.

Еще Бѣлинскій по поводу стихотворенія «Черные глаза», съ своей обычной проницательностью, замѣтилъ, что эти «черные глаза», очевидно, были важнымъ, хотя и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева, но что слишкомъ поздно и слишкомъ не въ пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а страшную похоронную пѣснь самому себѣ.

Вотъ этотъ разсказъ, который мы сочли нужнымъ перепечатать, съ дозволенія Екатерины Ивановны, почти вполнѣ, какъ единственное живое слово, дошедшее до насъ о Полежаевѣ.

Въ 1834 г. мы провели весну и лѣто въ селѣ Ильинскомъ. Родители мои, проживая зиму въ Москвѣ для нашего дѣтскаго образованія, весной уѣзжали всегда въ степное свое имѣніе. Но въ 1834 г. старшій братъ мой готовился поступить въ юнкерскую школу: нельзя было прерывать уроковъ, а между тѣмъ не хотѣли лишить насъ деревенскаго, живительнаго воздуха. Родственникъ нашъ, гр. Ал. Ив. Остерманъ, предложилъ матери моей свой загородный дворецъ въ с. Ильинскомъ, отстоящемъ отъ Москвы въ 17-ти верстахъ. Учители моего брата и мои согласились, за извѣстную плату, пріѣзжать по нѣскольку разъ въ недѣлю въ село Ильинское. Дѣло сладилось...

Отецъ мой (Иванъ Петровичъ), оставя насъ въ Ильинскомъ, уѣхалъ въ свое степное имѣніе по дѣламъ хозяйства. Но въ іюнѣ онъ написалъ матери моей, что, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, ѣдетъ въ городъ ***, чтобъ посовѣтоваться тамъ съ докторомъ. Изъ *** отецъ писалъ матери, что докторъ удержалъ его при себѣ, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ леченія, но что онъ не только не скучаетъ въ уѣздномъ городкѣ, а проводитъ время самымъ пріятнымъ образомъ. «Въ городѣ ***, писалъ онъ, стоитъ пѣхотный армейскій полкъ, гдѣ служитъ унтеръ-офицеромъ разжалованный поэтъ Полежаевъ. Я познакомился съ полковникомъ и выпросилъ у него дозволеніе взять къ себѣ на квартиру не-

счастнаго молодаго человѣка, въ обществѣ котораго время для меня летитъ незамѣтно. Ведетъ онъ себя безукоризненно». Далѣе въ письмахъ своихъ отецъ сообщалъ намъ о злополучной судьбѣ Полежаева: какъ за поэму его «Сашка» онъ, бывши студентомъ, схваченъ былъ и приведенъ въ кабинетъ государя Николая Павловича; какъ тотъ заставилъ его вслухъ читать свою поэму, а онъ неудобныя для чтенія мѣста экспромтомъ замѣнялъ другими стихами; какъ царь, заподозривъ подлогъ, вырвалъ у него изъ рукъ тетрадь и убѣдился въ справедливости своей догадки. Государь никогда не прощалъ тому, кто дерзалъ его обманывать. Полежаевъ этому обстоятельству приписывалъ всю тщетность просьбъ о его помилованіи. У отца моего Полежаевъ отдыхалъ душевно, писалъ стихи, но большая часть времени проходила въ живыхъ бесѣдахъ. Отецъ мой былъ образованъ и уменъ, самъ на досугѣ писалъ стихи и умѣлъ цѣнить дарованіе и умъ въ молодомъ поколѣніи. Всѣ письма его полны были похвалами поэту, котораго полюбилъ онъ отъ души. Наконецъ, получаемъ письмо, гдѣ отецъ извѣщаетъ, что чувствуетъ себя хорошо и что надняхъ пріѣдетъ къ намъ въ Ильинское и привезетъ съ собой унтеръ-офицера, чтобъ обучать старшаго моего брата ружейнымъ пріемамъ, въ виду подготовки къ юнкерской школѣ.

Пріѣзжаетъ отецъ въ концѣ іюня поздно вечеромъ, когда мы уже всѣ спали. Утромъ рано, на другой день, прибѣгаетъ къ намъ наверхъ мой меньшой братъ, мальчикъ десяти лѣтъ, и говоритъ намъ въ большомъ волненіи: «Какого страннаго унтеръ-офицера папа привезъ съ собой!» Что жъ въ немъ страннаго? «Да онъ не похожъ вовсе на солдата!» Чѣмъ же? «Il a un regard d'aigle! (У него орлиный взглядъ).» Мы съ меньшой сестрой разсмѣялись надъ мальчикомъ и надъ воображаемымъ орлинымъ взглядомъ унтеръ-офицера. «Что ты вздоръ мелешь! Какой такой орлиный взглядъ?» Мальчикъ обидѣлся, разсердился и убѣжалъ назадъ къ своему новому знакомому, приговаривая: «Ну, вотъ сами увидите, сами увидите!» Мы съ сестрой не обратили никакого вниманія на слова маленькаго

брата; она взяла свой учебникъ, грамматику, а я отправилась твердить свои Бетховенскія сонаты въ огромную залу дворца (въ углу которой мой рояль казался незамѣтной точкой).

Собрались пить чай; отецъ, матушка, сестра меньшая, наша гувернантка помѣстились вокругъ чайнаго стола, накрытаго посреди залы. Пришли братья съ учителемъ, съ ними и унтеръ-офицеръ. Я не сочла нужнымъ обратить на него вниманіе и продолжала свои музыкальныя занятія. Но вдругъ замѣчаю что-то не совсѣмъ обычайное. Отецъ всталъ и принялъ какой-то торжественный видъ. Я смолкла, слушаю. «Душа моя, говоритъ отецъ, обращаясь къ матери, дѣти! я васъ всѣхъ обманулъ! Представляю вамъ Александра Ивановича Полежаева». Матушка поднялась съ креселъ и протянула обѣ руки Александру Ивановичу. Не помню, какъ я въ мигъ изъ дальняго угла вдругъ очутилась рядомъ съ матерью. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ. У отца, у матери, у насъ всѣхъ выступили слезы. Мои глаза встрѣтились съ глазами Полежаева. Мнѣ показалось, что и онъ былъ тронутъ нашимъ пріемомъ. Съ этой минуты Александръ Ивановичъ сталъ у насъ своимъ человѣкомъ. Отецъ захотѣлъ, чтобъ я срисовала портретъ съ его любимца. Я тогда недавно начала учиться живописи. Портретъ этотъ писанъ акварелью, ученической рукой; но онъ разительно похожъ, тогда какъ оба портрета, изданные при стихотвореніяхъ Полежаева, нимало его не напоминаютъ. *

А. И. Полежаевъ не былъ хорошъ собой. ** Роста онъ былъ не высокаго, черты лица его были неправильны; но вся наружность его, съ виду некрасивая, могла въ одно мгновеніе освѣтиться, преобразиться отъ одного взгляда его чудныхъ, искрометныхъ, большихъ черныхъ глазъ. Этотъ regard d'aigle, поразившій десятилѣтняго мальчика, выражалъ все могущество его

---

* Гравюра съ этого портрета прилагается къ нашему изданію.

** Бѣлинскій однако, въ негодованіи на дурные портреты, приложенные къ изданію стихотвореній въ 1838 г., замѣтилъ: «и это красавецъ Полежаевъ?» Такой же отзывъ мы слышали отъ А. Д. Галахова.—П. Е.

творческаго духа. Этого взгляда и нѣтъ въ вышеупомянутыхъ его портретахъ.

Братья мои чуть не молились на поэта. Они были счастливы, когда онъ дозволялъ имъ молча сидѣть въ его комнатѣ, пока онъ писалъ. У насъ онъ перевелъ изъ Виктора Гюго нѣсколько «Orientales», писалъ своего Коріолана, лучшія мѣста котораго не дозволены цензурой. Написалъ «Божій Судъ», и вотъ по какому случаю. У отца были связи въ Петербургѣ; онъ надѣялся испросить другу своему облегченіе участи; съ этой цѣлью онъ сказалъ Александру Ивановичу: «Напишите мнѣ что нибудь такое, чтò бы я могъ при письмѣ послать графу Бенкендорфу». Полежаевъ написалъ «Божій Судъ», который тогда почему-то озаглавилъ «Тайный голосъ». Отцу понравились стихи. «Но вы, Александръ Ивановичъ, не можете ли прибавить, подъ конецъ, что-нибудь въ родѣ просьбы о прощеніи?» На это Полежаевъ рѣшительно отказался: «Я противъ царя ни въ чемъ не виноватъ, просить прôщенія не въ чемъ». Какъ ни умолялъ, ни уговаривалъ его отецъ, ничего съ поэтомъ сдѣлать не могъ: онъ остался непреклоненъ. Тогда отецъ самъ приписалъ три строфы въ заключеніе и принесъ мнѣ оба стихотворенія. «Неловко, говоритъ, послать стихи въ этомъ видѣ; почеркъ разный въ началѣ и на концѣ». Я тотчасъ вызвалась переписать все стихотвореніе лучшимъ своимъ почеркомъ и радостно припрятала оба автографа, которые до сихъ поръ у меня хранятся. *

* См. стр. 175—177, а здѣсь мы приводимъ только приписанныя строфы:

Но нѣтъ! Кто снялъ завѣсу Провидѣнья,
Кто цѣль Всевышняго постигъ,
Ужели Онъ не можетъ для прощенья
Быть столько жъ благъ и столь великъ?

О Боже! и во мнѣ среди страданій
Надежды пламень не погасъ,
Твердитъ душѣ глаголъ предвозвѣщаній:
Твоей отрады пріидетъ часъ!...

Быть можетъ и меня, во мглѣ атомовъ,
Воспомнитъ Царь во дни щедротъ,
И надъ главой моей — мечу законовъ:
Пощада, милость! изречетъ.

Письмо, съ переписанными стихами, тутъ же отправлено было къ графу Бенкендорфу. Но и эта послѣдняя попытка спасти поэта-страдальца не увѣнчалась успѣхомъ. «Видно, такъ на роду ему было написано».

Стояли тогда у насъ дни ясные, чудные. Подобнаго лѣта не припомню. Утромъ всякій изъ насъ занимался дѣломъ, но съ обѣда до полуночи мы всей семьей, а съ нами и Александръ Ивановичъ, гуляли по садамъ и по прелестнымъ окрестностямъ Ильинскаго. Во время прогулокъ, братья ни на шагъ не отходили отъ Полежаева. Мы всѣ жадно прислушивались къ его разсказамъ. Онъ говорилъ о Кавказѣ, о набѣгахъ чеченцевъ, о своихъ походахъ, о томъ, какъ онъ съ товарищами-солдатами на плечахъ перетаскивалъ черезъ горы тяжелыя орудія, пушки, а между тѣмъ направленныя на нихъ изъ-за скалъ мѣткія пули черкесовъ на-вѣрняка выбирали свои жертвы. Онъ разсказывалъ просто, безъ хвастовства, безъ напыщенности, не билъ на эффектъ, и каждое слово дышало правдой и умомъ. А между строкъ сколько слышалось невысказанныхъ страданій, лишеній, горя... Это было въ 1834 г. Для насъ, юношей и дѣтей, все это было тогда ново, исходя изъ устъ очевидца; мудрено ли, что мы увлекались этими разсказами?—Иногда, въ свѣтлыя лунныя ночи, мы всѣ катались на лодкѣ по Москвѣ-рѣкѣ. Братья и Александръ Ивановичъ попеременно гребли; я сидѣла на рулѣ, сестра меньшая и гувернантка помѣщались на скамейкахъ. Разъ, посреди рѣки, на глубокомъ мѣстѣ, я увидала прелестную бѣлую кувшинку и вскрикнула отъ восторга. Полежаевъ перегнулся весь черезъ бортъ, лодка сильно покачнулась въ его сторону. У меня замерло сердце. Но онъ вскорѣ поднялся и подалъ мнѣ сорванную кувшинку съ плавучимъ ея зеленымъ листомъ. Этотъ засушенный листъ и теперь покоится въ завѣтной старой тетради.

Родные отъ меня не скрыли изъ бурной жизни Полежаева то, что, при строгомъ нашемъ воспитаніи, можно было сказать дѣвушкѣ моихъ лѣтъ, т. е. знала я лишь одну половину несчастныхъ наклонностей, испортившихъ его жизнь и преждевременно сведшихъ его въ могилу. Но и одной половины было до-

статочно, чтобъ убѣдить меня. что общая будущность для насъ немыслима. Семья, общество, самъ разсудокъ непреодолимой преградой раздѣляли насъ. На что мнѣ было будущее? Я полной жизнью жила настоящимъ.

Думы дѣвичьи, завѣтныя,
Кто васъ можетъ разгадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.

Эта идиллія продолжалась двѣ недѣли. Пятнадцать только чистыхъ, ясныхъ дней....

Полежаевъ былъ отпущенъ на срокъ, за порукою моего отца. Срокъ насталъ. Отецъ, привыкшій съ малыхъ лѣтъ къ военной дисциплинѣ, былъ неумолимъ. Ѣхать надо. При прощаніи, когда мы всей семьей провожали Полежаева, онъ подалъ мнѣ на память ту книжку Гюго, изъ которой всегда дѣлалъ переводы. Въ ней былъ сложенный листокъ бумаги; и та и другое хранится у меня до сихъ поръ. Вотъ эти стихи: «Зачѣмъ хотите вы лишить» и пр. (см. стр. 182).

Начало ихъ относится къ тому, что мы, дѣти, зная стѣсненныя обстоятельства уѣзжающаго. сдѣлали складчину изъ нашихъ маленькихъ сбереженій и дали ихъ отцу, чтобъ онъ присоединилъ ихъ къ своей лептѣ, но съ тѣмъ, чтобъ Полежаевъ не зналъ, отъ кого именно идетъ эта помощь. Но, видно, отецъ проговорился. Полежаевъ, хотя положительно терпѣлъ нищету, но былъ до крайности гордъ и деликатенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Отецъ долго не могъ его уломать и уговорить принять отъ него пособіе. Честность его доходила до щепетильности. Онъ тогда только согласился что либо принять отъ отца моего, когда самъ полюбилъ его какъ друга. Но, не смотря на ихъ близость, никогда Полежаевъ не говорилъ ему о своихъ родныхъ. Часто отецъ заговаривалъ съ нимъ на эту тему, но онъ всегда отвѣчалъ уклончиво и перемѣнялъ разговоръ. Мы не знали, ни кто онъ, ни какого онъ происхожденія. Прочитавъ въ Русскомъ, Архивѣ 1881 г. «Біографическій очеркъ» съ указаніемъ въ немъ что Полежаевъ былъ незаконнымъ сыномъ помѣщика Струй-

скаго, я поняла причину молчанія.... Замѣчательно то, что человѣкъ, такъ явно всю жизнь шедшій въ разрѣзъ съ законами общества, такъ упорно ими пренебрегавшій, стыдился своего происхожденія. Въ этомъ, по видимому, противорѣчіи чувствуется врожденное, свыше внушенное желаніе видѣть безукоризненными тѣхъ, уваженіе къ кому повелѣвается и природою, и божественною заповѣдью. Почему же онъ родителей укорялъ въ томъ, что̀ самъ не только считалъ позволительнымъ, но даже воспѣвалъ въ продолженіе почти всей своей жизни? Нѣтъ, видно, истина одна и неизмѣнна, и какъ бы ни палъ высокій духъ, но онъ безсознательно стыдится порока и въ глубинѣ своей сознаетъ величіе того, что мы называемъ добродѣтелью.

Подъ портретомъ, мною рисованнымъ, Александръ Ивановичъ написалъ шестистишіе: «Судьба меня въ младенчествѣ убила» и пр. (см. стр. 181).

Ни Полежаева, ни Ильинскаго я больше не видала. Нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, наступила непогода; мы возвратились въ душную Москву, къ прозѣ обыденной жизни; хуже того: мы узнали, что неисправимый грѣшникъ не возвратился въ полкъ свой, а пропалъ, поглощенный, вѣроятно, трущобами столицы. Впрочемъ, это одно предположеніе; какъ и куда онъ изчезъ, никогда я не узнала. Но на нашу квартиру явился присланный полковникомъ фельдфебель, чтобъ отыскать бѣглеца. Этому солдату мой старшій братъ показалъ рисованный мной портретъ Александра Ивановича: онъ его тотчасъ призналъ. Отецъ мой очень разсердился, узнавъ, что Полежаевъ поставилъ его въ такое щекотливое положеніе: онъ взялъ его съ собой безъ отпуска, за своей порукой, на честное слово... Что скажетъ онъ полковнику? Не знаю, какъ это дѣло уладилось.

Недолго послѣ этого грустнаго заключенія нашихъ ясныхъ дней, старшій братъ сообщилъ мнѣ по секрету, что слышалъ отъ своего учителя студента, что Полежаевъ написалъ новое стихотвореніе «Черные глаза» и что оно написано для меня. Я, конечно, объ этомъ молчала. Не знаю, какимъ образомъ это сооб-

щеніе дошло до отца, который страшно разсердился на брата и при мнѣ жестоко сталъ его распекать. «Какъ смѣлъ ты подобный вздоръ выдумать? «Черные глаза» не написаны и не могли быть написаны на твою сестру! Ces vers sont une horreur!» прибавилъ онъ съ негодованіемъ. Братъ смолчалъ, но когда мы остались съ глазу на глазъ онъ мнѣ вновь потвердилъ, что знаетъ навѣрное, что «Черные глаза» написаны для меня и что учитель говоритъ, что стихи очень хороши. «Учитель говоритъ: стихи хороши», подумала я, «а отецъ о нихъ отзывается, que c'est une horreur! Что бы это значило?» Но такъ и осталась я при своемъ недоумѣніи.

Вѣроятно и учителю досталась головомойка, и позаботились о томъ, чтобъ horreur не попалась мнѣ на глаза. Это несчастное стихотвореніе, которое я прочла нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ печати, по всей вѣроятности причина тому, что съ тѣхъ поръ домъ нашъ навѣки былъ закрытъ для бѣднаго грѣшника. Отецъ мой, вѣроятно, не прерывалъ съ нимъ сношеній; но въ моемъ присутствіи никогда о немъ не упоминали. Старшаго брата увезли въ Петербургъ въ юнкерскую школу; не у кого было мнѣ и узнать, что сталось съ несчастнымъ поэтомъ. У родныхъ я боялась спросить, чтобъ не услыхать непріятнаго о немъ отзыва, что̀ было бы для меня хуже самой неизвѣстности.

Что же дальше? спросите вы, можетъ быть. Геніальное перо Пушкина мѣтко и вѣрно очертило участь дѣвушекъ тридцатыхъ годовъ:

Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, участь эта во многомъ измѣнилась къ лучшему. Полно, къ лучшему ли?—Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно написать нѣсколько томовъ...

Что же вышло изъ этой идилліи, изъ этого краткаго, но полнаго созвучія двухъ душъ, одной отжившей, другой дѣтской, пробуждавшейся къ жизни? По словамъ Бѣлинскаго, у поэта оно выразилось въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ, исполненныхъ

силы и таланта. Это—для читающей публики. Но то, что страдало и томилось внутри человѣка, то осталось навѣки съ нимъ погребено. Въ пробуждавшейся душѣ это созвучіе породило стремленіе ко всему истинно-прекрасному и непреодолимое отвращеніе отъ всего пошлаго, въ какомъ бы видѣ оно ни появилось. Безсмертный Мицкевичъ сказалъ, что не даромъ прожилъ тотъ,

. Kto poznal Boga wielkego na niebie
I kohał męża wielkego na ziémi.

Здоровье Полежаева становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, и уже въ ноябрѣ 1835 г. онъ написалъ свое извѣстное «Прощаніе съ жизнію»; наконецъ чахотка окончательно сокрушила его и 25-го сентября 1837 г. онъ поступилъ въ военный госпиталь, гдѣ и скончался 16-го января 1838 г., 32 лѣтъ отъ роду, послѣ 12-лѣтней службы солдатомъ и унтеръ-офицеромъ. Правда, еще 16-го іюля 1837 г. начальство представило его къ производству въ офицеры, но чинъ прапорщика данъ былъ ему только 27-го декабря, и о своемъ производствѣ Полежаевъ если и узналъ, то за нѣсколько дней до смерти.

Трупъ его былъ вынесенъ въ подвалъ, и когда одинъ изъ друзей пришелъ просить тѣло для погребенія, то оказалось, что крысы объѣли одну ногу. Въ хранящейся же нынѣ при церкви московскаго военнаго госпиталя метрической книгѣ за 1838 г., подъ № 48 записано: «1838 г. января 16-го дня, Тарутинскаго егерскаго полка прапорщикъ Александръ Полежаевъ отъ чахотки умеръ, и священникомъ Петромъ Магнитскимъ на Семеновскомъ кладбищѣ погребенъ».

Похоронили его въ офицерскомъ мундирѣ, котораго при жизни онъ никогда не носилъ, и портреты его приказали прилагать къ сочиненіямъ въ такой же формѣ. Друзья хотѣли поставить надъ могилою памятникъ, но предположеніе это не состоялось и могила давно затеряна, такъ что вполнѣ исполнилось пророчество о ней самого поэта:

И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста.

1825.

Морни и тѣнь Кормала.

(Изъ Оссіана).

МОРНИ.

Владыко щитовъ,
Мечей сокрушитель,
И сильныхъ громовъ
И бурь повелитель!
Война и пожаръ
Въ Арвенѣ пылаютъ,
Арвену Дунскаръ
И смерть угрожаютъ.
Реки мнѣ, о тѣнь
Обители хладной!
Падетъ ли въ сей день
Дунскаръ кровожадный?
Твой сынъ тебя ждетъ,
Надеждою полный...

И море реветъ,
И пѣнятся волны;
Испуганный вранъ
Летитъ изъ стремнины;
Простерся туманъ
На лѣсъ и долины;
Эѳиръ задрожалъ,
Спираются тучи...
Не ты ли, Кормалъ,
Несешься могучій?

ТѢНЬ.

Чей гласъ роковой
Тревожить дерзаетъ
Мой хладный покой?

МОРНИ.

Твой сынъ вопрошаетъ,
Царь молній, тебя!
Неистовый воинъ
Напалъ на меня —
Онъ казни достоинъ...

ТѢНЬ.

Ты просишь...

МОРНИ.

Меча!
Меча твоей длани,
Отъ молній луча!
Какъ бурю во брани,
Узришь меня съ нимъ;

Онъ страшно заблещетъ
На пагубу злымъ;
Сынъ горъ затрепещетъ,
Сраженный падетъ —
И Мòрни воздвигнетъ
Трофеи побѣдъ...

ТѢНЬ.

Прими — да погибнетъ!...

Непостоянство.

Онъ удалился, лицемѣрный,
Священнымъ клятвамъ измѣнилъ,
И эхо вторитъ: легковѣрный!
Онъ Нину разлюбилъ!
Онъ удалился!

Могу ли я, въ моей ли власти,
Злодѣя милаго забыть?
Крушись, терзайся, жертва страсти!
Удѣлъ твой — слезы лить:
Онъ удалился!

Въ какой пустынѣ отдаленной,
Въ какой невѣдомой странѣ
Сокрою стыдъ любви презрѣнной?
Вездѣ все скажетъ мнѣ:
Онъ удалился!

Одна, чужда людей и міра,
При томной пѣснѣ соловья,

При легкомъ вѣяньи зефира
Невольно вспомню я:
Онъ удалился!

Онъ удалился... Все свершилось!...
Минувшихъ дней не возвратить.
Какъ призракъ, счастіе сокрылось...
Зачѣмъ мнѣ больше жить?...
Онъ удалился!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Воспоминаніе.

Исчезли, исчезли веселые дни,
  Какъ быстрыя воды умчались;
Увы! но въ душѣ охладѣлой они
  Съ прискорбною думой остались.
Какъ своды лазурнаго неба мрачитъ,
  Облекшися въ бури, ненастье:
Такъ грусть мое сердце и духъ тяготитъ.
  Полина, отдай мое счастье!
Мой ангелъ! о Боже! зачѣмъ я узрѣлъ
  Твои красоты несравненны?
Любовь безъ надежды—мой грозный удѣлъ.
  Безумецъ слѣпой, дерзновенный,
Чтобъ видѣть улыбку на милыхъ устахъ,
  Я жертвовалъ каждой минутой
И пилъ не блаженство въ прелестныхъ очахъ,
  Но ядъ смертоносный и лютый.
Невольно кипѣла горячая кровь
  Въ мечтаніяхъ нѣжныхъ и страстныхъ,
Невольно въ груди волновалась любовь
  И пламя желаній опасныхъ.

Пріятное иго почувствовалъ я,
  Въ душѣ родилась перемѣна,
Исчезла свобода, подруга моя;
  Не могъ избѣжать я отъ плѣна;
Но что, о прекрасная, сталось со мной,
  Волшебная прелестей сила!
Когда тебя обнялъ я пылкой рукой,
  Когда ты, мой другъ, приклонила
На перси лилейныя робко главу
  И въ страсти взаимной призналась?
О Боже, о Боже! зачѣмъ я живу?
  Минута любви миновалась!
Далеко, мой ангелъ, далеко оно,
  Восторговъ живыхъ упоенье;
Быть можетъ, навѣкъ и навѣкъ мнѣ одно
  Въ награду осталось мученье...
Исчезли, исчезли веселые дни,
  Какъ быстрыя воды умчались;
Увы! но въ душѣ охладѣлой они
  Съ прискорбною думой остались.

Любовь.

Свершилось Лилетѣ
Четырнадцать лѣтъ;
Милѣе на свѣтѣ
Красавицы нѣтъ.
Улыбкою радость
И счастье даритъ;
Но счастія сладость
Лилеты бѣжитъ.
Не лестны унылой
Толпы жениховъ,
Не радостны милой
Веселья пировъ.
Въ кругу ли бываетъ
Подругъ молодыхъ —
И томность сіяетъ
Въ очахъ голубыхъ;
Одна ли въ пріятномъ
Забвеньи она —
Вездѣ непонятнымъ

Желаньемъ полна.
Въ природѣ прекрасной
Чего-то ей нѣтъ;
Какой-то неясный
Ей мнится предметъ.
Невольная скука
Дѣвицу крушитъ,
И тайная мука
Волнуетъ, томитъ.
Ахъ, юныя лѣта!
Ахъ, пылкая кровь!
Лилета, Лилета!
Вѣдь это — любовь.

1826.

Ночь.

Умолкло все вокругъ меня;
Природа въ сладостномъ покоѣ;
Едва блеститъ свѣтило дня;
Въ туманахъ небо голубое.
Печальной думой удрученъ,
Я не вкушу отрады ночи,
И не сомкнетъ пріятный сонъ
Слезой увлаженныя очи.
Какъ жаждетъ капли дождевой
Цвѣтокъ, увянувшій отъ зноя,
Такъ жажду, мучимый тоской,
Себѣ желаннаго покоя.
Мальвина, радость прежнихъ дней!
Мальвина, другъ мой несравненный!
Онъ живъ еще въ душѣ моей,
Твой образъ милый, незабвенный.

Такъ! всюду зрю его черты:
Въ лунѣ задумчивой и томной,
Въ порывѣ пламенной мечты,
Въ видѣньяхъ ночи благотворной
Твоя невидимая тѣнь
Летаетъ тайно надо мною;
Я зрю ее — но зрю, какъ день
За этой мрачной пеленою...
Я съ ней — и отъ нея далекъ —
И легкій вѣтеръ изъ долины
Или журчащій ручеекъ
Мнѣ — голосъ сладостной Мальвины!
Я съ ней — и блеска сихъ очей,
На мнѣ покоившихся страстно,
Въ сіяньи радужныхъ лучей
Ищу въ замѣну я напрасно!
Я съ ней — и милыя уста
Цѣлую въ розѣ ароматной!
Я съ ней и нѣтъ — и все мечта,
И пылкихъ чувствъ обманъ пріятный!...
Какъ свѣтозарная звѣзда,
Мальвина въ мірѣ появилась,
Плѣнила міръ — и навсегда
Звѣздой падучею сокрылась.
Мальвины нѣтъ! исчезли съ ней
Любви, надеждъ очарованье,
И скорбной участи моей
Одна отрада: вспоминанье.

Злобный генiй.

(Изъ Лямартина).

Когда задумчивый, унылый,
Сижу съ тобой наединѣ
И, непонятной движимъ силой,
Лью слезы въ сладкой тишинѣ;
Когда во мракъ густаго бора
Тебя влеку я за собой;
Когда въ восторгахъ разговора
Въ тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Плѣняетъ мой ревнивый слухъ;
Когда любви очарованье
Волнуетъ грудь мою и духъ;
Когда главою на колѣна
Ко мнѣ ты страстно припадешь
И кудри пышныя гебена
Съ небрежной нѣгой разовьешь,
И я задумчиво покою

Мой взоръ въ огнѣ твоихъ очей —
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.
Ты окропляешь въ умиленьи
Слезой горячею меня;
Но и въ сердечномъ упоеньи,
Въ восторгѣ чувствъ страдаю я...
«О мой любезный! ты ли муки
Мнѣ неизвѣстныя таишь?»
Вокругъ меня обвивши руки,
Ты мнѣ печально говоришь...
«Прошу за страсть мою награды!
Открой мнѣ, милый, скорбь твою!
Бальзамъ любви, бальзамъ отрады
Тебѣ я въ сердце излію!»
— Не вопрошай меня напрасно,
Моя владычица, мой богъ!
Люблю тебя сердечно, страстно —
Никто сильнѣй любить не могъ!
Люблю... но змѣй мнѣ сердце гложетъ;
Вездѣ ношу его съ собой,
И въ самомъ счастіи тревожитъ
Меня какой-то геній злой...
Онъ, онъ — мечтой непостижимой
Меня навѣкъ очаровалъ,
И мой покой ненарушимый,
И нить блаженства разорвалъ.
«Пройдетъ любовь, исчезнетъ радость»,
Онъ мнѣ язвительно твердитъ,
«Какъ запахъ розъ, какъ вѣтеръ, младость
Съ ланитъ цвѣтущихъ отлетитъ!...»

Юность.

(Изъ Ламартина).

О други, сорвемте румяныя розы
Весной ароматною жизни младой!
Вѣдь время летитъ, и напрасныя слезы,
Увы, не воротятъ минуты златой!...
Какъ плаватель робкій, грозой устрашенный
И быстро носимый въ пучинѣ валовъ,
Готовится къ смерти — и въ думѣ смущенной
Завидуетъ миру домашнихъ боговъ,
И поздно желаетъ бѣды неизбѣжной,
Терзаемый лютой тоской, миновать,
И снова, не видя отрады надежной,
Безумецъ дерзаетъ судьбу порицать —
Такъ точно, о други, и старецъ, согбенный
Подъ игомъ недуговъ и бременемъ лѣтъ,
Стремится, пріятной мечтой окрыленный,
Къ веснѣ своей жизни — и нѣтъ ея, нѣтъ!...
«Отдайте, отдайте мнѣ юные годы

И младости краткой веселые дни!»
Онъ вопитъ — и тщетно; какъ вихри, какъ воды,
Въ туманномъ пространствѣ исчезли они —
И грозные боги не слышатъ моленья...
Онъ розы блаженства срывать не умѣлъ;
Безпечный, не могъ изловить наслажденья,
И цвѣтъ на могилѣ — страдальца удѣлъ...
Сорвемте же, други, румяныя розы,
Весною цвѣтущею жизни младой!
Вѣдь время летитъ, и напрасныя слезы,
Увы, не воротятъ минуты златой!...

Мечта.

(Изъ Ламартина).

Простерла ночь свои крылѣ
  На сводъ небесъ червленный;
Туманы вьются на землѣ...
  Въ сонъ легкій погруженный,
На камнѣ дикомъ я сижу
  Въ мечтаніяхъ унылыхъ,
И въ горькой думѣ привожу
  На память сердцу милыхъ.
Вдругъ изъ-за черносизыхъ тучъ,
  Серебряной струею,
Съ луны отторгнувшійся лучъ
  Блеснулъ передо мною.
О милый лучъ, зачѣмъ разсѣкъ
  Ты горніе туманы?
Иль исцѣлить мои притекъ
  Неисцѣлимы раны?
Или сокрытыя судьбой
  Повѣдать тайны міра?

О лучъ божественный, открой,
 Открой, пришлецъ эѳира:
Или къ несчастливымъ влечетъ
 Тебя волшебна сила,
И снова къ счастью расцвѣтетъ
 Душа моя уныла?
Такъ! я восторгомъ упоенъ
 И мыслію священной:
Не ты ли въ образъ облеченъ
 Души мнѣ незабвенной?
Быть можетъ, вьется надо мной
 Духъ милый въ видѣ тѣни;
Быть можетъ, ивы сей густой
 Онъ потрясаетъ сѣни.
Ахъ, если это не мечта
 Въ часъ полночи священный,
Носися вкругъ меня всегда,
 О призракъ драгоцѣнный!
Хотя твоимъ полетомъ слухъ
 Мой робкій насладится,
И изнемогшій, скорбный духъ
 Внезапно оживится...
Но мѣсяцъ посреди небесъ
 Облекся пеленою.
Гдѣ милый лучъ мой? Онъ исчезъ —
 И я одинъ съ мечтою!

2

Погребеніе.

Я видѣлъ смерти лютый пиръ –
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флеръ и не кадилы,
Не сонмъ придворныхъ и пажей
За ней тѣснились до могилы.
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой прислуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и въ день печали
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ,
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ...

И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница —
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица...
Я видѣлъ все; въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: «прости, прости, невѣста!»
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ ее — она, играя,
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ, блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ дареный отцвѣла.

Дѣвичье поле.

(Отрывокъ).

Привѣтъ тебѣ, Дѣвичье поле,
Съ твоей обителью святой,
Гдѣ дѣвы юныя въ неволѣ
Проводятъ вѣкъ печальный свой.
Какой окрестъ прелестный видъ
Красой природною блеститъ...
Взгляни, сребристыми струями
Москва рѣка въ брегахъ течетъ,
Чернѣетъ лодка съ рыбаками
И быстро вдоль рѣки плыветъ;
А тамъ внизу ея зыбей
Тащатся сѣти рыбарей;
Среди прибрежной луговины
Рога пастушечьи трубятъ;
Вдаль — Воробьевыхъ горъ вершины
Съ зеленой рощей, взоръ манятъ
Прохладной утренней порою.
Аврора гаснетъ; а потомъ

Выходитъ солнце за горою
На небѣ чистомъ, голубомъ;
Пернатыхъ хоръ его встрѣчаетъ
Веселой пѣснею живой;
А Фебъ лучи свои бросаетъ
Надъ очарованной землей;
Отъ нихъ брега рѣки златятся
И рыбы въ струйкахъ веселятся,
Плывя по зыбкому стеклу
На дно къ янтарному песку.
Волшебный край очарованья,
Твои безчисленны красы!
Съ душой, исполненной мечтанья,
Одинъ въ полдневные часы
Тамъ, тамъ, подъ тѣнію деревъ
Внималъ я иволги напѣвъ,
И шумъ нагорнаго потока,
И говоръ листьевъ надо мной,
И пѣсни дѣвы одинокой...
Плѣняло все меня собой...

. . . .

Пробилъ на башнѣ часъ полночный,
Запѣлъ въ обители пѣтухъ
Пришелъ молитвы часъ урочный
И кой-гдѣ огонекъ потухъ.
Звѣзда полуночи сверкала
Надъ тѣмъ святымъ монастыремъ...
Безмолвно все — и лишь травою
Зефиръ полночный шевелитъ
И стражъ недремлющей рукою
Въ доску чугунную звенитъ...

Четыре націи.

Британскій лордъ
Свободой гордъ,
Онъ властелинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Родной земли.
Ни короли,
Ни проискъ папъ
Кровавыхъ лапъ
Изподтишка
На смѣльчака
Не занесутъ.
Отважный Брутъ —
Онъ носитъ мечъ,
Чтобъ когти сѣчь.

Французъ — дитя,
Онъ вамъ, шутя,
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ;

Нетерпѣливъ,
Самолюбивъ,
Онъ быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ;
Онъ смѣлъ и слабъ,
И царь, и рабъ;
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума;
Онъ какъ чума
Сосѣднихъ странъ;
Мертвецки пьянъ,
Носъ въ табакѣ,
Самъ въ колпакѣ,
Сидѣть готовъ
Хоть пять вѣковъ
Надъ кучей книгъ,
Кусать языкъ
И проклинать
Отца и мать
За пару строкъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Понять не могъ.

Въ Россіи . . .
. . . .
Разиня ротъ,
Во весь народъ,

Кричатъ: —
«Насъ бить пора!
Мы любимъ кнутъ!»
Зато и бьютъ
Ихъ, какъ скотовъ,
Безъ дальнихъ словъ,
И ночь, и день —
Да и не лѣнь:
Что вилы въ бокъ,
То сѣна клокъ!
Чѣмъ больше бьютъ,
Тѣмъ больше жнутъ!
А безъ побой
Вся Русь хоть вой—
И упадетъ,
И пропадетъ.

1827—1829.

Вечерняя заря.

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру слетя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ, и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Что жъ, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ

Моего бытія?
Что жъ въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска...
Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ — но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою....
Не расцвѣлъ — и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей,
Но ихъ рой отлетѣлъ

При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой!...
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ
Не сгораючи тлѣть...
Не кропите жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой;
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
Сокрушила судьба...
. . . .
. . . .
. . . .

Видѣніе Валтасара.

ПОДРАЖАНІЕ V-Й ГЛАВѢ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

(Изъ Байрона).

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ, и горитъ,
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоенъ, восхищенъ,
Царь на тронѣ сидитъ —

И торжественный тронъ
И блеститъ, и горитъ...

Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ,
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ (ужасъ очей!):
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царемъ,
Начертала слова...

И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской...
И еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И слова прочиталъ:
«Мàни, ѳекелъ, фаресъ!
Вотъ слова на стѣнѣ;
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани значитъ: монархъ,
Кончилъ царствовàть ты!

Градъ у персовъ въ рукахъ—
Смыслъ середней черты;
Фàресъ—третье—гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!...»

Рекъ — исчезъ... Изумленъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ,
И — онъ мертвъ на щитѣ!...

Пѣснь плѣннаго ирокезца.

Я умру! на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои;
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего,
И какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой,
И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.

И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ.»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ,
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой.
Побѣдимъ, поразимъ!
И врагамъ отомстимъ!

Я умру! на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Кремлевскій садъ.

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнетъ гулъ раскатный
И шумъ докучный городской,
Досугъ невинный и пріятный
Подъ сводомъ неба провождать.
Люблю задумчиво питать
Мои безпечныя мечтанья
Вкругъ стѣнъ Кремлевскихъ вѣковыхъ,
Подъ тѣнью липокъ молодыхъ,
И пить весны очарованье
Въ ароматическихъ цвѣтахъ,
Въ красѣ аллей разнообразныхъ,
Въ блестящихъ зеленью кустахъ.
Тогда, краса лѣнивцевъ праздныхъ,
Одинъ, не занятый никѣмъ,
Смотря и ничего не видя,
И, какъ султанъ, на лавкѣ сидя,
Я созидаю свой эдемъ
Въ смѣшныхъ и странныхъ помышленьяхъ.

Мечтаю, грежу, какъ во снѣ,
Гуляю въ выспреннихъ селеньяхъ —
На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
Преображаюсь въ полубога,
Сужу рѣшительно и строго
Мірскія бредни, цѣлый міръ,
Дарую счастье милліонамъ...
. . . .
И между тѣмъ, пока мой пиръ
Воздушный, легкій и духовный
Пріемлетъ всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше подмосковной —
Плывя, какъ лебедь, въ небесахъ,
Луна сребритъ сѣдыя тучи;
Полночный вѣтеръ на кустахъ
Едва колышетъ листъ зыбучій,
И въ тишинѣ вокругъ меня
Мелькаютъ тѣни проходящихъ,
Какъ тѣни пасмурнаго дня,
Какъ проблески огней блудящихъ.

Табакъ.

Курись, табакъ мой! вылетай
  Изъ трубки дымъ пріятный,
И облаками разстилай
  Свой запахъ ароматный!
Не столько персу милъ кальянъ
  Или шербетъ душистый,
Сколь милъ душѣ моей туманъ
  Твой легкій и волнистый!
Злой рокъ лишилъ меня всего—
  И чести, и свободы,
Но все курю, на-зло его,
  Табакъ, какъ въ прежни годы;
Курю и мыслю: «какъ горитъ
  Табакъ мой въ трубкѣ жаркой,
Такъ и меня испепелитъ
  Рокъ пагубный и жалкій...»
Курись же, вейся, вылетай,
  Дымъ сладостный, пріятный,
И, если можно, исчезай
  И жизнь съ нимъ невозвратно!

На смерть Темиры.

Быстро, быстро пролетаетъ
Время нашъ подлунный свѣтъ,
Все разитъ и сокрушаетъ,
И ему препятствій нѣтъ.
Ахъ, давно ль весна златая
Расцвѣтала на поляхъ?
Часъ пробилъ — зима сѣдая
Мчится въ вихряхъ и снѣгахъ!
Лишь возникла юна роза,
Развернула стебельки —
Дуновеніемъ мороза
Опустилися листки.
Такъ и ты, моя Темира,
Нѣжный другъ души моей,
Бывъ красой недавно міра,
Вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней;
Лишь блеснула, какъ явленье,
И сокрылася опять...
Ахъ, одно мнѣ утѣшенье
О тебѣ воспоминать.

Пѣсня.

(Изъ Панара).

Какъ смѣшонъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!
Хоть сердись,
Хоть бранись,
Коль захочется Амуру,
То жена,
Сатана,
Изомнетъ твою фризуру!

Будешь горестно рыдать,
Будешь лобъ свой проклинать —
Но напрасно!
Не найдешь себѣ утѣхъ
И услышишь только смѣхъ
Повсечасной.
Станутъ дыбомъ волоса,
Коль споютъ тебѣ въ глаза
Пѣсенку такую,
Хитрую и злую:
Какъ смѣшонъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!

Ренегатъ.

(ГАРЕМЪ).

Кто любитъ нѣгу чувствъ, блаженство сладострастья,
И не паритъ въ края азійскіе душой?
Кто, пылкій юноша, который въ мірѣ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда, чалмою крестъ обмѣнитъ,
И населитъ красой блестящей свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ,
И снова обрѣтетъ потерянный эдемъ!...

Тамъ пиръ для чувствъ и ока!
Красавицы Востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,
Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини
Въ восторгахъ огневыхъ
Душа его сольется,
Заснетъ — и вновь проснется,

Чтобъ снова утонуть
Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изнываетъ,
. . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги,
То вьются, то летятъ,
То быстро станутъ въ рядъ.
Межъ тѣмъ, въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Влюбленный сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья,
Залогъ желанный счастья,
Платокъ его летитъ...

О, прочь съ груди моей, исчезни, знакъ священный,
. . . .
. . . .
Гдѣ пышная чалма, гдѣ алкоранъ Пророка?
Когда въ сады прелестнаго Востока

Переселюсь отъ пагубныхъ мнѣ мѣстъ?
Что мнѣ законъ? . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Когда мнѣ жить не должно для него.

Но гдѣ гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая, какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна,
Рѣзвится въ банѣ ароматной?
На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной?
Чья сладострастная нога
Въ водѣ играетъ благовонной
И слишкомъ вольная рука
Шалитъ . . . .
Кого усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая замлѣетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?...
Ахъ, гдѣ я? Что со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ — она идетъ:
Ее любовь на ложѣ ждетъ...
Онъ дышетъ
На томной груди,
Онъ слышитъ
Признанье въ любви,

Цѣлуетъ
Блаженство свое,
Милуетъ
И нѣжитъ ее,
Лобваетъ
Прелестный цвѣтокъ
. . . .
. . . .

Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ,
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.
Онъ пѣлъ... Души его кумиры
Носились тайно вкругъ него,
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ гарема своего.

Рокъ.

Зари послѣдній лучъ угасъ
  Въ природѣ усыпленной;
Протяжно бьетъ полночный часъ
  На башнѣ отдаленной.
Уснули радость и печаль
  И всѣ заботы свѣта;
Для всѣхъ таинственная даль
  Завѣсой тьмы одѣта.
Все спитъ... Одинъ свирѣпый рокъ
  Чуждъ мира и покоя,
И столько жъ страшенъ и жестокъ
  Въ тиши, какъ въ вихрѣ боя.
Ни свѣжей юности красы,
  Ни блескъ души прекрасной
Не избѣгутъ его косы,
  Нежданной и ужасной!
Онъ любитъ жизни бурный шумъ,
  Какъ любятъ ревъ потока,
Или какъ любитъ дѣтскій умъ
  Игру калейдоскопа.

Предъ нимъ равны — рабы, цари,
 Онъ шутитъ надъ султаномъ,
Равно какъ шучивалъ Али
 Янинскій надъ фирманомъ.
Онъ восхотѣлъ — и Крезъ избѣгъ
 Костра при грозномъ Кирѣ,
И Киръ, уснувъ на лонѣ нѣгъ,
 Возсталъ въ подземномъ мірѣ.
Велѣлъ — и Рима властелинъ
 Народный гладіаторъ...
. . . .
 . . . .

Цѣпи.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей!...
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ!
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій —
И умираю ночь и день!

Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе, и печаль —
Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ,
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ!
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

Пѣснь погибающаго пловца.

I.

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

II.

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Глубь безъ дна —
Смерть вѣрна!

Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!...

III.

Горе, горе!
Онъ настигнетъ:
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ —
Гробъ готовъ!...
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ —
Вздохъ пустынный
Разнесетъ!...

IV.

Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья —
Жизнь иль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой,
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!

V.

Сокровенный
Сынъ природы,

Неизмѣнный
Другъ свободы —
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ.

VI.

На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой;
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ.

VII.

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ;
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ.

VIII.

Парусъ бѣлый,
Перелетный;
Якорь смѣлый,
Беззаботный;
Тусклый лучъ
Изъ-за тучъ;
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей —
Замѣняли
Мнѣ друзей.

IX.

Что жъ мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной?
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой —
И погибнетъ
Трупъ живой!...

X.

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,

Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

Ожесточенный.

О, для чего судьба меня сгубила?
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня навѣкъ природа исключила,
И страшно вживѣ умеръ я?
Еще въ груди моей бунтуетъ пламень
Неугасаемыхъ страстей,
А совѣсть, какъ врага заклятый камень,
Гнететъ отверженца людей!
Еще мой взоръ, блуждающій, но быстрый,
Порою къ небу устремленъ,
А божества святой, отрадной искры,
Надежды съ вѣрой — я лишонъ!
И дышетъ все въ созданіи любовью,
И живы — червь, и прахъ, и листъ,
А я, злодѣй, какъ Авелевой кровью
Запечатлѣнъ — я атеистъ!...
И вижу я, какъ горестный свидѣтель,
Сіянье утренней звѣзды,
И съ каждымъ днемъ твердитъ мнѣ добродѣтель:
«Страшись, страшись готовой мзды!...»

И грозенъ онъ, висящей казни голосъ,
  И стынетъ кровь во мнѣ, какъ ледъ,
И на челѣ стоитъ невольно волосъ,
  И выступаетъ градомъ потъ!
Бѣжалъ бы я въ далекія пустыни,
  Презрѣлъ бы ужасъ гробовой!
Душа кипитъ, но руки не рабыни
  Разбить сосудъ свой роковой!
И жизнь моя мучительнѣе ада,
  И мысль о смерти тяжела...
А вѣчность... ахъ! она мнѣ не награда —
  Я сынъ погибели и зла!
Зачѣмъ же я возникъ, о провидѣнье,
  Изъ тьмы вѣковъ передъ тобой?
О, обрати опять въ уничтоженье
  Атомъ, караемый судьбой!
Земля, раскрой несытую утробу,
  Горящей Этной протеки,
И, бурный вихрь, тоску мою и злобу,
  И память — съ пепломъ развлеки!

Живой мертвецъ.

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полунóчи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый.
Блѣдно, какъ саванъ гробовой,
Чело отверженца природы;
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный, онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И — очарованъ — за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.

Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землей,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверненнымъ.
Вотъ мой удѣлъ!... Игра страстей,
Живой стою при двѣряхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И, членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы!
Мнѣ міръ — пустыня, гробъ — чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть за мигъ ожесточенья
Самоубійцу судитъ Богъ!

Арестантъ.

А. П. Лозовскому.

Ты мнѣ чужой—не съ давнихъ лѣтъ
Знакомъ душѣ твоей поэтъ!
Не симпатія двухъ сердецъ
Святаго дружества вѣнецъ
Въ счастливой жизни намъ вила
И другъ для друга создала.
Быть можетъ, разъ сойтись съ тобой
Мнѣ предназначено судьбой —
И мы сошлись! Ты — въ красотѣ
Цвѣтущихъ дней, я — въ нищетѣ
Позорныхъ узъ... Добро иль зло
Тебя къ страдальцу привело?
Боюсь понять: подъ игомъ бѣдъ
Мнѣ подозрителенъ весь свѣтъ;
Погибшей истины черты
Въ моихъ глазахъ однѣ мечты:
Уму суровому она
И ненавистна, и смѣшна.
Быть можетъ, вѣтренникъ младой,

Смѣясь надъ глупой добротой,
Вмѣнивши шалости въ законъ
И быстрымъ чувствомъ, увлеченъ,
Ты ложной жалостью хотѣлъ
Смягчить ужасный мой удѣлъ
Иль осмѣять мою тоску;
Быть можетъ, лестью простаку
Желалъ о счастьи вспомянуть,
И вновь жестоко обмануть...
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей!
Пусть ихъ коварства лютый ядъ
Въ моей груди усилитъ адъ —
И ты не лучше ихъ ничѣмъ!...

Не знаю самъ: за что, зачѣмъ
Я полюбилъ тебя? Твой взоръ
Не есть несчастному укоръ!
Твой голосъ, звукъ твоихъ рѣчей
Мнѣ милъ, какъ сладостный ручей...
Такъ соловей, въ ночной тиши,
Поетъ для горестной души,
Такъ Аббадонѣ Уріилъ
Во тьмѣ геенны говорилъ...
Глаза печальные мои
Слезу пріязни и любви
Въ твоихъ замѣтили очахъ:
Ты любишь самъ меня — но, ахъ!
Твое участіе ко мнѣ,
Какъ легкій пепелъ на огнѣ,
На мигъ возникнетъ, оживетъ
И вмѣстѣ съ вѣтромъ пропадетъ!
Я не виню тебя — жестокъ
Ко мнѣ не ты, а злобный рокъ,
И ты простишь въ пылу страстей

Обидной вольности моей —
Я снова узникъ и солдатъ!...

Вотъ тайный даръ моихъ стиховъ...
Проникни въ силу этихъ словъ...
Прочти; коль вздумаешь, спиши
И не забудь меня въ глуши...
Когда жъ забудешь — Богъ съ тобой!
Но знай, что я навѣки твой...

Спасскія казармы.
1828 года.

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о чемъ.
Увы! старинный даръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ, и острыхъ словъ
Исчезли въ буйной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
Поэтъ плѣнительныхъ страстей
Живой сидитъ въ когтяхъ чертей,
Атласныхъ ручекъ не поетъ
И чуть по-волчьи не ревeтъ...
Броня сермяжная и штыкъ —
Удѣлъ того, кто былъ великъ
На полѣ перьевъ и чернилъ;
Солдатскій киверъ осѣнилъ
Главу, достойную вѣнка...

И Чайльдъ-Гарольдова тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого...
Но на призывный, дружній гласъ
Отвѣчу я въ послѣдній разъ,
Еще до смерти согрѣшу
И листъ бумаги испишу.
Прочти его и согласись,
Что если средства нѣтъ спастись
Отъ угнетеній и цѣпей,
То жизнь страшнѣе ста смертей,
И что свободный человѣкъ
Свободнымъ кончить долженъ вѣкъ...
. . . .
. . . .

Опытъ злой . . . .
Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
И ясно, ясно доказалъ,
Что добродѣтель есть мечта,
. . . . суета,
Любовь и дружба — пара словъ,
А жалость — мщеніе враговъ...
Одно подъ солнцемъ есть добро —
Неочиненное перо . . .
. . . .

Въ столицѣ русскихъ городовъ,
М...., монаховъ и поповъ,
На славномъ валѣ Земляномъ,
Стоитъ гостепріимный домъ;
Сей домъ больницею зовутъ —

И много въ немъ здоровыхъ мрутъ;
Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой,
Кругомъ обстроенный, большой —
И этотъ домъ извѣстенъ намъ,
Въ Москвѣ, подъ именемъ «казармъ»;
Въ казармахъ этихъ тьма людей,
И ночью множество . . . . . .
На нарахъ съ воинами спятъ,
И веселятся, и шумятъ,
И на огромномъ томъ дворѣ,
Какъ будто въ ямѣ иль дырѣ,
Издавна выдолблено дно,
Иль гауптвахта, все равно;
И дна того на глубинѣ
Еще другое дно въ стѣнѣ —
И называется тюрьма;
Въ ней сырость страшная и тьма,
И проблескъ солнечныхъ лучей
Сквозь окна слабо свѣтитъ въ ней;
Растреснутый кирпичный сводъ
Едва, едва не упадетъ
И не обрушится на полъ,
Который снизу, какъ Эолъ,
Тлетворнымъ воздухомъ несетъ
И съ самой вѣчности гніетъ...
Въ тюрьмѣ, жертвъ на пять или шесть
Рядъ малыхъ наръ у печки есть...
И противъ наръ вдоль по стѣнѣ
Доска, подобная скамьѣ...
И десять удалыхъ головъ,
Судьбы рѣшительныхъ враговъ,
На малыхъ нарахъ тѣхъ сидятъ,

И кандалы на нихъ гремятъ...
И каждый день по-вечеру,
Ложася спать, и по-утру
Въ молитвѣ къ Господу Христу...
. . . .
И на доскѣ, что у окна
На двухъ столбахъ утверждена,
Броней сермяжною одѣтъ,
Лежитъ вербованный поэтъ.
Броня на немъ, броня подъ нимъ,
И все одна и та же съ нимъ,
Какъ вѣрный другъ, всегда лежитъ,
И согрѣваетъ, и хранитъ...
Кисетъ съ негоднымъ табакомъ
И полновѣснымъ пятакомъ,
На необтесанномъ столѣ,
Лежитъ у узника въ углѣ.
Здѣсь онъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Обезображенъ, какъ скелетъ,
Съ полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской...
Здѣсь триста шестьдесятъ пять дней,
Въ кругу Платоновыхъ людей,
Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
И долю горькую клянетъ...
Онъ не живетъ уже умомъ:
Душа и умъ убиты въ немъ;
Но, какъ бродячій автоматъ,
Или безчувственный солдатъ,
Штыкомъ рожденный для штыка,
Онъ дышетъ жизнью дурака:
Два раза на день ѣстъ и пьетъ

И долгъ природѣ отдаетъ...

. . . .

Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны,
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ:
Безумнымъ радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ,
И слезы крупныя блестятъ,
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой
Несчастный видитъ, ловитъ вновь —
Опять поетъ, опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ!
Онъ къ ней стремится, къ ней летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ...
Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ —
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ —
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,
Унесъ души его обманъ...
Такъ жнецъ на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ —
И замеръ серпъ въ его рукахъ...
Надежду, радость — все взяла
Молніеносная стрѣла!...

. . . .

Оставленъ всѣми, одинокъ,

Какъ въ море брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ,
Онъ увядаетъ въ тишинѣ...
Участье вѣрное друзей,
Которыхъ шумные рои,
Подъ ложной маскою любви,
Всегда готовы для услугъ,
Когда есть денежный сундукъ
Или подобное тому —
Не въ тягость болѣе ему:
Изъ ста знакомыхъ щегольковъ,
Большаго свѣта знатоковъ,
Никто ошибкою къ нему
Не залеталъ еще въ тюрьму...
Да и прекрасно... Для чего?
Тамъ нѣтъ ни водки, ничего...
Чутье животныхъ, модный тонъ
Или приличія законъ —
Вотъ тайна дружественныхъ узъ,
А нѣжность сердца, тонкій вкусъ —
Причина важная забыть
Того, кто слезы долженъ лить...
«Ахъ, какъ онъ жалокъ, quelle misère!
Какъ потерялся онъ, mon cher!»
Лепечетъ милый фанфаронъ —
И долгъ пріязни заплаченъ...
Зачѣмъ пенять? Они умны,
Ихъ разсужденія вѣрны:
Такъ должно было; напередъ
Судьба намъ сдѣлала разсчетъ,
И правы мрачный фаталистъ
И всѣмъ довольный оптимистъ:

Система звѣздъ, прыжокъ сверчка,
Движенья моря и смычка —
Все воля Творческой руки...
. . . .
. . . .
Или одинъ свирѣпый рокъ
Въ пучину бѣдъ меня завлекъ?...
. . . .
. . . .
Такъ и забвеніе друзей —
Оно не есть коварство змѣй;
Имъ наслажденіе дано,
А мнѣ страданье суждено;
И пусть гнетъ тягостной руки
Меня снѣдающей тоски
Не испытаютъ на себѣ,
Въ угодность вѣтреной судьбѣ;
Страдальца давняго покой
Постыдной зависти чертой
Чужаго счастья не смутитъ!...
. . . .
Коснется ль звукъ моихъ рѣчей
Твоихъ обманутыхъ ушей?
Узришь ли ты, прочтешь ли ты
Сіи правдивыя черты?...
Поймешь ли ты, какъ мудрено
Сказать въ душѣ: все рѣшено!
Какъ тяжело сказать уму:
Прости́, мой умъ, иди во тьму,
И какъ легко черкнуть перу . . .
. . . .
. . . .

Но что?... Къ чему напрасный гнѣвъ?
Онъ не сомкнетъ Молоха зѣвъ:
Безсиленъ звукъ въ моихъ устахъ,
Какъ мечъ въ заржавленныхъ ножнахъ...
И я въ тюрьмѣ...
Ватага спитъ;
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ;
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой;
Вблизи усталый караулъ:
Кто, какъ умѣетъ, прикорнулъ.
На гауптвахтѣ тишина...
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца,
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,
Въ часы полуночныхъ пировъ,
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой
Передъ дѣвицей молодой
Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
А блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ возліяній, безъ друзей,
Въ рукахъ едва ль полулюдей?
Не онъ ли свѣжесть раннихъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ ли розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ
Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... Нѣтъ его!... Ударь

Поблекшимъ тирсомъ въ свой алтарь!
Пролей слезу изъ томныхъ глазъ!...
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ,
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
«Эванъ, Эвое, славный Вакхъ!»
Какъ разумъ скучный на пирахъ!...
. . . .
. . . .
А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокой образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О Струйскій, можешь ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго простить?...
Неблагодарный изъ людей,
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . .
. . . . . . Еще моимъ отцомъ
Хочу назвать тебя... зову...
И на покорную главу,
За преступленія мои,
Прошу прощенія любви...
Прости меня — моя вина
Ужасной местью отмщена!
Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной...
Я вижу . . . .

. . . . Мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ
И трупъ мой брошенъ въ снѣдь червямъ,
И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы —
Жильца ничтожества и тьмы...

Осужденный.

Я осужденъ къ позорной казни —
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни;
Окончу дни мои, какъ жилъ.

Къ чему раскаянье и слезы
Передъ безчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мнѣ слышать вопли и угрозы,
И гулъ проклятій за собой?

Давно душой моей мятежной
Какой-то демонъ овладѣлъ,
И я зловѣщій мой удѣлъ,
Неотразимый, неизбѣжный,
Въ дали туманной усмотрѣлъ...

Не розы свѣтлаго Паѳоса,
Не ласки Гурій въ тишинѣ,
Не искры яхонта въ винѣ,
Но смерть, сѣкира и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Какъ холодъ съ южною весной,
Или фантазія поэта
Съ унылой сѣверной луной.

Мои утраченные годы
Текли, какъ бурные ручьи,
Которыхъ мутныя струи
Не серебрятъ, а пѣнятъ воды
На лонѣ илистой земли.

Они рвались, они бѣжали
Къ невѣрной цѣли безъ препонъ;
Но быстрый бѣгъ остановленъ,
И мнѣ размахъ холодной стали
Готовитъ праведный законъ.

Взойдетъ она, взойдетъ, какъ прежде,
Заутра ранняя звѣзда —
Проснется неба красота;
Но я и небу, и надеждѣ
Скажу: «простите навсегда!»

Взгляну съ улыбкою печальной
На этотъ міръ, на этотъ домъ,

Гдѣ я былъ съ счастьемъ незнакомъ,
Гдѣ я, какъ факелъ погребальный,
Горѣлъ въ безмолвіи ночномъ;

Гдѣ, можетъ быть, суровой долѣ
Я чѣмъ-то свыше обреченъ,
Гдѣ я страстями заклейменъ,
Гдѣ чѣмъ-то свыше, поневолѣ,
Я былъ на время заключенъ;

Гдѣ я... Но что?.. Толпа народа
Уже кипитъ на площади...
Я слышу: «узникъ, выходи!»
Готовъ — иду!.. Прости, природа!
Палачъ, на казнь меня веди!...

Провидѣніе.

Я погибалъ...
Мой злобный геній
Торжествовалъ!...
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ угнетеній,
Какъ царь духовъ,
Въ душѣ безбожной
Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для Люцифера
Не созданы —
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.
Злодѣй созрѣлый,

Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей —
Всегда злодѣй...
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,
Какъ хладный камень,
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень —
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній.
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Печать проклятій —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ —
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ;
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи;
Послѣдней ночи

Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено;
Еще минута —
И... свершено!...

Но вдругъ нежданый
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ;
Рукою сильной
Остовъ могильный
Вдругъ оживилъ;
И Каинъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви;
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной.

Гори жъ, сіяй,
Заря святая,
И догорай,
Не померкая!

1830—1831.

Къ друзьямъ.

Игра военныхъ суматохъ,
Добыча яростной простуды,
Въ дыму лучинныхъ облаковъ,
Среди горшковъ, блохъ и посуды,
Полуразлегшись на доскѣ
Иль на скамьѣ, какъ вамъ угодно,
Въ избѣ негодной и холодной,
Въ смертельной скукѣ и тоскѣ
Пишу къ вамъ, вѣтреные други!
Пишу — и больше ничего —
И отъ поэта своего
Прошу не ждать другой услуги.
Я весь — разстройство!... Я дышу,
Я мыслю, чувствую, пишу
Разстройствомъ полный; лишь разстройство
Въ моемъ разсудкѣ и умѣ...
Въ моемъ посланьи и письмѣ

Найдете вы лишь безпокойство!...
. . . .
. . . .
И этотъ приступъ неприродный
Васъ удивитъ навѣрно вдругъ.
Но, не трактуя слишкомъ строго,
Взглянувъ въ себя самихъ немного,
Мое безумство не виня,
Вы не осудите меня.
Я тотъ, чѣмъ былъ, чѣмъ есть, чѣмъ буду,
Не премѣнюсь, непремѣнимъ...
Но, ахъ! когда и гдѣ забуду,
Что рокомъ злобнымъ я гонимъ?
Гонимъ, убитъ, хотя отрада
Идетъ однимъ со мной путемъ,
И въ небѣ пасмурномъ награда
Мнѣ свѣтитъ радужнымъ лучёмъ.
«Я пережилъ мои желанья!»
Я долженъ съ Пушкинымъ сказать;
«Минувшихъ дней очарованья»
Я долженъ вѣчно вспоминать.
Часы послѣднихъ сатурналій,
Пировъ, забавъ и вакханалій,
Когда, когда въ красѣ своей
Измѣнятъ памяти моей?
Я очень . . . . . . какъ вамъ угодно,
Но разныхъ прелестей Москвы
Я истребить изъ головы
Не въ силахъ... Это превосходно!
Я вѣчно помнить буду радъ:
«Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,

И дамъ обдуманный нарядъ.»
Моя душа полна мечтаній
Живу прошедшей суетой,
И рядъ несчастій и страданій
Я замѣнять люблю игрой
Надежды ложной и пустой.
Она мнѣ льститъ, какъ льститъ игрушка
Ребенку въ праздникъ годовой,
Или какъ льститъ бостонъ и мушка
Дѣвицѣ дряхлой и сѣдой —
Хоть иногда въ тоскѣ безсонной
Ей снится образъ жениха—
Или какъ запахъ благовонный
Льститъ вялымъ чувствамъ старика.
Вотъ все, что, мучимый блохами,
Поэтъ успѣлъ вамъ написать,
И за небрежными строками
Блеститъ безмолвія печать...
Въ моей избѣ готовятъ ужинъ,
Несутъ огромный чанъ ухи,
Столъ ямщикамъ голоднымъ нуженъ...
Прощайте, други и стихи!
Когда же есть у васъ забота
Узнать, когда и гдѣ охота
Во мнѣ припала до пера —
Въ деревнѣ Лысая гора.

Ночь на Кубани.

Весенній вечеръ на равнины
Кавказа знойнаго слетѣлъ;
Туманъ медлительный одѣлъ
Горъ дальнихъ синія вершины.
Какъ море розовой воды,
Заря слилась на небѣ чистомъ
Съ мерцаньемъ солнца золотистымъ,
И гаснетъ все; и съ высоты
Необозримаго эѳира,
Толпой видѣній окружонъ,
На крыльяхъ легкаго зефира
Спустился другъ природы — сонъ...

Его вліянію покорный —
Заботъ и воли мирный сынъ —
Покой вкушаетъ благотворный
Трудолюбивый селянинъ.
Богатый духомъ безмятежнымъ,

Онъ спитъ въ кругу своей семьи,
Подъ кровомъ вѣрнымъ и надежнымъ
Давно испытанной любви.
И счастливъ въ незавидной долѣ!
Его всегда лелѣютъ сны:
Онъ видитъ вѣчно лугъ и поле,
И поцѣлуй своей жены.
И онъ — заранѣ утомленный
Слѣпой фортуной сибаритъ —
И онъ отъ бѣднаго сокрытъ
На ложѣ нѣги утонченной!
Напрасно голосъ гробовой
Страданья тяжкаго взываетъ:
Онъ никогда не возмущаетъ
Его души полуживой!
И пусть таитъ глухая совѣсть
Свою докучливую повѣсть:
Ее ужасно прочитать
Во глубинѣ души убитой!
Ужасно небо призывать
Десницѣ, кровію облитой!...

Едва замѣтною грядой —
Громадъ воздушныхъ рядъ зыбучій —
Плывутъ во тьмѣ сѣдыя тучи,
И мѣсяцъ блѣдный, молодой,
Закрытый ихъ печальной тканью,
Прорѣзалъ дальній горизонтъ
И надъ гремучею Кубанью
Глядится въ новый Геллеспонтъ...
Бывало, бодрый и безмолвный,
Казакъ на пагубныя волны

Вперяетъ взоръ сторожевой:
Нерѣдко ихъ знакомый ропотъ
Таилъ коней татарскихъ топотъ
Передъ тревогой боевой;
Тогда винтовки смертоносной
Нежданный выстрѣлъ вылеталъ,
И хищникъ смертію поносной
На брегѣ русскомъ погибалъ; —
Или толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
Въ шатры Защиты изумленной —
И обагряли глубь рѣки
Горячей кровью казаки.
Но миновало время брани,
Смирился дерзостный джигитъ,
И рѣдко, рѣдко по Кубани
Свинецъ убійственный свиститъ.
Молчаньемъ мрачнымъ и печальнымъ
Окрестность битвъ обложена,
И будто миромъ погребальнымъ
Убита бранная страна...

Все дышетъ нѣгою прохладной,
Все спитъ... Но что же сонъ отрадный,
Въ тиши таинственныхъ ночей,
Не посѣтитъ моихъ очей?
Зачѣмъ зову его напрасно?
Иль въ самомъ дѣлѣ такъ ужасно
Утратить вольность и покой?...

Ужель они невозвратимы,
Кумиры юности моей,

И никогда неукротимы
Порывы сильные страстей?...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ
И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья;
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми,
Кому дадутъ изъ сожалѣнья
Иль ненавистнаго презрѣнья
Когда нибудь клочекъ земли —
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ
И скажетъ: «такъ, ты несчастливъ!»
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!...
. . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,

Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!...
Я буду — онъ, онъ будетъ — я,
Въ одномъ изъ насъ сольются оба,
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечъ, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но гдѣ же онъ, воображенье
Очаровавшій идеалъ —
Мое прелестное видѣнье
Среди пустыхъ, туманныхъ скалъ?
Подобно грознымъ исполинамъ,
Онѣ чернѣютъ по равнинамъ
Въ своей безстрастной красотѣ;
Лишь иногда на высотѣ,
Или въ развалинахъ кремнистыхъ,
Мелькаетъ пара глазъ огнистыхъ;
Кабанъ свирѣпый пробѣжитъ;
Или орловъ голодныхъ стая,
Съ пустынныхъ мѣстъ перелетая,
На время сонъ ихъ возмутитъ.
А я на камнѣ одинокомъ,
Рушитель общей тишины,
Сижу въ забвеніи глубокомъ,
Какъ духъ подземной стороны.

И пронесутся дни и годы
Своей обычной чередой,
Но мнѣ покоя и свободы
Не возвратятъ они съ собой!

Море.

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
«О море, море!» я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ:
«Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?...

. . . .
. . . .

«Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной?
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Неразъ твой образъ измѣнила?
Что̀ ты? Откуда? Изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей все изъ ничего?...
Надолго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?...»

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!...
Я вопрошалъ ее... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучёмъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на челнъ — ужъ нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!...

Въ другое время на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

Водопадъ.

Между стремнинъ съ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ
И, вдругъ сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ грозный водопадъ.
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ,
И, разлетѣвшись, ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дождемъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжный
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо вдалекѣ.
Вотъ наша жизнь! вотъ образъ вѣрный
Погибшей юности моей!
Она въ красѣ нелицемѣрной
Сперва катилась, какъ ручей;
Потомъ въ пылу страстей безумныхъ
Быстра, какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эхо дальняго раскатъ.

Шуми, шуми, о сынъ природы!
Ты, безотрадною порой,
Пѣвцу напомнилъ блескъ свободы
Своей свободною игрой!

Черная коса.

Тамъ, гдѣ свистящія картечи
Метала бранная гроза,
Лежитъ въ пыли, на полѣ сѣчи,
Въ три грани черная коса.
Она въ крови и безъ отвѣта,
Но тайный голосъ произнесъ:
«Булатъ, противникъ Магомета,
Меня съ главы дѣвичьей снесъ!
Гордясь красой неприхотливой,
Въ родной свободной сторонѣ,
Чело невинности стыдливой
Владѣло мною въ тишинѣ.
Еще за часъ до грозной битвы
Съ врагомъ отечественныхъ горъ
Пылалъ въ жару святой молитвы
Звѣзды Чиръ-Юрта ясный взоръ.
Надежда храбрыхъ на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прахъ велѣньемъ рока
Скатилась съ юнаго чела.

Оставь меня!... Кого лелѣетъ
Украдкой нѣжная краса,
Тому на сердце грусть навѣетъ
Въ три грани черная коса...»

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Мертвая голова.

Изъ-за черныхъ облаковъ
Блещетъ мѣсяцъ въ вышинѣ;
Видны въ станѣ казаковъ
Десять копій при лунѣ.
Отчего жъ она темна,
Что не свѣтится она,
Сталь десятаго копья?
Чтò за призракъ вижу я,
При обманчивой лунѣ,
На таинственномъ копьѣ?
О, не призракъ! на-яву
Вижу вражескій укоръ —
Безобразную главу
Сына брани, сына горъ.
Вѣчный сонъ — ея удѣлъ
На отеческихъ поляхъ;
На убійственныхъ мечахъ
Онъ къ ней рано прилетѣлъ.
Пять ударовъ острія
Твердый черепъ разнесли;

Муку смерти затая,
Очи кровью затекли.
Силу дивную бойца
Злобный геній превозмогъ,
Трупъ холодный мертвеца
Въ землю съ честію не легъ.
И глава его темнитъ
Сталь десятаго копья,
И душа его паритъ
Къ новой сферѣ бытія...
. . . .
. . . .

Пѣсни.

——

I.

Зачѣмъ задумчивыхъ очей
Съ меня, красавица, не сводишь?
Зачѣмъ огнемъ твоихъ рѣчей
Тоску на душу мнѣ наводишь?
Не припадай ко мнѣ на грудь
Въ порывахъ милаго забвенья —
Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить —
Не для меня очарованья!
Я былъ любимъ, и самъ любилъ —
Увялъ на лонѣ сладострастья,
И въ хладномъ сердцѣ схоронилъ
Минуты горестнаго счастья.
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ,
Все потерялъ, все отдалъ Хлоѣ —

И прежнихъ чувствъ, и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы — красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть — мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милый!...
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

II.

У меня ль молодца
Ровно въ двадцать лѣтъ
Со бѣла со лица
Спалъ румяный цвѣтъ;
Черный волосъ кольцомъ
Не бѣжитъ съ плеча;
На ремнѣ золотомъ
Нѣтъ грозы-меча,
За желѣзнымъ щитомъ
Нѣтъ копья-огня,
Подъ черкесскимъ сѣдломъ
Нѣтъ стрѣлы-коня;
Нѣтъ перстней дорогихъ
Подарить милой!
Безъ невѣсты женихъ,
Безъ попа палой...

Разступись, разступись,
Мать сыра-земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!
Лишь по ней, по милой,
Красенъ бѣлый свѣтъ;
Безъ милой, дорогой,
Счастья въ мірѣ нѣтъ!

III.

Тамъ, на небѣ высоко,
Свѣтитъ солнце безъ лучей;
Здѣсь, отъ друга далеко,
Гаснетъ свѣтъ моихъ очей!...
У косящета окна
Раскрасавица сидитъ;
Призадумавшись, она
Буйну вѣтру говоритъ:
«Не шуми ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ, подъ окномъ;
Не буди ты, не буди
Грусти въ сердцѣ ретивомъ;
Не тверди мнѣ, не тверди
Объ измѣнникѣ моемъ!
Измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ,
Мой губитель роковой;
Насмѣялся, пошутилъ
Надъ моею простотой;

Надъ моею простотой,
Надъ дѣвичьей красотой!
Я погибла бы, душа,
Красна-дѣвка, отъ ножа;
Я погибла бъ отъ руки,
А не съ горя и тоски.
«Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодѣй!»
Я сказала бы ему,
Милу-другу своему;
«Не жалѣю я себя,
Ненавижу я тебя —
Лей и пей ты мою кровь,
Утуши мою любовь!...»
Не шуми жъ ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ надо мной;
Полети ты, полети
Вдоль дороги столбовой!
По дорогѣ столбовой
Скачетъ воинъ молодой —
Налети ты на него,
На тирана моего;
Просвищи, какъ жалкій стонъ,
Прошепчи ему поклонъ
Отъ высокихъ отъ грудей,
Отъ заплаканныхъ очей;
Чтобъ онъ помнилъ обо мнѣ
Въ чужедальной сторонѣ;
Чтобы, съ лютою тоской
Вспоминая, воздохнулъ,
И съ горючею слезой
На кольцо мое взглянулъ;

Чтобъ глядѣлъ онъ на кольцо,
Какъ на друга прежнихъ дней,
Какъ на бѣлое лицо
Бѣдной дѣвицы своей!...»

Романсы.

I.

Пышно льется свѣтлый Терекъ
Въ мирномъ лонѣ тишины;
Дѣвы юныя на берегъ
Вышли встрѣтить пиръ весны.

Вижу игры, слышу ропотъ
Сладкозвучныхъ голосовъ,
Слышу рѣзвый, легкій топотъ
Разноцвѣтныхъ башмачковъ.

Но мой взоръ не очарованъ
И блеститъ не для побѣдъ —
Онъ тобой однимъ окованъ,
Алый шолковый бешметъ!

Образъ дѣвы недоступной,
Образъ строгой красоты

Думой грустной и преступной
Отравилъ мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародѣйной силы нѣтъ —
Превратиться невидимкой
Въ алый шолковый бешметъ?

Для чего покровъ холодный,
А не чувство, не любовь
Обнимаетъ, жметъ свободно
Гибкій станъ, живую кровь?...

II.

Утро жизнью благодатной
Освѣжило сонный міръ;
Дышетъ влагою прохладной
Упоительный зефиръ.

Нѣга, радость и свобода
Торжествуютъ юный день;
Но въ моихъ очахъ природа
Отуманена, какъ тѣнь.

Что мнѣ съ жизнью, что мнѣ съ міромъ?
На душѣ моей тоска
Залегла, какъ надъ вампиромъ
Погребальная доска.

Вздохъ волшебный сладострастья
Съ стопомъ дѣвы пролетѣлъ,
И въ груди за призракъ счастья
Смертный хладъ запечатлѣлъ.

Ужъ давно огонь объятій
На злодѣѣ не горитъ;
Но надъ нимъ, какъ звукъ проклятій,
Этотъ стонъ ночной гремитъ.

О, исчезни, стонъ укорный,
И замри, какъ замеръ ты
На устахъ красы упорной
Подъ покровомъ темноты!

III.

Одѣлъ станицу мракъ глубокій...
Но я казачкой осужденъ
Увидѣть снова прежній сонъ
На ложѣ скуки одинокой.

И знаю я, приснится онъ,
Но горе дѣвѣ непреклонной!
Приснится завтра ей, не сонной,
Коварный сонъ, мятежный сонъ.

Моей любви нетерпѣливость
Утушитъ дѣтскую боязнь;

Узнаетъ счастіе и казнь
Ея упорная стыдливость.

Станицу скроетъ темнота,
Но ужъ не мнѣ во мракѣ ночи,
А ей предстанетъ передъ очи
Неотразимая мечта.

И юныхъ персей трепетанье,
И ропотъ устъ, и жаръ ланитъ —
Все сладко, сладко наградитъ
Меня за тайное страданье.

Черкесскій романсъ.

Подъ тѣнью дуба вѣковаго,
Въ скалѣ пустынной и крутой
Сидитъ врагъ путника ночнаго —
Черкесъ красивый и младой.
Но онъ не замыселъ лукавый
Таитъ во мракѣ тишины,
Не дышетъ гибельною славой,
Не жаждетъ сѣчи и войны.
Томимый нѣгой сладострастной,
Черкесъ любви минуту ждетъ
И такъ, въ раздумьи о прекрасной,
Свою тоску передаетъ:

«Близка, близка пора свиданья!
Давно кипитъ и стынетъ кровь,
И проситъ вѣрная любовь
Награды сладкой за страданья!
Гдѣ ты? Спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

«Покойно все въ аулѣ сонномъ.
Оставь ревнивыхъ стариковъ!
Они узрѣть твоихъ слѣдовъ
Не могутъ въ мракѣ благосклонномъ!
Гдѣ ты? Спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

«Звѣзда любви роднаго края,
Ты цѣлый міръ въ моихъ очахъ!
Въ твоей груди, въ твоихъ устахъ
Заключена вся прелесть рая!
Взошла луна... Спѣши, спѣши,
О дѣва, жизнь моей души!»

И вдругъ, какъ вѣтеръ тиховѣйный,
Она явилась передъ нимъ
И обняла рукой лилейной
Съ восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ!
И лобызаетъ съ нѣгой томной,
И шепчетъ: «милый, я твоя!...»
И вздохъ невольный и нескромный
Волнуетъ сильно грудь ея...
Она его!...
Но что мелькнуло
Въ сѣдой ущелинѣ скалы?
Что зазвенѣло и сверкнуло
Среди густой, полночной мглы?
Кто блещетъ шашкой обнаженной,
Внезапно съ юношей сразясь?
Чей слышенъ голосъ разъяренный:
«Умри, съ злодѣйкой не простясь!...»

Ея отецъ!... Отрады ночи
Старикъ безсонный не вкусилъ;
Онъ подозрительныя очи
Съ преступной дѣвы не сводилъ;
Онъ замѣчалъ ея движенья,
Ея таинственный побѣгъ,
И въ первый пылъ ожесточенья
Дни обольстителя пресѣкъ...

Но гдѣ она? Какую долю
Ей злобный рокъ опредѣлилъ?
Ужель на вѣчную неволю
Отецъ жестокій осудилъ,
И, изнывая въ заточеньи
Добычей гнѣва и стыда,
Погибнетъ въ жалкомъ погребеньи
Любви виновной красота?...
Что съ ней?... Увы! вотъ дикій камень
Стоитъ надъ гробомъ у скалы;
Тамъ свѣтлыхъ дней несчастный пламень
Давно погасъ для вѣчной тьмы!
Въ тотъ самый мигъ, какъ другъ прекрасный
Въ крови къ ногамъ ея упалъ,
Послѣдній вздохъ прощальный, страстный,
Стѣснилъ въ груди ея кинжалъ!...

Наденькѣ.

Смѣйся, Наденька, шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Быстро волны ручейка
Мчатъ оторванный цвѣтокъ;
Видитъ рѣзвый мотылекъ
Листикъ алаго цвѣтка,
Вьется въ воздухѣ, летитъ,
Ближе... вотъ къ нему прильнулъ...
Вѣтеръ волны колыхнулъ —
И цвѣтокъ на днѣ лежитъ...
Гдѣ же, гдѣ же, мотылекъ,
Роза нѣжная твоя?
Ахъ, не можетъ для тебя
Возвратитъ ее потокъ!...

Смѣйся, Наденька, шути!
Пей изъ чаши золотой

Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Было время, какъ и ты,
Я глядѣлъ на Божій свѣтъ;
Но прошли пятнадцать лѣтъ —
И разсѣялись мечты.
Хладной, бурною рѣкой
Рой обмановъ пролетѣлъ,
И мой духъ окаменѣлъ
Подъ свинцовою тоской!
Гдѣ ты, радость? Гдѣ ты, кровь?
Гдѣ огонь бывалыхъ дней?...
Ахъ, изъ памяти моей
Истребила ихъ любовь!

Смѣйся, Наденька, шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Будетъ время, какъ и я,
Ты о прежнемъ воздохнешь
И печально вспомянешь:
«Гдѣ ты, молодость моя?...»
Молчалива и одна,
Будешь сердце повѣрять
И, унынія полна,
Втайнѣ слезы проливать.
Потемнѣютъ небеса
Въ ясный полдень для тебя,

Не узнаешь ты себя —
Пролетитъ твоя краса...

Смѣйся жъ, смѣйся и шути!
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый ангелъ во плоти!

Звѣзда.

Она взошла, моя звѣзда,
Моя Венера золотая;
Она блеститъ, какъ молодая
Въ уборѣ брачномъ красота.
Пустынникъ міра безотрадный —
Съ ея таинственныхъ лучей
Я не свожу моихъ очей
Въ тоскѣ мучительной и хладной.
Моей бездѣйственной души
Не оживляя вдохновеньемъ,
Она небеснымъ утѣшеньемъ
Ее даритъ въ ночной тиши.
Какой-то силою волшебной
Она влечетъ меня къ себѣ
И, перекорствуя судьбѣ,
Врачуетъ грусть мечтой цѣлебной!
Предавшись ей, я вижу вновь
Мои потерянные годы,
Дни счастья, дружбы и свободы,
И помню первую любовь.

Кольцо.

Я полюбилъ ее съ тѣхъ поръ,
Когда печальный, тихій взоръ
Опа на мнѣ остановила,
Когда безмолвнымъ языкомъ
Очей, пылающихъ огнемъ,
Она со мною говорила.
О, какъ безмолвный этотъ взоръ
Былъ для души моей понятенъ,
Какъ этотъ тайный разговоръ
Былъ восхитительно-пріятенъ!
Пронзенный тысячами стрѣлъ
Любви безумной и мятежной,
Я, очарованный, смотрѣлъ
На милый образъ дѣвы нѣжной;
Я весь дрожалъ, я трепеталъ,
Какъ злой преступникъ передъ казнью;
Непостижимою боязнью
Мой духъ смущенный замиралъ...
Полна живѣйшаго вниманья
Къ моей мучительной тоскѣ,

Она, съ улыбкой состраданья,
Какъ ропотъ арфы вдалекѣ,
Какъ звукъ волшебнаго напѣва,
Мнѣ чувства сердца излила.
И эта рѣчь, о дѣва, дѣва,
Меня, какъ молнія, сожгла!...
Властитель міра, Царь небесный!
. . . .
Она, мой ангелъ, другъ прелестный,
Она — не можетъ быть моей!...
Едва жива, она упала
Ко мнѣ на грудь; ея лицо
То вдругъ блѣднѣло, то пылало;
Но на рукѣ ея сверкало,
Ахъ, обручальное кольцо!...
Свершилось все!... Кровавымъ градомъ
Кольцо невѣсты облило
Мое холодное чело...
Я былъ убитъ землей и адомъ...
Я всталъ, отбросилъ отъ себя
Ея обманчивую руку
И, сладость жизни погубя,
Стѣснивъ въ груди любовь и муку,
Ей на ужасную разлуку
Сказалъ: «Прости, забудь меня!
Прости, невѣста молодая,
Любви торжественный залогъ!
Прости, прекрасная, чужая!
Со мною смерть, съ тобою Богъ!
Спѣши на лоно сладострастья,
На лоно радостей земныхъ,
Гдѣ ждетъ тебя въ минуту счастья

Нетерпѣливый твой женихъ;
Гдѣ онъ съ владычествомъ завиднымъ
Твой поясъ дѣвственный сорветъ,
И съ самовластіемъ обиднымъ
Своею милой назоветъ.
Люби его: тебя достоинъ
Судьбою избранный супругъ;
Но помни, дѣва — я покоенъ:
Твой долгъ — мучитель, а не другъ...
Печально, быстро вянутъ розы
На зноѣ лѣтнемъ безъ росы:
Въ темницѣ душной моютъ слезы
Порабощенныя красы...»
Далеко, долго раздавался
Стонъ бѣдной дѣвы надъ кольцомъ,
И съ шумной радостью примчался
За нею суженый съ попомъ.

Напрасно я забыть былое
Хочу въ далекой сторонѣ:
Мнѣ часто видится во снѣ
Кольцо на пальцѣ золотое.
Хочу забыть мою тоску,
Твержу себѣ: она чужая!
Но, безполезно изнывая,
Забыть до гроба не могу.

Букетъ.

Къ груди твоей, Эмма,
Приколонъ букетъ:
Онъ — жизни эмблема,
Но розы въ немъ нѣтъ.
Узорнѣй, алѣе
Есть много цвѣтовъ;
Но краше, милѣе
Царица луговъ.
Эфирный влетаетъ
Въ окно мотылекъ;
На персяхъ лобзаетъ
Онъ каждый цвѣтокъ;
Надъ ландышемъ вьется,
Къ лилеѣ прильнулъ,
Кружится, несется —
И быстро вспорхнулъ.
Куда жъ ты, безстрастный
Любовникъ цвѣтовъ?
Иль ищешь прекрасной
Царицы луговъ?

О Эмма, о Эмма!
Вотъ блескъ красоты!...
Какъ роза, эмблема
Невинности ты.

Ожиданіе.

Какъ долго ждетъ
Моя любовь —
Зачѣмъ нейдетъ
Моя Любовь?
Пора давно!
Часы летятъ
И все одно
Любви твердятъ:
Скорѣй, скорѣй
Ловите насъ,
Пока Морфей
Скрываетъ васъ
Отъ зоркихъ глазъ!...
Поетъ пѣтухъ;
Пропѣлъ другой —
И пылкій духъ
Убитъ тоской:
Все пѣтъ и нѣтъ!
Рѣдѣетъ тѣнь,

И брезжетъ свѣтъ,
И скоро день...
Спѣши, спѣши,
Моя Любовь,
И утуши
Мою любовь!...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Тарки.

Я былъ въ горахъ —
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ —
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинной,
Обмазанъ глиной,
Нечистъ внутри,
Нечистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи да лужи,
Кладбище, ровъ
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ,
И наконецъ,
Всему въ добавокъ,
Вверху дворецъ

Преавантажный
И двухъэтажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ наповалъ.
Въ большой папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ, и въ гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

1832—1833.

Другу моему А. П. Лозовскому.

Безцѣнный другъ счастливыхъ дней,
Вина святаго upованья
Души измученной моей
Подъ игомъ грусти и страданья, —
Мой вѣрный другъ, мой нѣжный братъ,
По силѣ тайнаго влеченья,
Кого со мной не разлучатъ
Временъ и мѣстъ сопротивленья,
Кто для меня и былъ и есть
Одинъ и все, кому до гроба
Не очернятъ меня ни лесть,
Ни зависть черная, ни злоба,
Кто овладѣлъ, какъ чародѣй,
Моимъ умомъ, моею думой,
Кѣмъ снова ожилъ для людей
Страдалецъ мрачный и угрюмый, —

Безцѣнный другъ, прими плоды
Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
Минутной рѣзвости слѣды
И цѣпь печальныхъ вспоминаній!
Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
Веселыхъ звуковъ пѣснопѣнья:
Они родятся на устахъ
Пѣвцовъ любви и наслажденья...
Уже давно чуждаюсь я
Ихъ благодатнаго привѣта,
Давно въ стихіи шумной свѣта
Не вижу радостнаго дня...
Пою разсѣянный, унылой,
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилой
Давно утраченные сны...
Одну тоску о невозвратномъ,
Гонимый лютою судьбой,
Въ движеньи грустномъ и пріятномъ,
Я изливаю предъ тобой!
Но ты, понявши тайну друга,
Оцѣнишь сердце выше словъ
И не смѣнишь моихъ стиховъ
Стихами рѣзвыми досуга
Другихъ счастливѣйшихъ пѣвцовъ.

Крѣпость Грозная.
7 февраля 1832 г.

Акташъ-Аухъ.

На высотѣ пустынныхъ скалъ,
Подъ ризой инеевъ пушистыхъ,
Какъ сторожъ пасмурный, стоялъ
Дубъ старый, царь дубовъ вѣтвистыхъ.
Сражаясь съ хладомъ облаковъ,
Встрѣчая гордо лучъ денницы,
Одинъ, далеко отъ дубровъ,
Служилъ онъ кровомъ хищной птицы.
Молніеносный ураганъ
Сверкнулъ въ лазуревой пучинѣ,
И разлетѣлся великанъ,
Какъ прахъ по каменной твердынѣ.
Въ вертепахъ дикой стороны,
Для чужеземца безотрадной,
Гнѣздились буйные сыны
Войны и воли кровожадной.
Долины мира возмущалъ
Бреговъ Акташа лютый житель;
Коварный геній охранялъ
Его преступную обитель.

Но гдѣ ты, сонъ минувшихъ дней?
Тебя смѣнила жажда мщенья,
И сильный вождь богатырей
Разсѣялъ сонмъ злоумышленья!
Акташа нѣтъ!... Пробилъ конецъ
Безумству жалкаго народа,
И не спасли тебя, бѣглецъ,
Твои кинжалы и природа!...
Гдѣ блещетъ солнце, гдѣ заря
Едва мелькаетъ за горами —
Предстанетъ всюду предъ врагами
Герой полночнаго царя.

Кладбище герменчугское.

Въ послѣдній разъ румяный день
Мелькнулъ за дальними лѣсами,
И ночи пасмурная тѣнь
Слилась уныло съ небесами.
Все тихо, мертво; все гласитъ
Въ природѣ часъ успокоенья...
И онъ насталъ: не воскреситъ
Ничто минувшаго мгновенья.
Оно прошло, его ужъ нѣтъ
Для добродѣтели и злобы!
Пройдутъ мильоны новыхъ лѣтъ,
И съ каждымъ утромъ новый свѣтъ
Увидитъ то же: жизнь и гробы!
Одинъ мудрецъ, въ кругу людей,
Уму свободному послушный,
Всегда покойный, равнодушный —
Среди волненій и страстей,
Живетъ въ покоѣ безмятежномъ
Высокимъ чувствомъ бытія:
Въ грозѣ, въ несчастьи неизбѣжномъ,

Въ завидной долѣ, затая
Самолюбивое мечтанье,
Онъ, какъ безплотное созданье,
Себѣ правдивый судія.
Въ предѣлахъ нравственнаго міра,
Свершая тихій періодъ,
Какъ скальда сѣвернаго лира,
Онъ звукъ согласный издаетъ,
Журчитъ и льется безпрерывно,
И исчезаетъ въ тишинѣ,
Какъ ароматъ Востока дивный
Въ необозримой вышинѣ.
Цари, герои, рабъ убогой —
Одинъ готовъ для васъ удѣлъ!
Цвѣтущей, тѣсною дорогой
Кто миновать его умѣлъ?
Какъ много зла и вѣроломства
Земля могучая взяла!
Хранитъ правдивое потомство
Одни лишь добрыя дѣла...
Не вы ли, дикія могилы,
Останки жалкой суеты,
Повергли въ грустныя мечты
Мой духъ угрюмый и унылый?
Что̀ значатъ длинные ряды
Высокихъ камней и кургановъ,
Въ часы полуночи нѣмой
Стоящихъ мрачно предо мной
Въ сырой обители тумановъ?
Зачѣмъ чугунное ядро,
Убійца Карла и Моро,
Лежитъ во прахѣ съ пирамидой

Надъ гробомъ юной дѣвы горъ?
Ея давно потухшій взоръ
Не оскорбится сей обидой...
Кто въ свѣжій памятникъ бойца
Направилъ ужасы картечи?
Не отвращалъ онъ въ вихрѣ сѣчи
Отъ смерти грознаго лица.
И кто бъ онъ ни былъ — воинъ чести
Или презрѣнный изъ враговъ —
Надъ царствомъ мрака и гробовъ
Равно ничтожно право мести!

Сверкаетъ полная луна
Изъ тучъ багровыми лучами...
Я зрю: вокругъ обагрена
Земля кровавыми ручьями.
Вотъ трупъ холодный, вотъ другой
На рубежѣ своей отчизны.
Здѣсь — обезглавленный, нагой;
Тамъ — безъ руки страдалецъ жизни;
Тамъ груда тѣлъ... Кладбище, ровъ,
Мечети, сакли — все облито
Живою кровью; все разбито
Перуномъ тысячи громовъ...
Гдѣ я? Зачѣмъ воображенья
Неограниченный полетъ
Въ мѣста ужаснаго видѣнья
Меня насильственно влечетъ?
Я очарованъ... Сонъ тревожный
Играетъ мрачною душой...
Но пуля свищетъ надо мной...
Злодѣи близко... Ужасъ ложный

Съ чела горячаго исчезъ...
Объятый горестною думой,
Смотрю разсѣянно на лѣсъ,
Гдѣ врагъ, свирѣпый и угрюмый,
Смѣнивъ покой на заговоръ,
Таитъ свой немощный позоръ.
Смотрю на жалкую ограду
Неукротимыхъ бѣглецовъ,
На ихъ мгновенную отраду
Отъ изыскательныхъ штыковъ;
На русскій станъ; воспоминаю
Минувшей битвы гулъ и звукъ,
И съ удивленіемъ мечтаю:
О воинъ горъ, о Герменчугъ!
Давно ли пышный и огромной,
Среди завистливыхъ враговъ,
Ты процвѣталъ, подъ тѣнью скромной
Очаровательныхъ садовъ?
Рука, рѣшительница боевъ,
Неотразимая въ войнѣ,
Тебя ласкала въ тишинѣ,
Съ великодушіемъ героевъ;
Но ты, въ безумствѣ роковомъ,
Возсталъ подъ знаменемъ гордыни —
И предъ карающимъ мечемъ
Склонились дерзкія твердыни...
Покровъ упалъ съ твоихъ очей;
Открыта бездна заблужденій.
Смотри, сквозь зарево огней,
Сквозь черный дымъ твоихъ селеній —
На плодъ коварства и измѣнъ,
Не ты ли, яростный, у стѣнъ,

Передъ рѣшительною битвой,
Клялся вечернею молитвой
Разсѣять сонмы христіанъ,
И беззащитному семейству
Передавалъ въ урокъ злодѣйству
Свой утѣшительный обманъ?
Ты ждалъ громоваго удара;
Ты вызывалъ твою судьбу —
И пепелъ грознаго пожара
Рѣшилъ неравную борьбу!...
Иди теперь, иди къ несчастнымъ:
Разсѣй ихъ робость и тоску,
И мсти отчаяньемъ ужаснымъ
Непобѣдимому врагу!
И спросятъ жены, спросятъ дѣти
Тебя съ волненіемъ живымъ:
«Гдѣ наши сакли, гдѣ мечети?
Веди насъ къ милымъ и роднымъ!»
И ты отвѣтишь имъ: «Родные
Лежатъ, убитые, въ пыли,
А ихъ доспѣхи боевые
На вояхъ вражеской земли.
Удѣлъ младенца безъ покрова —
Дѣлить страданье матерей;
Пріютъ нашъ — темная дуброва;
Замѣна братьевъ и друзей —
Толпа голодная звѣрей!...»
И заглушитъ тогда стенанье
Жестокосердыя слова,
И упадетъ на грудь въ молчаньи
Твоя преступная глава;
И, движимъ грустію мятежной,

Намигъ чувствительный отецъ —
Ты будешь рѣчью безнадежной
Тушить съ заботливостью нѣжной
Боязнь неопытныхъ сердецъ!
То снова пылъ ожесточенья
Въ душѣ суровой закипитъ,
И надъ главою ополченья
Свинецъ разбойничьяго мщенья
Изъ-за кургана просвиститъ...
А грозный станъ, необозримый,
Теряясь въ ставкахъ и шатрахъ,
Стоитъ покойный, недвижимый,
Какъ исполинъ, на двухъ рѣкахъ.
Великій духомъ и дѣлами,
Фіалъ щедроты и смертей,
Пришелъ онъ съ русскими орлами
Возстановить права людей,
Права людей — права закона,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Гдѣ звѣзды сѣвернаго трона
Горятъ въ туманной вышинѣ.
Его вожди... Скрижали чести
Давно хранятъ ихъ имена!
Труба презрительная лести
Не пробуждаетъ времена;
Но голосъ славы, племена —
Отважный галлъ, османъ надменный,
Поклонникъ ревностный Али,
Кавказъ, сарматъ ожесточенный —
Имъ приговоръ произнесли!...
Онъ святъ!... Языкъ врага отчизны
Свободенъ, смѣлъ, краснорѣчивъ:

И славный Поръ, безъ укоризны,
Былъ къ Александру справедливъ...

Вотъ эти славныя дружины,
Питомцы брани и побѣдъ!
Гдѣ солнце льетъ печальный свѣтъ,
Гдѣ бездны, горы и стремнины,
Гдѣ боязливая нога
Едва ступаетъ съ изумленьемъ —
Вездѣ съ крылатымъ ополченьемъ
Слѣды граненаго штыка!...
И Герменчугъ!... Народъ жестокой,
Народъ, свой пагубный тиранъ!
Когда предъ истиной высокой
Исчезнетъ жалкій твой обманъ?
Когда признательныя очи
Обмывъ горячею слезой,
Ты дружбу сына полуночи
Оцѣнишь гордою душой?...

Покойно все. Между шатрами
Кой-гдѣ мелькаютъ огоньки;
Съ ружьемъ и пикой за плечами
Кой-гдѣ несутся казаки;
Разводятъ цѣпи и патрули,
Смѣняютъ бодрыхъ часовыхъ,
И визгъ измѣннической пули
Въ дали таинственной затихъ...
И, вновь объятый тишиною,
Подъ кровомъ ночи дремлетъ станъ,
Пока съ грядущею зарею
Отгрянетъ съ пушкой вѣстовою

Въ горахъ окрестныхъ барабанъ;
Зажжется яркая денница
На склонѣ пасмурныхъ небесъ;
Пробудитъ утренняя птица
Веселымъ пѣньемъ сонный лѣсъ;
Обвѣетъ духъ отрадной жизни
Могучій сонмъ богатырей,
И дикій видъ чужой отчизны
Предстанетъ въ блескѣ для очей.
О, сколько бурныхъ впечатлѣній
На полѣ брани роковой
Проснутся въ памяти живой
Побѣдоносныхъ ополченій!
Минувшій день, минувшій громъ,
Раскаты пушечнаго гула,
Картины гибели аула,
Пальба и сѣча, прахъ столбомъ,
И визгъ, и грохотъ, и моленье,
И саблей звукъ, и ружей блескъ,
Бойницъ, заваловъ, саклей трескъ —
Все воскреситъ воображенье...
Вотъ снова царствуетъ, кипитъ
Оно въ кругу знакомой сферы...
Ура отважное гремитъ...
Бѣгутъ на приступъ гренадеры,
Долины мирныя Москвы
Давно забывшіе для славы;
Они безстрашно въ бой кровавый
Несутъ отважныя главы.
На ровъ, на валъ, на ярость встрѣчи,
Подъ вихремъ огненныхъ дождей,
На пули, шашки и картечи

Летятъ по манію вождей.
Ни крикъ, ни вопли, ни стенанье,
Ничто отдѣльно не гремитъ;
Одно протяжное жужжанье,
Разлившись въ воздухѣ, гудитъ.
Окопы сбиты... Врагъ трепещетъ,
Сбираетъ силы, грянулъ вновь,
Бѣжитъ, разсѣялся — и хлещетъ
Ручьями варварская кровь...
Повсюду смерть, гроза и мщенье...
Пируютъ буйные штыки;
Вездѣ разносятъ истребленье
Неотразимые полки.
Тамъ егерь, старый бичъ Кавказа,
Притекъ отъ Куры на Аргунъ
Метать свой гибельный перунъ;
А тамъ летучая зараза,
Неумолимый карабахъ,
Съ кривою саблею въ рукахъ,
Какъ черный духъ, мелькаетъ, рубитъ
Ожесточеннаго бойца
И опрокинутаго губитъ
Стальнымъ копытомъ жеребца.
Куртинъ, казакъ и персіянинъ,
Свирѣпый турокъ, христіанинъ,
Пришельцы дальней стороны,
Краса грузинскихъ легіоновъ —
Все пало тучею драконовъ
На чадъ разбоя и войны...
И все утихло: гласъ молитвы
Въ дыму, надъ грудой братнихъ тѣлъ,

И шумъ, и стонъ, и грохотъ битвы...
Осталась память славныхъ дѣлъ!

Одинъ, подъ ризою ночною,
Въ туманѣ влажномъ и сыромъ,
Съ моей подругою — мечтою
Сижу на камнѣ гробовомъ.
Не крестъ — символъ души скорбящей —
Стоитъ надъ чуждымъ мертвецомъ:
Онъ славенъ гибельнымъ мечемъ,
А мечъ — символъ его грозящій...
Быть можетъ, тѣнь его паритъ,
Облекшись въ бурю, надо мною,
И невидимою рукою
Пришельцу дерзкому грозитъ;
Быть можетъ, въ битвѣ оживляла
Она отчизны бранный духъ
И снова къ мести призывала
Сокрытый въ пеплѣ Герменчугъ.

Демонъ вдохновенія.

Такъ, это онъ, знакомецъ чудный
Моей тоскующей души,
Мой добрый гость въ толпѣ безлюдной
И въ усыпительной глуши!
Недаромъ сердце угнетала
Непостижимая печаль:
Оно рвалось, летѣло вдаль,
Оно желаннаго искало.
И вотъ, какъ тихій сонъ могилъ,
Лобзаясь съ хладными крестами,
Онъ благотворно осѣнилъ
Меня волшебными крылами,
И съ нихъ обильными струями
Сбѣжала въ грудь мнѣ крѣпость силъ;
И онъ безплотными устами
Къ моимъ безчувственнымъ припикъ,
И своенравнымъ вдохновеньемъ
Душа зажглася съ изступленьемъ,
И проглаголалъ мой языкъ:

Гдѣ я, гдѣ я? Какихъ условій
Я былъ торжественнымъ рабомъ?
Надъ Аполлоновымъ жрецомъ
Летаетъ демонъ празднословій!
Я вижу — злая клевета
Шипитъ въ пыли змѣинымъ жаломъ,
И злая глупость, мать вреда,
Грозитъ мнѣ издали кинжаломъ.
Я вижу, будто бы во снѣ,
Фигуры, тѣни, лица, маски;
Темны, прозрачны и безъ краски,
Густою цѣпью по стѣнѣ
Они мелькаютъ въ видѣ пляски...
Ни па, ни такта, ни шаговъ
У очарованныхъ духовъ...
То нитью легкой и протяжной,
Подобно тонкимъ облакамъ,
То массой черной, сто-этажной,
Плывутъ, какъ волны по волнамъ...
Какое чудо! что за видъ
Фантасмагоріи волшебной!...
Всѣ тѣни гимнъ поютъ хвалебный;
Я слышу, страшный хоръ гласитъ:
«О Ариманъ! о грозный царь
Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
Къ тебѣ взываетъ цѣлымъ адомъ
Твоя трепещущая тварь!...
Мы не страшимся тяжкой муки:
Давно, давно привыкли къ ней
Въ часы твоей угрюмой скуки,
Подъ звукомъ тягостныхъ цѣпей;
Съ печальнымъ мѣсячнымъ восходомъ

Къ тебѣ мы мрачнымъ хороводомъ
Спѣшимъ, возставши изъ гробовъ,
На крыльяхъ филиновъ и совъ!
Сыны родительскихъ проклятій,
Надежду вживѣ погубя,
Мы ненавидимъ и себя,
И злыхъ, и добрыхъ нашихъ братій!...
Когтями острыми мы рвемъ
Ихъ изнуренные составы;
Страдая сами — зло за зломъ
Изобрѣтаемъ мы, царь славы,
Для страшной демонской забавы,
Для наслажденья твоего!...
Воззри на насъ кровавымъ окомъ:
Есть пиръ любимый для него!
И въ утѣшеніи жестокомъ,
Сквозь мракъ геенны и огни,
Уста улыбкой проясни!
О Ариманъ! о грозный царь
Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
Къ тебѣ взываетъ цѣлымъ адомъ
Твоя трепещущая тварь!...»

И вдругъ: и трескъ,
И громъ, и блескъ —
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронѣ
Изъ черныхъ змѣй,
Предсталъ на тропѣ
Среди тѣней.
Умолкли стоны,

И милліоны
Волшебныхъ лицъ
Поверглись ницъ...

«Рабы мои, рабы мои,
Отступники небеснаго свѣтила!
Надъ вами власть моей руки
Отъ вѣчности донынѣ опочила,
И непреложенъ мой законъ!...
Настанетъ день неотразимой злобы —
Пожрутъ, пожрутъ неистовые гробы
И солнце, и луну, и гордый небосклонъ:
Все грозно дань заплатитъ разрушенью —
И на развалинахъ міровъ
Узрите вы опять, по тайному велѣнью,
Во мнѣ властителя страдающихъ духовъ!...»

И вновь: и трескъ,
И громъ, и блескъ —
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронѣ
Изъ черныхъ змѣй,
Исчезъ на тронѣ
Среди тѣней...

Все тихо... Страшныя видѣнья,
Какъ вихрь, умчались по стѣпѣ,
И я, какъ будто въ тяжкомъ снѣ,
Опять съ своей тоской сижу наединѣ...
Зачѣмъ ты улетѣлъ, о демонъ вдохновенья!...

Цыганка.

Кто идетъ передъ толпою
По широкой площади
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ
Проницательна, черна,
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?...
Бьются локоны небрѐжно
По нагимъ ея плечамъ;
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ;
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка?
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!

Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня.
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканскіе цвѣты.
Ахъ, я помню... но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ!
Фараонка, не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу онъ!
Пронеслась съ годами сила,
Я увялъ — и на-яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву...

Раскаяніе.

Я согрѣшилъ противъ разсудка —
Его на мигъ я разлюбилъ:
Тебѣ, степная незабудка,
Его я съ честью подарилъ.
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которыхъ демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой.
Кинжалъ коварный сожалѣнья
Притворной дружбы и любви —
Теперь потонетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно-безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ —

Все мнѣ и казнь, и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья,
Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву казамата,
Рукой поносной оковалъ?
О нѣтъ!... свершилось!... жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ...
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной;
Узналъ безславіе, позоръ,
Подъ маской дикаго невѣжды;
Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ фиміамъ
Съ цвѣтовъ пустынныхъ, къ небесамъ,
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ, и вой минувшей бури.

Лунный свѣтъ.

(Изъ Виктора Гюго).

Въ водахъ полусонныхъ иґрала луна.
Гаремъ освѣжило дыханье свободы;
На ясное небо, на свѣтлыя воды
Султанша въ раздумьи глядитъ изъ окна.
Внезапно гитара въ рукѣ замерла!
Какъ будто протяжный и жалобный ропотъ
Раздался надъ моремъ... Не конскій ли топотъ,
Не шумъ ли глухой удалаго весла?
Не птица ли ночи широкимъ крыломъ
Разсѣкла зыбучей волны половину?
Не духъ ли лукавый морскую пучину
Тревожитъ, безсонный, въ покоѣ ночномъ?
Кто нагло смѣется надъ робостью женъ?
Кто море волнуетъ?... Не демонъ лукавый,
Не тяжкія весла ладьи величавой,
Не птица ночная!... Откуда же онъ,
Откуда протяжный и жалобный стонъ?...

Вотъ грозный мѣшокъ!... Голубая волна
Въ немъ члены живые и топитъ, и носитъ,
И будто пощады у варваровъ проситъ...
Въ водахъ полусонныхъ играла луна.

Сонъ дѣвушки.

> Чего не видитъ во снѣ
> 13-тилѣтняя дѣвушка?

Скучно дѣвушкѣ съ старушкой
Длинный вечеръ просидѣть наединѣ,
Скучно съ глупою болтушкой
Пѣсни пѣть о незабвенной старинѣ.
Спится бѣдной за разсказомъ
О какомъ-то колдунѣ,
И надъ слухомъ, и надъ глазомъ
Сонъ зацарствовалъ вполнѣ.
Вотъ уснула — и видѣнья,
Подъ Морфеевымъ крыломъ,
Разнесли благотворенья
Надъ пылающимъ челомъ.
Видитъ дѣва сонъ мятежный,
Плодъ томительныхъ годовъ,
Тайный отзывъ думы нѣжной:
Трехъ красивыхъ жениховъ.
Юны, пламенны и страстны,
Къ ней приблизились они,

Просятъ трое у прекрасной
Ласки дѣвственной любви!
Пышетъ пламень сладострастья
Въ соблазнительныхъ очахъ,
Ропотъ нѣги, ропотъ счастья
Замираетъ на устахъ.
Бьется сердце у Нанины;
Труденъ выборъ для души:
Женихи, какъ три картины,
Миловидны, хороши...
Наконецъ, невольной силой
Къ одному привлечена,
Говоритъ она: «Мой милый,
Я тебѣ обречена!»
Поцѣлуй любви трепещетъ
На счастливцѣ молодомъ...
Вдругъ струистый пламень блещетъ;
Загремѣлъ подземный громъ...
Все исчезло... Засверкало
Что-то яркое въ углу,
Зашумѣло, зажужжало,
И, какъ будто на-яву,
Передъ ней козелъ рогатый,
Старецъ съ книгою въ рукахъ,
И пѣтухъ большой, мохнатый,
Въ красно-бурыхъ завиткахъ...
Обмерла моя Нанина,
Нѣтъ защитника нигдѣ...
«Пресвятая Магдалина,
Не оставь меня въ бѣдѣ!...

. . . .

. . . .

Снова молнія сверкнула,
Призракъ пагубный исчезъ...
Дѣва «ахъ!» открыла очи —
Вкругъ постели тишина;
Лишь надъ ней во мракѣ ночи,
Какъ туманная луна,
Шепчетъ бабушка сѣдая
Что-то съ книгой и крестомъ:
«Пробудись, моя родная!
Ты въ волненіи живомъ:
Соблазнилъ тебя лукавый
Окаянною мечтой...
Призови разсудокъ здравый
Въ помощь съ вѣрою святой;
Мнѣ самой мечтались прежде
И козлы, и пѣтухи,
Но не бойся — вѣрь надеждѣ:
Намъ они не женихи.»

Ахалукъ.

Ахалукъ мой, ахалукъ,
Ахалукъ демикотонный,
Ты — работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной!
Ты родился подъ иглой
Отагинки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной.
Ты не пышной пестротою —
Цвѣтомъ гордыхъ узденей,
Но смиренной простотою —
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинный
У цыганки кочевой;
Мраченъ ты, какъ духъ пустынный —
Сторожъ урны гробовой;
И серебряной тесьмою,
Какъ волнистою струею
Дагестанскаго ручья,

Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ,
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о База,
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ,
Подъ ревнивымъ покрываломъ
Не сіяли такъ свѣтло.
Ахъ, серебряная змѣйка,
Ненаглядная струя —
Это ты, моя злодѣйка;
Ахалукъ суровый — я!

Призваніе.

Въ душѣ горитъ огонь любви,
    Я жажду наслажденья;
О милый мой, лови, лови
    Минуту заблужденья!
Явись ко мнѣ — явись, какъ духъ
    Нежданный, безпощадной,
Пока томится, ноетъ духъ
    Въ надеждѣ безотрадной,
Пока играетъ на челѣ
    Румянецъ прихотливой,
И вижу я въ туманной мглѣ
    Звѣзду любви счастливой!
Я жду тебя — я вся твоя —
    Покрой меня лобзаньемъ,
И полно жить — и тихо я
    Сольюсь съ твоимъ дыханьемъ!
Въ душѣ горитъ огонь любви,
    Я жажду наслажденья;
О милый мой, лови, лови
    Минуту заблужденья!

Степь.

Свѣтлый мѣсяцъ изъ-за тучъ
Бросилъ тихо ясный лучъ
По степи безводной;
Какъ янтарная слеза,
Блещетъ влажная роса
На травѣ холодной.
Время!... Дѣвица-душа,
Изъ-подъ сѣни шалаша
Пролети украдкой;
Улови, прелестный другъ,
Отъ завистливыхъ подругъ
Мигъ любови краткой!

Не звенитъ ли за холмомъ
Милый голосъ?
Не сверкнулъ ли надъ плечомъ
Черный волосъ?
Не знакомое ли мнѣ
Покрывало

Въ благосклонной тишинѣ
Промелькало?...

Сердце вѣщее дрожитъ;
Дѣва юная спѣшитъ
Къ тайному прiюту.
Скройся, мѣсяцъ золотой,
Надъ счастливою четой,
Скройся на минуту!

Мигъ волшебный пролетѣлъ,
Какъ видѣнье,
И осталось мнѣ въ удѣлъ
Сожалѣнье!
Скоро ль, дѣвица-краса,
Отъ желанья
Потемнѣютъ небеса
Для свиданья?...

Окно.

Тамъ, надъ быстрою рѣкой,
Есть волшебное окно;
Бѣлоснѣжною рукой
Открывается оно.
Груди полныя дрожатъ
Изъ-подъ тѣни полотна;
Очи свѣтлыя блестятъ
Изъ волшебнаго окна.

. . . .
. . . .

И, склонясь на локотокъ,
Подъ весенній вечерокъ,
Миловидна, хороша,
Смотритъ дѣвица-душа.
Улыбнется — и природа расцвѣтетъ,
И пріятнѣй соловей въ саду поетъ,
И надъ ручкою лилейной
Вьется вѣтеръ тиховѣйной,
И порхаетъ,
И летаетъ

Съ сладострастною мечтой
Надъ дѣвицей молодой.
Но лишь только опускаетъ раскрасавица окно,
Все надъ Терекомъ суровымъ и мертво, и холодно.
Улыбнись, душа-дѣвица,
Улыбнись, моя любовь,
И вечерняя зарница
Освѣтитъ природу вновь!
Нѣтъ! жестокая не слышитъ
Робкой жалобы моей,
И въ груди ея не пышетъ
Пламень нѣги и страстей.
Будетъ время, равнодушная краса,
Разнесется отъ печали свѣтлорусая коса!
Сердце пылкое, живое,
Загруститъ во тьмѣ ночной,
И страданіе чужое
Ознакомится съ тобой,
И откроешь ты ревниво
Потаенное окно,
Но любви нетерпѣливой
Не дождется ужъ оно!

Пѣснь горскаго ополченія.

Зашумѣлъ орелъ двуглавый
Надъ враждебною рѣкой;
Прояснился путь кровавый
Передъ дружною толпой.
Ты заржавѣлъ, мечъ булатной,
Отъ бездѣйственной руки,
Заждались вы славы ратной,
Троегранные штыки!
Завизжитъ свинецъ летучій
Надъ безстрашной головой,
И нагрянетъ черной тучей
На врага зловѣщій бой.
Разорветъ ряды злодѣя
Смертоносный ураганъ,
И исчезнетъ, цѣпенѣя,
Ненавистный мусульманъ.
Распадутся съ ярымъ трескомъ

Неприступныя скалы,
И зажжется новымъ блескомъ
Грозный день Гебекъ-Калы.*

---

* Гебекъ-Кала, или святая гора, хребетъ Салатавскихъ горъ, гдѣ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, послѣ упорнаго сраженія, разбилъ на-голову Кази-Муллу, который безъ туфель, трубки и бурки бѣжалъ съ по[illegible]нія и едва не былъ захваченъ въ плѣнъ съ своею любовницею, [illegible] изъ города Кизляра.— *А. П.*

Отрывокъ изъ посланія къ А. П. Лозовскому.

И нѣтъ ихъ, нѣтъ! промчались годы
Душевныхъ бурь и мятежей,
И я далекъ отъ рубежей
Войны, разбоя и свободы...
И я, безъ грусти и тоски,
Покинулъ бранныя станицы,
Гдѣ въ вѣчной праздности дѣвицы,
Гдѣ въ вѣчномъ дѣлѣ казаки;
Гдѣ молоканки очень строги
Для цѣломудренныхъ невѣстъ;
Гдѣ днемъ и стража, и разъѣздъ,
А ночью шумныя тревоги;
Гдѣ бородатый богатырь,
Всегда готовый на сраженье,
Мѣняетъ важно на чихирь
Въ горахъ отбитое имѣнье;
Гдѣ беззаботливый старикъ
Всегда молчитъ благопристойно,

Лишь только бъ сварливый языкъ
Не возмущалъ семьи покойной;
Гдѣ день и ночь сѣдая мать
Готова дочери стыдливой
Седьмую заповѣдь читать;
Гдѣ дочь внимаетъ терпѣливо
Совѣту древности болтливой,
И между тѣмъ, въ тринадцать лѣтъ,
Въ глазахъ святоши боязливой,
Полнѣе шьетъ себѣ бешметъ;
. . . .
Гдѣ безукорная жена
Глядитъ, скосясь на изувѣра,*
. . . .
. . . .
Гдѣ мужъ, отъ сабли и сѣдла
Бѣжавъ, какъ тѣнь, въ покоѣ краткомъ,
Подъ кровомъ мирнаго угла,
Себѣ раститъ въ забвеньи сладкомъ
Красу оленьяго чела;
Гдѣ все живетъ однимъ развратомъ;**
Гдѣ за червонецъ можно быть

четное титло, которымъ величаютъ иногда закоренѣлыя старообрядки воиновъ.—*А. П.*

:тыя необходимыя сношенія казаковъ съ горцами служатъ невольиною безпорядковъ, происходящихъ иногда въ станицахъ. Кому не хищные, неукротимые нравы чеченцевъ? Кто не знаетъ, что мироія мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ для усмиренія буй- мятежниковъ, никогда не имѣли полнаго успѣха? Закоренѣлые въ ь разбоя, они всегда одинаковы. Близкая, неминуемая опасность успоихъ на-время; послѣ опять то же вѣроломство, то же убійство въ своихъ благодѣтелей... Черты безнравственности, приведенныя въ явкѣ, относятся собственно къ этому жалкому народу.—*А. П.*

Женѣ — сестрой, а мужу — братомъ;
Гдѣ можно рѣзать и душить
Проѣзжихъ съ солнечнымъ закатомъ;
Гдѣ ядъ, кинжалъ, свинецъ и мечъ
Всегда смѣняются пожаромъ,
И голова катится съ плечъ
Подъ неожиданнымъ ударомъ;
Гдѣ, наконецъ, Кази-Мулла,
Свирѣпый воинъ исламизма,
Въ когтяхъ полночнаго орла
Растерзанъ съ гидрой фанатизма,
И палъ коварный Бей-Булатъ,*
И кровью злобы и раздора
Запечатлѣлъ дѣла позора
Отважный русскій ренегатъ...**
И все утихло: стонъ проклятій,
Громовъ побѣдныхъ торжество —
И сѣло мира божество
На трупахъ недруговъ и братій...
Таковъ сей край, отъ древнихъ лѣтъ,
Свидѣтель казни Прометея,
Войны Лукулла и Помпея,
И Тамерлановыхъ побѣдъ.

---

* Бей-Булатъ — важное лицо въ исторіи горскихъ революцій.— *А.*

** Каплуновъ — бѣглый русскій солдатъ, прославившій себя въ горахъ боемъ и непримиримою ненавистью къ соотечественникамъ.— *А. П.*

Иванъ Великій.

Опять она, опять Москва!
Рѣдѣетъ зыбкій паръ тумана,
И засіяли голова
И крестъ Великаго Ивана!
Вотъ онъ — огромный Бріарей,
Отважно спорящій съ громами,
Но другъ народа и царей,
Съ своими ста колоколами!
Его набатъ и тихій звонъ
Всегда пріятны патріоту;
Не въ первый разъ, спасая тронъ,
Онъ влекъ злодѣя къ эшафоту!
И васъ, Реншильдъ и Шлиппенбахъ,
Встрѣчалъ привѣтъ его громовый,
Когда, съ улыбкой на устахъ,
Влачились гордо вы въ цѣпяхъ
За колесницею Петровой!
Дѣла высокія славянъ,
Прекрасный вѣкъ Семирамиды,
Герои Альповъ и Тавриды —

Онъ былъ вашъ вѣрный Оссіянъ,
Звучнѣй, чѣмъ Игоревъ Баянъ!
И онъ, супругъ твой, Жозефина,
Желѣзный волей и рукой,
На вѣковаго исполина
Взиралъ съ невольною тоской!
Москва подъ игомъ супостата,
И ночь, и бунтъ, и Кремль въ огнѣ —
Нерѣдко новаго сармата
Смущали въ грустной тишинѣ.
Еще свободы ярой клики
Таила русская земля;
Но грозенъ былъ Иванъ Великій
Среди безмолвнаго Кремля;
И Святослава мечъ кровавой
Сверкнулъ надъ буйной головой,
И, избалованная славой,
Она склонилась величаво
Передъ торжественной судьбой!...
Возстали царства; пламень брани
Подъ небомъ Африки угасъ,
И звучно, звучно съ плескомъ дланей
Слился Ивана шумный гласъ!...
И гдѣ жъ, когда въ скрижаль отчизны
Не вписанъ доблестный Иванъ?
Всегда, вездѣ безъ укоризны
Онъ, русской правды алкоранъ!...
Люблю его въ войнѣ и мирѣ,
Люблю въ обычной простотѣ
И въ пышной пламенной порфирѣ,
Во всей волшебной красотѣ,
Когда во дни воспоминаній

Событій древнихъ и живыхъ,
Среди щитовъ, огней, блистаній,
Горитъ онъ въ радугахъ цвѣтныхъ!...
Томясь желаньемъ ненасытнымъ
Заняться важно суетой,
Люблю въ раздумьи любопытномъ
Взойти съ народною толпой
Подъ самый куполъ золотой,
И видѣть съ жалостью оттуда,
Что эта гордая Москва,
Которой добрая молва
Всегда дарила имя чуда —
Песку и камней только груда.
Безъ словъ коварныхъ и пустыхъ
Могу прибавить я, что лица,
Которыхъ болѣе другихъ
Ласкаетъ матушка-столица,
Оттуда видны безъ очковъ,
Повѣрьте мнѣ, какъ вереница
Обыкновенныхъ каплуновъ...
А сколько мыслей, замѣчаній,
Философическихъ идей,
Филантропическихъ мечтаній
И романическихъ затѣй,
Всегда насчетъ другихъ людей,
На умъ приходитъ въ это время?
Какое сладостное бремя
Лежитъ на сердцѣ и душѣ!
Ахъ, это счастье безъ обмана,
Оно лишь жителя Монблана
Лелѣетъ въ вольномъ шалашѣ!
Одинъ крестьянинъ полудикій

Не даромъ вымолвилъ въ слезахъ:
«Великъ Господь на небесахъ,
Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій!...»
Итакъ, хвала тебѣ, хвала,
Живи, цвѣти, Иванъ кремлёвскій,
И, утѣшая слухъ московскій,
Гуди во всѣ колокола!...

Имениннику.

(А. П. Лозовскому).

Что̀ могу тебѣ, Лозовскій,
Подарить для именинъ?
Я, по милости бѣсовской,
Очень бѣдный господинъ!
Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ,
Я живу безъ серебра,
И въ шатрѣ моемъ убогомъ
Нѣтъ богатства и добра,
Кромѣ сабли и пера.
Жалко споря съ гнѣвной службой,
Я ни геній, ни солдатъ,
И одной твоею дружбой
Въ долѣ пагубной богатъ!
Дружба — неба даръ священный,
Рай земнаго бытія!
Чѣмъ же, другъ неоцѣненный,
Заплачу за дружбу я?
Дружбой чистой, неизмѣнной,

Дружбой сердца на обмѣнъ:
Плѣнъ торжественный за плѣнъ!...

Посмотри: невольникъ страждетъ
Въ непріятельскихъ цѣпяхъ
И напрасно воли жаждетъ,
Какъ источника въ степяхъ.
Такъ и я, могучей силой
Предназначенный тебѣ,
Не могу уже, мой милый,
Перекорствовать судьбѣ...
Не могу сказать я вольно:
«Ты чужой мнѣ, я не твой!»
Было время — и довольно...
Голосъ пылкій и живой
Излетѣлъ, какъ бури вой,
Изъ груди моей суровой...
Ты услышалъ дивный звукъ,
Громкій отзывъ жизни новой —
И уста, и пламень рукъ,
Будто съ дѣтской колыбели,
Навсегда запечатлѣли
Въ насъ святое имя — другъ!
Въ чемъ же, въ чемъ теперь желанье
Имениннику души —
Это вѣрное признанье
Глубже въ сердце запиши!...

На Лубянкѣ, домъ Лухманова.
30 августа 1833 года.

1834.

Негодованіе.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ по-прежнему,
Не горишь въ моей груди —
Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.
Тучи мрачныя, громовыя
Надъ главой моей висятъ;
Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.

Какъ я много драгоцѣннаго
Въ этой жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго —
Жалкій міръ боготворилъ!
Съ силой дивной и кичливою
Добровольнаго бойца,
И съ любовію ревнивою
Изступленнаго жреца,
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ,
И разсудка лучъ божественный
На безумство промѣнялъ!
Какъ преступникъ, лишь окованный
Правосудною рукой —
Грозенъ умъ, разочарованный
Свѣтомъ истины нагой!
Что же?... Страсти ненасытныя
Я таилъ среди огня,
И друзья — злодѣи скрытные —
Злобно предали меня!
Подъ эгидою ласкательства,
Подъ личиною любви,
Роковой кинжалъ предательства
Потонулъ въ моей крови!
Грустно видѣть бездну черную
Послѣ неба и цвѣтовъ,
Но грустнѣе жизнь позорную
Убивать среди рабовъ,
И, попранному обидою,
Видѣть вѣчно за собой,
Съ неотступной Немезидою,
Безотвѣтственный разбой!

Гдѣ жъ вы, громы истребители,
Что жъ вы кроетесь во мглѣ,
Между тѣмъ какъ притѣснители
Властелины на землѣ!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи —
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность голодную
Не насытитъ цѣлый міръ!
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы —
Такъ грызитесь, плотоядные,
До послѣдняго, какъ псы!...

На болѣзнь юной дѣвы.

Ты ли, ангелъ ненаглядный,
Ты ли, дѣва — алый цвѣтъ,
Изнываешь безотрадно,
Въ полномъ блескѣ юныхъ лѣтъ?
На тебя ль недугъ туманный,
Въ пышномъ праздникѣ весны,
Налетѣлъ, какъ врагъ нежданный,
Изъ далекой стороны?
Скученъ, грустенъ взоръ печальный
Голубыхъ твоихъ очей —
Онъ, какъ факелъ погребальный,
Блещетъ въ сумракѣ ночей.
Развился пушистый волосъ
На увядшихъ раменахъ;
Нѣтъ улыбки, томный голосъ
Слабо ропщетъ на устахъ.
И для чувства наслажденья,
И для нѣги и любви
Ты мертва: огонь мученья
Пробѣжалъ въ твоей крови!...

И когда жъ бальзамъ природы —
Утѣшитель бытія —
Воскреситъ и для свободы,
И для счастія тебя?

Вѣрь мнѣ, дѣва, съ раннимъ утромъ,
Въ тѣ часы, когда росой,
Будто свѣтлымъ перламутромъ,
Будто яркою слезой,
Окристалятся поляны
И весенніе цвѣты,
И денницы лучъ багряный
Блещетъ мирно съ высоты,
И тогда, какъ ночью сонной
Осѣненъ безмолвный міръ,
И прохладно, благовонно
Вѣетъ сладостный зефиръ —
Я дремотою отрадной
Не сомкну моихъ очей
И встрѣчаю, съ грустью хладной,
Свѣтъ зари и тьму ночей!...
Чтò мнѣ солнце, чтò мнѣ звѣзды!
Чтò мнѣ ясная лазурь!
Я въ груди, какъ въ лонѣ бездны,
Затаилъ весь ужасъ бурь...
Дѣва-солнце, дѣва-радость,
Ты явилась мнѣ въ тиши,
И слетѣла жизни сладость
Въ глубину моей души!
Я знакомыя страданья
На мгновенье позабылъ —
И любви и упованья

Чашу полную испилъ.
Я мечталъ... но духъ упорный,
Мой гонитель на землѣ,
Лучъ надежды благотворной
Потопилъ въ глубокой мглѣ.
Гдѣ ты? Чтò ты, образъ милый?
Я ищу тебя, но ты —
Только призракъ лишь унылый
Изнуренной красоты!...

Баю-баюшки-баю.

Въ темной горницѣ постель;
Надъ постелью колыбель;
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьется, плачетъ, что есть мочи,
Безпокойное дитя...
Вотъ, лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Бѣлой грудью къ крикуну,
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ, и тихо стонетъ
На чувствительный распѣвъ
Девяностолѣтнихъ дѣвъ:

«Да усни же ты, усни,
Мой хорошій молодецъ!
Угомонъ тебя возьми,
О, постылый сорванецъ!
Баю-баюшки-баю!

«Ужъ и есть ли гдѣ такой
Сизокрылый голубокъ,
Ненаглядный, дорогой,
Какъ мой миленькій сынокъ?
Баю-баюшки-баю!

«Во зеленомъ во саду
Красно вишенье растетъ;
По широкому пруду
Бѣлый селезень плыветъ...
Баю-баюшки-баю!

«Словно вишенье румянъ,
Словно селезень онъ бѣлъ—
Да усни же ты, буянъ!
Не кричи же ты, пострѣлъ!...
Баю-баюшки-баю!

«Я на золотѣ кормить
Буду сына моего;
Я достану, такъ и быть,
Царь-дѣвицу для него...
Баю-баюшки-баю!

«Будетъ важный человѣкъ,
Будетъ сынъ мой генералъ...
Ну, заснулъ... хоть бы навѣкъ!
Побери его провалъ!
Баю-баюшки-баю!..»

Свѣтъ потухъ надъ генераломъ;
Чернобровка покрываломъ

Обвернула колыбель —
И ложится на постель...
Въ темной горницѣ молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны раза два...
Послѣ, тѣнью боязливой,
Кто-то, чудилося мнѣ,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ...

Сарафанчикъ.

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,
Одинёшенькой въ свѣтлицѣ
  Шить узоры серебромъ!
И безъ матушки родимой
Сарафанчикъ мой любимый
  Я надѣла вечеркомъ —
    Сарафанчикъ,
    Разстеганчикъ!

Въ разноцвѣтномъ хороводѣ
Я играла на свободѣ
  И смѣялась, какъ дитя!
И въ свѣтлицу до разсвѣта
Воротилась, только гдѣ-то
  Разорвала я, шутя,
    Сарафанчикъ,
    Разстеганчикъ!

Долгό мать меня журила
И до свадьбы запретила
  Выходить за ворота;

Но за сладкія мгновенья
Я тебя безъ сожалѣнья
Оставляю навсегда,
Сарафанчикъ,
Разстеганчикъ!

Разочарованіе.

Была пора — за милый взглядъ,
Очаровательно-притворный,
Платить я жизнію былъ радъ
Красѣ обманчиво-упорной!
Была пора — и ночь, и день
Я бредилъ хитрою улыбкой,
И трудно было мнѣ, и лѣнь
Разстаться съ жалкою ошибкой.
Теперь пора веселыхъ сновъ
Прошла, разсорилась съ поэтомъ —
И я за пару нѣжныхъ словъ
Себя безумно не готовъ
Отправить въ вѣчность пистолетомъ.
Теперь хранитъ меня судьба —
Плѣняюсь женщиной, какъ прежде,
Но разувѣрился въ надеждѣ
Увидѣть розу безъ шипа.

Тайный голосъ.

(Божій судъ).

Есть духи зла — неистовыя чада
  Благословеннаго Отца;
Удѣлъ ихъ — грусть, отчаянье — отрада,
  А жизнь — мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
  Когда извлекъ всевышній перстъ,
Изъ тьмы вѣковъ, эѳиръ одушевленный
  Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ;

Когда Творецъ торжественное слово,
  Въ премудрой благости, изрекъ:
«Да будетъ прахъ величія основой!»
  И всталъ изъ праха человѣкъ...

Тогда ему, свѣтлы, необозримы,
  Хвалу воспѣли небеса,

И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь — волшебная краса...

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ іорданскія струи,
Вокругъ его, властителя святаго,
Вились архангеловъ рои.

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ трепещущимъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ —
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ!... Могущая десница
Подъяла молнію и громъ —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ!...

И плачъ, и стонъ, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытія,
И отказалъ въ надеждѣ примиренья
Ему правдивый Судія.

Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ,
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы —
 Они противны небесамъ:
Не долетитъ въ объятія природы
 Ихъ недостойный фиміамъ!

Село Ильинское.
8 іюля 1834 г.

Къ Екатеринѣ Ивановнѣ Биби-ковой.

Таланты ваши оцѣнить
Никто не въ силахъ, безъ сомнѣнья!
Возможно ли о томъ судить,
Что̀ выше всякаго сужденья!
Того ни съ чѣмъ нельзя сравнить,
Что̀ выше всякаго сравненья!...
Вы рождены плѣнять сердца
Душой, умомъ и красотою,
И чувствъ высокихъ полнотою
Примѣрной матери и рѣдкаго отца.

О, тотъ постигнулъ верхъ блаженства,
Кто высшей цѣли идеалъ,
Кто всѣ земныя совершенства
Въ одномъ созданьи увидалъ!
Кому же? Мнѣ, рабу несчастья,
Приснился дивный этотъ сонъ —
И съ тайной силой самовластья
Упалъ, налегъ на душу онъ.

Я вижу! нѣтъ, не сновидѣнье
Меня ласкаетъ въ тишинѣ!
То не волшебное явленье
Страдальцу въ дальней сторонѣ!
Не гармоническая лира
Звучитъ и стонетъ надо мной,
И изъ вещественнаго міра
Зоветъ, зоветъ меня съ собой
Къ моей отчизнѣ неземной!...
Нѣтъ — это вы! Не очарованъ
Я бредомъ пылкой головы...
Цѣпями грусти не окованъ
Мой духъ свободный... Это вы!...
Кто, кромѣ васъ, творящими перстами,
Единымъ очеркомъ холоднаго свинца —
Даетъ огонь и жизнь, съ минувшими страстями,
Чертамъ бездушнымъ мертвеца?
Чья кисть, на зло природѣ горделивой,
Враждуетъ съ ней на лоскѣ нолотна,
И воскрешаетъ прихотливо,
Какъ мощный духъ, вѣка и времена?

Такъ, это вы!... Я передъ вами...
Вы мой рисуете портретъ —
И я мирюсь съ жестокими врагами,
Мирюсь съ собой! Я вижу новый свѣтъ!

Простите смѣлости безумной
Пѣвца, гонимаго судьбой,
Который, послѣ бури шумной,
Въ эмали неба голубой

Слѣдитъ звѣзду надежды благосклонной
И, счастливый, въ тѣни привѣтливой садовъ
Пьетъ жадно воздухъ благовонной
Ароматическихъ цвѣтовъ!...

1834 года, іюля 11.
Село Ильинское.

Къ своему портрету.

Судьба меня въ младенчествѣ убила;
Не зналъ я жизни тридцать лѣтъ,
Но ваша кисть мнѣ вдругъ проговорила:
«Возстань изъ тьмы, живи, поэтъ!»
И расцвѣла холодная могила,
И я опять увидѣлъ свѣтъ...

Е. И. Бибиковой.

Зачѣмъ хотите вы лишить
Меня единственной отрады —
Душой и сердцемъ вашимъ быть
Безъ незаслуженной награды?
Вы наградили всѣмъ меня —
Улыбкой, лаской и привѣтомъ,
И если я ничто предъ цѣлымъ свѣтомъ,
То съ этихъ поръ — я дòрогъ для себя.
Я не забуду васъ въ глуши далекой,
Я не забуду васъ въ мятежной суетѣ;
Гдѣ бъ ни былъ я, вездѣ съ тоской глубокой
Я буду помнить васъ — вездѣ!...

Черные глаза.

О грустно мнѣ!... Вся жизнь моя — гроза!...
Наскучилъ я обителью земною!...
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы — черные, волшебные глаза?

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!...

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое;
И буйный духъ, и сердце огневое
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена:
Меня несла противная волна,
Несла на смерть — и гибель не страшна
Казалась мнѣ въ пучинѣ безпощадной...

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я съ думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ.

И погруженъ въ преступныя сомнѣнья
О цѣли бытія, судьбу кляня,
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое бъ могло, изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ.

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О нѣтъ! какъ духъ карающій и злой,
Свѣтлѣе дня, явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной
На муравѣ долины ароматной!

Явилось... все исчезло для меня:
Я позабылъ въ мучительной невзгодѣ
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я съ невольнымъ торжествомъ
Земной эдемъ!... Какъ будто существомъ
Другихъ міровъ, какъ будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
«Люби меня... и въ очи, и въ уста

«Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
Какъ мотылекъ лилею поутру!
Люби меня, какъ милую сестру,
И снова я и къ небу и къ добру
Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!...»

И этотъ звукъ разгаданныхъ рѣчей,
И эта пѣснь души ея прекрасной,
Въ восторгѣ чувствъ и нѣги сладострастной,
Гремѣли въ ней, волшебницѣ опасной,
Сверкали въ зеркалѣ ея очей!...

Напрасно я мой геній горделивый,
Мой злобный рокъ на помощь призывалъ:
Со мною онъ, какъ другъ, изнемогалъ,
Какъ слабый врагъ предъ мощнымъ трепеталъ—
И я въ цѣпяхъ предъ дѣвою стыдливой!

Въ цѣпяхъ!... Творецъ!... Безсильное дитя
Играетъ мной по волѣ безотчетной,
Казнитъ меня съ улыбкой беззаботной,
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!...

Но кто она, прелестное созданье?
Кому любви, безпечной и живой,
Приноситъ даръ, быть можетъ, роковой?
Увы! гдѣ тотъ, кто дѣвы молодой
Вопьетъ въ себя невинное дыханье?...

Гроза и громъ!... Ужель мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Ужели все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земного?...
Такъ! я лишенъ, лишенъ — и навсегда!...

Кто видѣлъ тёрнъ колючій и безплодный
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда жъ и гдѣ равно ихъ оцѣнятъ
И на одной грядѣ соединятъ?
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?...

Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть можетъ, я достоинъ наказанья;
Но я съ душой — могу ли безъ роптанья
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду ль васъ, о черные глаза!

Забуду ль тѣ безцѣнныя мгновенья,
Когда съ тобой, какъ другъ, наединѣ,
Какъ нѣжный другъ, при солнцѣ и лунѣ
Я заводилъ бесѣды въ тишинѣ,
И изнывалъ въ тоскѣ, безъ утѣшенья!

Когда между развалинъ и гробовъ
Блуждали мы съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ,

Тогда одной разсѣянною думой
Питали мы знакомыя сердца:
«О, какъ близка могила отъ вѣнца!
И что̀ любовь — не прахъ ли мертвеца?...»
И я склонялъ къ могиламъ взоръ угрюмой.

И ты, блѣдна, съ потупленной главой,
Слѣдила ходъ мой, быстрый и неровный;
Ты шла за мной, подъ тѣнію дубровной
Была со мной... и я нашъ міръ духовной
Не промѣнялъ на счастливый земной!...

И сколько разъ надъ нѣжной Элоизой
Я находилъ прекрасную въ слезахъ,
Иль, затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей стерегъ ее въ волнахъ,
Гдѣ иногда, подъ сумрачною ризой,

Бѣла, какъ снѣгъ, волшебныя красы
Она струямъ зеркальнымъ предавала,
И между тѣмъ стыдливо обнажала
И грудь и станъ, и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы...

Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ;
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ...
Быть можетъ... нѣтъ! мой часъ уже пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ неотвратимой!

Зачѣмъ гнѣвить безумно небеса?
Ея ужъ нѣтъ!... Она цвѣтетъ и нынѣ...
Но гдѣ?... Для чьей цвѣтетъ она гордыни?
Чей фиміамъ курится для богини?...
Скажите мнѣ, о черные глаза!

Грусть.

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я съ жадностью безумной
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерялъ,
И душевной укоризны,
Можетъ быть, не избѣжалъ.
Отчего жъ не съ сожалѣньемъ,
Отчего — скажите мнѣ —
Но съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ?
Отчего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной,
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отчего, какъ въ полдень ясный
Голубыя небеса,
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза?

Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной,
Льется въ душу мнѣ украдкой
Гармонической волной?
Чтò тревожитъ духъ унылой,
Манитъ къ счастію меня?...
Ахъ, не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!
Отлетѣли заблужденій
Невозвратные рои —
И я мертвъ для наслажденій,
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ, сердце проситъ
Послѣ бури уголка;
Но мольбы его разноситъ
Безпощадная тоска!

1835—1837.

ЭНДИМІОНЪ.

Ты спалъ, о юно́ша, ты спалъ,
Когда она, богиня скалъ,
Лѣсовъ и нѣги молчаливой,
Томясь любовью боязливой,
Къ тебѣ, прекрасна и свѣтла,
Съ Олимпа мрачнаго сошла;
Когда одна, никѣмъ незрима,
Тиха, безмолвна, недвижима,
Она стояла предъ тобой,
Какъ цвѣтъ надъ урной гробовой;
Когда, безъ тайнаго укора,
Она внимательнаго взора
Съ тебя, какъ съ чистаго стекла,
Свести, красавецъ, не могла —
И сладость робкихъ ожиданій,
И пламень дѣвственныхъ желаній

Дышали жизнью бытія
Въ груди трепещущей ея!
Ты спалъ... но страстное лобзанье
Прервало сна очарованье;
Ты очи черныя открылъ —
И юный, смѣлый, полный силъ,
Подъ тѣнью миртоваго лѣса,
Предъ юной дщерію Зевеса
Склонилъ колѣно и чело...
Счастливый юноша! свѣтло;
Рѣдѣетъ ночь; алѣетъ небо;
Смотри: предшественница Феба
Открыла розовымъ перстомъ
Врата на сводѣ голубомъ.
Смотри... но блѣдная Діана,
Въ прозрачномъ облакѣ тумана,
Безъ лучезарнаго вѣнца,
Уже спѣшитъ въ чертогъ отца,
И снова ждетъ въ тоскѣ ревнивой
Покрова ночи молчаливой!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Бѣлая ночь.

I.

Чудесный видъ, волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!
Вдали, кругомъ, холодная, нѣмая —
Вездѣ одна равнина снѣговая;
Вездѣ одинъ безбрежный океанъ,
Окованный зимою великанъ!
Все ночь и блескъ! Ни облака, ни тучи
Не пронесетъ по небу вихрь летучій,
Не потемнитъ воздушнаго стекла.
Природа спитъ, уныла и свѣтла...
Чудесный видъ, волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!

II.

Великій градъ на берегахъ Неглинной,
Святая Русь подъ мантіей старинной,
Москва — пріютъ радушной доброты —
Тревогой дня утомлена и ты!

Покой и миръ на улицахъ столицы;
Еще кой-гдѣ мелькаютъ колесницы;
Во весь опоръ безъ милости гоня,
Извощикъ бьетъ еще кой-гдѣ коня;
На пустыряхъ и крикъ, и разговоры,
И между тѣмъ безсонные дозоры...
Чудесный видъ, волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!

III.

Зачѣмъ же ты, невинное дитя,
Такъ рѣзво день минувшій проведя
Между подругъ примѣрно-благонравныхъ,
Теперь одна, въ мечтаньяхъ своеправныхъ,
Проводишь ночь печально у окна?
Но что я? Нѣтъ! ты, вижу, не одна:
Мнѣ зоркій глазъ, мнѣ свѣтъ твоей лампады
Не измѣнятъ! Ахъ, ахъ, твои наряды
Упали съ плечъ, дитя мое Адель!
. . . .
Чудесный видъ, волшебная краса!
Бѣлы, какъ день, земля и небеса!

Когда-то.

Когда-то много кой-чего
Она съ улыбкой мнѣ сулила,
И послѣ — что же? Ничего!...
Какъ всѣмъ, съ улыбкой измѣнила!

Когда-то съ ней наединѣ,
Мечтой волшебной упоенный,
Я предавался, весь въ огнѣ,
Порывамъ страсти изступленной!

Когда-то дерзкая рука
Играла черными кудрями,
И осѣняли смѣльчака
Тѣ кудри пышными роями!...

Пѣсня.

Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти,
Проливные, безотрадные дожди?
Долго ль будетъ вамъ увлаживать поля?
Осушится ль скоро мать-сыра-земля,
Тихій вѣтеръ свѣжій воздухъ растворитъ,
И въ дубровѣ соловей заголоситъ,
И придетъ ко мнѣ, мила и хороша,
Юный другъ мой, красна-дѣвица душа?

Соловей мой, соловей,
Ты отъ бури и дождей,
Ты отъ пасмурныхъ небесъ
Улетѣлъ въ дремучій лѣсъ,
Ты не свищешь, не поешь,
Солнца яснаго ты ждешь!

Дѣва, дѣвица моя,
Ты отъ бури и дождя,
И печальна и грустна,
Въ терему схоронена!

Къ другу милому нейдешь,
Солнца яснаго ты ждешь!

Перестаньте же безъ умолку идти,
Проливные, безотрадные дожди!
Дайте вёдру, дайте солнцу проглянуть!
Дайте сердцу послѣ горя отдохнуть!
Пусть, какъ прежде, и прекрасна, и пышн
Воцарится благотворная весна,
Разольется въ звонкой пѣснѣ соловей —
И я снова, сладострастнѣй и звучнѣй,
Расцѣлую очи дѣвицы моей!

Къ М. А. Я—й.

Къ чему вамъ служитъ умъ, когда вы такъ прекрасны?
Зачѣмъ вамъ красота, когда вы такъ умны?
И умъ и красота природой вамъ даны...
Скажите жъ, для чьего вы сердца не опасны?

Въ альбомъ Ѳ. А. Кони.

Что написать, ей-ей, не знаю —
Дѣвицъ и женщинъ не терплю,
Лишь душу, чувство уважаю,
И умъ я искренно люблю...

На память о себѣ.

Враждуя съ вѣтреной судьбой—
Всегда я вѣтреностью боленъ,
И своенравно недоволенъ
Никѣмъ, а болѣе собой.

Никѣмъ — за то, что чернымъ ядомъ
Сердца людей напоены,
Собой — за то, что вѣчнымъ адомъ
Душа и грудь моя полны.

Но есть пріятныя мгновенья!...
Я испыталъ ихъ между васъ,
И, вѣрьте, съ чувствомъ сожалѣнья
Я вспомяну о нихъ не разъ.

Картина.

Какъ обольстительно-прекрасна,
О дѣва, ты для всѣхъ очей!
Какъ ты, безъ пламенныхъ рѣчей,
Краснорѣчиво-сладострастна!
Для наслажденья и любви
Ты создана очарованьемъ;
Сама любовь своимъ дыханьемъ
Зажгла огонь въ твоей крови!
Свѣжѣе розы благовонной
Уста румяныя твои;
Лилейный пухъ твоей груди
Трепещетъ нѣгой благосклонной!...
И этой ножки бѣлизна,
И эта темная волна
По лоску бархатнаго тѣла,
И этотъ станъ зыбучій, смѣлый —
Соблазнъ и взора, и руки —
Манятъ и мучатъ, и терзаютъ,

И на мгновенье усыпляютъ
Смертельный ядъ моей тоски!

Друзья мои! (Я своевольно
Хочу вездѣ имѣть друзей,
Хоть другъ, предатель и злодѣй —
Одно и то же! очень больно,
Но такъ и быть!) друзья мои!
Я вижу часто эту Пери:
Она моя! замки и двери
Меня не разлучаютъ съ ней!...
И днемъ, и позднею порою,
Въ кругу завѣтномъ и одинъ,
Любуюсь я, какъ властелинъ,
Ея волшебною красою!
Могу лобзать ее всегда
Въ чело, и въ очи, и въ уста...
«Счастливецъ!» скажете вы мнѣ.
Напрасно!... Все мое блаженство,
Все милой дѣвы совершенство
И вся она — на полотнѣ!

Къ набѣленной красавицѣ.

Я говорилъ вамъ, и не разъ
  Скажу опять: вы милы!
Особенно, когда у васъ
  Не въ милости бѣлилы!
Къ чему невинная рука,
  Рабыня вялой моды,
Таитъ и крадетъ два цвѣтка
  Любимые природы?
Давно ли яркой бѣлизнѣ,
  Нерадующей взоры,
Придать позволено веснѣ
  Январскіе уборы?
Ужели ландышъ снѣговой
  И роза Гюлистана
Растутъ по волѣ роковой
  Искусства и обмана?
О нѣтъ! отрада соловья,
  Красавица Востока —
Не перемѣнитъ бытія,
  Изъ прихоти жестокой

Влюбленной въ ландышъ и себя
  Шалуньи черноокой!
Глаза вѣдь, зеркало души
  (Преданья вѣковыя),
У васъ прекрасны, хороши,
  Какъ стрѣлы огневыя;
Но цвѣтъ лица — другое онъ
  Достоинство имѣетъ:
Всѣ тайны сердца, безъ препонъ,
  Онъ высказать умѣетъ!
Тоска любви, надежды лучъ,
  Невинное желанье —
Все видно въ немъ, какъ изъ-за тучъ
  Блестящее сіянье!...
Зачѣмъ же пышные цвѣтки —
  Румяныя ланиты —
У васъ завѣсою тоски
  Безжалостно прикрыты?
О, разлюбите этотъ цвѣтъ:
  Онъ страсти не обманетъ;
Иль поцѣлуемъ васъ поэтъ
  Невольно разрумянитъ!

Прощаніе.

(Посвящ. Л. А. Якубовичу).

Итакъ, прощайте! скоро, скоро
Переселюсь я, наконецъ,
Въ страну такую, изъ которой
Не возвратился мой отецъ!
Не жду отъ васъ ни сожалѣнья,
Не жду ни слезъ, мои друзья!
Враги мои — увѣренъ я —
Вы тоже съ чувствомъ умиленья
Во гробъ уложите меня!
Удѣлъ весьма обыкновенной!...
Когда же, въ очередь свою,
И вамъ придется непремѣнно
Сойти въ Харонову ладью,
Чтобъ отыскать въ рѣкѣ забвенья
Свои несчастныя творенья,
То, вѣрьте, милые, и васъ

Проводятъ съ смѣхомъ въ добрый часъ!
Когда сыгралъ на сценѣ міра
Пустую роль свою актеръ,
Тогда съ народнаго кумира
Долой мишурная порфира,
И свистъ — безумцу приговоръ!...
Болѣзнью тяжкой изнуренныхъ
Я видѣлъ много разныхъ лицъ:
Сѣдыхъ ханжей, сѣдыхъ дѣвицъ,
Мужей и мудрыхъ, и почтенныхъ —
Увы, грѣховнаго плода
Они вкушали неизбѣжно,
И отходили безмятежно,
Никто не вѣдаетъ куда!
Холодный зритель улыбался;
Лукавый родственникъ смѣялся;
Сатира колкимъ языкомъ
О нихъ минуты двѣ судила,
Потомъ холодная могила
Навѣкъ безчувственнымъ пескомъ
Ихъ трупы хладные прикрыла!...

Скажите жъ мнѣ въ послѣдній разъ,
Непостижимыя созданья:
Куда изъ круга мірозданья,
Куда вы кроетесь отъ насъ?
Кто этотъ міръ безъ сожалѣнья
Покинуть можетъ навсегда?
Не тотъ ли, кто безъ заблужденья,
Какъ неподвижная звѣзда
Среди воздушнаго волненья,
Привыкъ умомъ своимъ владѣть,

И, сынъ безсмертія и праха,
Безъ суевѣрія и страха
Умѣетъ жить и умереть!

Москва.
25 ноября 1835 г.

Отчаяніе.

О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!
Я понялъ, понялъ жизни адъ,
Мнѣ сердце высосали змѣи!...
Смотрю на жизнь, какъ на позоръ —
Пора разстаться съ своенравной
И произнесть ей приговоръ
Послѣдній, страшный и безславный!
Что въ ней?... Зачѣмъ я на землѣ
Влачу убійственное бремя?...
Скорѣй во прахъ!... Въ холодной мглѣ
Покойно спитъ земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей изсохшихъ не тревожитъ,
И черепъ мертвой головы
Одинъ лишь червь могильный гложетъ.
Безумство страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды,
И все, чѣмъ славились вѣка,
Чѣмъ жили геніи, невѣжды —

Все праху, все заплатитъ дань,
До той поры, пока природа,
Въ слухъ уничтоженнаго рода,
Речетъ торжественно: возстань!

(1836).

Къ моему генію.

Ужель, мой геній быстролетный,
Ужель и ты мнѣ измѣнилъ,
И думой черной, безотчетной,
Какъ тучей, сердце омрачилъ?
Погасла яркая лампада—
Завѣтный спутникъ прежнихъ лѣтъ,
Моя послѣдняя отрада,
Подъ свистомъ бурь, на морѣ бѣдъ...
Давно челнокъ мой одинокой
Скользитъ по яростной волнѣ,
И я не вижу въ тьмѣ глубокой
Звѣзды привѣтной въ вышинѣ;
Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ...
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ на полѣ битвы,
Курилъ мой свѣтлый фиміамъ,

И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужъ готово
Изречь: «воскресни и живи!»
Я оживалъ... Но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня — и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія...
Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,
Несется быстро мой челнокъ —
Душа кипитъ, душа тоскуетъ,
И, мнится, снова торжествуетъ
Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ.
Явись же, геній прихотливый!
Явись опять передо мной,
И проведи меня счастливо
Къ странѣ, знакомой съ тишиной!

На смерть Пушкина.

И поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла —
Тогда, какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ тьму надеждъ — тогда сразила
Его судьба...

Узникъ.

За рѣшоткою, въ четырехъ стѣнахъ,
Думу мрачную и любимую
Вспомнилъ молодецъ, и въ такихъ словахъ
Выражалъ онъ грусть нестерпимую:

«Охъ ты, жизнь моя молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы!

«Для кого же, недоброхотная,
Противъ воли я часто ратовалъ?
Иль, красавица беззаботная,
День обманчивый тебя радовалъ?

«Кто видалъ, когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною?
Какъ сдружился я, при сѣдой лунѣ,
Съ смертью раннею, безпокойною?

«Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и метелицу,
И приласкивалъ и умаливалъ
Ненаглядную красну-дѣвицу?

«Штофы, бархаты, ткани цвѣтныя
Саблей острою ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашахъ недруговъ послѣ пѣнивалъ.

«Знали всѣ меня — зналъ и старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ...
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ...

«Воля-волюшка драгоцѣнная!
Появись ты мнѣ несчастливому,
Благотворная, обновленная —
Не отдай судьѣ справедливому!...»

Такъ онъ молодецъ, въ четырехъ стѣнахъ,
Стражѣ передалъ мысль любимую;
Излилась она, замерла въ устахъ —
И кто понялъ грусть нестерпимую?...

Пѣсня.

Разлюби меня, покинь меня,
Доля-долюшка желѣзная!
Опротивѣла мнѣ жизнь моя,
Молодая, безполезная!

Не припомню я счастливыхъ дней —
Не знавалъ я ихъ съ младенчества!
Для измученной души моей
Нѣтъ въ подсолнечной отечества!

Слышалъ я, что будто Божій свѣтъ
Я увидѣлъ съ тихимъ ропотомъ;
А потомъ житейскихъ бурь и бѣдъ
Не избѣгнулъ горькимъ опытомъ.

Рано, рано ознакомился
Я на морѣ съ непогодою;
Поздно, поздно приготовился
Въ бой отчаянный съ невзгодою!

Закатилася звѣзда моя,
Та ль звѣзда моя туманная,
Что̀ слѣдила завсегда меня,
Какъ невѣста нежеланная!

Не ласкала, не лелѣяла,
Какъ любовница завѣтная;
Только холодомъ обвѣяла,
Какъ измѣнница всесвѣтная!

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій —
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой —
Повсюду встрѣчаемъ несчастное «я»,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное — холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ, въ то время, сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы.
Тоска роковая, убійца тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.

Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?...
. . . .
. . . .

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое.»
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ божественнымъ чертилъ
И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —

И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «покинь твою боязнь!
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: никто, Учитель!
«Итакъ и я твоей души
Не осужу,» сказалъ Спаситель,
«Иди въ свой домъ и не грѣши!»

1838.

Чахотка.*

(А. П. Лозовскому).

Вотъ тебѣ, Александръ, живая картина моего наст положенія:

. . . .
. . . .
. . . .
Но горе мнѣ, съ другой находкой
Я ознакомился — съ чахоткой,
И въ ней, какъ кажется, сгнію!
Тяжелой мраморною плитой,
Со всей анаѳемскою свитой —
Удушьемъ, кашлемъ — какъ змѣя,
Впилась, проклятая, въ меня;
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ,

---

* Стихотвореніе это написано Полежаевымъ за нѣсколько дней д

И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ.
Ужель, ужель — онъ мыслитъ грустно —
Я подвигъ жизни совершилъ
И юныхъ дней фіалъ безвкусной,
Но долго памятный, разбилъ!
Давно ли я, въ оргіяхъ шумныхъ,
Ничтожность міра забывалъ
И въ кликахъ радости безумныхъ
Безумство счастьемъ называлъ?
Тогда — вдали отъ глазъ невѣжды
Или фанатика глупца —
Я сердцу милыя надежды
Питалъ съ улыбкой мудреца,
И счастливъ былъ!... Самозабвенье
Таилось въ безднѣ пустоты —
. . . .
. . . .
Съ уничтоженіемъ разсудка,
Въ нелѣпомъ вихрѣ бытія,
Законовъ мозга и желудка
Не различалъ во мракѣ я.
Я спалъ душой изнеможенной,
Никто мнѣ бѣдъ не предрекалъ,
И самъ — какъ рабъ, ума лишенной —
Точилъ на грудь свою кинжалъ;
Потомъ проснулся... но ужъ поздно...
Заря по тучамъ разлилась —
Завѣса будущности грозной
Передо мной разодралась...
И что жъ? Чахотка роковая
Въ глаза мнѣ пристально глядитъ,

И, блѣдный ликъ свой искажая,
Мнѣ, слышу, хрипло говоритъ:
«Мой милый другъ, бутыльнымъ звономъ
Ты звалъ давно меня къ себѣ;
Итакъ, являюсь я съ поклономъ —
Дай уголокъ твоей рабѣ!
Мы заживемъ, повѣрь, не скучно:
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утѣшать...»

Январь 1838 г.

ПОЭМЫ

И

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

1825.

Оскаръ Альвскій.

(Поэма лорда Байрона).

I.

Луна плыветъ на небесахъ;
Сребрится берегъ Лоры;
Въ туманныхъ дикихъ красотахъ
Вдали чернѣютъ горы.
Умолкло все... Окрестность спитъ;
Промчалось время боевъ:
Въ чертогахъ Альвы не гремитъ
Оружіе героевъ.

II.

Какъ часто звѣздные лучи
Изъ тучъ, въ часы ночные,
Сребрили копья и мечи,
И панцыри стальные,

Когда, презрѣвши тишину,
Пылая духомъ мести,
Летѣлъ сынъ Альвы на войну —
Искать трофеевъ чести.

III.

Какъ часто въ бездны этихъ скалъ,
Вѣками освященныхъ,
Воитель мощный увлекалъ
Героевъ побѣжденныхъ!
Быстрѣе сыпало тогда
Свой блескъ свѣтило ночи,
И муки смерти навсегда
Смежали храбрыхъ очи.

IV.

Въ послѣдній разъ на милый свѣтъ
Изъ тьмы они взирали,
Въ послѣдній разъ лунѣ привѣтъ
Изобразить желали.
Они любили — имъ луна
Бывала утѣшеньемъ;
Они погибли — имъ она
Отрадой и мученьемъ...

V.

Исчезла слава прежнихъ лѣтъ
И сильные владыки,
И замокъ Альвы — храмъ побѣдъ —
Добыча повилики.
Въ забвеньи сладостныхъ пѣвцовъ
И воиновъ чертоги,

И бродятъ лани вкругъ зубцовъ,
И серны быстроноги.

VI.

Въ тяжелыхъ шлемахъ и щитахъ
Героевъ знаменитыхъ,
Въ пыли висящихъ на стѣнахъ
И лаврами обвитыхъ,
Гнѣздится дикая сова
И вѣтръ пустынный свищетъ;
На полѣ битвъ растетъ трава
И вепрь свирѣпый рыщетъ...

VII.

О древній Альва — миръ тебѣ,
Ничтожности свидѣтель!
Со славой отдалъ долгъ судьбѣ
Послѣдній твой владѣтель.
Погасъ его могучій родъ;
Нѣтъ ужаса народовъ,
И звукъ мечей не потрясетъ
Твоихъ желѣзныхъ сводовъ.

VIII.

Когда зажгутся небеса,
Разстелятся туманы,
И громъ, и вихри, и гроза
Взбунтуютъ океаны,
Какой-то голосъ роковой,
Какъ бури завыванье
Иль голосъ тѣни гробовой,
Твое колеблетъ зданье.

IX.

Оскаръ, вотъ твой мѣдяный щитъ,
Воюющій съ громами,
Носясь по воздуху, звучитъ
Надъ альвскими стѣнами!
Вотъ твой колеблется шеломъ
На тѣни раздраженной,
Какъ черной нощію, крыломъ
Орлинымъ осѣненный.

X.

Ходили чаши по рукамъ
Въ рожденіе Оскара,
Взвивался пламень къ облакамъ
Веселаго пожара:*
Владыка Альвы ликовалъ
Въ кругу своихъ героевъ,
И бардъ избранный воспѣвалъ
И громъ, и вихри боевъ.

XI.

Ловецъ пернатою стрѣлой
Разилъ въ стремнинахъ ланей,
И рогъ отрадный боевой
Сзывалъ питомцевъ браней.
Призывный рогъ плѣнялъ ихъ слухъ,
И арфы золотыя
Восторгомъ зажигали духъ,
Какъ дѣвы молодыя.

---

* Бритты имѣли обыкновеніе зажигать дубы въ дни празднествъ.—*А. П.*

XII.

«О будь, невинное дитя,»
Пророчилъ старый воинъ,
«Могучъ, безтрепетенъ, какъ я,
Будь Ангуса достоинъ!
Да будутъ дѣвы прославлять
Копье и мечъ Оскара;
Да будетъ злобный трепетать
Оскарова удара!»

XIII.

Проходитъ годъ — и снова пиръ:
У Ангуса два сына;
И веселъ онъ при звукѣ лиръ,
И радостна дружина.
Копье ли учатъ ихъ метать —
Ихъ дикій вепрь трепещетъ;
Стрѣлу ли мѣткую пускать —
Никто вѣрнѣй не мечетъ.

XIV.

Еще младенцы по лѣтамъ —
Они въ рядахъ героевъ;
По грознымъ, пагубнымъ мечамъ
Ихъ знаютъ въ вихрѣ боевъ.
Кто первый грянулъ на враговъ?
Чьихъ странъ герои эти?
То цвѣтъ Морвеновыхъ сыновъ,
То Ангусовы дѣти.

XV.

Чернѣе вранова крыла,
Съ небрежной красотою,
Вокругъ Оскарова чела
Власы вились волною;
Ихъ вѣтръ вздымалъ на раменахъ
Угрюмаго Аллана.
Оскаръ былъ мѣсяцъ въ облакахъ;
Алланъ — какъ тѣнь тумана.

XVI.

Оскаръ съ безтрепетной душой
Чуждался зла и лести;
Всегда волнуемый тоской,
Алланъ былъ склоненъ къ мести.
Оскаръ, какъ искренность, не зналъ
Притворствовать искусства;
Алланъ въ душѣ своей скрывалъ
Завистливыя чувства.

XVII.

Съ блестящей утренней звѣздой
Въ лазури небосклона
Равнялась гордой красотой
Царица Сутгантона.
И не одинъ герой искалъ
Супругомъ быть прекрасной,
И къ дѣвѣ милой запылалъ
Оскаръ любовью страстной.

XVIII.

Кеннетъ и царственный вѣнецъ
    Приданымъ къ сочетанью,
И, въ думѣ радостной, отецъ
    Внималъ его желанью;
Ему пріятенъ былъ союзъ
    Съ колѣномъ Гленнальвона:
Онъ мнилъ посредствомъ брачныхъ узъ
    Соединить два трона.

XIX.

Я слышу рокоты роговъ
    И свадебные клики,
И сонмы старцевъ и пѣвцовъ
    Ликуютъ вкругъ владыки.
Летаютъ персты по струнамъ,
    Пылаетъ дубъ столѣтній,
И ходитъ быстро по рукамъ
    Стаканъ отцовъ завѣтный.

XX.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
    Герои собралися,
И въ Альвѣ пѣсни дѣвъ младыхъ,
    И цитры раздалися.
Кипитъ въ сердцахъ восторгъ живой:
    Всѣ пьютъ веселья сладость —
И Мора въ ткани золотой
    Таитъ невольно радость.

XXI.

Но гдѣ Оскаръ? Ужъ меркнетъ день;
Клубятся въ небѣ тучи;
Покрыла лѣсъ и горы тѣнь...
Приди, ловецъ могучій!
Луна ліетъ дрожащій свѣтъ
Изъ облака тумана;
Невѣста ждетъ — и нѣтъ ихъ, нѣтъ
Оскара и Аллана.

XXII.

Пришелъ Алланъ, съ невѣстой сѣлъ
И въ думу погрузился.
И вотъ отецъ его узрѣлъ:
«Куда Оскаръ сокрылся?
Гдѣ были вы во тьмѣ ночной?» —
«Гоняя лютыхъ вепрей,
Давно разстался онъ со мной
Въ кустахъ дремучихъ дебрей.

XXIII.

«Гроза реветъ; быть можетъ, онъ
Зашелъ далеко въ горы:
Ему пріятнѣй звѣря стонъ
Руки прелестной Моры.» —
«Мой сынъ, любезный мой Оскаръ!»
Вскричалъ отецъ унылый:
«Гдѣ ты, гдѣ ты? Какой ударъ
И мнѣ, и Морѣ милой!

XXIV.

«Скорѣй, о воины-друзья,
Обрѣсть его теките,
Спокойте Мору и меня:
Оскара приведите!
Ступай, Алланъ, ищи его,
Пройди лѣса, долины...
Отдайте сына моего
Мнѣ, вѣрныя дружины!»

XXV.

Въ смятеньи все. «Оскаръ, Оскаръ!»
Взываютъ звѣроловы,
И грозно вторитъ имъ ударъ
Въ поднебесьи громовый.
«Оскаръ!» отвѣтствуютъ лѣса;
«Оскаръ!» грохочутъ волны,
И воютъ буря и гроза —
И всѣ опять безмолвны.

XXVI.

Денница гонитъ мракъ ночной;
Сводъ неба прояснился;
Проходитъ день, прошелъ другой —
Оскаръ не возвратился.
Приди, Оскаръ! — невѣста ждетъ;
Ждутъ дѣвы молодыя;
И нѣтъ его — и Ангусъ рветъ
Власы свои сѣдые.

XXVII.

«Оскаръ, предметъ моей любви!
Оскаръ, мой свѣтлый геній!
Ужели ты съ лица земли
Низшелъ въ обитель тѣней?
О, гдѣ ты, сына моего
Убійца потаенный?
Открой его, открой его,
Властитель надъ вселенной!

XXVIII.

«Быть можетъ, жертва злобы, онъ
Лежитъ безъ погребенья,
И трупъ героя обреченъ
Звѣрямъ на расхищенье.
Быть можетъ, змѣй въ его костяхъ
Бѣлѣющихъ таится,
И на скалѣ Оскаровъ прахъ
Луною серебрится.

XXIX.

«Не съ честью онъ, не въ битвѣ палъ,
Но отъ руки поносной;
Сразилъ могучаго кинжалъ —
Не мечъ побѣдоносный.
Никто слезой не ороситъ
Оскаровой могилы,
И славы холмъ не посѣтитъ
Въ часъ полночи унылый.

XXX.

«Оскаръ, Оскаръ! закрылъ ли ты
Плѣнительные взоры?
Правдивы ль Ангуса мечты
И Вышнему укоры?
Погибъ ли ты, сынъ милый мой,
Души моей отрада?...
Сдружися, смерть, сдружись со мной,
Небесъ благихъ награда!»

XXXI.

Такъ старецъ, мучимый тоской,
Излилъ свое волненье,
И чуждъ душѣ его покой,
И чуждо утѣшенье.
Повсюду горестный влачитъ
Губительное бремя,
И рѣдко духъ его живитъ
Цѣлительное время.

XXXII.

«Оскаръ мой живъ,» онъ льститъ себя
Надеждою пріятной,
И снова мнитъ: «несчастенъ я,
Погибъ онъ невозвратно.»
Какъ звѣзды яркія во мглѣ
То меркнутъ, то пылаютъ,
Печаль съ отрадой на челѣ
У Ангуса сіяютъ.

XXXIII.

Текутъ за днемъ другіе дни
Чредою постоянной,
И кроютъ будущность они
Завѣсою туманной.
Плыветъ луна; проходитъ годъ,
«Оскаръ не возвратится,»
И рѣже старецъ слезы льетъ,
И менѣе крушится.

XXXIV.

Оскара нѣтъ — Алланъ при немъ:
Онъ дней его опора;
И тайнымъ, пламеннымъ огнемъ
Къ нему пылаетъ Мора.
Подобный брату красотой
И дѣвъ очарованье,
Привлекъ онъ Моры молодой
Летучее вниманье.

XXXV.

«Оскара нѣтъ; Оскаръ убитъ,
И ждать его напрасно.»
Стыдливо дѣва говоритъ,
Сгорая нѣгой страстной.
«Когда жъ онъ живъ, то, можетъ быть,
Я — жертвою обмана;
Люблю его, клянусь любить
Прелестнаго Аллана.» —

XXXVI.

«Алланъ и Мора! годъ одинъ,»
Имъ старецъ отвѣчаетъ,
«Продлите годъ: погибшій сынъ
Мнѣ сердце сокрушаетъ!
Чрезъ годъ и ваши, и мои
Исполнятся желанья;
Я самъ назначу день любви
И бракосочетанья.»

XXXVII.

Проходитъ годъ. Ночная тѣнь
Туманитъ лѣсъ и горы;
И вотъ насталъ желанный день
Для юноши и Моры.
Пышнѣе на небѣ блеститъ
Свѣтило золотое;
Быстрѣй во взорахъ ихъ горитъ
Веселіе живое.

XXXVIII.

Я слышу рокоты роговъ
И свадебные клики,
И сонмы старцевъ и пѣвцовъ
Ликуютъ вкругъ владыки.
Летаютъ персты по струнамъ,
Пылаетъ дубъ столѣтній,
И ходитъ быстро по рукамъ
Стаканъ отцовъ завѣтный.

XXXIX.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
Герои собралися,
И въ Альвѣ пѣсни дѣвъ младыхъ,
И цитры раздалися.
Забыта горесть прежнихъ дней:
Всѣ пьютъ блаженства сладость,
И средь торжественныхъ огней
Таитъ невѣста радость.

XL.

Но кто сей мужъ? Невольный страхъ
Черты его вселяютъ;
Вражда и месть въ его очахъ,
Какъ молніи, сверкаютъ.
Незнаемъ онъ, не Альвы сынъ,
Свирѣпый и угрюмый;
И сѣлъ отъ всѣхъ вдали одинъ,
Исполненъ тяжкой думы.

XLI.

Окрестъ раменъ его обвитъ
Плащъ черный и широкій;
Перо багровое сѣнитъ
Шеломъ его высокій.
Слова его, какъ гулъ вдали,
Какъ громъ передъ грозою;
Едва касается земли
Онъ легкою стопою.

XLII.

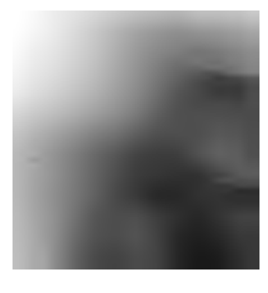
Ужъ полночь. Гости за столомъ;
Живѣе арфы звуки,
И кубокъ съ дѣдовскимъ виномъ
Изъ рукъ летаетъ въ руки.
Желаютъ счастья молодымъ,
Поютъ во славу Моры;
Стремятся радостные къ нимъ
Привѣтствія и взоры.

XLIII.

И вдругъ, какъ бурная волна,
Воспрянулъ неизвѣстный,
И воцарилась тишина
И трепетъ повсемѣстный...
Умолкъ веселый шумъ рѣчей
И свадебные клики,
И страхъ проникъ въ сердца гостей
И Моры, и владыки.

XLIV.

«Старикъ,» сказалъ онъ, «вкругъ тебя,
Какъ звѣзды вкругъ тумана,
Пируютъ вѣрные друзья
И славятъ бракъ Аллана.
Я пилъ за здравіе сего
Счастливаго супруга...
Пей ты за здравье моего
Товарища и друга!



XLV.

«Скажи мнѣ, старецъ, для чего
Оскаръ не раздѣляетъ
Веселья брата своего?
Зачѣмъ не поминаетъ
Никто при васъ о семъ ловцѣ?
Гдѣ Альвы украшенье?
Зачѣмъ не здѣсь онъ, при отцѣ?
Рѣши мое сомнѣнье.» —

XLVI.

«Оскаръ гдѣ?» Ангусъ отвѣчалъ,
И сердце въ немъ забилось,
И въ золотой его бокалъ
Слеза изъ глазъ скатилась.
«Давно, мой другъ, Оскара нѣтъ;
Гдѣ онъ — никто не знаетъ;
Лишь онъ одинъ на склонѣ лѣтъ
Меня не утѣшаетъ.» —

XLVII.

«Лишь онъ одинъ тебя забылъ,»
Съ улыбкою ужасной
Свирѣпый воинъ возразилъ;
«А можетъ быть, напрасно
Ты плачешь каждый день объ немъ,
И намъ бы о героѣ
Бесѣдовать, какъ о живомъ,
Въ пиру, при шумномъ роѣ.

XLVIII.

«Наполни кубокъ свой виномъ,
И пусть онъ переходитъ
Изъ рукъ въ другія за столомъ:
Оскара онъ приводитъ
На память любящимъ его.
Я всѣмъ провозглашаю:
За здравье друга моего
Оскара — выпиваю!» —

XLIX.

«Я пью,» отвѣтствуетъ старикъ,
«За здравіе Оскара!»
И загремѣлъ всеобщій крикъ:
«За здравіе Оскара!»
«Оскаръ въ душѣ моей живетъ,»
Сказалъ старикъ, «какъ прежде,
И если живъ онъ, то придетъ:
Я вѣрю сей надеждѣ» —

L.

«Придетъ иль нѣтъ, но что жъ Алланъ
Не пьетъ вина со мною
И держитъ полный свой стаканъ
Дрожащею рукою?
Зачѣмъ, скажи, Оскаровъ братъ,
Зачѣмъ сіе смущенье?
Иль ты не можешь и не радъ
Исполнить предложенье?

LI.

«Какой тебя волнуетъ страхъ?
Мы пили — не робѣли!»
И быстро розы на щекахъ
Аллана помертвѣли.
Течетъ съ лица холодный потъ;
На всѣхъ взоръ дикій мечетъ,
Къ устамъ подноситъ и не пьетъ,
И въ ужасѣ трепещетъ.

LII.

«Не пьешь, Алланъ! прекрасно! такъ!
Любви весьма нелестной
Ты показалъ намъ явный знакъ!»
Воскликнулъ неизвѣстный;
«Я вижу: хочешь честь воздать
Геройскому ты праху,
Но на челѣ твоемъ печать
Не радости, а страху.»

LIII.

Алланъ невѣрною рукой
Предъ воиномъ грозящимъ
Подноситъ кубокъ круговой
Къ устамъ своимъ дрожащимъ.
«Я пью,» сказалъ, «за моего
Любезнаго Оскара!...»
И кубокъ палъ изъ рукъ его,
Какъ будто отъ удара.

LIV.

«Я слышу голосъ: это онъ —
Братоубійца злобный!»
Раздался вдругъ протяжный стонъ
И вопль громоподобный.
«Убійца мой!» — отозвалось
По всѣмъ концамъ собранья,
И съ страшнымъ гуломъ потряслось
Стремительно все зданье.

LV.

Померкъ румяный свѣтъ огней,
Загрохотали громы,
И сталъ незримъ въ кругу гостей
Чудесный незнакомый;
И отвратительный фантомъ,
Въ молчаніи суровомъ,
Предсталъ, одѣянный плащомъ,
Широкимъ и багровымъ.

LVI.

Изъ-подъ полы огромный мечъ,
Кинжалъ и рогъ блистаютъ,
И перья черныя до плечъ
Съ шелома упадаютъ;
Зіяетъ рана на его
Груди окровавлённой,
И страшны блѣдное чело
И взоръ окаменённый.

LVII.

Съ привѣтомъ хладнымъ и нѣмымъ
　　На старца онъ взираетъ
И, взоръ осклабивъ, передъ нимъ
　　Колѣно преклоняетъ,
И грозно кажетъ на груди
　　Запекшуюся рану —
Безъ чувствъ простертому среди
　　Друзей своихъ Аллану.

LVIII.

Вновь громы въ мрачныхъ облакахъ
　　Надъ Альвой загремѣли: .
Щиты и латы на стѣнахъ
　　Протяжно зазвенѣли;
И тѣнь въ ужасной красотѣ,
　　Одѣянная тучей,
Взвилась и скрылась въ высотѣ,
　　Какъ метеоръ летучій.

LIX.

Разстроенъ пиръ; соборъ гостей
　　Умолкъ, безмолвенъ въ страхѣ!
Но кто — не Ангусъ ли? Кто сей,
　　Поверженный во прахѣ?
Нѣтъ, дни владыки спасены:
　　Онъ жить не перестанетъ;
Но дни Аллана сочтены:
　　Онъ болѣе не встанетъ.

LX.

Безъ погребенья брошенъ былъ
Убійцей трупъ Оскара,
И вѣтръ власы его носилъ
Въ долинѣ Глентонара.
Не въ битвѣ жизнь окончилъ онъ,
Не мощною рукою,
Вѣнчанный славой, пораженъ,
Но братнею стрѣлою.

LXI.

Какъ въ лѣтній зной увядшій цвѣтъ,
Онъ палъ, войны питомецъ!
Ему и памятника нѣтъ!...
Ужасный незнакомецъ,
Никѣмъ не узнанный, исчезъ;
Другое привидѣнье,
Какъ было признано, съ небесъ
Оскарово явленье.

LXII.

Прошли твои златые дни,
Невѣста гроба, Мора!
Не узрятъ болѣе они
Имъ пагубнаго взора!
Живи, снѣдаема тоской,
Печальна и уныла;
Взгляни сюда: сей холмъ крутой —
Алланова могила.

LXIII.

Какіе барды воспоютъ
На арфѣ громогласной
И позднимъ лѣтамъ предадутъ
Конецъ его ужасный?
Какой возвышенный пѣвецъ
Возвышенныхъ дѣяній
Возложитъ риторскій вѣнецъ
На урну злодѣяній?

LXIV.

Пади, вѣнокъ поэта, въ прахъ!
Ты — не награда злобѣ:
Одно добро живетъ въ вѣкахъ;
Порокъ истлѣетъ въ гробѣ!
Напрасно жалости злодѣй
У менестреля проситъ:
Проклятье брата и людей
Мольбы его разноситъ.

1830.

Э́рпели̇̀.

(Воинамъ Кавказа).

Evil be to him that evil thinks.

ГЛАВА I.

Едва подъ Грозною* возникъ
Эѳирный городъ изъ палатокъ
И раздался привѣтный крикъ
Учтивыхъ егерскихъ солдатокъ:
«Вотъ булки, булки, господа!»
И, чистя ружья на просторѣ,
Богатыри, забывши горе,
Къ нимъ набѣжали, какъ вода;
Едва иные на форштадтѣ
Найти успѣли земляковъ
И за бесѣдою о сватѣ
Иль о семействѣ кумовьсвъ,

---

*) Крѣпость.— *А. П.*

Въ сердечномъ русскомъ восхищеньи
И обоюдномъ поздравленьи,
Вкусили счастіе сполна
За квартой краснаго вина;
Едва зацарствовала дружба —
Какъ вдругъ, о тягостная служба!
Приказъ по лагерю идетъ:
Сейчасъ готовиться въ походъ.
Какъ вражья пуля, пролетѣла
Сія убійственная вѣсть,
И съ лѣнью сильно зашумѣла
На мигъ воинственная честь.
«Увы!» твердила лѣнь солдатамъ,
«И отдохнуть вамъ не дано;
Вамъ, точно грѣшникамъ проклятымъ,
Всегда быть въ мукѣ суждено!
Давно ль явились изъ похода,
И снова, батюшки, въ походъ;
Начальство только для народа
Смышляетъ трудъ да переводъ;
Пожить бы вамъ, хотя немного,
Подъ Грозной крѣпостью, друзья!
Нѣтъ, нѣтъ у Розена ни Бога,
Ни милосердья, ни меня!
Пойдете вы шататься въ горы;
Чеченцы, бестіи и воры,
Уморятъ васъ безъ сухарей;
Спросите здѣшнихъ егерей!...»
— Молчать, негодная розиня!
Въ отвѣтъ презрительно ей честь;
Я — сердца русскаго богиня
И подавлю пятою лесть.

Ужель вы, братцы, изъ отчизны
Сюда спѣшили для того,
Чтобъ послѣ слышать укоризны
Отъ сослуживца своего:
«Они-де тамъ не воевали,
А только спали на печи,
. . . .
Да въ селахъ ѣли калачи!»
(Не воевали мы, безспорно —
Есть время спать и воевать).
Вамъ былъ знакомъ лишь вѣтеръ горный,
Теперь пора и горы знать;
Вы цѣлый годъ здѣсь ѣли дули,
Арбузы, тёрнъ и виноградъ;
Теперь — прошу — отвѣдай пули,
Кто духомъ истинный солдатъ!
Винить начальство грѣхъ и глупо:
Оно, ей-ей, умнѣе насъ,
И безъ причины вмѣсто супа
Въ котлы не льетъ гусиный квасъ.
Идите въ горы, будьте рады,
Пора патроны разстрѣлять,
За храбрость лестныя награды
Сочтутъ за долгъ вамъ воздавать;
А егерямъ прошу не вѣрить,
Хоть лѣнь сослалась на ихъ гуртъ:
Они привыкли землемѣрить
Одну дорогу въ Старый Юртъ.*

* Старый Юртъ — маленькая крѣпость, въ 18 верстахъ отъ Грозной. Возлѣ самой крѣпости протекаютъ между горъ ручьи горячихъ минеральныхъ водъ.—*А. П.*

Такъ честь солдатамъ говорила,
Паря надъ лагеремъ полка,
И лѣнь печально и уныло
Ушла, вздохнувъ издалека.

Внезапно ожили солдаты;
Вездѣ твердятъ: «въ походъ, въ походъ!»
Готовы. «Здравствуйте, ребята!»
— Желаемъ здравія! — И вотъ
Выходятъ роты. Солнце блещетъ
На грани ружей и штыковъ;
Крестъ нà-грудь — и какъ море плещетъ
Въ рядахъ походный гулъ шаговъ.
Вотъ Розенъ!... Какъ глава отъ тѣла,
Онъ отъ дружинъ не отдѣленъ;
Его присутствіемъ несмѣлый
Казакъ и воинъ оживленъ!
Его сребристыя сѣдины
Пріятны старымъ усачамъ:
Онѣ являютъ ихъ глазамъ
Давно минувшія картины,
Глубоко памятные дни!
Такъ прежде видѣли они
Багратіоновъ предъ полками,
Когда, готовя смерть и громъ,
Они, подъ русскими орлами,
Шли защищать Романовъ домъ,
Возвысить блескъ своей отчизны,
Или къ безсмертью на пути
Могилу славную найти,
Для вѣчной и безсмертной тризны!
Такъ прежде самъ онъ былъ знакомъ

Сѣдымъ служителямъ Беллоны;
Свои надежды, обороны
Они вторично видятъ въ немъ.

И полкъ устроенной громадой
По полю чистому валитъ,
И вѣтеръ свѣжею отрадой
Здоровыхъ путниковъ даритъ.
Все живо: здѣсь неугомонный
Гремитъ по волѣ барабанъ;
Тамъ хоры пѣсни монотонной:
«Палъ на синё море туманъ!»
Здѣсь «Здравствуй, милая,» съ скачками
Передоваго плясуна;
Веселый смѣхъ между рядами
И безъ запрету тишина;
Глубокомыслящіе Канты
И на черкесскихъ жеребцахъ —
Въ доспѣхахъ горскихъ адъютанты,
Крутя столбомъ летучій прахъ,
Сверкаютъ, вьются предъ глазами.
День вечерѣетъ; за горой
Съ полублестящими лучами
Исчезъ богъ свѣта золотой.
Луна серебряной лампадой
Виднѣетъ въ небѣ голубомъ;
Заря вечерняя прохладой
Пріятно вѣетъ надъ полкомъ.
Впередъ, впередъ — еще немного,
Близка до станціи дорога!
Вотъ ручеекъ горячихъ водъ...
Отбой!... оконченъ переходъ!...

ГЛАВА II.

Кто любитъ дикія картины
Въ ихъ первобытной наготѣ,
Ручьи, лѣса, холмы, долины,
Въ нагой природу красотѣ;
Кого плѣняетъ духъ свободы,
Въ Европѣ вышедшей изъ моды
Назадъ тому немного лѣтъ,
Того прошу, когда угодно,
Оставить университетъ
И въ аммуниціи походной
Идти за мной тихонько вслѣдъ.
Я покажу ему на свѣтѣ
Такихъ вещей оригиналъ,
Которыхъ, вѣрно, въ кабинетѣ
Онъ на ландкартахъ не видалъ,
А, шедши фронтомъ, на походѣ
Увидитъ ихъ по сторонамъ,
Какъ у себя на огородѣ
Чеснокъ и рѣдьку по грядамъ.
Я покажу ему съ улыбкой
На степи верстъ по пятисотъ,
На коихъ изрѣдка ошибкой
Ковыль съ мордвинникомъ растетъ,
И, разстилаясь въ день румяный,
Цвѣтникъ сей длинной полосой
Блеститъ, какъ океанъ багряный,
Своей колючею красой.
Я покажу ему титана,
Который сѣдъ и старъ, какъ бѣсъ,

Въ огромной области тумана
Всегда въ войнѣ противъ небесъ.
Изъ ребръ его окаменѣлыхъ,
Мильйономъ волнъ оледенѣлыхъ
Шумятъ, и лѣтомъ и зимой,
Ручьи съ свирѣпой быстротой.
Напрасно жаръ полдневный пышетъ,
Сразясь съ тройнымъ его вѣнкомъ,
Сердитъ и пасмуренъ, онъ дышетъ
Одними вьюгами и льдомъ.
Кругомъ, отъ моря и до моря,
Хребты гранита и снѣговъ,
Какъ Эльборусъ, съ природой споря,
Стоятъ отъ бытности вѣковъ;
И неприступная сіяетъ
Изъ облаковъ ихъ высота;
Туда лишь дерзкая мечта
Съ царемъ пернатыхъ долетаетъ.
Потомъ, направивши слегка
Полетъ и взору, и надеждѣ,
Я бъ показалъ сему невѣждѣ
Крутыя горы изъ песка,
Которыхъ около Валдая,
Разъ десять въ Питеръ проѣзжая,
Замѣтить вѣрно онъ не могъ.
А чтò за видъ, какой песокъ!
Куда вашъ славный Воробьевскій!...
Какой нибудь писецъ московскій
Не только бъ въ думѣ пожалѣлъ
Засыпать имъ свой бредъ плутовскій,
Но, право бъ, горсть тихонько съѣлъ!
Потомъ, пришедши съ нимъ на берегъ,

Я бъ показалъ ему Сулакъ,
Лихую Сунжу или Терекъ.
Не утерпѣлъ бы онъ никакъ,
Чтобы не вскрикнуть: что такое,
Вода иль грязные помои?*
Въ отвѣтъ: «помилуйте, вода,»
Сказалъ бы я ему невинно,
«Попробуйте, она чиста,
Какъ въ Яузѣ или Неглинной!»
Потомъ любезному дружку
Я показалъ бы лѣсъ фруктовый,
Въ которомъ съ дѣвушкой суровой
Сойтись опасно пастушку
Затѣмъ, что слишкомъ малъ въ округѣ:
Верстъ десять только есть къ услугѣ,
Да и довольно некрасивъ:
Изъ грушей, персиковъ и сливъ!
Спросилъ бы я его учтиво:
Давно ль онъ прибылъ изъ столицъ?
Ѣдятъ ли тамъ въ iюнѣ сливы
Безъ покровительства теплицъ?
На всѣ вопросы таковые,
Глазища выпуча большiе,
Стоялъ бы онъ передо мной,
Какъ Сивка-Бурка предъ Бовой,
Или какъ листъ передъ травой;
А я, въ досужный часъ отъ скуки,
Въ Костекахъ или Ташкичу̀,
Его ударя по плечу

* Всѣ рѣки на Кавказѣ чрезвычайно быстры и мутны.—*А. П.*

И взявши дружески за руки,
Зашелъ бы съ нимъ за буеракъ
И, сѣвши рядомъ, началъ такъ:
«Мой милый! очень натурально
Вамъ всѣмъ, столичнымъ пѣтушкамъ,
Изъ залы вышедъ танцовальной,
Дивиться здѣшнимъ чудесамъ.
Вамъ все здѣсь ново, все забавно,
Я очень вѣрю, потому
Что я и самъ еще недавно
Облекся въ ратную суму.
И я, мой другъ, въ былые годы
Ходилъ во фракахъ, да какихъ —
Послѣдней, самой лучшей моды,
Короткофалдыхъ, обрѣзныхъ!
Штаны на мнѣ, я помню живо,
Любилъ носить я широко
Изъ казимира и трико,
Внизу съ чешуйкою красивой.
А сапоги, ты вѣрно зналѣ
Всѣ магазины но бульвару,
Мнѣ нѣмецъ Хейнъ всегда шивалъ
По тридцати рублей за пару,
На вѣсъ пять-шесть золотниковъ.
Вотъ былъ недавно я каковъ!,
Такъ обратимся мы къ предмету:
Я думалъ такъ же, какъ и ты,
Готовъ былъ цѣлый вѣкъ по свѣту
Искать чудесъ и красоты
Въ природѣ мудрой и премудрой,
Какъ намъ твердитъ ученый хоръ,

И восхищался до тѣхъ поръ,
Пока . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . и что же?
Прошу пройтиться на Кавказъ!...
Съ какою, думаешь ты, рожей
Узналъ заслуженный приказъ?
Не восхищался ли, какъ прежде,
Однимъ названіемъ Кавказъ?
Не далъ ли крылышекъ надеждѣ
За чертовщиною летѣть,
Какъ-то: черкешенокъ смотрѣть,
Плѣняться день и ночь горами,
О коихъ съ многими глупцами
По географіи я зналъ,
Эльбрусомъ, борзыми конями,
Которыхъ Пушкинъ описалъ,
И прочая... Ахъ, нѣтъ, мой милый!
Я вспомнилъ то, кѣмъ прежде былъ,
Во что Господь преобразилъ,
И съ миной кислой и унылой
И носъ, и уши опустилъ!
Пришедъ сюда, я взоромъ дикимъ
Окинулъ все, что прежде мнѣ
Казалось чуднымъ и великимъ —
И всѣмъ скучалъ наединѣ,
Въ шуму пировъ и тишинѣ!
Вотъ эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,

Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я поневолѣ,
И вѣрь мнѣ: вижу изъ всего
Уродство — больше ничего!
Быть можетъ, другъ мой, почему же
Не быть подобному съ тобой?
Поссорясь вѣтрено съ судьбой,
Ты самъ надѣнешь фракъ поуже
Или двѣ капли такъ, какъ мой,
Тогда судить умнѣе станешь,
Навѣкъ поклонишься мечтамъ
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорнымъ чудесамъ.

ГЛАВА III.

Межъ тѣмъ уходитъ день за днемъ
Неизмѣняемымъ порядкомъ;
Жары надъ странственнымъ полкомъ
Смѣняетъ ночь въ молчаньи краткомъ;
За переходомъ переходъ:
Степьми, аулами, горами,
Московцы, дружными рядами,
Идутъ послушно, безъ заботъ.
Куда? зачѣмъ? въ огонь иль въ воду?
Имъ все равно: они идутъ,
Въ ладьяхъ по Тереку плывутъ,
По быстрой Сунжѣ ищутъ броду;
Разноситъ вѣтеръ вдоль рѣки
Съ толпами ратныхъ челноки;
Бросаетъ Сунжа вверхъ ногами

Героевъ съ храбрыми сердцами; *
Ихъ мочитъ дождь, ихъ сушитъ пыль...
Идутъ — и живы, слава Богу!
Друзья, повѣрьте, это быль!
Я самъ, что дѣлать, понемногу
Узналъ походную тревогу,
И кто, чтò хочетъ, говори,
А я, какъ демонъ безобразный,
Въ поту, усталый и въ пыли,
Мочилъ нерѣдко сухари
Въ водѣ болотистой и грязной
И, помолившися потомъ,
На камнѣ спалъ покойнымъ сномъ!...
А вы, бифштексы и котлеты,
Домашней кухни суета,
Какіе лестные привѣты
Я вамъ выдумывалъ тогда!
Съ какимъ живымъ воспоминаньемъ,
Съ какимъ чудеснымъ обоняньемъ
Передъ собой воображалъ!
Я васъ, не рѣзавши, глоталъ
Безъ огурцовъ и крессъ-салата...
А на повѣрку, наконецъ,
Увы, хоть съѣлъ бы огурецъ,
Да нѣтъ ихъ въ ранцѣ у солдата!
. . . .
. . . .

* Сунжа въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ такъ быстра, что невозможно о[...] ному человѣку ступить шагу, не подавшись всторону. Большая часть [...] датъ переходила ее, держась между собою за руки, а нѣкоторые падал[...] ружьями.—*А. П.*

Уже осталося за нами
Довольно русскихъ крѣпостей,
Въ которыхъ рядомъ съ кунаками
Живутъ семейства егерей,
Или, скажу яснѣе, роты
Линейной егерской пѣхоты
Изъ сорокъ третьяго полка.
Ужъ наши воины слегка
Болтать учились по-чеченски,
Какъ встарь учились по-нѣмецки,
И восхищались отъ души
(Таковъ обычай русской рати),
Когда случалося имъ кстати
Сказать: «яманъ» или «якши».
Уже Тарутинцы успѣли
Подробно нашимъ разсказать,
Притомъ прибавить и прилгать,
Какъ въ Турціи они терпѣли
Отъ пуль и ядеръ, и чумы,
Какъ воевали подъ Аджаромъ,
И, быль украшивая съ жаромъ,
Плѣняли пылкіе умы,
Всегда лежавшіе на печкѣ...
Мы, въ разговорѣ дѣловомъ
Прошедши въ бродъ еще двѣ рѣчки,
Къ Внезапной крѣпости тишкомъ
Пришли внезапно вечеркомъ...
Вотъ здѣсь — и точка съ запятою...
Я долженъ тонъ перемѣнить
И, какъ поэтъ отважный, вдвое
Серьезнѣй дѣло пояснить.
Итакъ, принявши тонъ серьезный,

Скажу вамъ такъ: когда изъ Грозной
Пошли мы, грѣшные, въ походъ,
То и не думали, не знали,
Куда судьба насъ заведетъ.
Иные съ клятвой утверждали,
Что мы идемъ на смертный бой
Въ аулъ чеченскій, не мирно̀й;
Другіе, впятеро умнѣе
И на сужденье поскромнѣе,
Шептали всѣмъ, понизя тонъ,
Что нашъ второй баталіонъ
Былъ за Андреевской нещадно
Толпою горцевъ окружонъ.
Всѣ пѣли складно, да не ладно;
Одинъ походъ могъ доказать,
Какъ хорошо умѣютъ врать.
Замѣчу здѣсь: всѣ офицеры
Конечно, знали напередъ
Вѣрнѣе, нежель мушкатеры,
Куда судьба ихъ заведетъ;
Но знали такъ, какъ думать должно,
Не для другихъ, а для себя;
Итакъ, разсказовъ не любя,
Хранили тайну осторожно.
Теперь, къ Внезапной подходя,
Засуетились всѣ безбожно:
«Да гдѣ жъ второй нашъ батальонъ?
Вѣдь, говорятъ, въ осадѣ онъ.»
— Э, вздоръ! налгали объ осадѣ:
Онъ здѣсь съ Бутырцами стоитъ;
Смотрите, ежели въ парадѣ
Онъ насъ принять не поспѣшитъ.

«Да, если здѣсь, то вѣрно выдетъ.»
Идетъ нашъ первый батальонъ —
И что же? Мѣсто только видитъ,
Гдѣ былъ второй... «Да гдѣ же онъ?»
Одинъ другаго вопрошаетъ;
А тотъ въ отвѣтъ ему: «Богъ знаетъ!»
Межъ тѣмъ и спать уже пора...
Какъ-разъ раскинули палатки
И разрѣшеніе загадки
Всѣ отложили до утра.

ГЛАВА IV.

Вали безсмѣнный Дагестана*
И русской службы генералъ,
Въ Таркахъ, безъ трона и дивана,
Сидѣлъ владѣтельный шамхалъ.
Ему подвластные могоги
Въ папахахъ,** съ трубками въ рукахъ,
Сложивъ крестомъ смиренно ноги,
Сидѣли также на коврахъ.
Какъ одурѣлые французы
Отъ русской пули и штыковъ,
Они внутри своихъ лѣсовъ
Покойно сѣяли арбузы,
Пшеницу, просо и саманъ,***
Въ душѣ, быть можетъ, персіянъ

* Одинъ изъ титуловъ шамхала.—*А. П.*
** Персидская шапка.—*А. П.*
*** Персидскій табакъ.—*А. П.*

И турокъ намъ предпочитали,
Но между тѣмъ отъ злыхъ гостей,
Безъ отговорокъ и затѣй,
Уставы наши принимали,
Склонясь покорною главой
Передъ десницей громовой.
Враги порядка и покоя,
Они, подчасъ отъ злобы воя,
Точили шашки на кремняхъ;
Но грохотъ пушки на горахъ,
Вослѣдъ словесныхъ увѣщаній,
Всегда и быстро укрощалъ
Тревоги буйственныхъ собраній
И миръ въ аулахъ водворялъ.
Такъ ихъ смирялъ Ермоловъ славный,
Такъ на равнинахъ Эрпелй
Они позоръ свой погребли,
Вступивши съ Граббе въ бой неравный.
Съ тѣхъ поръ устроенной толпой,
Смиряя пылъ мятежной страсти,
Они, подъ кровомъ русской власти,
Узнали счастье и покой.
Послѣдній лучъ надежды темной
Бросалъ въ разбойничій аулъ
Глава Востока — Истамбулъ.
Но, сокрушивъ кумиръ огромный
И льва таврисскаго связавъ,
Съ бреговъ Аракса до Кубани,
Могучій россъ, питомецъ брани,
Лишилъ злодѣевъ тщетныхъ правъ.
Закоренѣлые невѣжды,
Отъ черныхъ горъ до снѣговыхъ,

Съ потерей слабой ихъ надежды
Вписались всѣ въ число мирны́хъ.
Какой нибудь Самсонъ презрѣнный
Или преступный Каплуновъ,*
Спасаясь казни заслуженной,
Тревожатъ миръ ночныхъ воровъ
И, потаенными стезями,
Съ мирны́ми, добрыми друзьями
Изъ горъ являются врасплохъ
Передъ стадами земляковъ.
Но правосудный мечъ въ размахѣ
Виситъ на нити роковой,
И рано ль, поздно ль головой,
Въ оцѣпенѣніи и страхѣ,
Злодѣи дань позорной плахѣ
Заплатятъ жалкой чередой.
Итакъ, кавказскіе герои
Въ косматыхъ шапкахъ и плащахъ,
Оставя нѐхотя въ горахъ
Набѣги, кражи и разбои,
Свою насильственную лѣнь
Трудомъ домашнимъ замѣнили,
И кукурузу, и ячмень
Съ успѣхомъ чуднымъ разводили.
Какъ вдругъ, въ одинъ погодный день,
На зло внезапное и горе,
Изъ моря или изъ-за моря,
О томъ безмолвствуетъ молва,
У нихъ явился гость отмѣнный,

* Бѣглые русскіе солдаты, проживающіе у горскихъ разбойниковъ, извѣстные своею отважностію и ненавистью къ соотечественникамъ.— *А. П.*

Какой-то геній изступленный,
Пророкъ и попъ Кази-Мулла.
Какъ мужъ, ниспосланный отъ Бога
Для наставленья мусульманъ,
Нося открытый алкоранъ,
Онъ вопіялъ сначала строго
На тьмы пороковъ и грѣховъ
Своихъ почтенныхъ земляковъ;
Стращалъ ихъ пагубною бритвой,
Которой къ раю на пути,
Запасшись доброю молитвой,
Должны ихъ души перейти
Иль, отягченныя грѣхами,
Упасть на огненное дно,
Гдѣ нечестивымъ суждено
Жить въ вѣчной каторгѣ съ чертями.
«О, горе намъ, Алла, Алла!»
Черкесы вторятъ съ умиленьемъ,
«Великъ и правъ святой Мулла
Съ ужасной бритвой и мученьемъ!»
А онъ, усами шевеля,
Какъ голова на сходѣ шумномъ,
И знакомъ вопли прекратя,
Вѣщалъ въ пророчествѣ безумномъ:
«Откройте сонные глаза,
Развѣсьте уши, всѣ народы!
Грядутъ со мною чудеса
И воскресеніе свободы!
Опредѣленія судьбы
Готовятъ вамъ иную долю:
Исчезнетъ Русь, конецъ борьбы —
Вы возвратите вашу волю!

Живъ Богъ, а я — его пророкъ!
Его уста во мнѣ вѣщаютъ;
Въ моей десницѣ пребываютъ
И жизнь, и смерть, и самый рокъ!
Какъ дождь нежданный и обильный,
Мы ополчимся на враговъ,
Прогонимъ ихъ рукою сильпой
Съ анапскихъ пашенъ и луговъ,
Съ холмовъ роскошныхъ Дагестана,
И ненавистнаго тирана
Свободныхъ горъ, безъ оборонъ,
Обратно вытѣснимъ за Донъ!
О, вѣрьте! крѣпости, станицы
И села русскихъ — прахъ и тлѣнъ;
Ихъ дѣти, жены и дѣвицы
Узнаютъ гибель, месть и плѣнъ,
И населятъ лѣса и степи,
У насъ отнятые войной,
И только съ смертію земной
Спадутъ съ нихъ тягостныя цѣпи!»
И раздались и вопль, и стонъ:
«Исчезни Русь — ступай за Донъ!»
Смутились буйственныя горы;
Въ мятежныхъ сонмахъ, въ тишинѣ,
Вездѣ идутъ переговоры
Объ удивительной войнѣ.
Вездѣ Мулла благовѣствуетъ;
Онъ — имъ посланникъ отъ небесъ;
Нигдѣ ни шагу безъ чудесъ:
Тамъ онъ покойно маршируетъ,
Босой, всѣ видятъ, по рѣкѣ;
Тамъ улетаетъ налегкѣ

Къ седьмому небу изъ аула;
Тамъ обращаетъ кошку въ мула,
А здѣсь забавной чередой
Перемѣняетъ видъ природный
И передъ вами, какъ угодно,
Безъ бороды и съ бородой!
Въ одинъ и тотъ же мигъ нежданный
Изволитъ быть въ пяти мѣстахъ,*
Короче: попъ довольно странный,
Хотя бъ и въ русскихъ деревняхъ...
Что дѣлать? Шутка не до смѣха!
Пошла ужасная потѣха.
Черкесъ мирнóй и немирнóй —
Всѣ бредятъ мыслію одной:
Скорѣй исполнить предсказанье,
Законъ докучный истребить
И Русь святую на изгнанье,
За Донъ широкій, осудить.
Иные, кое-гдѣ отъ скуки,
Уже сбирались по ночамъ;
Но имъ, какъ дерзкимъ шалунамъ,
Веревкой связывали руки;
Другіе, нѣсколько умнѣй,
Съ мірскаго, общаго совѣта,
Держались неутралитета
И ожидали лучшихъ дней.
Но больше всѣхъ, какъ якобинцы,
Взбѣсились жители земли
Подъ управленіемъ вали —

* Ничего вымышленнаго: вѣрный отголосокъ молвы горцевъ о новоявленнаго пророка.— *А. П.*

Неугомонные тавлинцы;
За ними вслѣдъ койсубулинцы.
Шамхалъ, заботливый старикъ,
Кричалъ о казни громогласно,
Но безпокоился напрасно,
И бунтъ торжественно возникъ...
Читатель, ежели ты съ рода
Хотя двѣ книги прочиталъ,
То непремѣнно угадалъ
Причину нашего похода.
Чтò будетъ далѣе, прошу
Меня не спрашивать заранѣ:
Ты не останешься въ обманѣ;
Я все подробно опишу.

ГЛАВА V.

Когда, по высшему велѣнью,
Уничтожались иногда
Съ лица земнаго города,
То мудрено ль землетрясенью —
Хочу я физиковъ спросить —
Аулъ кумыковъ навѣстить,
Разрушить двѣ иль три мечети,
Въ которыхъ набожно съ муллой
Молились дѣвы, старцы, дѣти
Передъ невидимымъ Аллой —
И вдругъ съ глухимъ подземнымъ гуломъ,
Подъ грудой камней и столповъ,
Прешли въ обители отцовъ?
Вотъ быль съ Андреевскимъ ауломъ:

Шесть сутокъ громъ по временамъ,
Изъ тьмы кромѣшной, по горамъ
Носился тихо и протяжно,
Потомъ рѣшительно и важно
Во всѣхъ мѣстахъ загрохоталъ,
Дома и сакли разметалъ,
Испортилъ въ крѣпости строенья,
Казармы, стѣны, укрѣпленья —
И... очень скромно замолчалъ.
Сего печальнаго явленья
Мы не застали, но слѣдамъ
Еще живаго разрушенья
Дивились съ горестію тамъ.
Все было дико и уныло,
Все душу странника въ тоску
И грусть нѣмую приводило.
Громады камней и песку,
Колоннъ разбитыхъ пирамиды,
Степные, пасмурные виды,
Туманъ волнистый надъ горой,
Кустарникъ голый, и порой
Какъ будто мертвое молчанье...
Два дня томилось ожиданье:
Когда жъ идти на явный бой,
Алкая смерти благородной?
Раздался снова шумъ походный —
И полкъ дружиной боевой
Идетъ дорогою степной.
Все тѣ же холмы, горы, рѣки,
Все тѣ же вѣтры и жары,
Сырые, вредные пары

И кукурузные чуреки,*
Все тѣ же змѣи по полямъ,
Вода съ землею пополамъ,
Кизиль неспѣлый, розанъ дикій,
Черешня съ лукомъ и клубникой,
Чеснокъ, коренья всѣхъ родовъ
И сыръ изъ козьихъ твороговъ...
Идутъ... Сѣдая пыль столбами
Летитъ вослѣдъ за казаками;
Мирные всадники толпой
Покойно ѣдутъ стороной;
Мѣшаясь съ ними, офицеры
Заводятъ рѣчи — на словахъ
И пантомимой — о коняхъ,
Кинжалахъ, шашкахъ; канонеры
За путевымъ экипажомъ
Идутъ съ зажженнымъ фитилемъ;
Джигиты бѣшеные скачутъ;
Трещатъ колеса по кремнямъ;
Арбы немазанныя плачутъ;
Вездѣ и крикъ, и шумъ, и гамъ.
Тамъ съ крутизны несется фура;
Тамъ, между узкихъ дефилей,
Впрягаютъ новыхъ лошадей...
Но вотъ аулъ Темиръ-Ханъ-Шура
Мелькнулъ за рѣчкою вдали;
Вотъ ближе, ближе... Передъ нами...
Прошли — привалъ!... И за стѣнами
На отдыхъ воины легли.

---

* Чуреки. — Горцы вообще не имѣютъ хлѣба, а замѣняютъ его чуреками — лепешками, печеными въ золѣ, изъ проса, пшена или кукурузы. — *А. П.*

Вода кипитъ, огонь пылаетъ;
Быки въ котлахъ, готовъ обѣдъ;
Здоровы всѣ, усталыхъ нѣтъ!
Вдругъ шумъ внезапный прерываетъ
Воинскій добрый аппетитъ.
Глядимъ... Какой чудесный видъ!
Изъ-за горы необозримой,
Необозримою толпой,
Покорной, тихою стопой
Идетъ народъ непокоримый.
Потупя взоры, въ тишинѣ,
Какъ очарованы во снѣ,
Питомцы яростные брани;
Обезоружены ихъ длани;
Ни пистолетъ, ни ятаганъ
Не красятъ пышнаго наряда;
Вся ихъ одежда, вся ограда
Передъ начальникомъ отряда —
Ихъ предводитель, Сулейманъ.
Печаленъ, блѣденъ, сынъ шамхала,
Склоня колѣна и главу,
Почтилъ безмолвно генерала.
Коверъ раскинутъ на траву,
И, можетъ быть, въ виду народа,
За краткимъ отдыхомъ похода,
Судьба пришельцевъ рѣшена!
Пашѣ бумага подана...
Онъ пишетъ... кончилъ. Съ уваженьемъ
Вторично голову склоня,
Садится съ ловкимъ небреженьемъ
На подведеннаго коня.
Народъ, князья, всѣ равнымъ кругомъ

Его обстали... На коней
Взлетаютъ всѣ... Быстрѣй, быстрѣй
Обратно скачутъ другъ за другомъ
И, то являясь на горѣ,
То исчезая за горою,
Какъ свѣтъ на утренней зарѣ
Въ борьбѣ съ туманной пеленою,
Иль при волшебномъ фонарѣ
Рои китайскихъ легкихъ тѣней,
Они сокрылись... Для чего,
Откуда, какъ и отчего?
Не предложу моихъ сужденій,
Не объясню вамъ ничего
Затѣмъ, что знаю очень мало;
Чтȏ знаю мало, не скажу
А лучше мѣсто покажу,
Гдѣ всякой тайны покрывало
Всегда прозрачно и свѣтло,
Какъ изумрудъ или стекло.
Вотъ это мѣсто дорогое:
Оно на кухнѣ у котловъ.
Тамъ все премудрое земное;
Тамъ ежедневно отъ головъ
Веселыхъ, добрыхъ, беззаботныхъ
И завсегда словоохотныхъ
Легко вы можете узнать
Такія вещи въ бѣломъ свѣтѣ,
О коихъ, даже въ кабинетѣ,
Не часто смѣютъ разсуждать.
Тамъ все подробно вамъ докажутъ,
А въ заключеніе того
Съ божбой анаѳемскою скажутъ,

Что этотъ слухъ отъ самого
Кузьмы Савельича Скотова.
«Коль скоро такъ, тогда ни слова,»
Всѣ закричатъ, разиня ротъ,
«Кузьма Савельичъ не совретъ.»
А кто онъ? спросите вы кстати;
Да генеральскій человѣкъ...
Ужели то вамъ невдомекъ?
Таковъ обычай русской рати.
Прошу пожаловать за мной
Къ котламъ... поближе... такъ... садитесь...
Вотъ ложка вамъ, перекреститесь...
Бульонъ здоровый и мясной...
Чу!... о тавлинцахъ разговоры.

КАШЕВАРЪ 1-й.

Да, да, естественные воры!
Коль нашихъ нѣтъ, такъ берегись,
Башку сорвутъ, какъ звѣри злые;
Отрядомъ только покажись —
И всѣ пріятели мирные.

КАШЕВАРЪ 2-й.

Весь въ красномъ, сколько серебра
На шароварахъ и бешметѣ.

КАШЕВАРЪ 1-й.

Какъ пе имѣть ему добра,
Порѣзавъ насъ, на бѣломъ свѣтѣ?

МУШКАТЕРЪ (раскуривая трубку).

Сперва словами улещалъ,

Что бунтоваться ужъ не станетъ,
А послѣ клятву написалъ.

ГОЛОСОВЪ 10.

Небось!... Московскихъ не обманетъ!...

КАШЕВАРЪ 1-Й.

Я, говоритъ онъ, воевать
Съ царемъ россійскимъ не намѣренъ,
А чтобъ онъ былъ во мнѣ увѣренъ,
Готовъ ему присягу дать
И серебра, и много злата.
А есть въ горахъ у насъ два брата,
Которыхъ трусить весь Кавказъ —
Они воюютъ противъ васъ.

КАШЕВАРЪ 2-Й (изъ-за котла).

Уймемъ не этакихъ нахаловъ.

КАШЕВАРЪ 1-Й.

А я, дескать, Мирза Шамхаловъ —
Вашъ вѣчный данникъ и слуга!

МУШКАТЕРЪ.

Забудетъ гнѣваться... Ага!...
А сколько верстъ еще до мѣста?

КАШЕВАРЪ 1-Й.

Да что? Съ хорошаго присѣста
Часа въ четыре мы дойдемъ.

КАШЕВАРЪ 2-Й.

И всѣхъ ихъ завтра перебьемъ!

Да, если бъ что нибудь подъ руку
Случилось, братцы, мнѣ поймать,
Ужъ то-то бъ сталъ я разгонять
На кухнѣ тягостную муку,
Всегда бъ былъ навеселѣ, пьянъ!

КАШЕВАРЪ 1-Й.

Гей, вы, вставайте, барабанъ!

Котлы, котлы! какъ сходны вы
Съ столами свѣтскихъ сибаритовъ,
Гдѣ пресыщаются умы,
За недостаткомъ аппетитовъ,
Болтаньемъ сплетницы-молвы!
А вы, одутливые бары,
Среди поклонниковъ своихъ —
Желудковъ тощихъ и пустыхъ —
Вы въ полномъ смыслѣ кашевары!

ГЛАВА VI.

Вотъ, наконецъ, мы и пришли
Подъ знаменитый Эрпелй!
Въ пяти частяхъ моихъ записокъ
Представя вкратцѣ весь походъ,
Я долженъ здѣсь, какъ Вальтеръ-Скоттъ
Или Байронъ, представить списокъ
Съ живыхъ, разительныхъ картинъ
Вамъ, мой любезный господинъ,
Иль вамъ, почтеннѣйшая дама
(Которымъ, вмѣсто порошковъ,
Смекнула ласковая мама

Поднесть тетрадь моихъ стиховъ).
Рецептъ дѣйствительный, не спорю,
Но, къ моему большому горю,
Я долженъ правду вамъ сказать,
Что не умѣю рисовать.
Учился прежде у Визара
Чертить контуры рукъ и ногъ,
Но смѣлой живописи дара
Понять, какъ Іогеля урокъ,
Подобно Уткину, не могъ.
Простите жъ мнѣ мое незнанье —
Ему взамѣну есть старанье;
Мой безъискусный карандашъ
Такъ точно вѣренъ безъ повѣрки,
Какъ на устахъ у лицемѣрки
Всегда готовый «Отче нашъ».
Картина первая: на ровномъ
Пространствѣ илистой земли
Стоитъ въ величіи огромномъ
Аулъ тавлинцевъ — Эрпелй.
Обломки скалъ и горъ кремнистыхъ —
Его фундаментъ вѣковой;
Аллеи тополей тѣнистыхъ —
Краса громады строевой.
Вездѣ — блуждающіе взоры
Встрѣчаютъ сакли и заборы,
Плетни и валы; каждый домъ —
Бойница съ насыпью и рвомъ;
Надъ разорвавшейся рѣкою,
Бѣгущей съ горной высоты,
Искусства чуднаго рукою
Вездѣ устроены мосты;

Водовороты, переходы,
Каскады, мельницы, отводы —
Все дышетъ рѣзкой наготой
Природы дикой и простой...
Въ аулѣ шумъ и конскій топотъ,
Молчанье женъ и дѣтскій хохотъ;
На кровляхъ, въ окнахъ, у воротъ
Кипящій, вѣтреный народъ,
Богато убранный, одѣтый,
Какъ кизильбаши персіянъ;
Тамъ — атаманскій ятаганъ,
Тамъ ружья, сабли, пистолеты
Блестятъ, сверкаютъ серебромъ
Въ своемъ парадѣ боевомъ;
Здѣсь — коней странные приборы:
Луки, уздечки, стремена;
Бородъ раскрашенныхъ узоры,
Куски матерій, полотна,
Едва скрывающіе плечи
Сѣдыхъ, запачканныхъ старухъ,
И лай собакъ на русскій духъ,
И крикъ, и визгъ, и сцены встрѣчи,
И говоръ волнъ, и вѣтра гулъ —
Вотъ скопированный аулъ!...
Идемъ — и видъ другой картины:
Среди возвышенной равнины,
Загроможденной съ двухъ сторонъ
Пирамидальными горами,
Объявшихъ гордыми главами
Съ начала міра небосклонъ,
Разбиты бѣлыя палатки...
Быть можетъ, прежнія догадки

Теперь рѣшились: это онъ —
Второй нашъ добрый батальонъ!
Такъ, онъ — свободный, незапертый,
Какъ утверждали мы сперва.
Но вотъ еще здѣсь лагерь!... два!...
И три!... нашъ будетъ ужъ четвертый...
Идетъ все далѣе отрядъ...
Вотъ эполеты забѣлѣли.

. . . .

. . . .

Межъ тѣмъ особу генерала
Два сына стараго шамхала,
Со свитой пышною князей
И благородныхъ узденей,
Съ благоговѣньемъ окружали
И на челѣ его читали
И миръ, и грозный приговоръ —
Великой правды договоръ.
Поборникъ древней русской славы,
Какъ полководецъ величавый,
Онъ привлекалъ къ себѣ сердца;
Въ немъ зрѣли съ чувствомъ удивленья
Два неразрывныя стремленья:
И властелина, и отца.
Что мыслилъ онъ? Что отражалось
Во глубинѣ его души?...
Не смѣемъ знать... намъ оставалось
Молить Всевышняго въ тиши;
О чемъ молить — другая тайна:
Ее постигнуть можетъ тотъ,
Кто духомъ истый патріотъ;
Для злыхъ она необычайна.

О Эрпели, о Эрпели!
И ты урокомъ для земли!
И ты, быть можетъ, для поэта
Въ другіе дни, въ другія лѣта
Послужишь пищею живой!
Ты воскресишь воспоминанье
О буряхъ сердца, о страданьи
Души, волнуемой тоской,
Подъ игомъ страсти роковой!
Быть можетъ, ежели холера
Меня въ червя не обратитъ,
Походный грифель мушкатера
Въ карманной книжкѣ сохранитъ
Твои лѣса, ручьи и горы,
И друга искренняго взоры
Прельстятся съ правнукомъ моимъ
Изображеніемъ твоимъ.
Я разскажу имъ въ часъ досужный
Объ Эрпелійской красотѣ
И эпизодъ довольно нужный
Не пропущу о Барантѣ,
Кафиръ-Кумыкѣ, Казанищахъ,
Гдѣ былъ второй нашъ батальонъ,
И о любезнѣйшихъ дружищахъ,
Которымъ все повѣдалъ онъ,
Подъ сѣнью мирныхъ балагановъ:
Плѣненье горскихъ пастуховъ
Со многимъ множествомъ барановъ...
. . . .
Тьмы разныхъ случаевъ, тревоги
И приключенія въ дорогѣ...
Всѣ эти пѣсни хороши,

Но вотъ что̀ въ голову мнѣ входитъ:
Подчасъ за разумъ умъ заходитъ,
А я теперь хоть не пиши —
Заняться вздумалъ я мечтою
Нелѣпой, странной и пустою,
О счастьи будущихъ временъ,
А настоящія оставилъ
Тогда, какъ первый батальонъ
Еще палатокъ не поставилъ.
Итакъ, моя галиматья,
Adieu, до будущаго дня!

ГЛАВА VII.

Не зная изстари властей,
Повиновенья и князей,
Вина мятежныхъ покушеній,
Бунто̀въ и общаго вреда —
Въ кругу шамхаловыхъ владѣній
Гнѣздилась дикая орда.
На днѣ вертеповъ неприступныхъ,
Таясь, какъ новый сатана,
Таить не думала она
Надеждъ и замысловъ преступныхъ.
Взирала гордо на позоръ
Бунтовщиковъ окружныхъ горъ,
Смирённыхъ вдругъ единымъ словомъ,
И, ненавидя миръ и дань,
Въ ожесточеніи суровомъ
Она готовилась на брань.
Ни жребій явный истребленья,

Ни мѣры кроткія главы
Побѣдныхъ войскъ и ополченья
Въ виду защитной ихъ горы,
Ни увѣщанія тавлинцевъ
. . . .
Не укротили роковой,
Отважный бунтъ койсубулинцевъ.
Съ вершинъ утесовъ на отрядъ
Они смѣются беззаботно,
Готовятъ пули и охотно
Кинжалы длинные острятъ.
Ни путь широкій, ни тропины
На ихъ высокія стремнины
Стопы пришельцевъ не ведутъ.
Предъ любопытными очами
Стоитъ съ гранитными стѣнами
Природной крѣпости редутъ,
Недосягаемый, огромный.
Въ хаосѣ пропасти бездонной,
Какъ тартаръ буйный и живой,
Кипятъ свободные аулы...
Кто видѣлъ легкія черты
Съ картины адской суеты
Въ заводахъ Брянска или Тулы,
Гдѣ неумолчной чередой
Гудятъ и стонутъ надъ водой
Желѣзо, мѣдь, чугунъ и камень,
Гдѣ угли, искры, жаръ и пламень
Блестятъ, сверкаютъ и шумятъ,
Гдѣ гвозди, молоты, машины
И рукъ искусственныхъ пружины
Въ насильномъ дѣйствіи звучатъ

И поражаютъ удивленьемъ
И свѣжій слухъ, и свѣжій взоръ —
Того незначущимъ сравненьемъ
Знакомлю съ видомъ этихъ горъ.
Дыша слѣпымъ ожесточеньемъ,
Тамъ все кипитъ вооруженьемъ:
Какъ муравьиные рои,
Мелькаютъ всадники и кони;
Куютъ джелоны, сбруи, брони,
Чеканятъ ружья, лезвіи.
Вездѣ разъѣзды, шумъ, и топотъ;
Въ глухой дали отзывный грохотъ,
Огни, пальба, воинскій крикъ
И въ кольцахъ грудь — на русскій штыкъ.
Они не знаютъ нашей встрѣчи;
Имъ незнакомъ открытый бой;
Питомцы наглыхъ битвъ и сѣчи,
Они не зрѣли надъ собой
Свистящихъ ядеръ и картечи.
Но рати сѣверной приходъ
Дастъ брани новый оборотъ!
. . . .
. . . .
. . . . Въ осьми верстахъ
Отъ гордой вражьей цитадели,
Среди равнины на холмахъ,
Шатры отряда забѣлѣли.
Здѣсь видимъ дружные полки
Съ бреговъ Москвы благословенной;
А тамъ — граненые штыки
Пѣхоты русской отдаленной,
Изъ заграничныхъ городовъ,

Всегда готовые на зовъ
Царя, начальниковъ и чести;
Тамъ гибель вѣрная враговъ,
Алкая крови, бѣдъ и мести,
Стоитъ ватага казаковъ;
А тамъ за лагеремъ походнымъ
Ибрагимъ-Бекъ и Ахметъ-Ханъ,
Князья отъ крови мусульманъ,
Пылая рвеньемъ благороднымъ,
Изъ разныхъ странъ подъ Эрпелй
Свои дружины привели.
У нихъ кумыки и тавлинцы
Съ свинцомъ и сталью на коняхъ,
И съ ятаганами въ бояхъ
Пѣхота горцевъ — михтулинцы.
У водъ холоднаго ручья
Аулъ летучій ихъ мятется,
И знамя розовое вьется
Надъ бѣлой ставкою вождя.
Всѣ ждутъ рѣшительной осады,
Всѣ ждутъ и смерти, и награды...
И вотъ на утренней зарѣ
Отрядомъ легкимъ батальоны
Съ весельемъ двинулись къ горѣ.
Пути не видно... нѣтъ препоны!
Война и слава не безъ слугъ:
Съ подошвы горной сотни рукъ
Взрываютъ новую дорогу...
Идутъ и роютъ... Впереди
Зіяютъ пушки роковыя,
Внутри рядовъ и позади
Кинжалы, ружья боевыя

И безпардонные штыки.
Вотъ пуля свищетъ, вотъ другая...
Идутъ... Вотъ залпъ изъ-за кремней
Раздался, сверху пролетая...
Идутъ, работаютъ смѣлѣй!...
Ужъ высокò! Туманъ нагорный
Густѣетъ, скрылъ средину горъ;
Темнѣетъ день, слабѣетъ взоръ.
Идутъ отважно и упорно.
Внезапный холодъ, вѣтеръ, дождь
Приводятъ въ трепетъ нестерпимый —
Идутъ стѣной неотразимой!
Среди ихъ другъ и бодрый вождь.
Вотъ солнце яркими лучами
Блеснуло вновь. Туманъ исчезъ...
Они вверху — и предъ глазами,
Съ огромной массою небесъ,
Какъ въ неразрывной, длинной цѣпи,
Слились, казалось, горы, степи,
Холмы, долины. Цѣлый міръ
Представилъ чувствамъ дивный пиръ...
Безмолвно воины взираютъ
На точку свѣтлую земли;
Едва замѣтные, мелькаютъ
Подъ ними станъ и Эрпелѝ.
Вдали, подъ крѣпостію Бурной,
Синѣетъ моря блескъ лазурный,
Ландшафтъ несвязный дальныхъ странъ,
И вкругъ воздушный океанъ...
Поражены недоумѣньемъ,
Они бросаютъ мутный взоръ
Во глубину ужасныхъ горъ,

Глядятъ... И съ радостнымъ движеньемъ
Отъ поразительныхъ картинъ
Отрядъ отхлынулъ отъ стремнинъ.
Тамъ — свѣта новаго пространство
Миѳологическое царство
Подземныхъ тѣней и духовъ;
Тамъ елисейскія долины,
О коихъ изстари вѣковъ
Не знаютъ русскія дружины,
Цвѣтутъ средь рощей и дубровъ;
Тамъ по гранитамъ зеленѣли
Кедровникъ, пихта, ольха, ели;
Тамъ, роя камни и песокъ,
Сулакъ, какъ мелкій ручеекъ,
Бѣжалъ извилистой струею;
А тамъ огромной полосою
Вдали тянулись надъ водой
Скалы безбрежною грядой, —
И тридцать шесть ауловъ бранныхъ,
Покрытыхъ мрачной тишиной,
Какъ сонмы демоновъ изгнанныхъ,
Въ тѣни чернѣли разсыпной.
Глаза, очки, лорнеты, трубы,
Носы, фуражки, уши, губы —
Все устремилось съ высоты
Въ страну ужасной красоты.
Глядѣли, думали, дивились,
Кричали, охали, крестились
И, изумленные, сошли
Съ полнеба къ жителямъ земли...
Насилу кончилъ! Слава Богу!
Усталъ! позвольте замолчать...

Прорывъ на первый разъ дорогу,
Поэму буду продолжать.
Всего мучительнѣй на свѣтѣ
Серьезный выдержать разсказъ,
А я, имѣйте на примѣтѣ,
Перо туплю не на заказъ,
Безъ подлой лести и прикрасъ.
Не знаю, строгая цензура
Меня осудитъ или нѣтъ;
Но все равно — я не поэтъ,
А лишь его карикатура.

ГЛАВА VIII.

«Ну, ну, разскащикъ нашъ забавный,»
Твердятъ мнѣ десять голосовъ,
«Повѣдай намъ о битвѣ славной
Твоихъ героевъ и враговъ!
Какъ ваше дѣло, подъ горою?»
— Готовъ! согласенъ я, пора!
Итакъ, торжественно со мною
Кричите, милые: ура!
«Ба! и сраженье, и побѣда,
Какъ послѣ сытнаго обѣда
Десертъ и кофе у друзей!
Такъ скоро?» —Ровно въ десять дней
Покорность, миръ и аманаты —
И снова въ Грозную походъ!
«Какой рѣшительный разсчетъ,
Какіе русскіе солдаты!
Но какъ, и что, и почему?»

Вотъ объясненіе всему:
Койсубулинская гордыня
Гремѣла дерзко по горамъ;
Когда жъ доступна стала намъ
Ихъ недоступная твердыня
Посредствомъ пушекъ и дорогъ
(Чего всегда избави Богъ),
Когда злодѣи ежедневно,
Какъ стаи лютыя волковъ,
На насъ смотрѣли очень гнѣвно
Изъ-за утесовъ и кустовъ,
А мы, безтрепетною стражей,
Межъ тѣмъ работы берегли
И, пріучаясь къ пулѣ вражьей,
По-малу вверхъ покойно шли,
И скоро блоки и машины
Готовы были навѣстить
Ихъ безобразныя вершины,
Чтобъ бомбой пропасть освѣтить;
Тогда военную кичливость
У нихъ разсудокъ усмирилъ,
И непробудную сонливость
Безсонный ужасъ замѣнилъ.
Сначала, бодрые джигиты,
Алкая стычекъ и борьбы,
Они для варварской пальбы
Изъ-подъ разбойничьей защиты
Приготовляли по ночамъ
Плетни съ землею пополамъ,
Деревъ огромные обломки,
И, давши залпъ оттуда громкій,
Смѣялись нагло русакамъ,

Стращали издали ножами
Съ привѣтомъ: «яуръ» и «яманъ» —
И исчезали, какъ туманъ,
За неизвѣстными холмами;
Но послѣ, видя жалкій бредъ
Въ своемъ безсмысленномъ разсчетѣ,
Они отъ явныхъ золъ и бѣдъ
Всѣ были въ тягостной заботѣ.
Едва зари вечерней тѣнь
Прогонитъ съ горъ веселый день
И ляжетъ сумракъ надъ полями —
Никѣмъ незримыми толпами,
Въ ночномъ безмолвіи, они
Разводятъ яркіе огни,
Сидятъ уныло надъ скалами
И озираютъ русскій станъ,
Который грозный, величавый
И озаренъ луной кровавой,
Лежитъ, какъ бѣлый великанъ.
Съ разсвѣтомъ дня опять въ движеньи
Неугомонная орда:
Отрядовъ смѣнныхъ суета
И новыхъ пушекъ появленье
Своей обычной чередой —
Все угрожаетъ имъ бѣдой,
Неотразимою осадой.
Невольный страхъ сковалъ умы
Дѣтей отчаянья и тьмы
За ихъ надежною оградой...
И близокъ часъ, готовъ уда[illegible]
Кипитъ [illegible] гахъ бранны[illegible]
Полки во[illegible] какъ море!

Послѣдній день... и горе, горе!...
Но вотъ внезапно мирный флагъ
Мелькнулъ среди ущелій горныхъ;
Вотъ ближе къ намъ — и гордый врагъ,
Съ смиреньемъ данниковъ покорныхъ,
Идетъ разсѣять русскій громъ,
Прося съ потупленнымъ челомъ
Статей пощады договорныхъ...
Статьи готовы, скрѣплены...
Народовъ дикихъ старшины
Рѣшаютъ участь поколѣній.
Восходитъ свѣтлая заря;
Въ парадѣ ратныя дружины;
Койсубулинскія стремнины
Подъ властью русскаго царя!
Присяга новаго владѣнья —
И взорамъ тысячей предсталъ
Побѣдоносный генералъ
Безъ битвъ и крови ополченья!
Цвѣтутъ равнины Эрпелѝ;
Покой и миръ въ аулахъ бранныхъ;
Не видятъ болѣе они
Штыковъ отряда троегранныхъ
Въ своихъ утесахъ вѣковыхъ,
Не слышатъ пушекъ вѣстовыхъ!
Громада зыбкая тумана,
Молчанье, сонъ и пустота
Объемлютъ дикія мѣста
Надолго памятнаго стана.
И станъ подъ Грозною стоитъ!...
Но дума, дума о прошедшемъ
Невольно сердце шевелитъ;

Въ бреду поэта съумасшедшемъ
Я дни минувшіе ловлю
И, угрожаемый холерой,
Себя мечтательною вѣрой
Питать о будущемъ люблю.
Поклонникъ музъ самолюбивый,
Я вижу смерть невдалекѣ;
Но все перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ свой прихотливый:
Сойдя къ отцамъ вослѣдъ другихъ,
Остаться въ памяти иныхъ!
Быть можетъ, завтра или нынѣ,
Не испытавши вражьихъ пуль,
Меня въ мучной уложатъ куль
И предадутъ земной пустынѣ...
Въ глухой, далекой сторонѣ
Отъ милыхъ сердцу я увяну...
. . . .
. . . .
Увидя мой покровъ рогожный,
Никто ни истинно, ни ложно
Не пожалѣетъ обо мнѣ.
Возьмутъ, кому угодно будетъ,
Мои чевяки и бешметъ
(Весь мой багажъ и туалетъ),
И всякій важно позабудетъ,
Кто былъ ихъ прежній господинъ...
А панихиды, сорочинъ,
Кутьи и прочихъ поминаній —
Хоть и не жди!... [illegible] мой удѣлъ!
Его, безъ дальни[illegible] [illegible]сказаній,
Я очень ясно усмо[illegible]

Что жъ будетъ памятью поэта?
Мундиръ?... Не можетъ быть... Грѣхи?...
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!...
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей мечты
И первой юности проказы...
Сперва, какъ должно отъ заразы,
Ихъ осторожно окурятъ,
Прочтутъ строкъ десять втихомолку
И, по обычаю, на полку
Къ другимъ писцамъ переселятъ...
А вы, надежды, упованья
Честолюбиваго созданья,
На зло холерѣ и судьбѣ,
Вы не погибнете съ страдальцемъ:
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ А и П,
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить —
И мнѣ ль забвеннымъ, мнѣ ли быть?
Ему отвѣтятъ: «Полежаевъ...»
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одаренъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ;
Укоръ и жалость заслужилъ;
Во цвѣтѣ лѣтъ — безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ...
Вотъ память добрыхъ о поэтѣ!

1832.

Чиръ-Юртъ.

А. П. Лозовскому.

Любезный другъ!

. . . .
едневныхъ стычекъ и сраженій при разныхъ
ѣ, въ шумѣ лагеря, подъ кровомъ одинокой
и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, воспламенялъ
вое подвигами прошедшей битвы, достойной
ѣтописяхъ Кавказа, и въ 11 дней написалъ
тебѣ «Чиръ-Юртъ».

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ъ бытія души высокой,
и жизнь полубоговъ —
лава въ тьмѣ овъ,
ѣ древност кой.
ой красот
орницъ ныхъ,
у въ в

Передъ игрой лучей алмазныхъ,
Она блеститъ, она горитъ
Безъ украшеній и убранства
Среди безплоднаго тиранства,
Своихъ ничтожныхъ Эвменидъ.

Гдѣ тотъ, чью душу не волнуетъ
Войны и славы громкій гласъ?
Чье сердце втайнѣ не тоскуетъ,
Внимая воина разсказъ
О наслажденьяхъ жизни бранной,
Кровавыхъ сѣчахъ и бояхъ,
О вражьихъ пуляхъ и мечахъ,
И смерти, всюду имъ попранной?
Кто не стремится, не летитъ
Душой за взоромъ и за словомъ,
Когда усатый инвалидъ
На языкѣ своемъ суровомъ,
Но вѣрномъ, какъ граненый штыкъ,
Съ которымъ къ правдѣ онъ привыкъ,
Передаетъ дѣтямъ иль внукамъ
Любимый ключъ къ своимъ наукамъ,
Большую повѣсть прежнихъ лѣтъ?
О, знай, питомецъ Аполлона,
Тамъ, гдѣ витійствуетъ Беллона,
Ничтоженъ геній и поэтъ.

Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,
Гдѣ бъ люди жили не врагами
Безъ права силы и войны!
О, гдѣ не встрѣтимъ мы способныхъ

Основы блага разрушать?
Но рѣдко, рѣдко намъ подобныхъ
Умѣемъ къ жизни призывать!...

Младые воины Кавказа,
Война и честь знакомы вамъ;
Склоните слухъ къ моимъ словамъ,
Къ словамъ кавказскаго разсказа.
Я не усатый инвалидъ,
Наслѣдникъ пѣсней Оссіана;
Подъ кровомъ горнаго тумана
Мнѣ дѣва арфы не вручитъ...
Но ропотъ грусти безотрадной,
Пиры кровавые мечей —
Провозгласитъ вамъ, славы жадный,
Пѣвецъ печали и страстей.
Добыча юности безумной
И жертва тягостная дня,
Я загубилъ уже въ подлунной
Составъ весенній бытія.
Неукротимый и мятежный
Покоя сладкаго злодѣй,
Я потонулъ въ глуби безбрежной
Съ звѣздой коварною моей.
На полѣ чести, въ буряхъ брани,
Мой мечъ не выпадетъ изъ длани
Отъ страха робостной души;
Но, вѣчной грустью очарованъ,
Наединѣ съ собой, въ тиши,
Мой умъ бездѣйственъ, духъ окованъ
Цѣпями смерти вѣковой,
Какъ геній злобы роковой.

Забытый, пасмурный и скучный,
Живу одинъ среди людей,
Томимый мукою своей,
Вездѣ со мною неразлучной...
Безжалостный, свирѣпый взоръ,
Привѣтъ холодный состраданья —
Все новой пищей для страданья,
Все новый, вѣчный мнѣ укоръ...
Однѣ тревоги и волненья,
Картины гибели и зла —
Дарятъ минуты утѣшенья
Тому, кто умеръ для добра...
Такъ, уничтоженный для жизни,
Послѣдней кровью для отчизны
Я жажду смыть мое пятно!...
О, если бъ нѣкогда оно
Исчезло съ слѣдомъ укоризны!...
Военный гулъ гремитъ въ горахъ,
Клятвопреступный дагестанецъ,
Лезгинъ, чеченецъ, закубанецъ
Со мною встрѣтятся въ бояхъ!
Не измѣню царю и долгу,
Лечу за честію вездѣ,
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ...

Межъ тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.
Но искры бунта съ новой силой
Пророкъ неистовый раздулъ,

И сталъ пустынною могилой
Мятежныхъ подданныхъ аулъ.
Все пусто въ немъ! свирѣпый пламень
Пожралъ жилище бѣглецовъ;
Обломки бревенъ, черный камень
И пепелъ брошенныхъ домовъ
Гласятъ объ участи враговъ.

Тамъ, гдѣ подъ русскою защитой
Недавно цвѣлъ веселый миръ,
Лежитъ возникшій — и разбитый
Чеченской вольности кумиръ.
Поля и нивы золотыя,
Удѣлъ богатой тишины,
Въ мѣста унылыя, пустыя
Въ единый мигъ обращены.
Ихъ топчетъ всадникъ безпощадный
Своимъ гуляющимъ конемъ,
Межъ тѣмъ какъ хищникъ кровожадный
Въ оцѣпенѣніи нѣмомъ
Клянетъ отмстительную руку
Неодолимаго бойца,
И видитъ съ жалостью отца
Тоску, отчаянье и муку
Своей жены, своихъ дѣтей,
Которыхъ онъ, изнеможенныхъ,
Нагихъ и гладомъ изнуренныхъ,
Сокрылъ въ пристанищѣ звѣрей...

Передъ ауломъ над[illegible]ою,
Въ огняхъ, какъ плам[illegible]олканъ,
Сто[illegible]омадой боево[illegible]

Каратель буйныхъ — русскій станъ.
Не многолюдныя дружины,
Въ летучихъ ставкахъ и шатрахъ
По скату вражеской долины,
Вокругъ себя наводятъ страхъ!
Нѣтъ, око видитъ съ изумленьемъ
Въ пришельцахъ русскихъ горсть людей;
Но эта горсть съ пренебреженьемъ
Пойдетъ на тысячи смертей!...
Не въ первый разъ подъ ихъ стопами
Хруститъ въ лѣсахъ осенній листъ;
Не въ первый разъ надъ головами
Они внимаютъ пули свистъ!
То дѣти чести безукорной,
Владыки сабли и штыка.
Мятежникъ, хищникъ непокорный
Ихъ знаетъ — эти три полка!...
Всегда въ крови на вражьемъ трупѣ,
Всегда съ побѣдой впереди:
При Эндери, при Маюртупѣ,
Подъ богатырскимъ Кошкильди!
Вблизи разсыпана ватага
Неукротимыхъ ѣздоковъ,
Казачья буйная отвага,
Краса линейныхъ удальцовъ.
Татарскій видъ, вооруженье,
Страны отечественной грудь —
Все можетъ въ рыцаря вдохнуть
Боязни тайной впечатлѣнье!
Взрощенный въ сѣчахъ на конѣ,
Онъ дышетъ смертью на войнѣ!...
Всегда въ трудахъ, всегда въ движеньи

Сія блуждающая рать;
Ея удѣлъ и назначенье —
Законъ и правду охранять.
Въ странѣ гористой печенѣга,
Гдѣ житель русскаго села,
Безъ вѣрной шашки у сѣдла,
Не безопасенъ отъ набѣга;
Гдѣ миръ колеблемый станицъ,
Ненарушимость достояній,
И святость правъ, и честь дѣвицъ
Нерѣдко жертвою стяжаній
Неумолимыхъ кровопійцъ;
Гдѣ беззащитные трепещутъ,
Гдѣ въ тишинѣ полночной блещутъ
Ножи кровавые убійцъ —
Необходимъ безстрашный воинъ,
Опора слабыхъ, страхъ врага,
И, вѣрный долгу, онъ достоинъ
Изъ рукъ безсмертія — вѣнка...

Взяла довольно храбрыхъ воевъ
Неукротимая страна;
Молва гласитъ намъ имена
И жизнь, и подвиги героевъ.
Довольно труповъ и костей
Пожрали варварскія степи;
Но ни огонь, ни мечъ, ни цѣпи
Не уничтожили страстей
Звѣроподобнаго народа.
Его стихія — кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода...

Ермоловъ, грозный великанъ
И трепетъ буйнаго Кавказа!
Ты, какъ мертвящій ураганъ,
Какъ азіатская зараза,
Въ скалахъ злодѣевъ пролеталъ;
Въ твоемъ владычествѣ суровомъ,
Ты скиптромъ мощнымъ и свинцовымъ
Главы Эльбруса подавлялъ!...
И ты, нежданный и крылатый,
Всегда неистовый боецъ,
О Грековъ, страшный и заклатый
Кинжаломъ мести наконецъ!
Что грохотъ вашего перуна?
Что мигъ коварной тишины?
Народы Сунджи и Аргуна —
Донынѣ въ пламени войны;
Брега Кой-Су, брега Кубани
Досель обмыты кровью брани!
Тамъ, гдѣ возникнулъ Бей-Булатъ,
Не истребятся адигеи;
Тамъ вьются гидрами злодѣи —
И вѣчно царствуетъ булатъ!...

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, сей сынъ обмана,
Сей геній гибели и зла,
Глава разбоя и корана,
Бичъ христіанъ — Кази-Мулла!
«Пророкъ, наслѣдникъ Магомета,
Братъ старшій солнца и луны...»
Вотъ титла хитраго атлета
Въ устахъ безсмысленной страны.
Онъ чуждъ пронырства лицемѣра:

Оно не нужно для глупцовъ;
Ему довольно пары словъ:
Гакъ Богъ велитъ, такъ хочетъ вѣра!
Онъ все для горцевъ: судія,
Пророкъ, наставникъ, предводитель,
И первый — правъ и бытія
Своихъ апостоловъ гонитель...
Тамъ, обольщая Дагестанъ,
Онъ грабитъ русскаго вассала,
И слабый подданный шамхала
Влечется силою въ обманъ.
Граната въ паркъ дохнула адомъ...
Скалы на воздухъ... Громъ, огонь
Взвились надъ моремъ... Всадникъ, конь —
Все пало ницъ кровавымъ градомъ...
Пророкъ исчезъ съ своимъ отрядомъ.
Тамъ онъ, разливъ, какъ океанъ,
Свои мятежные народы,
Вкругъ малой горсти россіянъ
Грозитъ бѣдой, отводитъ воды...
Но крѣпость русская тверда:
Не стонетъ воинъ изнуренный;
Сверкаетъ штыкъ ожесточенный —
И льется жаждущимъ вода!
Что жъ геній замысловъ преступныхъ,
Посланникъ мнимый божества?
Съ гремящей славой торжества
Онъ оставляетъ недоступныхъ
И поучаетъ мусульманъ
Передъ началомъ первой битвы
Читать прилежнѣе молитвы
И вѣрить твердо въ алкоранъ...

Вотъ тайна властвовать умами;
Вотъ легковѣріе людей,
Всегда готовое мечтами
Питать волненіе страстей!...
Надеждой ложной и безумной
Лукавецъ очи ослѣпитъ,
И сонмъ невѣждъ хвалою шумной
Свою погибель одобритъ.
Уже тогда, какъ грозно, грозно
Накажетъ насъ правдивый мечъ,
Хотимъ мы съ робостью пресѣчь
Ударъ отмстительный, но поздно!....
Тогда въ ужасной наготѣ
Предстанетъ намъ внезапно совѣсть
И умъ, блуждавшій въ темнотѣ,
Прочтетъ ея живую повѣсть.

О, для чего я на себѣ
Влачу раскаянія бремя?...
Зачѣмъ счастливѣйшее время
Я отдалъ бурямъ и судьбѣ,
Несправедливой, своенравной,
Убійцѣ пылкаго ума?...
Ужель послѣдней ночи тьма
Застанетъ трупъ мой все безславный,
Все ненавистный для людей,
Отраду врановъ и червей?...

Межъ тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.

Мелькая въ немъ свѣтло и стройно,
Луна плыветъ въ туманной мглѣ;
Дружина русская покойно
Стоитъ на вражеской землѣ...
Ночлегъ на мѣстѣ — нѣтъ сомнѣнья...
Въ кострахъ чеченскія дрова,
Вокругъ забота и движенья,
И пѣсни звучныя слова...
Иные спятъ, другіе бродятъ,
Въ кружкахъ толкуютъ кой о чемъ;
Пикетъ смѣняютъ, цѣпь разводятъ,
Смѣются, вздорятъ о пустомъ.
Въ одной палаткѣ за стаканомъ
Видна мірская суета;
Въ другой досужная чета,
Засѣвъ en grand надъ барабаномъ,
Преважно судитъ о пліе;
А третій зритель машинально
Имъ поясняетъ пунктуально,
Что даму слѣдуетъ на пе.
«У всякаго своя охота,
Своя любимая забота»,
Сказалъ любимый нашъ поэтъ,
А потому сомнѣнья нѣтъ,
Что часто въ лагерѣ походномъ
Мы видимъ также точно свѣтъ,
Какъ и въ Собраньи Благородномъ.
Но вотъ различіе: въ одномъ
Вѣрнѣе, нежели въ другомъ!...
Тьфу — какъ несбыточны догадки!
Лишь только даму въ третій разъ
На пе загнули, вдругъ приказъ:

Снимать немедленно палатки!
Приказъ исполненъ въ тишинѣ;
Багажъ уложенъ, цѣпи сняты;
Въ строю разсчитаны солдаты,
И всадникъ въ буркѣ на конѣ...
Походъ. Маршъ, маршъ по отдѣленьямъ!
Развились лентой казаки,
И съ непонятнымъ впечатлѣньемъ
Безмолвно тронулись полки...
Зарядъ на полкѣ, все готово!...
На сердцѣ дума: вѣрно въ бой!...
Но вопросительнаго слова
Не знаетъ русскій рядовой.
Онъ знаетъ: съ нами Вельяминовъ—
И вѣритъ счастливой звѣздѣ;
Отрядъ покорныхъ исполиновъ
Ему сопутствуетъ вездѣ;
Онъ зналъ его давно по слуху,
Давно въ лицо его узналъ...
Такъ передать отважность духу
Умѣетъ горскій Аннибалъ!...
Онъ нашъ, онъ сладостной надеждѣ
Своихъ друзей не измѣнилъ;
Его въ грозу войны, какъ прежде,
Намъ добрый геній подарилъ.
Смотрите, вотъ любимый славой!...
Его высокое чело
Всегда безъ гордости свѣтло,
Всегда безъ гнѣва величаво...
Рисуютъ тихой думы слѣдъ
Его пронзительные взоры...
Достойный—видитъ въ нихъ привѣтъ,

Ничтожный — чести приговоры...
Онъ этимъ взоромъ говоритъ,
Живитъ, терзаетъ и казнитъ...
Онъ любитъ дѣло, а не слово...
Съ душою доброю — онъ строгъ...
Судья прямой, но не суровый,
Безстрастно взыщетъ онъ за долгъ;
За чувство истинной пріязни
Онъ платитъ ласкою отца;
Никто изъ рабственной боязни
Не избѣгалъ его лица;
Всегда одинъ, всегда покоенъ;
Походомъ, въ станѣ предъ огнемъ,
Съ замерзлымъ усомъ и ружьемъ
Нерѣдко грѣется съ нимъ воинъ...
Куда жъ походъ во тьмѣ ночной?...
Нашъ полководецъ не обманщикъ,
Его отвѣтъ всегда простой:
«Куда ведетъ васъ барабанщикъ...»

Но мы не первый разъ въ горахъ!
Ведетъ въ Внезапную дорога;
Отъ ней въ двѣнадцати верстахъ
Аулъ. Мы знаемъ, гдѣ тревога.
Идемъ. Ужъ полночь. Огоньки
Съ высотъ твердыни замелькали;
По камнямъ рѣчки казаки
Съ главой дружины проскакали;
За ними вслѣдъ полки впередъ,
Артиллеристы на лафеты...
Патроны вверхъ, полураздѣты,
Ногой привычною мы въ бродъ.

Вотъ на горѣ передъ ауломъ...
«Впередъ!» А! вѣрно на Сулакъ?
Перелилось болтливымъ гуломъ:
Вѣдь говорилъ же намъ казакъ!

Давно ль, разставшись съ Дагестаномъ,
На этомъ мѣстѣ, о друзья,
Наскуча длиннымъ рамазаномъ,
Байрамъ веселый встрѣтилъ я?
Тогда все пѣло беззаботно
Въ деревнѣ счастливыхъ татаръ;
Въ то время русскіе охотно
Желали видѣть ихъ базаръ.
Мирнóй чеченецъ, кабардинецъ,
Кумыкъ, лезгинъ, койсубулинецъ,
И персіянинъ, и еврей,
Забывъ вражду своихъ обрядовъ,
Пестрѣли здѣсь, какъ у друзей,
Красою праздничныхъ нарядовъ.
Въ толпѣ андреевцевъ, жидовъ,
Смотря на разныя проказы,
Кто не купилъ себѣ обновъ
Тогда на лишніе абазы?
Одинъ съ ружьемъ приходитъ въ станъ,
Другой подъ буркою мохнатой,
Тотъ шашкой хвалится богатой,
А этотъ кажетъ ятаганъ.
Всего такъ много, такъ довольно,
Товаръ Востока на-лицо,
И, признаюсь, меня невольно
Плѣнило горское кольцо
И трубка, ахъ! какая трубка!

Ее разбила у меня
Потомъ невинное дитя,
Одна дѣвчонка-душегубка.
Но, вѣрьте, я не пропущу
Смѣшной капризъ такого роду —
И по пятнадцатому году
Шалуньѣ славно отомщу...
Теперь гдѣ лица, гдѣ наряды?
Гдѣ разноцвѣтный ихъ базаръ?
Нигдѣ задумчивые взгляды
Не встрѣтятъ ласковыхъ татаръ.
Разбойникъ яростный въ пустыню
Торговый городъ обратилъ,
И беззаконную гордыню
На пеплѣ саклей водворилъ.
Одни потомки Авраама
Покорны русскому мечу
И въ укрѣпленьяхъ Ташкичу̀
Ждутъ смѣло новаго байрама.

Верхи Андреевой горы
Давно сокрылись для отряда;
Яснѣй туманная громада,
Сырѣе влажные пары.
Долина глухо вторитъ топотъ
Шаговъ фаланги боевой,
И зашумѣлъ передъ зарей
Волны Кой-Су протяжный ропотъ.
Вотъ прояснился небосклонъ...
Рѣка вблизи. На берегъ прямо
Кавалерійскій легіонъ
Коней испуганныхъ упрямо

Торопитъ въ воду. Залпъ огней
Раздался вдругъ изъ камышей...
Покойно, тихо, безъ отвѣта
На ласку вражьяго привѣта,
Плывутъ и ѣдутъ казаки...
Вторичный залпъ... Опять молчанье...
Въ волнахъ разлившейся рѣки
И гулъ, и крикъ, и коней ржанье.
Вода свирѣпствуетъ, кипитъ,
Буграми въ рать отважныхъ хлещетъ;
Товарищъ всадника трепещетъ,
И леденѣетъ, и храпитъ...
Вздымая морду, другъ ретивый
Въ стихіи грозной тонетъ съ гривой,
Дрожитъ, колеблется, какъ челнъ,
Несетъ завѣтнаго рубаку,
Или, предавшись злобѣ волнъ,
Безсильный, мчится по Сулаку...
Но солнце блещетъ въ вышинѣ,
И русской пушки гулъ мятежный
Гласитъ на вражьей сторонѣ
Чиръ-Юрта жребій неизбѣжный.

Вотъ онъ, отважнѣйшій въ горахъ,
Какъ Голіаѳъ неодолимый,
Стоитъ въ красѣ необозримой
На дикихъ каменныхъ скалахъ!
Возникшій въ ужасахъ природы,
Надменный крѣпостью своей,
Онъ — вѣчный воинъ мятежей
И стражъ разбойничьей свободы!
На зло примѣрной добротѣ,

Вассалъ и другъ неблагодарный,
Какъ часто въ наглой чернотѣ
Питалъ онъ замыселъ коварный,
Острилъ убійственный кинжалъ
На благодѣтельную руку,
И ей же съ робостью ввѣрялъ
Свою измѣну, жизнь и муку!
Но онъ придетъ — сей лютый часъ!
Злодѣй проснется безъ отрады,
И будетъ тщетно скорбный гласъ
Просить отверженной пощады...

О, какъ безумна, какъ дерзка
Неустрашимость смѣльчака!...
Онъ презираетъ наши пули;
Смѣясь, готовится къ войнѣ,
И между тѣмъ въ его аулѣ
Дымятся сакли въ тишинѣ...
Когда жена его и дѣти
Стремятся въ ужасѣ къ мечети
И въ прахѣ льютъ потоки слезъ,
Кичливый варваръ съ небреженьемъ
Даритъ ихъ ложнымъ утѣшеньемъ
Иль взоромъ гнѣва и угрозъ.
Слѣпецъ, увѣренный тираномъ
Въ своей надеждѣ роковой,
Клялся торжественно кораномъ,
Мечемъ и бритой головой —
Спасти могилы правовѣрныхъ
Отъ поруганія собакъ,
И кровью воиновъ невѣрныхъ
Насытить яростный Сулакъ.

Но не преступнаго вассала
На жертву русскому обрекъ
Святой губитель ихъ пророкъ...
О нѣтъ, и подданныхъ шамхала,
Мятежныхъ жителей Тарковъ,
И маюртупскихъ бѣглецовъ
Онъ здѣсь собралъ для истребленья!
И я клянусь своимъ ружьемъ:
Кази-Мулла съ большимъ умомъ
И въ правѣ требовать почтенья!
Его призывный къ брани кличъ —
Всегда злодѣямъ новый бичъ!

Смотрите, вотъ они толпами
Съѣзжаютъ медленно съ холмовъ
И разстилаются роями
Передъ отрядомъ казаковъ.
Смотрите, какъ тавлинецъ ловкій
Одинъ на выстрѣлъ боевой
Летитъ, грозя надъ головой
Своей блестящею винтовкой;
Съ коня долой — ударъ, и вмигъ
Опять въ сѣдлѣ, стрѣляетъ снова,
Къ лукѣ узорчатой приникъ —
И нѣтъ наѣздника лихова!
Вотъ двое пѣшихъ за бугромъ...
На сошки ружья, приложились...
Три пули свистнули кругомъ...
Они отвѣтили и — скрылись!

Но пусть картечью и ядромъ
Пугаютъ робкихъ! Чтò за дума

У полководца на челѣ?
Среди Сулака, на сѣдлѣ
Взираетъ мрачно и угрюмо
На переправу генералъ.
По-грудь въ водѣ, рука съ рукою,
Невѣрной, шаткою ногою
Пѣхотный сонмъ переступалъ;
Рѣка, какъ адъ съ отверстымъ зѣвомъ,
Крутя валы съ ужаснымъ ревомъ,
Твердыню храбрыхъ облила;
За каждый шагъ — назадъ, стѣною,
Дружину съ ношей боевою
Волна свирѣпая гнала...
Собравъ измученныя силы,
Безъ словъ, но съ бодрою душой
Они встрѣчаютъ мракъ могилы
И образъ смерти предъ собой.
Одинъ упалъ, другой слабѣетъ...
Шатнулся, палъ... и въ цѣлый ростъ!
На помощь — кони: тотъ за хвостъ,
Другой на гривѣ цѣпенѣетъ...
Ныряютъ сабли и штыки;
Несутся пушки съ лошадями;
Летаетъ гибель надъ главами —
Идутъ безтрепетно полки...

Всегда задумчивый, глубокій
Цѣнитель сердца и людей,
Но, затаивъ въ душѣ высокой
Волненье чувства и страстей,
Не измѣня чела и взора,

Онъ вдругъ рѣшается... «Назадъ!»
Онъ рекъ — и силу приговора
Покорно выполнилъ отрядъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Да будетъ проклятъ злополучный,
Который первый ощутилъ
Мученья зависти докучной:
Онъ первый брата умертвилъ!
Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый!...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Печальный геній падшихъ царствъ,
Великой истины свидѣтель,
Законъ и мечъ! вотъ добродѣтель!
Единый мечъ — душа коварствъ;
Доколь они въ союзѣ оба,
Дотоль свободенъ человѣкъ:
Закона нѣтъ — проснулась злоба,
И мечъ права его разсѣкъ...

Вотъ корень жизни безначальной,
Вотъ бичъ любимый сатаны,
Вина разбоя и войны,
Кавказа факелъ погребальный!...
И ты сей жребій испыталъ,
Чиръ-Юртъ отважный, непокорный!
Ты грозно бился, грозно палъ
Съ твоей гордынею упорной.

О, какъ ужасно разлилось
Меча губительнаго мщенье!
Какъ громко, страшно раздалось
Въ туманахъ горъ твое паденье!...
И часъ пробилъ: Чиръ-Юрта нѣтъ!
Въ стѣнахъ Чиръ-Юрта сынъ побѣдъ,
Огонь, гроза и разрушенье!...

Толпа враговъ издалека
Взирала съ радостію шумной
На отступленіе врага:
Оно надеждою безумной
Питало ярость смѣльчака;
Оно вѣщало суевѣрнымъ
Опредѣленіе небесъ —
«Самъ рокъ противится невѣрнымъ,
И гяуръ мстительный исчезъ!»
Сильнѣй отвага горделивца,
Спесивѣй варварская честь,
И мчитъ по саклямъ кровопійца
Никѣмъ неслыханную вѣсть...
Какой восторгъ и изумленье
И женъ, и старцевъ, и дѣтей!

Какое бурное волненье
Среди народныхъ площадей!...
«Я здѣсь, рабы мои! я съ вами!»
Вѣщаетъ гласъ среди толпы;
«Я вамъ безгрѣшными устами
Открою таинства судьбы!
Какъ волны моря отъ гранита,
Отъ васъ отхлынули враги;
Но сила дивная рѣки
Была небесная защита.
Внимайте мнѣ: придутъ полки,
Придутъ сюда за палачами,
И мечъ невидимой руки
Сразитъ ихъ вашими мечами!...
Молите Бога! сильный Богъ
Пріемлетъ теплыя молитвы,
Но для неправедныхъ жестокъ
И страшенъ онъ на полѣ битвы!...»
— Исчезни, рабственный позоръ!
Завыли грозно изувѣры;
Умремъ за вольность нашихъ горъ,
За край родной, за святость вѣры!—

Чей гласъ таинственный вѣщалъ
Слова коварства и обмана?...
Кто имя Бога призывалъ?...
Мятежникъ горъ и Дагестана!
Но гдѣ отрядъ? Ужели онъ
Съ своимъ вождемъ не занятъ славой?
Ужель пророкомъ осужденъ
Онъ вѣчно быть надъ переправой
И уготовитъ, наконецъ,

Себѣ страдальческій вѣнецъ
За пиръ послѣдній и кровавый,
Который дать желаетъ намъ
Въ угодность бритымъ головамъ?...

О горе, горе! по Сулаку
Вблизи отысканъ новый бродъ,
И вождь на гибельную драку
Проклятыхъ гяуровъ ведетъ.
«Бѣда!... помилуй, ради Бога!
Чего ты хочешь, генералъ?...
Пророкъ шутить не будетъ много:
Онъ насъ повѣсить обѣщалъ!
Пропали мы, пропали гуртомъ...»
Но онъ не слышитъ, онъ идетъ...
И что за чудо? Весь народъ
Живой явился подъ Чиръ-Юртомъ!

Простите, милые друзья,
Когда, за важностью разсказа,
Всегда родится у меня
Некстати шутка и проказа!
Ей-ей, не знаю почему,
Я своевольничать охотникъ
И, признаюсь вамъ, не работникъ
Ученой скукѣ и уму.
Мнѣ дума вольная дороже
Гарема свѣтлаго паши,
Или почти одно и то же:
Она — душа моей души.
Боюсь, какъ смерти, разныхъ правилъ,
Которыхъ, впрочемъ, по нуждѣ,

Въ моральной жизни и въ бѣдѣ
Благоразумно не оставилъ;
Но правилъ тяжкаго ума,
Но правилъ чтенья и письма
Я не терплю, я ненавижу
И, что забавнѣе всего,
Не видѣлъ прежде и не вижу
Большой утраты отъ того.
Я трату съ пользою исчислю,
И вотъ что послѣ вывожу:
Когда пишу, тогда я мыслю;
Когда я мыслю, то пишу...
Скажи же, милый мой читатель
И равнодушный судія,
Ужель я долженъ, какъ писатель,
Измучить скукою себя?...
Ужели день и ночь для славы
Я долженъ голову ломать,
А для младенческой забавы
И двухъ стиховъ не написать?...
Мы всѣ, младенцы пожилые,
Смѣшнѣе маленькихъ ребятъ,
И вѣрь: за шалости бранятъ
Одни лишь глупые и злые.

Все тихо въ лагерѣ ночномъ.
Къ землѣ приникнувъ головою
Съ своимъ хранителемъ — ружьемъ,
Приноситъ русскій дань покою.
Питомецъ сѣвера и льдовъ,
Не зная прихоти и нѣги,
Вездѣ завидные ночлеги

Себѣ находитъ у враговъ.
И сонъ угрюмый надъ ауломъ
Летаетъ съ образомъ луны;
Одна рѣка протяжнымъ гуломъ
Тревожитъ царство тишины.
О сонъ лукавый, сонъ опасный,
Товарищъ думы и тоски!
Тебя привѣтствуютъ напрасно
Сіи мятежные враги!...
Отрады сладкаго забвенья
Всегда чуждается злодѣй,
И ты крыломъ успокоенья
Съ подругой сердца и ночей
Не осѣнишь его очей!
Увы, печальна, одинока,
Съ душевной бурей на челѣ,
Какъ жертва крови и порока,
Таится, бѣдная, во мглѣ;
Она исполнена боязни;
Для ней погибъ надежды лучъ:
Ей свѣтлый день за ризой тучъ —
Предвѣстникъ гибели и казни...
А онъ, убійца юныхъ дней
Подруги сердца и ночей,
Межъ тѣмъ, безсонный, на кинжалѣ
Лежитъ въ разбойничьемъ завалѣ.

Но вотъ ужъ ранняя звѣзда
Въ пустыняхъ неба показалась;
Волнистой тѣнью нагота
Полей и горъ обрисовалась.
Ударилъ звонкій барабанъ;

Завыла пушка вѣстовая,
И полунощный великанъ
Возсталъ, какъ туча громовая.
Молитва къ Богу, мечъ во длань,
И за начальникомъ отряда
Толпой безстрашною на брань
Валитъ безмолвная громада.

Пѣвецъ Гюльнары! для чего
Въ избыткѣ сердца моего,
Въ порывахъ сильныхъ впечатлѣній,
На зло природѣ и судьбѣ,
Зачѣмъ не равенъ я тебѣ
Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
Тогда бы кистію твоей,
Всегда живой и благородной,
Я тронулъ съ гордостью свободной
Сердца холодныя людей;
Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразилъ бы я дѣла
Войны жестокой и кровавой:
Отважный приступъ христіанъ,
Злодѣевъ яростную встрѣчу,
Орудій громъ, пальбу и сѣчу,
И смерть, и кровь, и трепетъ ранъ...
Изобразилъ бы я страданье
Полуживаго мертвеца,
И жилъ, и членовъ содроганье,
Его послѣднее дыханье
И чувства мертваго лица...
Но ты, пѣвецъ души и чувства,

Умѣя смертныхъ презирать,
Ты намъ не передалъ искусства
Умы и души волновать!
Какъ непонятное явленье,
Исчезло міра изумленье—
Великій геній и поэтъ...
Осиротѣвшая природа
И новой Греціи свобода
Вѣщаютъ намъ: Байрона нѣтъ!...
. . . .
. . . .

Недолго, воины Москвы,
Своихъ враговъ искали вы!
На заповѣданной молитвѣ,
Съ ружьемъ и шашкою въ рукахъ,
Вы ихъ узнали на холмахъ,
Давно готовыхъ къ лютой битвѣ.
Свинецъ летучій, разсыпной
Встрѣчаетъ рать передовую,
И первый разъ въ толпу лихую
Направленъ мѣткою рукой
Ударъ картечи боевой...
И разлетѣлся съ рокотаньемъ
Зарядъ чугуннаго жерла,
И салатовецъ съ содроганьемъ
Бѣжитъ до новаго холма...
Засѣлъ... Проходитъ ополченье.
Кремни стучатъ, ядро свиститъ...
Защита... натискъ... отраженье...
Злодѣй разсѣянъ и бѣжитъ!...

Отрядъ идетъ густой колонной;
Но на пути большой оврагъ,
Кругомъ завалы; злобный врагъ
Изъ-за утесовъ пѣшій, конный,
Стрѣляетъ въ цѣпь и въ казака;
Навстрѣчу гулъ единорога,
Картечи, ядра въ смѣльчака —
И снова чистая дорога.

Линейный всадникъ впереди,
Усачъ съ крестами на груди,
Отважный Зассъ его главою;
Всегда въ виду, всегда въ огнѣ,
Подъ нимъ летаетъ конь гусарскій;
Передъ полками князь Черкасскій
И полководецъ на конѣ.
Земля трясется; тучи дыма,
Жужжанье пули, свистъ ядра,
И штыкъ, и сабли, и ура —
Приводятъ въ трепетъ мизраима.
Онъ уступаетъ чудесамъ,
Клянетъ открытое сраженье
И, угрожая въ отступленьи,
Спѣшитъ къ заваламъ и стѣнамъ.

Искусство, сила и природа
Слились, казалось, заодно
Въ защиту дикаго народа:
И рвы, и насыпь, и бревно,
И неприступными рядами,
Какъ время, вѣчныя скалы.
Надъ ними вьются временами

Одни свирѣпые орлы
И, съ алчнымъ крикомъ облетая
Въ глуби туманной вышины
Чиръ-Юртъ и горы Балтугая,
Невольно въ жителей страны
Вдыхаютъ ужасы войны.
Тамъ, укрѣпясь ожесточеньемъ,
Засѣли бодрые враги
И ожидали въ небреженьемъ
Иноплеменные полки.
И вотъ они передъ врагами
Съ своими страшными громами
Идутъ нетрепетной грядой;
Питомцы хищнаго разбоя
Огонь открыли роковой,
И зашумѣла надъ стѣной
Гроза рѣшительнаго боя.

Невидно болѣе въ дыму
Ни скалъ, ни воиновъ аула;
Въ тревогѣ приступа, въ шуму,
Въ раскатахъ пушечнаго гула
Неслышно голоса вождя;
Но онъ повсюду, вождь упрямый:
Иди впередъ, кидайся прямо
Въ огонь свинцоваго дождя —
Онъ тамъ, покойный, величавый;
Онъ видитъ все; его рука
Вамъ указуетъ и врага,
И путь давно знакомой славы....
Смотрите: вотъ бросаетъ онъ
Стрѣлковъ Бутырскихъ батальонъ

Съ крутаго берега Сулака.
Пока у варваровъ кипитъ
Съ бойцами егерскими драка,
Стрѣловъ отважный поспѣшитъ
Тропой невидимой къ оплоту —
И врагъ, противной стороной,
Увидитъ вдругъ передъ собой
Неотразимую пѣхоту.

Но бой сильнѣе! Вотъ ядро
Разбило твердое ребро
Полугранитнаго завала —
И изумился суевѣръ.
Неустрашимый офицеръ,
Покорный волѣ генерала,
Взлетаетъ съ скоростью ядра
На вышину другой защиты;
За нимъ друзья его... Ура!
Толпы неистовыя сбиты!...
И — на завалѣ ятаганъ,
И разогнутый алкоранъ.

Какое гибельное море
На осажденныхъ пролилось;
И громъ, и трескъ, и горе, горе:
Велѣнье Мощнаго сбылось!
Бутырцы въ схваткѣ рукопашной
На опрокинутой стѣнѣ;
Московецъ, егерь тучей страшной
На новой сбитой сторонѣ;
Визжатъ картечи, ядра, пули;
Катятся камни и тѣла;

Гремитъ ужасное: Алла!
И пушка русская въ аулѣ!...

Кто проникалъ въ сердца людей
Съ глубокимъ чувствомъ изученья;
Кто знаетъ бури, потрясенья —
Слѣды печальные страстей;
Кто испыталъ въ коварной жизни
Ея тоску и мятежи,
И послѣ слышалъ укоризны
Во глубинѣ своей души;
Кому знакомы месть и злоба —
Ума и совѣсти раздоръ —
И, наконецъ, при дверяхъ гроба
Уничиженія позоръ;
Кого обманывалъ стократно
Невѣрный счастья идеалъ;
Кто все ужасно, невозвратно
Въ безумствѣ жалкомъ потерялъ;
Кто силой опыта измѣрилъ
Земнаго блага суеты —
Тому бъ страдальцу я повѣрилъ
Мои унылыя мечты,
Мой умъ, мой духъ, воображенье,
Подъ залпомъ тысячей громовъ,
На трупахъ русскихъ и враговъ,
На страшномъ мѣстѣ пораженья!...
Но, ахъ! въ убійственной глуши
Едва ль я самъ не безъ души!...

Все истребляетъ, бьетъ и губитъ
Вездѣ бѣгущаго врага;

Его безпамятнаго рубитъ
Кинжалъ и шашка казака;
Жестокой местію пылая
Въ бою послѣднемъ, роковомъ,
Его пѣхота удалая
Сражаетъ пулей и штыкомъ.
Дитя безумнаго мечтанья,
Надежда храбрыхъ умерла,
И падшей гордости стенанья
Съ собой въ могилу унесла.
Бѣжитъ черкесъ, несомый страхомъ,
За нимъ летучая гроза
И смерти лютая коса
Съ своимъ безжалостнымъ размахомъ.
Въ домахъ, по стогнамъ площадей,
Въ изгибахъ улицъ отдаленныхъ
Слѣды печальные смертей
И груды тѣлъ окровавленныхъ.
Неумолимая рука
Не знаетъ строгаго разбора:
Она разитъ безъ приговора
Съ невинной дѣвой старика
И беззащитнаго младенца;
Ей ненавистна кровь чеченца,
Христовой вѣры палача —
И блещетъ лезвіе меча...

Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни и твердыни,

И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни,
Предъ нимъ повержены лежатъ.
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣтеръ горный
Красы погибшей стороны:
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной...
И все въ уныніи кругомъ!
Его судья, властитель новый,
Въ ущелья горъ за бѣглецомъ
Теперь несетъ ударъ громовый...

Не воинъ, клявшійся Аллой
Разсѣять сонмъ иноплеменный,
Не воинъ битвы дерзновенный,
Отважный духомъ и рукой,
Полуразсѣянный, разбитый,
Но вѣчно грозный для врага,
Всегда готовый для защиты,
Бѣжитъ, грозя издалека
Побѣдоносному герою,
И вдругъ нежданный перевѣсъ
Даетъ отчаянному бою...
Нѣтъ, воинъ ярости исчезъ
Съ своею клятвой на завалѣ;
Столпы чиръ-юртскіе упали
Съ утратой славы мусульманъ,
И лютой мести ураганъ
Вился надъ робкими душами.
Въ огнѣ потерянныхъ головъ,

Надъ беззащитными руками
Обыкновенныхъ бѣглецовъ...
Не тратьте лишняго заряда,
Рои крылатые стрѣлковъ:
Для очарованнаго стада
Довольно сабли и штыковъ!
Холмы, утесы и стремнины —
Все непріязненному путь;
Но вслѣдъ за нимъ — повсюду грудь
И мечъ торжественной дружины...
За ней отчаянье и стонъ,
И кровь, и смерть со всѣхъ сторонъ!

Между крутыми берегами,
Всегда обмытыми водой,
Шумитъ кипучими валами
Кой-Су туманный и сѣдой.
Противникъ вѣчный русской силы —
Въ холодной сферѣ глубины
Не-разъ готовилъ онъ могилы
Дѣтямъ полночной стороны.
Неукротимый и суровый,
Недавно съ яростію новой
Онъ ополчался на коней
И смѣлыхъ воиновъ завѣта,
Когда толпа богатырей
На бранный берегъ Магомета
Вносила тысячу смертей.
Еще подъ каменной скалою
Привязанъ счастливый челнокъ,
На коемъ раннею порою
Вчера пронесся лжепророкъ.

Съ какою радостію бурной
Волною свѣтлой и лазурной
Онъ лобызалъ его края,
Дарилъ какъ вѣтеръ легкимъ бѣгомъ
И, силу дивную тая,
Остановилъ его подъ брегомъ.
Теперь кипучею волной,
Сражаясь съ черными скалами,
Опять шумитъ подъ берегами
Кой-Су туманный и сѣдой.

Уста коварнаго пророка
Вѣщали гибель и обманъ,
И обратились силы рока
На суевѣрныхъ мусульманъ.
Но что за крикъ, и шумъ, и грохотъ
Отъ стѣнъ Чиръ-Юрта по горамъ?
И пули визгъ, и конскій топотъ
Гласятъ чудесное волнамъ...
Вотъ ближе, ближе... подъ скалами
Кой-Су не плещетъ, не шумитъ;
Потомокъ Каина толпами
На берегъ въ ужасѣ спѣшитъ.
Кой-Су кипитъ, вздымаетъ волны,
Горами хлещетъ въ крутизну,
И воинъ бритый — пѣшій, конный,
Стремглавъ слетаетъ въ глубину.
За нимъ картечи!... Воютъ, стонутъ,
Плывутъ мятежно, бьются, тонутъ
Сыны отчаянья и зла...
Спаси ихъ, праведный Алла!

О кто свирѣпою душою
Войну и гибель полюбя,
Равнина бранная, тебя
Обмылъ кровавою росою?
Кто по утесамъ и холмамъ,
На радость демонамъ и аду,
На пиръ шакаламъ и орламъ
Разсѣялъ ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшіе войны?
Все тихо, мертво надъ волною;
Туманъ и миръ на берегахъ;
Чиръ-Юртъ съ поникшею главою
Стоитъ уныло на скалахъ.
Вокругъ него, на полѣ брани,
Чернѣетъ дыму полоса,
И смерти алчная коса
Сбираетъ горестныя дани...

Приди сюда, о мизантропъ,
Приди сюда въ мечтаньяхъ злобныхъ
Услышать вопль, увидѣть гробъ
Тебѣ немилыхъ, но подобныхъ!
Взгляни, наперсникъ сатаны,
Самоотверженный убійца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны!
Не зришь ли ты на нихъ печати
Перста невидимой руки,
Запечатлѣвшей стонъ проклятій
Въ устахъ страданья и тоски?...
Смотри, во мглѣ ужасной ночи,

Въ ея печальной тишинѣ,
На закатившіяся очи
Въ полубагровой пеленѣ...
За полчаса ихъ оживляла
Безумной ярости мечта;
Но пуля смерти завизжала —
Въ очахъ суровыхъ темнота.
Взгляни сюда, на эту руку:
Она дѣлила до конца
Ожесточеніе и муку
Ядромъ убитаго бойца.
Обезображенные персты
Жестокой болью сведены,
Окаменѣлые — отверсты,
Какъ ледъ сибирскій, холодны...
Вотъ умирающаго трепетъ:
Съ кровавымъ черепомъ старикъ...
Еще издалъ протяжный лепетъ
Его коснѣющій языкъ...
Духъ жизни вѣетъ и проснулся
Въ мозгу разсѣченной главы...
Чернѣетъ... вздрогнулъ... протянулся —
И нѣтъ поклонника Аллы...

Повсюду, жертвою погони,
Во прахѣ всадники и кони,
И нагруженныя арбы;
И побѣдителямъ на долю
Вездѣ разсѣяны по полю
Мятежной робости дары:
Кинжалы, шашки, пистолеты,

Парчи узорныя, браслеты
И драгоцѣнные ковры.

Чрезъ долы, горы и стремнины,
Съ челомъ отваги боевой,
Идутъ торжественной тропой
Къ аулу русскія дружины.
За ними вслѣдъ — игра судьбы —
Между гранеными штыками,
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.

Возставъ надъ вѣчною могилой,
Въ послѣдній разъ издалека
Чиръ-Юртъ, пустынный и унылый,
Встрѣчаетъ грознаго врага.
Сверкаетъ, пышетъ бурный пламень;
Утесы вторятъ трескъ и гулъ,
И указуютъ пеплъ и камень,
Гдѣ былъ разбойничій аулъ...

Когда, воинственная лира,
Громовый звукъ печальныхъ струнъ
Забудетъ битвы и перунъ
И воспоетъ отраду мира?
Или задумчивый пѣвецъ,
Обманутъ сладостною думой,
Всегда печальный и угрюмый,
Найдетъ во браняхъ свой конецъ?

1833.

Троянки.

КАНТАТА.

(Изъ Делявиня).

Ἄλλῳ τῶν χαλκεγχέων Τρώων
Ἄλοχοι μέλεαι,
Καὶ κοῦραι καὶ δύσνυμφοι,
Τύφεται Ἴλιον Αἰάζωμεν.

Эврипидъ.

Троянки плѣнныя на брегѣ Симоиса,
Страдальческой толпой,
Воспоминали дни безпечности святой,
Которые для нихъ такъ быстро пронеслися.

Съ слезами на очахъ,
Съ челомъ, увядшимъ отъ печали,
Онѣ на Иліонъ разрушенный взирали,
И грусть ихъ излилась въ унылыхъ голосахъ.

ХОРЪ.

Отечество рабовъ, погибшая держава,
Исчезъ твой блескъ, померкла слава!

ТРОЯНКА.

Царей сосѣдственныхъ надежда и оплотъ,
Какъ часто Иліонъ былъ вѣрной ихъ защитой!
Безчисленный народъ,
Какъ волны, наполнялъ сей городъ знаменитый;
Полетъ губительный вѣковъ
Коснуться не дерзалъ его огромныхъ башенъ;
Возникшій изъ земли велѣніемъ боговъ,
Верхами храмовъ и дворцовъ
Касался онъ, какъ полубогъ безстрашенъ,
Обители своихъ божественныхъ творцовъ.

ДРУГАЯ.

И пятьдесятъ сыновъ — честь Трои —
Сидѣли на пиру у добраго отца,
И старецъ изливалъ веселіе въ сердца,
И вѣрилъ въ счастіе земное,
Не видя счастію конца!

ТРЕТЬЯ.

Надежда царственнаго дома,
О Гекторъ, ты пріемлешь щитъ;
Желѣзомъ грудь твоя блеститъ;
Перо съ тяжелаго шелома
Чело высокое сѣнитъ.
Передъ Гекубой устрашенной
На играхъ мечъ твой засверкалъ,
И лавръ побѣдный увѣнчалъ
Твою главу, непобѣжденный.
Прими, Гекуба, сей вѣнокъ,
Надежды радостной залогъ,

Изъ рукъ любимаго героя...
Увы, преступный сынъ и братъ
Вновь обнажатъ его булатъ...
Но игры грозныя тогда увидитъ Троя!

ЮНАЯ ДѢВА.

Такъ Поликсена молодымъ
Своимъ подругамъ говорила:
«Для насъ весна подъ небомъ голубымъ
Благоуханіе разлила;
Для насъ и игры, и цвѣты...»
Увы, она не говорила:
«На этихъ берегахъ, гдѣ въ блескѣ красоты
Цвѣту я жизнью безмятежной,
Оплачутъ жребій мой, жестокій, неизбѣжный!»
Своимъ подругамъ никогда
Она не говорила:
«Я кровью орошу прекрасныя мѣста,
Гдѣ съ вами игры я дѣлила;
Среди несорванныхъ цвѣтовъ
Мнѣ гробъ безвременный готовъ!»

ХОРЪ.

Отечество рабовъ, погибшая держава,
Исчезъ твой блескъ, померкла слава!

ТРОЯНКА.

Чтὸ за корабль на бѣлыхъ парусахъ
Скользитъ по влагѣ моря сонной?
Его, какъ будто на крылахъ,
Амуръ лелѣетъ благосклонный.

ДРУГАЯ.

Онъ въ наши стѣны мчитъ раздоръ,
Убійство, гибель и позоръ!
О богъ морей, Нептунъ, отмсти прелюбодѣю!
Властительный Зевесъ,
Сошли твой ярый громъ и молнію съ небесъ
Навстрѣчу хищнику, злодѣю!

ТРОЯНКА.

Но нѣтъ, труба звучитъ,
Желѣзо засверкало;
Трещатъ скалы, упалъ разрушенный гранитъ;
Кровь льется, туча стрѣлъ и копій засвистала...
Тамъ колесница, тамъ боецъ
Встрѣчаютъ въ тѣснотѣ свой жалостный конецъ,
И смерть запировала!
Ужасный видъ:
Гроза въ бояхъ,
Ахиллъ летитъ —
И все во прахъ!
Предъ нимъ боязнь;
За нимъ вослѣдъ
Позоръ и казнь,
И море бѣдъ...
Внезапный страхъ
У всѣхъ въ очахъ;
На полѣ брани,
Съ мечемъ во длани,
Стоитъ одинъ,
Противъ Зевеса

И Ахиллеса,
Пріамовъ сынъ!

ДРУГАЯ.

Несчастныя троянки,
Омойте чистою водой
Его священные останки:
Палъ Гекторъ, палъ герой!...
Гдѣ амбра,ароматъ, мастики и куренья?
Пусть вкругъ его костра гремитъ вашъ жалкій стонъ,
Сливаясь съ пѣснію живаго сожалѣнья!...
Трояне-воины, ужъ нѣтъ его!... Вотъ онъ!...
Кропите жаркими слезами
Прахъ сына славы и побѣдъ!...
Вѣнчайте, дѣвы, гробъ великаго цвѣтами!...
Пріамъ идетъ за сыномъ вслѣдъ...

ХОРЪ.

Вѣнчайте, дѣвы, гробъ великаго цвѣтами!...
Пріамъ идетъ за сыномъ вслѣдъ...

ТРОЯНКА.

Ты спишь, о Иліонъ, и съ радостью жестокой
Ликуетъ Пирръ въ твоихъ стѣнахъ;
Какъ тигры алчные въ глуши далекой,
Повсюду нанося отчаянье и страхъ,
Свирѣпствуютъ сыны торжественной Эллады.

ДРУГАЯ.

Разгонитъ вѣтръ ночную тѣнь;
Аргосъ освѣтитъ ясный день;
Но Трою — мрачный, безъ отрады!

ТРОЯНКА.

О ночь ужасная, коварный сонъ!
Зачѣмъ вокругъ меня мелькаютъ привидѣнья?
Откуда тусклый блескъ и звѣрскій вопль, и стонъ?
Какъ бѣдственна минута пробужденья!...

ЮНАЯ ТРОЯНКА.

Мой братъ Стенелломъ умерщвленъ.

ДРУГАЯ.

Сестра моя въ огнѣ Аяксовыхъ объятій.

ТРЕТЬЯ.

Къ Улиссовымъ стопамъ отецъ мой низложенъ.

ТРОЯНКА.

О день позора, день проклятій!...
Дворцы разграблены; святыня сожжена;
Младенцы, сестры, дѣвы, жены
Подъ мечъ иль въ плѣнъ, безъ обороны...
Одна могила всѣмъ гражданамъ суждена!...

ДРУГАЯ.

Простите вы, поля родныя Трои,
Угасшій родъ царей, погибшіе герои,
Святой отчизны красота!
И Ида съ пышными холмами,
И солнце свѣтлое съ родными небесами,
Простите навсегда!...

ТРОЯНКА.

Лѣсовъ и мрака грозный житель,
Тигръ алчный къ той долинѣ подойдетъ,
Гдѣ нѣкогда травой святыня заростетъ,

И осквернитъ его приходъ
Боговъ старинную обитель.

ДРУГАЯ.

И пастырь Иды, молчаливъ,
Въ развалинахъ священныхъ,
Подъ тѣнью лавровъ и оливъ,
Троянской кровью обагренныхъ,
Гдѣ стонетъ въ сонмѣ убіенныхъ
Пріама-мученика тѣнь —
Придетъ искать слѣдовъ разрушенной державы,
Гробницы Гектора; а надъ могилой славы
Играетъ между тѣмъ блуждающій олень...

ТРЕТЬЯ.

А мы, несчастные останки разрушенья!
Въ слезахъ пройдетъ нашъ грустный вѣкъ;
Волной обиды и презрѣнья
Насъ море выброситъ на чужеземный брегъ.

ЧЕТВЕРТАЯ.

Узримъ пиры враговъ; съ мучительнымъ позоромъ
Мы уготовимъ имъ столы;
Укажутъ жены ихъ съ улыбкой и укоромъ
На наши робкія, покорныя главы;
И въ чашахъ золотыхъ, въ которыхъ наши дѣды
Пивали нѣкогда за вольность и любовь,
Мы будемъ подносить для наглой ихъ бесѣды
Вино, развратъ и нашу кровь...

ТРОЯНКА.

Воспойте Иліонъ, отверженный богами,

Воспойте, скажутъ намъ, ничтожные рабы!
Пусть гимны Трои между нами
Гремятъ велѣніемъ судьбы!...
О рѣки Иліона,
Мы пѣли радостно на вашихъ берегахъ,
Когда вокругъ отеческаго трона
Кипѣлъ съ веселіемъ въ сердцахъ
Народъ, любимый небесами,
Въ войнѣ и въ тишинѣ прославленный землями!...
Но гимнъ троянскій, гимнъ неволи роковой,
Не огласитъ земли чужой!...

ДРУГАЯ.

Ты хочешь слышать пѣснь рабыни,
Безчувственный народъ? Отдай намъ матерей,
Отдай отцовъ, дѣтей и братьевъ, и мужей!
Исторгни Иліонъ изъ жалостной пустыни,
Въ которую его умѣлъ ты превратить!
Но если власть твоя не въ силахъ возвратить
Величія сожженнаго Пергама,
Когда не можешь оживить
Сыновъ и воиновъ Пріама,
Послушай плачъ — а гимнъ неволи роковой
Не огласитъ страны чужой!...

ХОРЪ.

Простите жъ вы, поля родныя Трои,
Угасшій родъ царей, погибшіе герои,
Святой отчизны красота!
И Ида съ пышными холмами,
И солнце свѣтлое съ родными небесами,
Простите навсегда!...

Видѣніе Брута.

Слетѣла ночь въ красѣ печальной
На Филиппинскія поля;
Послѣдній лучъ зари прощальной
Впила холодная земля.
Между враждебными шатрами
Народа славы и войны
Туманъ сгущенными волнами
Разнесъ отраду тишины.
Тревоги ратной гулъ мятежный,
Стукъ копій, броней и мечей
Умолкъ; кой-гдѣ въ дали безбрежной
Мелькаетъ зарево огней;
Протяжно стонетъ конскій топотъ,
И, замирая въ тьмѣ ночной,
Сливаетъ эхо звучный ропотъ
Съ отзывомъ стражи боевой.
И тихо все... судьба вселенной
Погружена въ глубокій сонъ;
Одинъ булатъ окровавленный
Предпишетъ съ утромъ ей законъ.

Но чей булатъ окровавленный?
Святой защитникъ вольныхъ странъ,
Или поносный и презрѣнный
Булатъ — убійца согражданъ?
Погибнетъ сонмъ тріумвирата,
Или, презрѣвши долгъ и честь,
Готовитъ римлянинъ для брата
Позоръ и цезарскую месть?...
Все спитъ... Ужасная минута!...
Ужель зловѣщій, тяжкій сонъ
Смыкаетъ также очи Брута?
Ужель не бодрствуетъ и онъ?
О нѣтъ, волнуясь жаждой боя,
Въ его груди пылаетъ кровь:
Въ его груди, въ душѣ героя
Горитъ къ отечеству любовь!...
Во тьмѣ полуночи глубокой,
Угрюмъ, задумчивъ и унылъ,
Подъ кровомъ ставки одинокой,
Онъ безотрадно опочилъ.
Но сна вотще искали вѣжды:
Предчувствій горестныхъ толпа,
И отдаленныя надежды,
И своенравная судьба —
Его насильственно терзали;
Онъ ждалъ, онъ видѣлъ море бѣдъ;
За думой черной налетали
Другія черныя вослѣдъ.
То, жертва сильныхъ впечатлѣній,
Въ волненьи памяти живой,
Онъ воскрешалъ угасшій геній,
Судьбу страны своей родной;

Онъ пробѣгалъ картины славы,
Тѣ достопамятные дни,
Когда Римъ гордый, величавый,
Былъ удивленіемъ земли;
Когда Камиллы, Сципіоны
Дробили въ гнѣвѣ роковомъ
Составы царствъ, крушили троны
Народной вольности мечемъ;
Когда рождались для потомства
Сцеволы, Регулъ, Цинцинатъ;
Когда былъ Римъ безъ вѣроломства
Свободной бѣдностью богатъ...
То снова, въ вихрь переворотовъ
Проникнувъ съ тайною тоской,
Онъ видѣлъ гибель патріотовъ
Надъ ихъ потупленной главой:
Раздоры Марія и Силлы,
Какъ бурный нравственный потопъ,
Разрушивъ щитъ народной силы,
Повергли Римъ въ кровавый гробъ;
Два солнца Рима, два злодѣя
Въ крови отчизны возросли —
Помпей и Цезарь... Прахъ Помпея
Съ гражданской жизнью погребли...
Лепидъ, Октавій, Маркъ-Антоній
Судьбы заутра изрекутъ:
Иль самовластіе на тронѣ,
Или свободный Римъ и Брутъ.

«Глава, десница заговора,
Я первый вольность пробудилъ;

Я первый генія раздора,
Завоевателя Босфора,
Отца и друга умертвилъ...
Ничтожный, робкій сонмъ сената
Моей надеждѣ измѣнилъ
И предъ мечемъ тріумвирата
Колѣна рабства преклонилъ...
Позоръ мужей, позоръ вселенной,
Тебя проклятіе вѣковъ
Постигнетъ тѣнью раздраженной
Въ предѣлахъ смерти, въ тьмѣ гробовъ!
Звучатъ, о Римъ, твои оковы;
Безгласенъ доблестный народъ;
Но, Римъ, отмстители готовы;
Тарквиній, часъ твой настаетъ!
Ударитъ онъ, сей вѣстникъ казни,
Его зловѣщій, грозный бой
Отгрянетъ съ ужасомъ боязни
Въ серцахъ отваги роковой!...
Послѣдній разъ поля отчизны
Я потоплю въ крови родной,
И кликъ безумной укоризны
Иль голосъ славы вѣковой
Предастъ потомкамъ дальнимъ повѣсть
О битвѣ будущаго дня,
И пощадитъ, быть можетъ, совѣсть
Убійцы друга и царя!»

Такъ вождь свободныхъ ополченій
Мечталъ въ порывѣ бурныхъ думъ;
Такъ заглушалъ змѣю мученій,

Тоску души высокій умъ...
Густѣетъ ночь; между шатрами
Молчанье мертвое и сонъ;
Луна закрыта облаками;
Герой въ забвенье погруженъ;
Онъ жаждетъ сна, смыкаетъ очи...
Но вдругъ глухой, протяжный гулъ
Въ священномъ царствѣ полуночи,
Какъ вихорь, ставку размахнулъ.
Колоссъ огромнаго призрака
Изъ тучи воздуха растетъ
И въ ризѣ ужаса и мрака
Очамъ героя предстаетъ...
Безстрашный видитъ и трепещетъ:
Предъ нимъ убійственный кинжалъ...
Извлекъ его... отмститель блещетъ...
Шатеръ раздался, духъ пропалъ...
«Такъ, я узналъ... мой злобный геній!...
Онъ все рѣшилъ, онъ все сказалъ!...
Конецъ несчастныхъ покушеній!...»

День битвы пагубной насталъ.
Шумятъ знамена бранной чести,
Тріумвиратъ непобѣдимъ,
И сынъ отваги, воинъ мести
Свободный палъ за падшій Римъ.

1834.

Коріоланъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Римъ.

I.

Была страна подъ небесами,
Была великая страна —
Страна чудесъ... но времена
Враждуютъ страшно съ чудесами!
Былъ градъ, любимый градъ боговъ —
Но ужъ давно предѣлы міра
Освободились отъ кумира
Племенъ, народовъ и вѣковъ...
Онъ палъ — сперва какъ левъ свободный,
Потомъ какъ воинъ благородный,
Потомъ какъ рабъ! Съ лица земли
Онъ не исчезъ отъ укоризны;
Но душенъ воздухъ той отчизны,
Гдѣ славу предковъ погребли.

И, жертва общаго презрѣнья,
Съ тѣхъ поръ на мѣстѣ преступленья
Онъ, какъ измученный злодѣй,
Обезображенный страданьемъ,
Лежитъ покрытый поруганьемъ,
Въ виду безжалостныхъ людей.
Безъ утѣшенья и безъ силы,
Лишенный чувствъ и оборонъ,
Какъ лобызаніемъ Далилы
Обезоруженный Самсонъ —
Онъ недвижимъ во снѣ глубокомъ,
И филистимская вражда
Стоитъ въ веселіи жестокомъ
Надъ ложемъ смерти и стыда...
И залегла надъ нимъ сурово
Непроницаемая мгла —
И долго чернаго покрова
Не сгонитъ день съ его чела.
И что жъ? Не будетъ листъ увядшій
Цвѣсти опять между вѣтвей,
И горній духъ, однажды падшій,
Не воскреситъ минувшихъ дней.

II.

Онъ спитъ... но кто не видѣлъ бури,
Когда, свирѣпа и грозна,
Она, какъ черная волна,
Мрачитъ и топитъ блескъ лазури?
О, такъ на лонѣ тишины,
Надъ этой вѣчною могилой
Кумира славной старины
Летаютъ, вьются съ чудной силой

Былаго тягостные сны!
Такъ благодатная десница
Всегда таинственной судьбы
Еще хранитъ твои столпы,
О Римъ, всемірная столица!
И, какъ бездѣтная орлица,
Она витаетъ надъ тобой,
И грустно ей разстаться съ славой,
Съ твоей погибшею державой,
Теперь забвенною рабой!...

И, между тѣмъ какъ сонъ печальный
Тебя сурово тяготитъ,
Она улыбкою прощальной
Съ тобой безмолвно говоритъ...
И рой видѣній, то прекрасныхъ,
Подобно утренней звѣздѣ,
То величавыхъ, то ужасныхъ —
Страшнѣй порока въ наготѣ —
Тебя лелѣетъ безпрерывно,
Какъ мать любимое дитя,
Иль, свѣжей памятью шутя,
Наводитъ страхъ и ужасъ дивный
На трупъ холодный и нѣмой
Твоей гордыни роковой...

III.

И въ влажномъ облакѣ тумана
Рисуетъ онъ передъ тобой
Перстомъ волшебнымъ некромана:
И твой воинственный разбой,

И безпокойное гражданство,
И духъ безумныхъ мятежей,
И кровь свободы, и тиранство
Среди народныхъ площадей.
Фабрицій, Регулъ, тріумвиры,
Трибуны, консулы, порфиры,
Въ громахъ и прежней красотѣ,
Борясь съ свирѣпыми вѣками,
Встаютъ, и пышными рядами,
Мелькая ярко въ темнотѣ,
Приносятъ дань твоей мечтѣ...
И видишь живо ты мильоны
Своихъ народовъ и рабовъ,
Свои когорты, легіоны
Подъ тѣнью тысячей орловъ,
И океанъ, обремененный
Громадой черныхъ кораблей,
И міръ, колѣнопреклоненный
Предъ Капитоліей твоей,
И все, и все, чтò обожали
Съ глухимъ проклятьемъ племена,
Что безусловно освящали
Своимъ полетомъ времена...
Все видишь ты, и — изнуренный
Ужасной мукой Прометей,
Ты, будто вновь одушевленный
Картиной славы прежнихъ дней —
Ты, можетъ быть, въ тоскѣ безсильной
Желаешь быстро перервать
Твой сонъ лукавый, сонъ могильный,
И съ новой яростью возстать?
Но... безотрадныя надежды!...

Прошли года — пройдутъ года,
И смертью скованныя вѣжды
Не разомкнутся никогда!...

IV.

Ты палъ! ты умеръ для потомства!
Ты груда камней для земли —
Сѣкиры зла и вѣроломства
Твои оплоты потрясли!
Нѣтъ Рима, нѣтъ — и невозвратно!...
И съ полунощной тишиной
Одна лишь тѣнь его превратно
Дрожитъ надъ тибрскою волной!...
Исчезли цирки, пантеоны,
Дворцы Нерона и сенатъ,
И императорскіе троны,
И анархическій булатъ;
И тамъ, на площади народной,
Гдѣ, въ буйномъ гнѣвѣ трепеща,
Взывалъ Антоній благородный
Къ друзьямъ кроваваго плаща;
Гдѣ защитилъ народъ свободный
Своихъ тирановъ отъ мечей,
И, наконецъ, окровавленный,
Склонился выей, изнуренный,
Подъ иго хитрыхъ палачей — *
Тамъ тихо все!... Умолкли битвы!...
Лишь вѣкъ иль два тому назадъ,
Бывало, теплыя молитвы
То мѣсто громко огласятъ,

* Тріумвировъ. — *А. П.*

Когда въ угодность Каіафѣ,*
При звукѣ бубновъ и роговъ,
Въ великолѣпномъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ...

V.

Теперь же въ Ромуловой сферѣ
Костры живые не трещатъ —
Зато прекрасно «Miserere»
Поетъ плѣнительный кастратъ.
И если страннику угодно
Имѣть услужливыхъ друзей —
Его супругу благородно
Проводитъ ловкій чичисбей...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изгнанникъ.

I.

Кто видѣлъ надъ брегомъ туманнаго моря
Вѣкамъ современный, огромный утесъ,
Который, съ волнами кипучими споря,
На брань вызываетъ ихъ бурный хаосъ?
Стоитъ недвижимый, надъ черной могилой —
Но воютъ и плещутъ буграми валы;
Свирѣпое море съ невѣдомой силой
Обмыло гранитныя ребра скалы,

* Подъ именемъ Каіафы здѣсь разумѣется верховный инквизиторъ. *А. П.*

Обрушилось, пало холодной гееной,
Тяжелой громадой на вражье чело —
Сорвало, разбило — и лавой надменной
Въ пучину сѣдую, какъ вихрь, унесло!
Тѣ волны, то море — народная сила;
Скала — побѣжденный народомъ герой.
На полѣ отваги судьба довершила
Насильства и славы торжественный бой...

II.

Смотрите: бунтуютъ безумныя страсти;
Неистово блещетъ крамольный перунъ;
Священный останокъ утраченной власти
Громитъ безотвѣтно могучій трибунъ.
Мятежъ своевольный и ярые клики
Возникли въ отчизнѣ великихъ мужей:
Патрицій и воинъ, и рабъ полудикій
Враждуютъ на стогнахъ отцовъ и дѣтей;
И шумъ, и смятенье въ приливѣ народа...
«Сенатъ и законы!» — «Мечи и свобода!» —
Взываютъ и вторятъ въ суровыхъ толпахъ.
«Но слава, побѣды, заслуги и раны?»
— «Изгнанье злодѣю! погибнутъ тираны!
Мы вмѣстѣ сражались и гибли въ бояхъ!» —
И глухо мечи застучали въ ножнахъ...
«Давно ли онъ принялъ отъ гордаго Рима
Зеленый вѣнокъ, украшенье вождей?»
— «Изгнанье, изгнанье! видна діадима
Въ зеленомъ вѣнкѣ изъ дубовыхъ вѣтвей!»*

* Народные трибуны, обвиняя Коріолана во многихъ преступ
противъ отечества, уличали его также въ домогательствѣ верховной
А. *і*

И долго торжественный голосъ укора,
Мѣшаясь съ проклятьемъ, въ народѣ гремѣлъ,
И жребій изгнанія — жребій позора
Достался безстрашному мужу въ удѣлъ...

III.

Доволенъ и грозенъ неправедной силой,
Народъ удалился отъ мѣста суда,
И городъ веселый, и городъ унылый
Покрылся завѣсою тьмы и стыда...
Но кто, окруженный толпою ревнивой,
Подъ вѣрной защитой булатныхъ мечей —
Покоенъ и важенъ, какъ царь молчаливый —
Идетъ передъ сонмомъ враговъ и друзей?
Волнистыя, длинныя перья шелома
Клубятся и вьются надъ блѣднымъ челомъ,
Гдѣ грозныя тучи, предвѣстницы грома,
Какъ будто таятся во гробѣ нѣмомъ;
И око, обвитое черною бровью,
Сверкаетъ и пышетъ, какъ день на зарѣ;
И станъ величавый, и, жаркою кровью
Нерѣдко увлаженный, мечъ при бедрѣ,
Блестящій въ изгибахъ суровой одежды;
Онъ гордо проходитъ предъ буйной толпой;
И мнится — и злобу, и месть, и надежды
Великаго Рима уноситъ съ собой...

IV.

Ужъ поздно... Тарпея, какъ тѣнь великана,
Сокрыла сѣдую главу въ облакахъ,
И тихо слетаетъ на землю Діана,
Въ серебряной мантіи, въ яркихъ звѣздахъ.

Часы золотые! отрадное время!
Вамъ жертву приноситъ поклонникъ суетъ —
Лишь съ сумракомъ ночи забудетъ онъ бремя
Душевной печали и тягостныхъ бѣдъ.
Въ глуби эмпирея, на небѣ эмальномъ
Звѣзда молодая блеститъ для него,
И сонъ благотворный, на ложѣ страдальномъ,
Согрѣетъ облитое хладомъ чело...
И послѣ — на муку знакомаго ада,
На радость и горе, на жизнь и тоску,
Навѣетъ волшебная ночи прохлада,
Быть можетъ, навѣкъ гробовую доску...

V.

Одѣлась туманною мглою столица;
Мятежныя площади спять въ тишинѣ.
Вдали промелькаетъ, порой, колесница,
Иль всадникъ суровый на быстромъ конѣ;
Ночныя бесѣды, румяныя дѣвы
Замѣтны, порою, въ роскошныхъ садахъ,
И слышны лобзанья, и смѣхъ, и напѣвы,
И рядомъ — темницы, и вопли въ цѣпяхъ!
И рѣдки на улицахъ робкія встрѣчи,
И голосъ укора, и ропотъ любви —
Плащи и кинжалы, смертельныя сѣчи,
Мольба и проклятья, и трупы въ крови...
И снова молчанье... какъ будто изъ Рима
Возникло песчаное море степей...
Безоблачно небо, луна недвижима
Въ пространствѣ глубокомъ воздушныхъ зыбей.

VI.

У храма, подъ тѣнью душистой оливы,
Внезапно нарушенъ священный покой:
То робкія жены — ихъ взоръ боязливый
Наполненъ слезами и дышетъ тоской.
Одна — молодая, въ печали глубокой,
Какъ ландышъ весенній бѣла и нѣжна;
Другая — лѣтами и грустью жестокой
Могилѣ холодной давно суждена.
Предъ ними, закрытый волнистою тогой,
Въ пернатомъ шеломѣ, въ бронѣ боевой —
Невѣдомый воинъ, унылый и строгій,
Стоитъ безъ отвѣта съ поникшей главой.
И тяжкая мука, и плачъ, и рыданье
Подъ сводами храма въ отсвѣченной мглѣ —
И видны у воина гнѣвъ и страданье,
И тайная дума, и месть на челѣ.
И вдругъ, изнуренный душевнымъ волненьемъ,
Какъ будто воспрянувъ отъ тяжкаго сна,
Какъ будто испуганъ ужаснымъ видѣньемъ:
«Прости же,» сказалъ онъ, «родная страна!
Простите, сыны знаменитой державы,
Которой побѣды, и силу, и честь
Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
Народа слѣпаго безумная месть!
Я правъ и свободенъ! я гордой отчизнѣ
Принесъ дорогую, священную дань —
Младыя надежды заманчивой жизни,
И сердце героя, и крѣпкую длань.
Не я ли, могучій и дѣломъ и духомъ,
Рѣшалъ многократно сомнительный бой?

Не я ли наполнилъ Италію слухомъ
О геніи Рима, враждуя съ судьбой?
И гдѣ же награда? Народъ благодарный,
Въ минутномъ восторгѣ, вождя увѣнчалъ —
И вновь увлеченный толпою коварной,
Его же свирѣпо судилъ и изгналъ!
Простите жъ, сыны знаменитой державы,
Которой побѣды, и силу, и честь
Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
Народа слѣпаго безумная месть!...»

VII.

Протяжно гремѣли суровые звуки
И глухо исчезли въ ночной тишинѣ,
Но голосъ прощанья, въ минуты разлуки,
Опять пробудился, какъ пепелъ въ огнѣ.
«Свершилось, свершилось! о мать и супруга!
Мнѣ дорого время, мнѣ дорогъ позоръ!
Примите жъ въ объятія сына и друга —
Его изгоняетъ навѣкъ приговоръ...
Гдѣ дѣти изгнанника? Дайте скорѣе
Разстаться съ чертами роднаго лица —
О пусть лобызаютъ младенцы нѣжнѣе
Устами невинными очи отца!
Пусть юныя души дыханье обиды
Въ груди благородной навѣкъ затаятъ,
И нѣкогда, гордо, кинжалъ Немезиды
Забвенному праху отца посвятятъ!...»
И вопль, и рыданья... Горячихъ объятій
Не слышитъ, не чувствуетъ гордый герой —
Свободенъ... и скрылся отъ гражданъ и братій,
Какъ левъ, уязвленный пернатой стрѣлой...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Врагъ.

I.

Пробудился геній славы
Изъ объятій тишины;
Потекли на пиръ кровавый
Брани гордые сыны.
Кто жъ вы?... Яростные клики
Раздались, какъ гулъ морей...
Не возсталъ ли Римъ великій
На народовъ и царей?
Не во гнѣвѣ ль онъ суровый
Изрекаетъ приговоръ
И даруетъ имъ оковы
И блистательный позоръ?...
Нѣтъ! рѣшитель дивныхъ боевъ
Странъ далекихъ не громитъ —
Надъ отечествомъ героевъ
Туча грозная виситъ.
Пали, пали легіоны,
Приносившіе законы
На булатныхъ лезвіяхъ,
И безстрашно окружила
Разрушительная сила
Самый Римъ, въ его стѣнахъ!...
Кто же смѣлый искуситель
Повелительной судьбы,
Вашъ опасный притѣснитель,
Ига римскаго рабы?...

II.

Раздавался гулъ громовый;
Полуночная гроза
Блескомъ молніи багровой
Озаряла пебеса;
Надъ туманною рѣкою
Древній Анціумъ дремалъ,*
И угрюмой тишиною
Мирныхъ жителей къ покою
Благосклонно призывалъ.
Племя славнаго народа
Крѣпкій городъ охранялъ:
Тамъ отважная свобода,
На границахъ рубежей,
Берегла отъ утѣсненій
Кровожадныхъ поколѣній
Цвѣтъ воинственныхъ мужей;
Тамъ она, на полѣ чести,
Въ самой гибели жива —
Разливала ужасъ мести
За великія права.
Часто сильныя дружины
Приходили на равнины
Плодоносной стороны;
Но тогда миролюбивый
Обожатель тишины
Покидалъ златыя нивы
И завѣтный серпъ и плугъ,

* Анціумъ — городъ вольсковъ, въ которомъ Коріоланъ, послѣ изгнанія его изъ Рима, нашелъ сильное покровительство.— *А. П.*

И стремился горделиво
На призывный трубный звукъ.
Непреклонный, безпощадный,
Онъ пришельца поражалъ —
И въ тѣни лѣсовъ отрадной
Грозный подвигъ воспѣвалъ...

III.

Тщетно Римъ неодолимый
Вызывалъ на лютый бой
Сына родины любимой,
Стража вольности святой.
Лишь одинъ герой могучій
Прошумѣлъ, какъ вихрь летучій,
На убійственныхъ поляхъ:
Онъ покрылъ костями долы,
И упали Коріолы
Передъ воиномъ во прахъ.
Но народъ самодержавный
Осудилъ его безславно
На изгнанье и позоръ,
И безъ тайной укоризны
Произнесъ красѣ отчизны
Ненавистный приговоръ...
Благородный побѣдитель,
Удивленье чуждыхъ странъ,
Обвиненъ, какъ притѣснитель
Легкомысленныхъ гражданъ;
И теперь въ суровой долѣ,
Грустной думой удрученъ,
Можетъ быть, на бранномъ полѣ
Ищетъ смерти, жаждетъ онъ

Позабыть несправедливый
И блуждающій ревниво
По слѣдамъ его законъ...

IV.

Городъ вольсковъ осѣнила,
Какъ холодная могила,
Въ шумѣ бури тишина,
И подъ кровлею надежной
Мирный житель безмятежно
Предавался нѣгѣ сна.
Въ это время кто-то, строенъ,
Безоруженъ, но покоенъ,
Гость невѣдомый вступалъ
Въ градъ и пышные чертоги,
Гдѣ глава народа — строгій
Старецъ Аттій обиталъ.
Въ мрачной думѣ вождь верховный,
Послѣ тягостнаго дня,
Одинокъ сидѣлъ безмолвно
У отраднаго огня.
Все вокругъ его дышало
Незабвенной стариной
И невольно вспоминало
Славу жизни молодой:
Шлемы, панцыри и латы,
И тяжелые булаты,
Иззубренные въ бояхъ,
Передъ нимъ въ отцовской сѣни
Отсвѣчались на стѣнахъ —
И порой, какъ будто тѣни,
Трепетали на гробахъ.

V.

Охранитель беззащитныхъ,
Раболѣпственныхъ владыкъ,
Онъ на битвахъ кроволитныхъ
Былъ отваженъ и великъ;
Самъ орелъ капитолійскій
Рогъ гордыни италійской,
Для тирановъ роковой,
Не возмогъ стереть кичливо
Надъ его вольнолюбивой,
Серебристой головой.*
Только разъ онъ, въ вихрѣ боя,
Палъ разбитый и отъ ранъ;
Но тогда его, героя,
Побѣдилъ Коріоланъ.
Это имя было казнью
Въ непокорныхъ племенахъ
И съ невольною боязнью
Повторялось на устахъ;
Это имя ужасало
И народы, и царей,
И, какъ буря, навѣвало
Хладъ на души матерей...

VI.

Старый вождь сидѣлъ угрюмо
Передъ тлѣющимъ огнемъ

---

* Да простятъ мнѣ, изъ уваженія къ памяти Коріолана, поэтическую вольность, съ которой приписалъ я много рѣдкихъ достоинствъ едва извѣстному по исторіи Аттію Туллу. Коріоланъ достоинъ былъ имѣть знаменитаго соперника на поприщѣ славы.— *А. П.*

И леталъ печальной думой
Въ невозвратномъ и быломъ.
Вдругъ, въ мечтаніи глубокомъ,
Изумленъ и недвижимъ,
Видитъ онъ: въ плащѣ широкомъ
Чуждый воинъ передъ нимъ.
Скрыты взоръ его и лѣта;
Онъ безмолвенъ и суровъ,
И садится безъ привѣта
Подъ защитою боговъ.
Понялъ Аттій горделивый
Гостя чуднаго безъ словъ —
То языкъ краснорѣчивый
Запоздалыхъ пришлецовъ.

АТТІЙ.

Не порою ли ненастной,
Незнакомецъ, ты гонимъ?
Здѣсь, подъ кровлей безопасной,
Будешь здравъ и невредимъ.
Отъ измѣны, отъ булата
Сохранитъ тебя судьба,
И на путь тебѣ я злата
Приготовлю и раба.
Но скажи мнѣ: кто ты, странникъ?
Изъ какихъ далекихъ странъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Я изъ Рима — я изгнанникъ!
Я твой врагъ — Коріоланъ!...

VII.

Онъ встаетъ... Какая встрѣча!
Если бъ яростная сѣча
Ихъ неистово свела,
Если бъ, лаврами обвитыхъ,
Двухъ героевъ знаменитыхъ
На погибель обрекла,
О, тогда и громъ и бури
Засверкали бъ на лазури
Ихъ убійственныхъ мечей,
И сразились бы стихіи,
А не воины лихіе,
Предъ мильонами очей.
Но теперь — одинъ, великій,
Безъ покрова и друзей,
У могучаго владыки
Необузданныхъ мужей,
Ищетъ, съ гордостью свободной,
Или жизни благородной,
Или смерти, какъ злодѣй.

КОРІОЛАНЪ.

Аттій! рокъ меня коварный
Справедливо погубилъ —
Слишкомъ Римъ неблагодарный,
Слишкомъ много я любилъ!
Онъ изгналъ меня... я снова
У стариннаго врага;
Для услугъ его готова
Безпощадная рука,
Для вражды непримиримой —

Голова моя и кровь!
Ахъ, безъ родины любимой
Въ сердцѣ месть, а не любовь!...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гражданка.

I.

Свѣтило дня, роскошно и свѣтло,
По небесамъ безоблачнымъ текло
И озаряло Римъ унылый,
Когда въ виду его гражданъ,
Военачальникъ чуждой силы,
Какъ бранный духъ, предсталъ Коріоланъ.
Уже не славу, но оковы,
Не щитъ, а гибельный булатъ
Принесъ въ десницѣ онъ суровой
Для казни Ромуловыхъ чадъ.
Смотри, тиранъ народовъ вѣроломный,
Любимецъ счастья и боговъ,
На этотъ сонмъ, могучій и огромный,
Твоихъ завистливыхъ враговъ!
Дерзнешь ли ты, какъ прежде, горделивый,
Разсѣять ихъ несмѣтныя толпы?
Падутъ ли въ прахъ, съ потупленною выей,
Передъ тобой мятежные рабы?
Увы!... Однѣ высокія твердыни,
Однѣ бойницы—твой покровъ,
И превратилъ огонь въ печальныя пустыни
Богатство селъ твоихъ, и нивъ, и городовъ...

Къ тебѣ, какъ геній разрушенья,
Притекъ неистовый герой —
Обмыть въ крови, на полѣ мщенья,
Позоръ обиды роковой!...

II.

Кто видѣлъ бурные потоки,
Когда съ вершинъ утесовъ и холмовъ
Они бѣгутъ и роютъ путь широкій
Среди степей, среди лѣсовъ,
И рушатъ все стремительною лавой —
Такъ и отважные сыны
Свободы дикой и войны
Текли на подвигъ величавый.
И смерть, и кровь по ихъ слѣдамъ —
И исполинъ, доселѣ знаменитый,
Вездѣ разсѣянный, разбитый,
Спѣшитъ въ отчаяньи къ стѣнамъ.
И вопли женъ осиротѣлыхъ,
И укоризны матерей,
И ропотъ старцевъ, посѣдѣлыхъ
На полѣ славы прежнихъ дней,
Встрѣчаютъ съ грустью безнадежной
Остатки робкихъ бѣглецовъ;
И стыдъ неволи неизбѣжной,
И звукъ торжественныхъ оковъ
Надъ ними носятся незримо, но мятежно,
Какъ молнія во мракѣ облаковъ...

Нерѣдко, погруженъ въ мучительныя думы,
Когда во тьмѣ ночей дремалъ покойный станъ,
На городъ мрачный и угрюмый

С невольною тоской взиралъ Коріоланъ.
В какомъ печальномъ униженьи
Стоялъ, какъ призракъ, передъ нимъ
Тотъ самый гордый, сильный Римъ,
Краса могучихъ поколѣній,
Который, страшенъ и великъ,
Былъ нѣкогда грозой народовъ и владыкъ;
Тотъ Римъ, отечество героевъ,
Который онъ на полѣ боевъ
Прославилъ гибельнымъ мечемъ
И, наконецъ, каралъ безъ сожалѣнья,
Какъ жертву праведнаго мщенья,
Въ безумствѣ жалкомъ и слѣпомъ.

III.

Какъ гражданинъ страны несчастной,
О ней онъ втайнѣ тосковалъ:
Онъ часто къ родинѣ прекрасной
Мечтой высокой улеталъ;
Но приговоръ несправедливый,
Но голосъ чести и стыда
Въ его душѣ самолюбивой
Таились яростно всегда,
И онъ презрѣлъ — неумолимый —
Права, законы, самый рокъ,
И славный градъ враждѣ непримиримой
И разрушенію обрекъ.
Увы, священная свобода!
Ни представители народа,*

---

* Здѣсь говорится о безуспѣшномъ посольствѣ къ Коріолану римскаго сената и жрецовъ.— *А. П.*

Ни жрецъ верховный, ни сенатъ
Въ зловѣщій день не охранятъ
Тебя надежною эгидой
Отъ непреклоннаго врага!
Кто движимъ местью и обидой,
Кого свирѣпая тоска
Казнитъ и мучитъ самовластно,
Кто утонулъ въ пучинѣ зла —
Тому раскаянье ужасно,
Тому отрада не мила;
Тотъ увлеченъ ожесточеньемъ
Безумной воли и страстей,
И дышетъ весь уничтоженьемъ,
Какъ недругъ неба и людей...
Таковъ Коріоланъ!...
Народъ самодержавный,
бѣ онъ произнесъ печальныя слова:
гражданинъ изгнанный и безславный —
онь и мечъ — мои единыя права!
ихъ внесу рукой окровавленной
Въ чертогъ тирановъ и судей —
не спасетъ гордыни униженной
стонъ, ни вопль, ни святость алтарей!...»

IV.

ѣ раздались протяжно и сурово
Глухіе звуки этихъ словъ?
Подъ сводомъ неба, средь шатровъ,
Гдѣ все шумитъ, гдѣ все готово
Возстать и тучей громовой
Летѣть за славою на бой...

Совершилось!... благодатный
Лучъ надежды измѣнилъ!
Ополчись на подвигъ ратный,
Геній Рима — воинъ силъ!
Гдѣ вы, праотцы и дѣды
Погибающихъ сыновъ?
О, покиньте для побѣды
Сѣни мрачныя гробовъ!
Пронеситесь надъ главами
Устрашенныхъ бѣглецовъ,
И разсѣются предъ вами
Сонмы лютые враговъ!

Но нѣтъ! блистаютъ копья, брони;
Стучатъ желѣзные щиты;
Покрыли воины и кони
Луга, долины, высоты;
Тревога, грохотъ, гулъ и клики,
Земля и стонетъ, и гудитъ —
И горе, горе, Римъ великій,
Твой часъ, послѣдній часъ пробитъ!...

V.

Кто этотъ мужъ иноплеменный,
Всегда и всюду впереди?
За нимъ волною разъяренной
Текутъ народы и вожди;
Его десницы мановенье,
Единый взоръ его очей
Приводятъ въ трепетъ и волненье
Толпы воинственныхъ мужей...

Уже онъ близокъ; изъ колчана
Выходятъ стрѣлы — мигъ одинъ —
И, можетъ быть, къ стопамъ Коріолана
Падетъ покорный гражданинъ!...

VI.

Но чтò за дивное явленье?
Откуда страхъ между бойцовъ?
Кто могъ остановить внезапно ополченье
Передъ лицомъ блѣднѣющихъ враговъ?
Вся рать безмолвна, недвижима —
На встрѣчу ей, торжественно, изъ Рима
Идетъ не грозный легіонъ,
Предвѣстникъ битвы кроволитной,
Но сонмъ унылый, беззащитный,
Младыхъ гражданокъ, славныхъ женъ...
Съ другимъ оружіемъ — съ слезами
И распущенными власами
На обнаженныхъ раменахъ,
Съ словами мира на устахъ,
Съ мольбой, ничѣмъ неотразимой,
Онѣ идутъ тебя сразить
И пламень мести потушить
Въ твоей груди, герой непобѣдимый!...

VII.

Кого, съ растерзанной душой,
Съ челомъ суровымъ и холоднымъ,
Кого ты зришь передъ собой?
Кто гласомъ грустнымъ, но свободнымъ
Къ тебѣ воззвалъ: «Коріоланъ!
Кого я заключу въ горячія объятья:

Тебя ли — своего отечества тиранъ,
Навлекшій на главу позорную проклятья,
Или тебя — несчастный сынъ?
Кто ты? Изгнанный гражданинъ,
Или надменный повелитель?
Когда и мечъ, и смерть, и плѣнъ
Ты вносишь въ нѣдра этихъ стѣнъ —
Зачѣмъ же медлишь, побѣдитель,
Своихъ дѣтей, жену и мать
Цѣпями рабства оковать?
Карай меня всей тяжестію мщенья!
Я Римъ повергла въ море зла,
И недостойна сожалѣнья —
Я жизнь преступнику дала!...»

VIII.

И вопль гражданокъ знаменитыхъ,
И милыя слова «отецъ, супругъ»,
Печальный видъ простертыхъ къ небу рукъ,
Растерзанныхъ одеждъ и устъ полуоткрытыхъ —
Все душу мрачнаго вождя
Въ то время сильно волновало
И, чувство мести побѣдя,
Невольно къ жалости склоняло...
Казалось, слова одного
Искалъ онъ въ памяти: пощада!...
И въ тишинѣ взирали на него
И чуждыя толпы, и римляне изъ града.
И долго былъ онъ въ думу погруженъ,
И, наконецъ, какъ будто пробудила
Его отъ сна невѣдомая сила:

«О мать моя!» воскликнулъ онъ;
«О мать моя — ты побѣдила!
Твой сынъ погибъ, но Римъ спасенъ!...»

На мѣстѣ томъ, гдѣ самовластье
Любви гражданской и красы
Спасло отчизну отъ грозы,
Воздвигли храмъ Богинѣ Счастья;
Но тамъ, гдѣ палъ неистовый герой
И добродѣтельный изгнанникъ —
Не видѣлъ памятника странникъ
И не вздыхалъ надъ урной гробовой...

1835.

Начало неоконченной поэмы:

Марій.

Былъ когда-то городъ славный,
Властелинъ земли и водъ:
Въ немъ кипѣлъ самодержавный
И воинственный народъ.
Въ пышныхъ мраморныхъ чертогахъ
Подъ защитою боговъ,
Или въ битвахъ и тревогахъ
Былъ онъ страшенъ для враговъ.
Степи, горы и долины
И широкія моря
Покрывали исполины
Двухъ-стихійнаго царя.
И сосѣдніе владыки,
И далекія страны

Передъ нимъ, какъ повилики,
Были всѣ преклонены.
Багряницею и златомъ
Онъ роскошно ихъ дарилъ
И убійственнымъ булатомъ
Въ страхъ и ужасъ приводилъ;
Подавлялъ свирѣпой тучей
Онъ судьбы чужихъ племенъ...
Кто не зналъ тебя, могучій,
Знаменитый Карѳагенъ?...
. . . .

1837.

Послѣдній день Помпеи.

(Изъ Легуве).

Печальна и блѣдна, съ высокаго балкона,
Въ полночной тишинѣ, внимала Дездемона
Напѣву дальнему безпечнаго гребца,
И взоръ ея искалъ гондолы невидимой,
Съ которой тихій звукъ гармоніи любимой
Къ ней долеталъ, какъ звукъ пернатаго пѣвца.

И грустная, она блуждающее око
Вперяла на ладью, мелькавшую далеко
Въ пространствѣ голубомъ, падъ сонною волной,
Лишь изрѣдка во мглѣ звѣздою озаренной,
Какъ будто мракъ души, внезапно освѣщенный
Надежды и любви отрадною мечтой.

Все скрылось; но она была еще вниманье...
Неистовой любви безумное страданье

Приходитъ ей на мысль—на арфѣ золотой
Поетъ она судьбу Изоры несчастливой.
И ей ли не понять тоски краснорѣчивой,
Когда она поетъ удѣлъ свой роковой?

Потомъ, напечатлѣвъ, съ улыбкою прощальной,
Лобзанье на челѣ наперсницы печальной,
«Прости!» сказала ей, съ слезою на очахъ,
И послѣ, предана неизъяснимой мукѣ,
Воздѣла къ небесамъ младенческія руки
И пала предъ лицомъ Всевышняго во прахъ...

И, полная надеждъ и тайныхъ ожиданій,
Отрады и тоски, молитвы и страданій,
На ложе мрачныхъ думъ и дѣвственной мечты
Идетъ она, склонивъ задумчивые взоры —
И долго, долго тѣнь унылая Изоры
Вилася надъ главой уснувшей красоты.

И какъ спала она въ безпечности небрежной!
Какъ ласково у ней по груди бѣлоснѣжной
Разсыпалась волна гебеновыхъ кудрей,
Какъ пышно и легко покровы золотые
Лелѣяли и станъ, и формы молодыя —
Созданія любви и пламенныхъ страстей!...

Порой мятежный сонъ тревожилъ Дездемону;
Она была въ огнѣ, и вздохъ, подобный стону,
Невольно вылеталъ изъ трепетной груди,
И яркая слеза, какъ юная зарница
Въ туманныхъ небесахъ, скатившись по рѣсницѣ,
Скользила и вилась вокругъ ея руки.

Прорѣзавъ облаковъ полночныхъ покрывало,
Казалося, луна съ участіемъ взирала
На блѣдныя черты прекраснаго лица,
Какъ бы на памятникъ безвременной могилы
Или на горлицу, уснувшую уныло
Подъ сѣтью роковой жестокаго ловца...

О какъ была она божественно прекрасна,
Руками бѣлыми обвивши сладострастно
Лилейное чело, какъ греческій амфоръ!
Какъ трогательно все въ ней душу выражало,
Какъ все вокругъ нея невинностью дышало —
Кто могъ бы произнесть ей грозный приговоръ?...

И вдругъ, глубокое молчанье
Прервалъ глухой, протяжный гулъ,
Какъ будто крылья размахнулъ
Орелъ на бранное призванье,
Иль раздалось издалека
Рыканье тигра роковое,
Который билъ, отъ злобы воя,
Громады знойнаго песка.
То былъ Отелло, мрачный, дикій,
Вошедшій медленно въ покой —
Бродящій съ страшною улыбкой
Вокругъ страдалицы младой.
Внезапный шумъ во мракѣ ночи
Тогда извлекъ ее отъ сна:
Поднявъ чело, открывши очи,
Невинной роскоши полна,
Еще съ печатью сновидѣній
На отуманенномъ челѣ,

Полна тоски и наслажденій,
Какъ юный ангелъ на землѣ,
Она глядитъ и видитъ... Боже!
Свирѣпый, блѣдный, какъ злодѣй,
Бросая мутный взоръ на ложе,
Стоитъ Отелло передъ ней,
Отелло съ сталью обнаженной,
Отелло съ молніей въ очахъ,
Отелло съ громомъ на устахъ:
«Погибель женщинѣ презрѣнной!...»
Блѣдна, какъ смерть, она встаетъ —
Бѣжитъ, но онъ рукой желѣзной
Предупреждаетъ безполезный
И поздновременный уходъ:
Безсильную, полуживую,
Ожесточенный не щадитъ,
И вспять онъ жертву молодую
На ложе брачное влачитъ...
Напрасны слезы и моленья;
Напрасно, въ власти у врага,
Станъ, полный нѣги, наслажденья,
Вился и бился какъ волна...
Не слышитъ онъ ея стенанья:
Онъ душитъ мощною рукой
Красу подлуннаго созданья,
Дездемона — трупъ холодный и нѣмой...

Такъ нѣкогда, дыша прохладой ночи ясной
одъ небомъ голубымъ Италіи прекрасной,
нимая шуму волнъ на берегу морскомъ,
а ложѣ изъ цвѣтовъ, подъ миртовою тѣнью

Раскинута и вся предавшись наслажденью,
Помпея юная была объята сномъ.

Подъ ризой вечера, въ груди ея высокой
Рождался иногда протяжный и глубокій
Стонъ дѣвственной мечты и тихо замиралъ;
И влажный блескъ садовъ, садовъ ея вѣтвистыхъ,
Какъ будто бы вѣнкомъ изъ волосовъ душистыхъ,
Прелестное чело ей пышно осѣнялъ...

О какъ была она, въ разсѣяньи пріятномъ,
Похожа на звѣзду подъ небомъ благодатнымъ,
Простертымъ съ роскошью надъ ней!
Съ какою нѣгой прихотливой
Ей навѣвалъ зефиръ ревнивый
На очи тишину и мирный сонъ дѣтей!

О какъ была она безпечна и покойна
Надъ влагою морской, раскинутою стройно
Подъ золотомъ луны вокругъ ея дворцовъ,
Надъ этой влагою прозрачно-голубою,
Одѣтою, какъ духъ, огромной пеленою
Изъ мрака, тучъ и облаковъ!

О пробудись, несчастное созданье!
Проснись — ужель не слышишь ты
Подземной бури завыванье
Подъ страшной ризой темноты?
Смотри, смотри — во мракѣ ночи
Зардѣлись огненныя очи;
Повсюду гулъ, и громъ, и звукъ...
Бѣги! то онъ, неодолимый,

Никѣмъ въ бояхъ непобѣдимый,
Волканъ — твой пагубный супругъ!...

Вотъ, озаряя сводъ надзвѣздный,
Встаетъ огромный великанъ
Надъ истребительною бездной;
Взмахнулъ, какъ сильный ураганъ,
Своими жгучими крылами;
И смертоносными руками
Готовясь землю обхватить,
Съ кровавымъ и отверстымъ зѣвомъ,
Пылая яростью и гнѣвомъ,
Тебя идетъ онъ поглотить...
Увы, несчастная Помпея!
Напрасно, съ воплемъ и въ слезахъ,
Ты извиваешься въ когтяхъ
Убійцы — огненнаго змѣя!
Какъ лютый тигръ, разсвирѣпѣвъ,
Играетъ онъ своею жертвой
И надъ бездушной, полумертвой
Возлегъ, открывъ широкій зѣвъ...
Его огни, какъ море, плещутъ,
Вокругъ колоннъ, дворцовъ трепещутъ,
И, разливаясь, грозно мещутъ
Вездѣ отчаянье и страхъ;
И пожираетъ ярый пламень
Кристаллъ, и золото, и камень,
Сверкая въ молнійныхъ лучахъ...
. . . .
. . . .

Когда въ послѣдній разъ безчувственныя вѣжды
Сонъ вѣчный тихо осѣнитъ,
То облачаютъ трупъ въ печальныя одежды,
И въ гробѣ роковомъ ничто не говоритъ,
Кого скрываетъ онъ подъ черной пеленою;
Лишь руки, на груди лежащія крестомъ,
Колѣно, голова, рисуемыя стройно
Прозрачно-тонкимъ полотномъ,
Вѣщаютъ въ тишинѣ, что гость его покойный
Былъ нѣкогда съ душой. Такъ точно и волканъ,
Какъ будто удрученъ печалію нѣмою,
Помпею облачилъ въ дымящійся туманъ
И скрылъ ея чело подъ лавой огневою...
И гдѣ величіе погибшей красоты?
Все пепелъ, уголь, прахъ—все истребили боги!
Кой-гдѣ, освободивъ главу отъ пыльной тоги,
Разбитый храмъ унылыя мечты
Наводитъ и гласитъ, какъ голосъ эпопеи:
Здѣсь прахъ Помпеи!...

Фалерій.

(Изъ Легуве).

СЦЕНА I.

Комната, обитая чернымъ бархатомъ.

Плакальщицы: Мессенія, Ефрозина и Люкреція, и распорядитель похоронъ.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Готовы ли? — Пора! послѣдуйте за мной
Съ слезами на глазахъ, съ поникшей головой,
Какъ тѣни свѣтлыя въ одеждахъ погребальныхъ.
Мертвецъ уже въ гробу, среди рабовъ печальныхъ
Съ оливной вѣтвію стоитъ унылый сынъ —
За дѣло!

МЕССЕНІЯ.

Но цѣна, награда, господинъ?

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Цѣна вамъ двадцать драхмъ.

МЕССЕНІЯ.

Возможно ль? Изступленье,
Отчаянье и плачъ за это награжденье?

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Даю вамъ тридцать; но исполнить договоръ:
Чтобъ было все — и вопль, и бѣшенство, и взоръ,
И поступь грозная вакханки безнадежной;
Раскинуть волосы по груди бѣлоснѣжной —
И крови...

МЕССЕНІЯ.

Вотъ она, священная игла —
Она не пощадитъ ни тѣла, ни чела.
Но кровь — не слезы: нѣтъ, слезами мы богаты;
Мы требуемъ за кровь всегда особой платы.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Согласенъ; но за то, съ удвоенной цѣной,
Растрогайте народъ удвоенной тоской.

МЕССЕНІЯ.

Повѣрь, не заслужу холоднаго упрека;
Я слишкомъ тронута судьбою человѣка,
Лежащаго въ гробу. Сто драхмъ — и мы идемъ.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Э, полно! Шестьдесятъ.

МЕССЕНІЯ.

Готовы!

СЦЕНА II.

Плакальщицы и Фалерій.

МЕССЕНІЯ.

Такъ начнемъ —
Сперва Люкреція, за нею Ефрозина,
А послѣ я.

ЛЮКРЕЦІЯ (поетъ).

Увы, несчастная кончина!
Онъ палъ, мужъ брани и мечей...
Греми, греми мой стонъ, теките изъ очей
Потоки слезъ краснорѣчивыхъ!
Когда вашъ громъ, изъ облаковъ,
О сонмы праведныхъ боговъ,
Устанетъ поражать главы непобѣдимыхъ,
Главы, достойныя вѣнковъ,
Мужей, землей боготворимыхъ,
Безъ алтарей — полубоговъ?

МЕССЕНІЯ (тихо Ефрозинѣ).

Я думаю, для васъ Евфимій не скупился
Сегодня поутру?

ЕФРОЗИНА.

О нѣтъ! онъ расплатился
За вина и плоды. Одно его гнететъ —
Торговка съ этихъ поръ ужъ въ долгъ не продаетъ...
(Замѣтивъ, что Люкреція кончила).
Увы! безвременныя дани
Съ земли уносятъ небеса,

И смерти гибельныя длани
Зіяютъ тамъ, гдѣ юность и краса
Подъ сѣнью славы и надежды
Цвѣтутъ для будущихъ временъ!
О для чего сомкнулись вѣжды
Того, который былъ безсмертью обреченъ?...

ЛЮКРЕЦІЯ (Мессеніи).

Но гдѣ же ты была?

МЕССЕНІЯ.

Вчера?... Ахъ, какъ счастливо
Я вечеръ провела! Сначала прихотливо
Мнѣ Фидій по рѣкѣ катанье предложилъ —
Мы плавали; потомъ — онъ, право, очень милъ!...
. . . .
. . . .

ОДЫ, ГИМНЫ

И

ЭЛЕГІИ

1825.

Человѣкъ.

Къ Байрону.

(Изъ Лямартина).

О ты, таинственный властитель нашихъ думъ —
Не духъ, не человѣкъ — непостижимый умъ!
Кто бъ ни былъ ты, Байрòнъ, иль злой, иль добрый геній,
Люблю порывъ твоихъ печальныхъ пѣснопѣній,
Какъ бури вой, как вихрь, какъ громъ во иракѣ тучъ,
Какъ моря грозный ревъ, какъ молній яркій лучъ.
Тебя плѣняетъ стонъ, отчаянье, страданье;
Твоя стихія — ночь; смерть, ужасъ — достоянье...
Такъ царь степей — орелъ, презрѣвъ цвѣты долинъ,
Паритъ превыше звѣздъ, утесовъ и стремнинъ;
Какъ ты — сынъ мощный горъ, свирѣпый, кровожадный,
Онъ ищетъ ужасовъ зимы нѣмой и хладной,
Низринутыхъ волной обломковъ кораблей,
Костьми и трупами усѣянныхъ полей...

И, между тѣмъ, когда пѣвица наслажденья
Поетъ своей любви и муки, и томленья,
Подъ сѣнью пальмъ, у водъ смѣющейся рѣки —
Онъ видитъ подъ собой кавказскіе верхи,
Несется въ облака, летитъ къ пучинѣ звѣздной,
Простерся и плыветъ стремительно надъ бездной,
И тамъ одинъ среди тумановъ и снѣговъ,
Свершивши радостный и гибельный свой ловъ,
Терзая съ алчностью трепещущіе члены,
Смыкаетъ очи онъ, грозою усыпленный...
И ты, Байрòнъ, паришь, презрѣвши жалкій міръ:
Зло — зрѣлище твое, отчаянье — твой пиръ.
Твой взоръ, твой смертный взоръ измѣрилъ злоключенья;
Въ душѣ твоей не Богъ, но демонъ искушенья.
Какъ онъ, ты движешь все, ты мрака властелинъ,
Надежды кроткій лучъ отвергнулъ ты одинъ.
Вопль смертныхъ для тебя — пріятная отрада;
Неистовый, какъ адъ, поешь ты въ славу ада...

Но чтò противъ судебъ могучій геній твой?
Всевышняго уставъ не рушится тобой;
Всевѣдѣнье его премудро и глубоко.
Имѣютъ свой предѣлъ и разумъ нашъ, и око;
За симъ предѣломъ мы не видимъ ничего.
Я жизнью одаренъ; но кàкъ и для чего
(Постигнуть не могу) въ рукахъ Творца могучихъ
Образовался міръ, кàкъ сонмы водъ зыбучихъ,
Какъ вѣтръ, какъ легкій прахъ поверхъ земли разлилъ,
Кàкъ синій сводъ небесъ звѣздами населилъ?
Вселенная — его; а мракъ, недоумѣнье,
Безумство, слѣпота, ничтожность и надменье —
Вотъ нашъ единственный и горестный удѣлъ...

Байронъ, сей истинѣ не вѣрить ты посмѣлъ!
Безсмысленный атомъ, исполнить назначенье,
Къ которому тебя воззвало провидѣнье,
Хранить въ душѣ своей законъ его святой
И пѣть хвалу ему—вотъ долгъ, вотъ жребій твой!
Природа въ красотахъ изящна, совершенна;
Какъ Богъ, она мудра, какъ время—неизмѣнна.
Смирись предъ ней, роптать напрасно не дерзай,
Разящую тебя десницу лобызай;
Свята и милуетъ она во гнѣвѣ строгомъ:
Ты бытіе, ты прахъ, ты червь предъ мощнымъ Богомъ,
И ты, и червь равны предъ взорами его,
И ты произошелъ, какъ червь, изъ ничего...
Ты возражаешь мнѣ: «законъ уму ужасный
И съ промысломъ души всемірной несогласный;
Не сущность вижу въ немъ, но льстивую тщету,
Чтобъ въ смертныхъ вкоренить о счастіи мечту —
Тогда какъ горестей не въ силахъ мы исчислить...»
Байронъ, возможно ль такъ о Непостижномъ мыслить,
О связи всѣхъ вещей, превыспреннемъ умѣ?
Мы слабы. Какъ и ты, блуждаю я во тьмѣ;
Творецъ — художникъ нашъ, а мы — его машины:
Проникнемъ ли его начальныя причины?
Единый тотъ, кто могъ все словомъ сотворить,
Возможетъ мудрый планъ природы изъяснить.
Я вижу лабиринтъ, вступаю и теряюсь;
Ищу конца его и тщетно покушаюсь.
Текутъ дни, мѣсяцы унылой чередой;
Тоска смѣняется лютѣйшею тоской;
Въ границы тѣсныя природой заключенный,
Свободный, мыслящій, возвышенный, надменный,
Неограниченный въ желаньяхъ властелинъ,

Кто смертный есть? скажи, эдема падшій сынъ.
Сраженный полубогъ... лишась небесъ державы,
Онъ не забылъ еще своей минувшей славы;
Онъ помнитъ прежній рай, клянетъ себя и рокъ;
Онъ неба потерять изъ памяти не могъ...
Могучій — онъ паритъ душой въ протекши годы,
Безсильный — чувствуетъ всѣ прелести свободы,
Несчастный — ловитъ лучъ надежды золотой
И сердце веселитъ отрадною мечтой;
Печальный, горестью, уныніемъ убитый,
Онъ схожъ съ тобой, онъ — ты, изгнанникъ знаменитый.
Увы, обманутый коварствомъ сатаны,
Когда ты исходилъ изъ милой стороны,
Съ отчаяньемъ въ груди, съ растерзанной душою,
Въ послѣдній разъ тогда горячею слезою
Ты орошалъ, Адамъ, эдемскіе цвѣты.
Безчувственъ, полумертвъ, у вратъ новергся ты,
Въ послѣдній разъ взглянулъ на милое селенье,
Гдѣ счастье ты вкусилъ, пріялъ твое рожденье;
Услышалъ ангеловъ поющихъ сладкій хоръ —
И, отвративъ главу, склонилъ печальный взоръ,
Еще невольно разъ къ эдему обратился,
Заплакалъ, зарыдалъ и быстро удалился...

О жертва бѣдная раскаянья и мукъ!
Какому пѣнію внималъ твой робкій слухъ?
Могло ль что выразить порывъ твоихъ волненій
При видѣ мѣстъ едва минувшихъ наслажденій?
Увы, потерянный прелестный вертоградъ!
Ты въ душу падшаго вливалъ невольно ядъ.
Полна волшебнаго о счастьи вспоминанья,
Она, какъ тѣнь въ жару забвенья и мечтанья,

Перелетала вновь въ завѣтные сады
И упивалась вновь всѣмъ блескомъ красоты.
Но исчезали сны — и пламенныя розы
Адамовыхъ ланитъ, какъ дождь, кропили слезы.
Когда прошедшее намъ сердце тяготитъ,
И настоящее отрадою не льститъ —
Мы жаждемъ болѣе счастливаго удѣла,
Тогда желанія бываютъ безъ предѣла;
Мы въ мысляхъ воскресимъ блаженство прежнихъ дней,
И снова вспыхнетъ огнь погаснувшихъ страстей.
Таковъ былъ жребій твой въ жестокій часъ паденья.
Увы, и я испилъ изъ чаши злоключенья,
И я, какъ ты, смотрѣлъ, не видя ничего,
И также быть хотѣлъ толковникомъ всего.
Напрасно я искалъ сокрытаго начала,
Природу вопрошалъ — она не отвѣчала.
Отъ праха до небесъ парилъ мой гордый умъ
И — слабый — ниспадалъ, терялся въ безднѣ думъ.
Надеждою дыша, увѣренностью полный,
Безстрашно разсѣкалъ я гибельныя волны
И истины искалъ въ совѣтахъ мудрецовъ;
Съ Ньютономъ я леталъ превыше облаковъ
И время оставлялъ, строптивый, за собою,
И въ мракахъ дальнихъ лѣтъ я бодрствовалъ душою.
Во прахѣ падшихъ царствъ, въ останкахъ вѣковыхъ
Катоновъ, Цезарей — свидѣтелей нѣмыхъ
Неумолимаго, какъ время, разрушенья —
Хотѣлъ разсѣять я унылыя сомнѣнья;
Священныхъ тѣней ихъ тревожилъ я покой;
Безсмертія искалъ я въ урнѣ гробовой —
И признаковъ его, никѣмъ непостижимыхъ,
Искалъ во взорахъ жертвъ, недугами томимыхъ,

Въ очахъ, исполненныхъ и смерти, и тоски,
Въ послѣднемъ трепетѣ хладѣющей руки.
Пылалъ обрѣсть его въ желаніяхъ надежныхъ,
На мрачныхъ высотахъ туманныхъ горъ и снѣжныхъ,
Въ струяхъ зеркальныхъ водъ, въ клубящихся волнахъ,
Въ гармоніи стихій, въ раскатистыхъ громахъ.
Я мнилъ, что грозная, въ порывахъ измѣненій,
Въ часы таинственныхъ небесныхъ вдохновеній,
Природа изречетъ пророческій глаголъ:
Богъ блага могъ ли быть Богъ бѣдствія и золъ?
Всѣ промыслы его судебъ непостижимы,
И въ мірѣ и добро, и зло необходимы.
Но тщетно льстился я... онъ есть, сей дивный Богъ;
Но, зря его во всемъ, постичь я не возмогъ.
Я видѣлъ: зло съ добромъ и, мнилося, безъ цѣли,
Смѣшавшись на землѣ, повсюду свирѣпѣли;
Я видѣлъ океанъ губительнаго зла,
Гдѣ капля блага быть излита не могла;
Я видѣлъ торжество блестящее порока —
И добродѣтель, ахъ, плачевной жертвой рока;
Во всемъ я видѣлъ зло, добра не понималъ
И все живущее въ природѣ осуждалъ.

Однажды, тягостной тоскою удрученный,
Я къ небу простиралъ свой ропотъ дерзновенный —
И вдругъ съ эѳира лучъ блеснулъ передо мной
И овладѣлъ моей трепещущей душой.
Подвигнутый его таинственнымъ влеченьемъ,
Разстался я навѣкъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ,
Забывъ на вышняго презрѣнную хулу,
И такъ ему воспѣлъ невольную хвалу:

«Хвала тебѣ, творецъ могучій, безконечный,
ховный разумъ, духъ незримый и предвѣчный!
о не былъ, тотъ возсталъ изъ праха предъ тобой.
бывши бытіемъ, я слышалъ голосъ твой.
здѣсь! хаосъ тебя рожденный славословитъ,
мыслящій атомъ твой взоръ творящій ловитъ.
огу ль измѣрить я въ сей благодатный часъ
измѣримое пространство между насъ?
—дѣло рукъ твоихъ — я, дышущій тобою,
іявшій жизнь мою невольною судьбою —
огу ли за неѐ возмездія просить?
ѣ ты обязанъ — я! мой долгъ — тебя хвалить!
ли, располагай, о ты, неизреченный!
товъ исполнить твой законъ всесовершенный.
значь, опредѣли, мудрѣйшій властелинъ,
остранству, времени — порядокъ, ходъ и чинъ.
зъ тайныхъ ропотовъ, съ слѣпымъ повиновеньемъ,
воленъ буду я твоимъ опредѣленьемъ.
къ сонмы свѣтлые блистательныхъ круговъ
эѳирныхъ высотахъ, какъ тысячи міровъ,
ащаются, текутъ въ связи непостижимой —
буду шествовать, тобой руководимый.
бранный ли тобой, сынъ персти, воспарю
предѣлы неба я и, гордый, тамъ узрю
лазурныхъ облакахъ престолъ твой величавый
самого тебя, одѣяннаго славой,
сіяньи радужныхъ, божественныхъ лучей;
и трепещущій всевидящихъ очей,
мракѣ хаоса атомъ, тобой забвенный,
счастный, страждущій и смертными презрѣнный,
буду жалкій членъ живаго бытія:
егда — хвала тебѣ, Господь! воскликну я.

Ты сотворилъ меня, твое я есмь созданье,
Пошли мнѣ на главу и гнѣвъ и наказанье,
Я — сынъ, ты — мой отецъ! кипитъ въ груди восторгъ!
И снова я скажу: хвала тебѣ, мой Богъ!...

«Сынъ праха, воздержись! святое провидѣнье
Сокрыло отъ тебя твой рокъ и назначенье.
Какъ яркая звѣзда, какъ мѣсяцъ молодой
Плыветъ и сыплетъ блескъ по тучамъ золотой
И кроетъ юный рогъ, за рощею ночною,
Такъ шествуешь и ты невѣрною стопою
Въ юдоли жизни сей. Ты слабымъ созданъ былъ;
Двѣ крайности въ тебѣ творецъ соединилъ.
Быть можетъ, съ ними я невольно сталъ несчастенъ;
Но благости твоей и славѣ я причастенъ.
Ты мудръ — немудраго не можешь произвесть:
Склоняюсь предъ тобой — хвала тебѣ и честь!...

«Но, между тѣмъ, тоска смѣнила въ сердцѣ радость;
Погасла навсегда смѣющаяся младость...
Угрюмый, одинокъ, прошедшимъ удрученъ,
Я вижу: пролетитъ существенный мой сонъ;
Престанетъ гнать меня завистливая злоба!
Полуразрушенный, стою при дверяхъ гроба...
Хвала тебѣ! вражды и горести змѣя
Терзала грудь мою... Въ слезахъ родился я,
Слезами обливалъ мой хлѣбъ пріобрѣтенный,
Въ слезахъ всю жизнь провелъ, тобою пораженный:
Хвала тебѣ! терпѣлъ невинно я, страдалъ,
До дна испилъ я бѣдъ и горестей фіалъ,
У праведныхъ небесъ просилъ себѣ защиты —
И палъ перунами всевышняго убитый.

а тебѣ! тобой невинность сражена!...
ь другъ души моей — отрада мнѣ одна!
:амъ соединилъ насъ узами любови,
і запечатлѣлъ союзъ священной крови —
жизнь его была лишь жизнію моей
ушу я его считалъ душой своей...
ь юный, нѣжный цвѣтъ, отъ стебля отдѣленный,
ъ онъ на груди моей окамененной!...
ідѣлъ смерть въ его хладѣющихъ чертахъ;
овь боролась съ ней, и въ гаснувшихъ очахъ
ражалось все души его томленье.
лнце, я молилъ, продли твое теченье!
жертва палача, въ часъ смерти роковой,
:тупникъ зритъ топоръ, взнесенный надъ главой,
увственъ, падаетъ въ отчаяньи и страхѣ
ввитъ бытія послѣдній мигъ на плахѣ —
, блѣденъ, быстръ какъ взоръ, внимателенъ какъ слухъ,
ался удержать его послѣдній духъ...
излетѣлъ!... О Богъ, правдивый, милосердый!
стишь ли мнѣ?... Роптолъ въ несчастіяхъ нетвердый,
алъ противъ тебя, судилъ твои пути...
стижимый Богъ, прости меня, прости!...
правъ... безуменъ я... достоинъ наказанья...
мертнымъ создалъ міръ — и далъ въ удѣлъ страданья.
!... я не нарушалъ закона твоего!
ился милаго душѣ моей всего,
ился радости, покоя невозвратно:
что жъ? твои дары я возвратилъ обратно.
ивиться нельзя таинственной судьбѣ;
аньемъ, волею я жертвую тебѣ!
лонъ на тебя незыблемой надежды,
ь вѣрою она мои закроетъ вѣжды.

Люблю тебя, творецъ, во мракѣ грозныхъ тучъ,
Когда ты въ молніяхъ, ужасенъ и могучъ,
Уставъ преподаешь природѣ устрашенной,
Иль, кроткія весны дыханьемъ облеченный,
На землю низведешь гармонію небесъ!
Хвала тебѣ! скажу, лія потоки слезъ,
Хвала верховный умъ, порядокъ неразрывный!
Рази, карай меня — хвала тебѣ, Богъ дивный!...»

Такъ мыслилъ я тогда, такъ небомъ пламенѣлъ
И такъ, восторженный, царя природы пѣлъ.
О ты, неопытныхъ коварный искуситель,
Неистовый сердецъ чувствительныхъ мучитель!
Познай, Байронъ, мечту твоихъ печальныхъ думъ,
Познай и устреми ко благу пылкій умъ!
Наперсникъ ужасовъ, пѣвецъ ожесточенья,
Ужель твоя душа не знаетъ умиленья?
Простри на небеса задумчивый твой взоръ:
Не зришь ли въ нихъ творцу согласный, стройный хоръ?
Не чувствуешь ли ты невольнаго восторга?
Дерзнешь ли не признать и власть и силу Бога,
Таинственный уставъ, непостижимый перстъ —
Въ премудромъ чертежѣ міровъ, планетъ и звѣздъ?
Ахъ, если бъ смерти сынъ, изъ мрака вѣчной ночи,
Ты оросилъ слезой раскаянія очи,
Надеждой окрыленъ, оставилъ ада сводъ
И къ свѣту горнему направилъ свой полетъ,
И въ сонмѣ ангеловъ твоя взгремѣла лира:
Нѣтъ, никогда бъ еще во области эонра,
Никто возвышеннѣй, пріятнѣй и сильнѣй
Не выразилъ хвалы владыкѣ всѣхъ царей!
Мужайся, падшій духъ! божественные знаки

Ты носишь на челѣ. Какъ легкіе призраки,
Какъ сонъ, какъ вѣтерокъ, исчезнетъ славы дымъ:
Ты адомъ, гордостью, ты зломъ боготворимъ.
Царь пѣсней, презри лесть: она — твоя отрава;
Съ одною истиной прочна бываетъ слава.
Склони предъ ней главу, надменный великанъ!
Теки, спѣши занять потерянный твой санъ
Среди сыновъ, благимъ отцомъ благословенныхъ,
Для радости, любви, для счастья сотворенныхъ!

Провидѣніе человѣку.

(Изъ Лямартина).

Не ты ли, о мой сынъ, возсталъ противъ меня?
Не ты ли порицалъ мои благодѣянья
И, очи отвратя отъ прелести созданья,
Проклялъ отраду бытія?

Еще ты въ прахѣ былъ, безумецъ своенравный,
А я уже радѣлъ о счастіи твоемъ,
Растилъ тебя, какъ плодъ, и въ промыслѣ святомъ
Тебѣ удѣлъ готовилъ славный.

Въ совѣтѣ вѣковомъ твой вѣкъ образовалъ,
И времена текли моимъ произволеньемъ,
И рекъ я: появись, и чистымъ наслажденьемъ
Почти мой горній трибуналъ!

И ты возникъ. Мое благое попеченье
Не обрекло тебя игралищемъ судьбѣ;
Огнемъ моихъ очей посѣялъ я въ тебѣ
Съ началомъ жизни вдохновенье.

Изъ груди я воззвалъ млеко твоимъ устамъ,
И сладко ты прильнулъ къ источнику любови,
И ты впивалъ въ себя и жаръ и силу крови,
И свѣтъ мелькнулъ твоимъ очамъ.

И — искра божества подъ бреннымъ покрываломъ —
Свободная душа невидимо зажглась,
Младенческая мысль словами излилась,
И имя Богъ служило ей началомъ.

Въ какомъ великомъ торжествѣ
Передъ тобой оно сіяло!
Вездѣ и все напоминало
Тебѣ о тайномъ божествѣ.
На небѣ въ солнцѣ лучезарномъ
Мое величье ты читалъ;
Когда же съ чувствомъ благодарнымъ
На землю очи обращалъ,
То всюду зрѣлъ мои дѣянья,
Во всей красѣ благодѣянья;
Въ природѣ зрѣлъ ты образъ мой,
Въ порядкѣ — предопредѣленье,
Въ пространствѣ міра — провидѣнье,
Въ судьбѣ послушной и слѣпой
Мое могучее велѣнье.

И ты почтилъ во мнѣ царя
Твоихъ душевныхъ наслажденій,
И, то забывшись, то горя
Огнемъ пріятныхъ впечатлѣній,
Въ своей невинной простотѣ
Ты шелъ къ таинственной мечтѣ;

Но между тѣмъ, какъ грозный опытъ
Твой свѣжій умъ окаменялъ,
Ты произнесъ безумный ропотъ,
Ты укорять меня дерзалъ.
Душа твоя одѣта мглою,
Чело блѣднѣе мертвеца,
И ты, терзаясь думой злою,
Уже не вѣруешь въ творца.
«Онъ есть великая проблема,
Разсудку данная судьбой;
Когда сей міръ его эмблема,
То, наподобіе эдема,
Правдивый былъ бы и благой.»

Умолкни гордое мечтанье!
Я начерталъ тебѣ законъ,
Но для меня ничтоженъ онъ!
О какъ велико разстоянье:
Передъ тобою — мигъ одинъ,
Я — милліоновъ властелинъ!
Когда спадутъ передъ тобою
Покровы мудрости моей,
Тогда, измученный борьбою
Недоумѣній и страстей,
Ты озаришься совершенствомъ
Неизреченной правоты
И вкусишь съ праведнымъ блаженствомъ
Отъ чаши благъ и доброты;
Познаешь горняго участья
Дотолѣ скрытые плоды,
И миновавшія несчастья
Благословишь въ восторгѣ ты.

Но ропотъ не умолкъ въ душѣ ожесточенной;
Ты жаждешь до временъ узрѣть великій день
И дивный вертоградъ, всевышнимъ насажденный,
Гдѣ никогда ночная тѣнь
Не омрачитъ святую сѣнь.

Безумный! малый свѣтъ и темнота ночная
Вожатые къ нему. Надѣйся и иди,
Природу и меня постигнуть не дерзая;
Подобно ей, мои пути
Слѣпой покорностью почти!

Открылъ ли я землѣ законы управленья?
Свирѣпый океанъ, великій царь морей,
Окованъ навсегда десницею моей,
И, въ часъ урочнаго явленья,
Онъ силой бурнаго стремленья,
Наводитъ ужасъ потопленья,
И снова хлынетъ отъ степей.

И — тѣнь моихъ лучей въ лазури необъятной—
Узналъ ли этотъ шаръ законъ моихъ путей?
Куда бъ онъ полетѣлъ безъ помощи моей?
Кончая подвигъ благодатный,
Улыбкой тихой и пріятной
Не обѣщаетъ онъ обратно
Заутра радужныхъ огней.

И царствуетъ вездѣ порядокъ неразрывный:
Я утромъ возбужу вселенную отъ сна,
И вечеромъ взойдетъ сребристая луна.
И вотъ изъ тишины пустынной

Она, на голосъ мой призывный,
Стремится съ легкостію дивной —
И ночи мгла озарена.

А ты, прекрасное творенье,
Кого создалъ для неба я,
Ты впалъ въ ужасное сомнѣнье
О мудрой цѣли бытія.
Ты, человѣкъ и царь вселенной,
Дерзнулъ роптать — и на кого?
Ты смѣлъ въ душѣ ожесточенной
Хулить владыку своего!
Я твой владыка — благодѣтель,
Моя святая добродѣтель
Тебя спасаетъ и хранитъ,
Я твой незыблемый гранитъ.
Не мнишь ли ты, что въ мракѣ ночи
Я беззаботно опочилъ?
О нѣтъ! внимательныя очи
Я съ дѣйствій міра не сводилъ.
Моря въ волненіи суровомъ,
Летучій прахъ и вѣтровъ стонъ,
Все движу я великимъ словомъ,
Всему въ природѣ есть законъ.
Иди съ свѣтильникомъ надежды
За провидѣніемъ вослѣдъ,
Ты не умрешь, смыкая вѣжды:
Тебѣ за гробомъ новый свѣтъ!
И знай, правдиво провидѣнье,
Въ его путяхъ обмана нѣтъ.
Зари румяной восхожденье,
Природы цѣлой увѣренье

Твердятъ о немъ изъ вѣка въ вѣкъ —
Одинъ не вѣритъ человѣкъ!
Но брось, о смертный, безнадежность;
Моя родительская нѣжность
Твое сомнѣнье постыдитъ
И за безумное роптанье
Свое преступное созданье
Любовью вѣчной наградитъ.

1826.

Восторгъ—духъ Божій.

(Изъ Лямартина).

Огонь небесный вдохновенья,
Когда онъ смертныхъ озаритъ
И въ часъ таинственный забвенья
Восторгомъ душу окрылитъ —
Есть пламень бурный, быстротечный,
Губитель доловъ и лѣсовъ,
Который — сынъ полей безпечный
Зажегъ внезапно средь снѣговъ.
Какъ змѣй въ листахъ, сперва таится,
Едва горитъ, не виденъ онъ;
Но дунулъ вѣтръ — и озарится
Багровымъ блескомъ небосклонъ.
Душа моя! въ какихъ видѣньяхъ
Сойдетъ сей пламень на тебя:
Мелькнетъ ли тихо въ пѣснопѣньяхъ,
Спокойныхъ, чистыхъ, какъ заря,

Или порывистой струею
По струнамъ арфы пробѣжитъ,
Наполнитъ грудь мою тоскою
И въ сердцѣ радость умертвитъ?
Сойди же, грозный иль отрадный,
О вѣстникъ Бога и небесъ!
Разочарованный и хладный,
Бозчувственъ я — не знаю слезъ.
Невинной жертвою несчастья
Еще съ младенчества я былъ,
Ни сожалѣнья, ни участья
Ни отъ кого не заслужилъ.
Передъ минутой роковою
Мнѣ смерть, страдальцу, не страшна;
Увы, за пѣснью гробовою,
Какъ сонъ, разрушится она.

Но смертный живъ иль умираетъ —
Его божественный восторгъ,
Какъ гость внезапный, посѣщаетъ:
Сей гость, сей духъ — есть самый Богъ...
Съ улыбкой кротости и мира,
Съ невиннымъ, радостнымъ челомъ,
Какъ духи чистые эѳира,
И въ блескѣ славы неземномъ —
Его привѣтъ благословенный
Мы уготовимся пріять;
Единымъ Богомъ вдохновенны,
Дерзнемъ лицу его предстать.

Его перстомъ руководимый,
Израиль зритъ въ тѣни ночной:

Предъ нимъ стоитъ непостижимый
Какой-то воинъ молодой;
Подъ нимъ колеблется долина;
Волнуетъ грудь его раздоръ;
И станъ, и мышцы исполина,
И полонъ мести ярый взоръ.

И сей и тотъ, свирѣпымъ окомъ
Другъ друга быстро обозрѣвъ,
Въ молчаньи мрачномъ и глубокомъ
Они, какъ вихрь, какъ гнѣвъ на гнѣвъ,
Стремятся — и вступили въ битву.

Не столь опасно совершить
Стрѣлку невѣрную ловитву,
Иль тигру тигра побѣдить,
Какъ пасть противникамъ во брани.
Нога съ ногой, чело съ челомъ,
Вокругъ раменъ обвивши длани,
Идутъ, вращаются кругомъ;
Всѣ жилы, мышцы въ напряженьи,
Другъ друга гнутъ къ землѣ сырой —
И пастырь палъ въ изнеможеньи,
Врага увлекши за собой.
Изъ устъ клубитъ съ досады пѣна,
И вдругъ, собравъ остатки силъ,
Трясетъ атлета и колѣно
Ему на выю наложилъ;
Уже рукой ожесточенной
Кинжалъ убійства онъ извлекъ,
И вдругъ воитель побѣжденный
Его стремительно низвергъ...

Уже рѣдѣлъ туманъ Эреба;
Луны послѣдній лучъ потухъ;
Заря алѣла въ сводахъ неба
И съ нимъ боролся... Божій духъ.

Такъ мы ничто, какъ звукъ согласный,
Какъ неожиданный восторгъ,
Персту всевышняго подвластный;
Мы — арфа, ей художникъ — Богъ.
Какъ въ тучахъ яростныхъ перуны,
Восторгъ безмолвствуетъ въ сердцахъ;
Но движетъ Богъ златыя струны —
И онъ летаетъ на струнахъ.

Отрывокъ изъ поэмы:

Смерть Сократа.

(Изъ Ламартина).

Сократъ утѣшаетъ плачущихъ учениковъ своихъ.

«Вы плачете, друзья — и плачете въ то время,
Когда моя душа, какъ чистый фиміамъ,
Навѣкъ освободясь отъ тягостнаго бремя,
Стремится къ небесамъ.

Когда она въ пылу священнаго восторга,
Какъ свѣтлый, горній духъ, стрясая прахъ земной,
Изъ царства горести паритъ на лоно Бога
И истины святой.

Чтò время и чтò жизнь безъ смерти въ сей юдоли?
Зачѣмъ пріятно мнѣ за истину страдать?
Зачѣмъ моя душа оковы сей неволи
Пылаетъ разорвать?

Чтò значитъ, о друзья, безъ смерти добродѣтель?
Чтò память мудраго въ потомствѣ оживитъ?
Смерть!... смертію одной верховный благодѣтель
Ее вознаградитъ.

Она не бичъ людей, но жребій вожделѣнный,
Побѣдоносный лавръ, торжественный вѣнецъ,
Которымъ насъ даритъ рукой благословенной
Всевѣдущій творецъ.

И если бъ, вопреки могучему велѣнью,
Я жизнью дорожилъ и могъ ее продлить,
О други, и тогда, покорный провидѣнью,
Я не желалъ бы жить.

Не плачьте обо мнѣ: не скорбью удрученныхъ
Пріятно мнѣ узрѣть сподвижниковъ моихъ,
Но съ радостнымъ челомъ и амброй окуренныхъ,
И въ тканяхъ дорогихъ.

Какъ юноша-женихъ, увѣнчанный цвѣтами,
Къ невѣстѣ молодой идетъ при звукахъ лиръ,
Такъ я хочу идти, о други, между вами
На смертный вѣчный пиръ.

Чтò значитъ умереть? Прервать соединенье
Небеснаго луча съ презрѣнною землей,
И снова исполнять свое предназначенье
За дверью гробовой.

Напрасно человѣкъ стремится за блаженствомъ:
Подобный узнику, стрегомому въ тюрьмѣ,

Одѣянный своимъ земнымъ несовершенствомъ,
Блуждаетъ онъ во тьмѣ.

Но тотъ, кого волна низвергла въ пристань мира,
Кто жизни новый свѣтъ съ спокойствіемъ узрѣлъ,
Тотъ самъ, какъ лучъ зари, во области эѳира,
На небо полетѣлъ.

Онъ чуждъ уже своей презрѣнной оболочки;
Союзъ съ землей его не въ силахъ тяготить,
И жизнь и смерть предъ нимъ невидимыя точки:
Онъ снова началъ жить!

«Но смерть есть чаша золъ — край бѣдствій и страданій!»
Друзья, не можетъ быть... Сей тяжкій переломъ
Есть странствія конецъ и горькихъ испытаній,
И зло вездѣ съ добромъ.

Не зримъ ли мы, что день течетъ за мракомъ ночи,
Пріятная весна за хладною зимой;
Съ воззрѣніемъ на свѣтъ блестятъ младенца очи
Невинною слезой.

Верховнаго творца могучая десница
Сравняла море зла и море вѣчныхъ благъ:
Предшественница тьмы, безсмертія денница —
Вотъ къ Богу первый шагъ.

Не знаю, съ торжествомъ иль грустью безнадежной
Ввергается душа въ объятія ея;
Но съ чистою душой сей жребій неизбѣжный
Не страшенъ для меня.

умаю, что Богъ за жизнію земною,
ъ правый и благой, блаженство обречетъ,
сердце поразивъ губительной стрѣлою,
Бальзамъ въ него прольетъ...»

слушали... Одинъ улыбкою сомнѣнья
ратовы слова Цебесъ сопровождалъ —
И полный вдохновенья
Учитель продолжалъ:

къ, други! первый лучъ блистательной зарницы,
учій ароматъ мастики и цвѣтовъ,
інный голосъ дѣвъ съ гармоніей цѣвницы
И звуки милыхъ словъ,

то не превзойдетъ чистѣйшаго восторга
адалицы души, летящей къ небесамъ...
жизнь, что смерть, что міръ? Ничто предъ славой Бога.
Удѣлъ нашъ — счастье: тамъ.

ольно ль умереть, чтобъ снова возродиться?
ъ! къ вышнему предстань съ невинною душой,
тлѣна и страстей умѣй освободиться
Предъ жизнію другой.

знь въ смерть преобрати: земная жизнь — сраженье,
рть — лавръ, земля — огонь, въ который человѣкъ
ргаетъ навсегда земное облаченье,
Окончивъ краткій вѣкъ.

да, друзья! тогда, отъ узъ освобожденный,
емлетъ онъ уже награду отъ небесъ;

Простеръ крылѣ, паритъ, онъ тамъ въ сѣни блаженной —
И міръ предъ нимъ исчезъ!

Такъ, смертный счастливый, покорный вышней власти,
Который суету разсудку подчинилъ,
Который обуздалъ презрительныя страсти,
Законъ и правду чтилъ,

Который ниспровергъ безсмертія преграду,
Былъ злобы врагъ, дышалъ и жилъ однимъ добромъ —
Страдалецъ праведный украсится въ награду
Божественнымъ вѣнцомъ;

Но тотъ, кто ложный блескъ обманчивыхъ мечтаній
Священной истинѣ безумно предпочелъ,
Кто, чувственности рабъ, въ юдоли испытаній
Стезей невѣрной шелъ,

Кто въ вихрѣ суеты, забавъ и наслажденій,
Въ порочномъ торжествѣ, какъ Леда, утопалъ,
Кто неба гласъ, среди грѣховныхъ упоеній,
И совѣсть заглушалъ —

О други, никогда тотъ смертный злочестивый
Земныхъ своихъ оковъ не можетъ сокрушить;
Разрушится надъ нимъ гнѣвъ Бога справедливый —
Посмерти будетъ жить!

Какъ жалостная тѣнь преступной Арахнеи,
Въ кругу своихъ дѣтей, страдать осуждена —
И неразлучны съ ней сыны ея — злодѣи,
И мучится она;

ъ точно и душа преступника земнаго
двергнется навѣкъ сей горестной судьбѣ —
къ Богу воспаритъ, но съ тѣломъ будетъ снова
Въ мучительной борьбѣ...»

лкъ... Сомнительный Цебесъ прервалъ молчанье.
кратъ, вѣщаетъ онъ, пріятно для меня
вѣчность и на судъ небесный упованье,
Безсмертью вѣрю я;

ласенъ я, что жизнь — ничтожное мгновенье;
гу примѣромъ все, тому примѣромъ ты;
дай на мой вопросъ правдивое рѣшенье —
Я въ безднѣ темноты.

рекъ: душа живетъ за дверью гробовою;
если въ факелѣ свѣтильникъ догорѣлъ,
гдѣ огонь? Куда съ послѣднею струею
Сей пламень отлетѣлъ?

тильникъ и огонь — все вмѣстѣ исчезаетъ;
па, безсмертіе—не разны, а одно;
смертье, какъ огонь, отъ тѣла отлетаетъ —
И послѣ гдѣ жъ оно?

ь такъ сравнимъ: душа для чувственнаго тѣла
жна, какъ арфѣ звукъ. Отъ времени и лѣтъ
рушилась она, разбилась и истлѣла...
Гдѣ жъ звукъ, коль арфы нѣтъ?»

уныніемъ въ очахъ, съ поникшими главами,
имали мудрецы Цебесовымъ словамъ

И мнили: «правъ Цебесъ — и все подъ небесами
Готовится червямъ.

Все будетъ жертвою земли и разрушеній;
Гдѣ звукъ, коль арфы нѣтъ? Гдѣ ждать вѣнца наградъ? —
...И мнилось, ожидалъ небесныхъ вдохновеній
И генія Сократъ.

Какъ старецъ, на пиру весельемъ оживленный,
Какъ солнце, просіявъ въ туманныхъ высотахъ,
Изрекъ ему отвѣтъ страдалецъ незабвенный
Въ божественныхъ словахъ:

«Друзья мои, огонь ничтожное сравненье
Съ лучемъ всевышняго — съ безсмертною душой —
Съ душой и бренностью такое жъ съединенье,
Какъ съ небомъ и землей.

Душа есть чистый свѣтъ, всевидящее око,
Предъ коимъ въ жизни сей не скрыто ничего;
Все зритъ душа — и здѣсь, и въ вѣчности глубокой —
Она душа всего.

Рожденье, красоту и смерть земнаго свѣта —
Все чувствуетъ она, но только внѣ себя;
Предъ нею будущность туманомъ не одѣта,
Предъ ней всегда заря.

Исчезнетъ все — она, какъ время, непремѣнна;
Гдѣ смерть—ей жизнь, гдѣ мракъ—ей свѣтъ. Всегда жива.
Исчезнутъ свѣтъ и тьма, разрушится вселенна —
Не рушится она.

Ты мнишь, душа для чувствъ есть арфы звукъ согласный;
А арфа будетъ прахъ отъ времени и лѣтъ.
Цебесъ, не льстись мечтой и ложной и опасной:
Душѣ предѣла нѣтъ.

Судьба земныхъ вещей ничтожна, быстротечна;
Но тайною душой, но нами движетъ Богъ.
Перстъ Божій — звукъ души; какъ Богъ, душа безвѣчна...
Безсмертенъ я!... восторгъ!...»

И между тѣмъ уже румяное свѣтило
На западѣ текло во блескѣ красоты
И, кроясь въ волнахъ, печально золотило
Гимета высоты.

Спѣшили къ берегамъ, бѣлѣя парусами,
Укромныя ладьи веселыхъ рыбарей
И, съ радостными ихъ сливаясь голосами,
Пѣлъ въ рощѣ соловей.

И ближе пастуховъ свирѣли раздавались,
И счастливыхъ людей отрада и покой —
Въ темницѣ мудреца съ тоской согласовались,
Какъ отблескъ свѣта съ тьмой.

Въ память благотвореній Александра І-го Императорскому Московскому университету.

(Стихи, произнесенные при воспоминаніи дня основанія Московскаго университета, 12-го января 1826 года).

Восторгъ, восторгъ, питомцы музъ!
  Въ сей день благословенный
Наукъ и счастія союзъ
  Мы празднуемъ священный!
Къ благимъ летите небесамъ
  Обѣты и моленье!
Курись душевный фиміамъ
  Тебѣ, благотворенье!
    Какъ розовый перстъ
    Младой Авроры
    Небесныхъ звѣздъ
    Блестящи хоры
    Вдоль мрака женетъ,
    Какъ въ небѣ течетъ
    Златая денница

Изъ нѣдръ темноты:
Такъ точно и ты,
Богиня-царица,
Великаго дщерь,
Могучей рукою
Отверзла намъ дверь
Къ наукамъ, покою!
Пріяла скиптръ Елисаветъ
Съ улыбкой величавой,
И возсіялъ изъ ночи свѣтъ,
И россъ вѣнчался славой!
Какъ Фебъ златордяный
На небѣ блеститъ
И утра туманы
Лучами златитъ:
Такъ ты, героиня,
Душа россіянъ!
Какъ свѣта богиня,
Послѣдній туманъ
Съ полночи прогнала,
И счастье узнала
Россія съ тобой —
Миръ, славу, покой!
«Да будетъ счастливъ мой народъ!»
Рекла Екатерина,
И россъ подвинулся впередъ
Шагами исполина!...
Какъ солнце, скрываясь
Въ пучинѣ морей,
И тамъ разливаясь
Рѣками лучей,
Горитъ во вселенной

Румянымъ огнемъ:
Монархъ незабвенный
Въ полкругѣ земномъ,
Какъ геній хранитель —
Познаній любитель —
Науки живилъ!...
Увы, и гробъ его сокрылъ!...
Восплачь, восплачь, о музъ соборъ!
Гдѣ Александръ, вашъ Фебъ, отрада?...
Гдѣ оживляющій сей взоръ?
Гдѣ вождь къ добру—добра награда?...
Какъ послѣ громовъ
И яростной бури,
Среди облаковъ,
Въ прозрачной лазури,
Румяное вновь
Свѣтило восходитъ,
И снова приводитъ
Все въ радость, въ любовь:
Такъ миръ водворяетъ
Надежда-монархъ
И вновь воцаряетъ
Блаженство въ сердцахъ.
Ликуй, о музъ блаженный сонмъ!
Восторгъ, о чада вертограда!
Подъ Николаевымъ щитомъ
Цвѣтетъ вамъ сила и отрада!
Къ благимъ летите небесамъ
Обѣты и моленье!
Курись душевный ѳиміамъ
Тебѣ, благотворенье!...

Генiй.

(Читано въ торжественномъ годичномъ собранiи Московскаго университета, 3-го iюля 1826 года).

Кто сей великiй, мощный духъ,
Одѣянъ ризой свѣта рдяной,
Лучи златые сѣя вкругъ,
Быстрѣе молнiй, бури рьяной,
Парящiй гордо къ высотамъ?...
Я зрѣлъ: возникнувши изъ праха,
Въ укоръ ничтожества сынамъ,
Онъ разорвалъ оковы страха,
Предѣлы тѣсные уму,
И, бросивъ взоръ негодованья
Окрестъ на дикость, слабость, тьму,
На сонъ прекраснаго созданья,
Вѣщалъ: я живъ! — я человѣкъ! —
Я нераздѣленъ съ небесами!...
И глубь эѳирную разсѣкъ
Одушевленными крылами!...
Вотъ онъ, божественный летитъ,
Надежды смѣлой, славы полный,

И, долу восклоняясь, зритъ
Съ улыбкой землю, моря волны.
Уже онъ тамъ — достигъ небесъ,
Уже незримъ въ дали туманной —
И яркій слѣдъ его исчезъ,
Какъ вѣтръ долинъ благоуханный,
Какъ метеоръ во мглѣ ночной,
Какъ память дивныхъ впечатлѣній...
Кто жъ онъ, сей странникъ неземной?
То сильный умъ, блестящій геній!...

Раскройся, древность, предо мной!
Разсѣйтесь, зависти навѣты!
Предъ взоромъ истины святой
Его явите мнѣ полеты!...

О геній жизни, свѣта, благъ!
Не ты ль того изобразитель,
Кто и въ пространствахъ, и вѣкахъ,
Непостигаемый зиждитель,
Единымъ словомъ оживилъ,
Воздвигъ сей міръ изъ мертвой бездны;
Того, кто въ тверди укрѣпилъ
Во время ночь и день надзвѣздный;
Того, чья творческая длань
Стези свѣтиламъ устрояетъ,
Намъ миръ даритъ, низводитъ брань,
Возноситъ царства, унижаетъ,
Владѣетъ волею сердецъ,
Какъ моря шумными волнами?
Всего великаго отецъ,
Неограниченный лѣтами,

Ты чуждый золъ, препонъ, суетъ
И непричастный заблужденій,
О геній дивный, кто сочтетъ
Твоихъ всѣ виды измѣненій?
Кто спишетъ образы твои,
Въ которыхъ, рѣдкій даръ судьбины,
Многоразличный, но единый,
Излить на міръ дары свои
Нисходишь непостижно долу,
Краса и блескъ земнымъ сынамъ,
Народу слава, честь умамъ,
Мечу и плугу, и престолу?
Кто мощь твою постигнуть смѣлъ,
Означилъ способы и сроки,
И меты тайныя предѣлъ,
И путь твой новый и высокій?
Богатый въ средствахъ такъ, какъ Богъ,
Летучій, быстрый, какъ свобода,
Неистощимый, какъ природа,
Течешь творенія въ чертогъ,
Ея чудесный подражатель,
Ея сокровищъ обладатель!...

Тамъ — горняго восторга полнъ,
Въ минуты сладкихъ вдохновеній,
Приникнувъ слухомъ къ шуму волнъ,
Къ порывамъ облачныхъ смятеній,
Къ трясущимъ твердь небесъ громамъ,
И къ гуламъ труса разъяренныхъ,
И къ тихо плещущимъ ключамъ,
И къ стонамъ горлицы смиренныхъ,
И къ трелямъ сладкимъ соловья —

Беретъ свою златую лиру,
Гремитъ!... О чудо! гдѣ, гдѣ я?
Я чуждъ вещественному міру;
Я слышу въ трепетныхъ струнахъ:
Свирѣпыхъ ярость, слабыхъ страхъ,
Страстей пылающихъ боренья,
Раздоръ народовъ, битвы кликъ,
Любви и дружества мученья,
И сердца нѣжнаго языкъ!...
О даръ гармоніи священной!
О хоръ божественныхъ пѣвцовъ,
Благотворителей вселенной!...
Вожди семействъ, творцы градовъ,
Вы дали смертнымъ духъ и нравы,
И доблесть низвели съ небесъ...
Глашатаи безсмертной славы,
Пророки сѣверныхъ чудесъ,
Поютъ Державинъ, Ломоносовъ,
И отдаленнымъ временамъ
Вѣщаютъ о побѣдахъ россовъ!...
Послушны генія мечтамъ,
Животворятся скалы мертвы;
Металлъ и мраморъ предстаютъ
Любви народной въ память, въ жертвы,
Потомству позднему на судъ!
Восхощетъ: полотно вдругъ дышетъ,
И мысль и чувство — во плоти,
Зари играютъ, пламень пышетъ,
И молній рѣются пути;
И самая непостижимость
Подъ кистію его живой
Небесную пріемлетъ зримость
Для очарованныхъ душой!...

Тамъ сходитъ онъ, испытный зритель,
Въ подземный міръ, въ Плутоновъ домъ;
Природы тайнъ распорядитель,
Даритъ насъ златомъ и сребромъ;
Тамъ, водъ преуглубляясь въ бездны,
Являетъ новы царства намъ;
Тамъ, обтекая круги звѣздны,
Даетъ законы онъ мірамъ:
Съ Линнеемъ, съ выспреннимъ Бюффономъ
Хозяйствуетъ въ ея садахъ,
Или съ божественнымъ Ньютономъ
Дѣлитъ свѣтъ солнечный въ лучахъ;
Съ Франклиномъ, дерзостный, отъемлетъ
У молній крыла, гаситъ громъ;
Трезубецъ у Нептуна вземлетъ
И бури тяготитъ ярмомъ...
Огнь, воздухъ, и земля, и воды
Его сознаютъ всюду мощь!...

Склонитесь передъ нимъ, народы!...
Невѣжества разсѣявъ нощь,
Препоны дикости поправый,
Вотъ онъ—Помпилій, Пиѳагоръ!...
Какъ органъ вышнія державы,
Съ таинственныхъ нисходитъ горъ,
Дубовой вѣтвію вѣнчанный:
«Примите, чада, мой завѣтъ —
Возстань господствовать, избранный,
Любви божественной клевретъ;
Взаимность, польза, трудъ и нужды
Въ союзъ сплетитеся святой:
Гдѣ вѣра, Богъ—тамъ смертнымъ чужды

Вражда, алчба, раздоръ слѣпой;
Возстановитесь царства; троны
И будь основа имъ — законы!...»
Изрекъ, и на алтарь сердецъ
Священны возложилъ скрижали;
Снисшелъ гармоніи творецъ —
И дни блаженства просіяли!...

Но вотъ, какъ бурныя моря,
Сыны безумія смутились:
Текутъ, неистовствомъ горя,
Противъ царей совокупились;
Законы, троны пали въ прахъ;
Повсюду смерть и разрушенье...
Гдѣ, гдѣ небесъ благословенье,
Гдѣ геній мира?... Битвъ въ поляхъ?...
Не бойтесь: съ вами, съ вами сильный!
Во броню правды облеченъ,
Любовью, вѣрой укрѣпленъ,
И духа силою обильный
Течетъ, какъ пламень по лугамъ,
Какъ громъ раскатный по горамъ,
Какъ буря въ безднахъ воспаленна...
Суворовъ здѣсь — и Альповъ нѣтъ!...
Кутузовъ тамъ — молчитъ геенна,
И злобы сокрушенъ навѣтъ!...
О день, о подвиги святые,
День человѣчества всего!...
Кто сохранитъ плоды златые
Успѣха, геній, твоего?...

Ты самъ, ты, геній благотворный!
Вотъ мечъ оливою обвивъ,

Единымъ небесамъ покорный,
Земнаго сердце устранивъ,
Священны узы укрѣпляетъ,
Любовь и дружество живитъ,
Царей въ совѣтахъ предсѣдаетъ,
Съ безсмертнымъ смертное миритъ;
Предъ Божьимъ алтаремъ — свѣтило,
Пророкъ могучій — средь людей;
Въ судахъ — одѣтый свыше силой,
Безстрастный судія страстей;
Мудрецъ — въ тиши уединенья,
Рачитель нравовъ правоты,
Врагъ буйной разума мечты
И другъ прямаго просвѣщенья...

Царица всѣхъ добротъ земныхъ,
Величіе талантовъ, знаній,
О правота — вѣнецъ благихъ,
Твердыня мудрыхъ начинаній —
Въ какой странѣ, въ какихъ вѣкахъ
Ты не была превозносимой?
Въ какихъ чувствительныхъ сердцахъ,
Ты не была боготворимой?
Пускай безтрепетный герой,
Въ кровавыхъ битвахъ знаменитый,
Гремитъ невѣрною молвой,
И мечъ свой, лавромъ перевитый,
Во храмъ торжествъ, честей несетъ —
Коль къ смертнымъ чуждъ былъ состраданья,
Что̀ правота о немъ речетъ?
«Не хвалъ достойный — наказанья,
Герой, низвергни мечъ твой въ прахъ!...»

Пускай властитель сей надменный,
Съ грозой карающей въ рукахъ,
Гнететъ народы имъ плѣненны —
Какой отъ правды приговоръ?
«Онъ былъ злодѣй,» гласитъ потомство;
И вѣчный, гибельный позоръ
Накажетъ лесть и вѣроломство!...
Пускай блестящій лжемудрецъ,
Стезей змѣяся ухищренной,
Присвоитъ самъ себѣ вѣнецъ
Къ стыду обманутой вселенной —
«Ты — ложный геній!» правота
Ему речетъ свой судъ нельстивый;
И гдѣ твой блескъ и красота,
Вѣнецъ лжегенія кичливый?...
Такъ! Божій гласъ, ты возгремишь
Умамъ коварнымъ въ наказанье,
И ложь, и злобу обличишь;
Лишь правота — умовъ сіянье!...
Смотрите: тамъ, какъ бурный вѣтръ,
Несется средь пустынь, сквозь тучи,
Великихъ вождь, великій Петръ,
Преобразитель нашъ могучій!...
Какъ звѣзды свѣтлыя, въ вѣкахъ
Горятъ благихъ мужей дѣянья:
Катоновъ, Долгорукихъ прахъ
Кропимъ слезой воспоминанья!...
Реветъ, волнуяся, Скамандръ,
Но не потопитъ Ахиллеса:
Угасъ для міра Александръ,
Но въ храмѣ вѣчности завѣса
Предъ нимъ, какъ небо, раздралась,

И радуга безсмертной славы
Съ его кончиной разлилась
По тучамъ сѣверной державы!...

«Ты живъ, краса земныхъ царей;
Ты намъ воскресъ, Благословенный!»
Какъ гулъ торжественный морей,
Гремитъ правдивый гласъ вселенной.
Монархъ любви и правоты
На тронѣ россовъ воцарился;
Иль ты съ небесной высоты
Къ намъ въ Николаѣ ниспустился!...
Питомцы счастливыхъ наукъ,
Къ добру исполненные рвенья!
Монархъ — талантовъ юныхъ другъ,
Вѣнцы—любимцамъ просвѣщенья!...
Пылайте, души и сердца,
Къ нему любовью благодатной:
Теките всѣ передъ отца,
Какъ рѣки въ тишинѣ отрадной!...
Пройдетъ земная лѣпота,
Исчезнутъ козни вѣроломства,
Но душъ великихъ красота
Воскреснетъ въ памяти потомства;
Почтутъ правдиваго царя
Святою мздой благословеній,
И грянетъ русская земля:
Хвала тебѣ, нашъ добрый геній!...

1833.

Бонапарте.

(Изъ Лямартина).

Есть дикая скала на лонѣ океана:
Съ крутыхъ ея бреговъ, подъ ризою тумана,
Привѣтствуетъ тебя — задумчивый пловецъ —
Гробница мрачная, обмытая волнами;
Вблизи ея лежатъ обросшіе цвѣтами
    Разбитый скипетръ и вѣнецъ...

Кто здѣсь? Нѣтъ имени!... Спросите у вселенной!
То имя начерталъ булатъ окровавленный
Отъ скиѳскаго шатра до нильскихъ береговъ —
На бронзѣ, на груди бойцовъ ожесточенныхъ,
Въ народныхъ племенахъ, въ мильйонахъ изумленныхъ,
    Предъ нимъ склонявшихся рабовъ.

Два имени вѣкамъ переданы вѣками;
Но никогда, ни чье громовыми крылами
Не разсѣкало міръ съ подобной быстротой;

дѣ, ни чья нога сильнѣе не врѣзала
довъ въ лицо земли — и грозную сковала
  Судьба надъ дикою скалой.

ъ здѣсь его дитя шагами измѣряетъ;
ждебная пята гробницу попираетъ;
мовое чело объято тишиной;
ѣ нимъ въ вечерней мглѣ жужжитъ комаръ ничтожный,
лышитъ тѣнь его одинъ лишь гулъ тревожный
  Волны, летящей за волной.

иръ тебѣ, о прахъ великаго героя,
цѣлъ и невредимъ въ обители покоя.
съ лиры никогда гробовъ не возмущалъ;
гда таила смерть убѣжище для славы;
то не оскорбитъ удѣлъ твой величавый:
  Тебѣ потомство — трибуналъ.

гробъ и колыбель сокрыты въ мглѣ тумана;
гы, какъ молнія, возникъ изъ урагана,
езыменный мужъ вселенную сразилъ.
ь точно славный Нилъ, подъ Мемѳисомъ глубокій,
Мемноновыхъ степяхъ струитъ свои потоки
  Еще безъ памяти, безъ силъ.

ли алтари, разрушилися троны;
міру даровалъ побѣды и законы,
славой нареченъ надъ вольностью царемъ —
ѣкъ, ужасный вѣкъ, который местью грянулъ
царства и боговъ, передъ тобой отпрянулъ
  На шагъ, въ безмолвьи роковомъ.

грознаго числа враговъ не устрашался;
съ призракомъ, второй Израиль, состязался,
ризракъ изнемогъ подъ тяжестью твоей;

Возвышенныхъ именъ могучій осквернитель,
Ты съ слабостью игралъ, какъ демонъ-соблазнитель
Играетъ съ чашей алтарей.

Такъ, если старый вѣкъ, при факелѣ могильномъ,
Терзаетъ, рветъ себя въ отчаяньи безсильномъ,
Издавши вольный кликъ, въ заржавленныхъ цѣпяхъ —
То вдругъ, изъ-подъ земли, герой неблагодарный
Встаетъ, разитъ его — и ложь, какъ сонъ коварный,
Падетъ предъ истиной во прахъ.

Свобода, слава, честь — мечты очарованья —
Гремѣли для тебя, какъ бранныя воззванья,
Какъ отзывъ роковой воинственной трубы,
И слухъ твой, языкомъ невнятнымъ пораженный,
Внималъ лишь одному волненію вселенной
И воплю смерти и борьбы.

И чуждый правъ людей, надменный, величавый,
У міра одного ты требовалъ — державы!
Ты шелъ... и предъ тобой вездѣ рождался путь,
И лавры на скалахъ пустынныхъ зеленѣли;
Такъ мѣткая стрѣла летитъ до вѣрной цѣли,
Хотя бъ сквозь дружескую грудь.

И никогда фіалъ минутнаго безумья
Съ чела не разгонялъ державнаго раздумья;
Ты пурпура искалъ не въ чашѣ золотой;
Какъ воинъ на часахъ, угрюмый и безсонный,
Ни вздоха, ни слезы, ни ласки благосклонной
Ты не дарилъ красѣ младой.

Войну, тревогу, стонъ, лучи зари багровой
На копьяхъ и мечахъ любилъ твой духъ суровый,
И только одного товарища въ бояхъ

тѣяла твоя десница громовая,
:да, широкій хвостъ и гриву воздымая,
Онъ билъ копытомъ сталь и прахъ.

равный никому гордыней равнодушной,
палъ безъ ропота, судьбѣ твоей послушный;
мыслилъ... и презрѣлъ и зависть, и любовь!
въ царственный орелъ, могучій сынъ эѳира,
инъ всевидящій ты взоръ имѣлъ для міра —
И этотъ взоръ былъ: смерть и кровь.

езапно овладѣть побѣдной колесницей,
еленную потрясть могучею десницей,
прать одной ногой трибуновъ и царей,
овать ярмо любви изъ зависти коварной,
ставить трепетать народъ неблагодарный,
Освобожденный отъ цѣпей,

іть вѣка своего и мыслію и жизнью,
інжалы притупить, разсѣять бунтъ въ отчизнѣ,
зрушить и создать всемірные столпы,
дъ заревомъ громовъ, надежды неизмѣнной,
порить у боговъ владычество вселенной —
О сонъ!... о дивныя судьбы!...

палъ, однако, палъ — на пиршествѣ великомъ,
плащъ властительный ты на утесѣ дикомъ
идѣлъ, наконецъ, растерзанный врагомъ —
рокъ, единый богъ, въ котораго ты вѣрилъ,
ь жалости сажень земли тебѣ отмѣрилъ
Между могилой и вѣнцомъ.

если бъ я постигъ глубокія мечтанья,
іасные плоды того воспоминанья,
торое тебя покинуть не могло!...

На доблестную грудь бездѣйственныя руки
Ты складывалъ крестомъ, и тягостныя муки
Мрачили грозное чело.

Какъ пастырь на брегу рѣки уединенной,
Завидя тѣнь свою въ волнѣ одушевленной,
Слѣдитъ ее вблизи и въ нѣдрахъ глубины —
Такъ точно на скалѣ, печальный и угрюмый,
Ты гордо вызывалъ торжественною думой
Дни величавой старины,

И, радуя твои внимательные взоры,
Въ роскошной красотѣ текли они, какъ горы,
И слухъ твой утѣшалъ ихъ ропотъ вѣковой,
И каждая волна, блестящую картину
Раскинувъ предъ тобой, скрывалася въ пучину,
И ты летѣлъ за ней душой.

Вотъ здѣсь ты на мосту, въ огнѣ, передъ громами;
Тамъ степи заметалъ враждебными чалмами;
Тамъ стонетъ Іорданъ, узрѣвъ тебя въ волнахъ;
Тамъ горы подавилъ стопой неодолимой;
Тамъ скипетръ обмѣнилъ твой мечъ непобѣдимый;
А здѣсь... но что за чудный страхъ?

Зачѣмъ ты отвратилъ испуганныя очи?
Блѣдно твое чело!... скажи, во мракѣ ночи,
Чтò бурная волна къ стопамъ твоимъ несетъ?...
Не тяжкой ли войны печальныя картины,
Не кровью ли враговъ обмытыя долины?
Но слава, слава все сотретъ.

Загладитъ все она — все, кромѣ преступленья;
Но перстъ ея, но перстъ... онъ кажетъ жертву мщенья —
Трупъ юноши въ крови... и мутная волна

ла его, несла, и снова возвращалась,
будто судія, въ убійцѣ обращалась
Съ ужасной повѣстью она.

онъ, какъ заклейменъ печатью громовою,
ь быстро закрывалъ чело свое рукою;
кровь изъ-подъ руки прозрачно и свѣтло
ялась и текла струей неукротимой;
ровое пятно, какъ царской діадимой,
Вѣнчало блѣдное чело.

вотъ, тиранъ, и вотъ за это вѣроломство
станетъ на тебя правдивое потомство;
ваваго пятна ничто не истребитъ!
выше и славнѣй соперника Помпея,
кто, скажи мнѣ, кто и Марія злодѣя
Въ тебѣ невольно не узритъ?

меръ, наконецъ, ты смертію народной;
улъ, какъ селянинъ, на пажити безплодной,
ь платы за труды, съ притупленной косой.
емъ вооружась, какъ будто для осады,
ышняго просить суда или награды
Явился ты съ твоей рукой.

послѣдніе часы, болѣзнью изнуренный,
нъ съ своимъ умомъ предъ тайной сокровенной.
алось, онъ искалъ чего-то въ небесахъ;
нятно лепеталъ языкъ его суровый,
ѣлъ произнести невѣдомое слово;
Но замеръ голосъ на устахъ.

нчи—это Богъ, владыка тьмы и славы,
ъ жизни и смертей; онъ силу и державы
чаетъ и назадъ торжественно беретъ.

Отвѣтствуй — онъ одинъ пойметъ непостижимыхъ;
Онъ судитъ и казнитъ царей несправедливыхъ;
Ему рабы даютъ отчетъ.

Но гробъ его закрытъ... онъ тамъ уже... молчанье!
Предъ Богомъ на вѣсахъ добро и злодѣянье!...
Онъ тамъ... съ лица земли исчезъ великій мужъ...
О Боже, кто постигъ пути твоихъ велѣній?
Чтò значитъ человѣкъ? Увы, быть можетъ, геній
Есть добродѣтель падшихъ душъ.

1835.

Людовикъ XVII.

I.

то время небеса отверзлись голубыя;
святой святыхъ огни, какъ лавы золотыя,
новенно разлились въ блистаньяхъ неземныхъ —
праведныхъ мужей божественные сонмы
рѣли юный духъ, къ Предвѣчному несомый
На крыльяхъ ангеловъ младыхъ.

былъ младенца ликъ, прекрасный, лучезарный,
гущій навсегда земли неблагодарной,
одъ сѣнію кудрей, съ алмазною слезой;
съ гимномъ торжества фаланги дѣвъ избранныхъ
красили вѣнкомъ изъ розъ благоуханныхъ
Чело, объятое тоской.

II.

И голоса рекли изъ облака въ то время:
«Блаженствуй, юный духъ! отъ царственнаго бремя
Богъ крѣпости и силъ
Тебя освободилъ!»

— Но гдѣ я царствовалъ? спросила тѣнь младая;
Я узникъ, я не царь! давно ли тѣнь ночная
Съ темницей мрачной и сырой
Меня внезапно разлучила?
Скажи же, Богъ, владыка мой,
Когда я царствовалъ? Темница мнѣ могила;
Отецъ мой палъ отъ злобы палачей;
Я сирота въ кругу людей;
Давно, давно меня забыли;
Меня всего священнаго лишили:
Я матери ищу всегда въ пріятныхъ снахъ;
Я видѣлъ здѣсь ее на свѣтлыхъ небесахъ.—

Архангелы въ отвѣтъ: «Творецъ чадолюбивый
Извлекъ тебя изъ бездны нечестивой,
Воззвалъ къ себѣ отъ страшныхъ мѣстъ,
Гдѣ царствуютъ тираны-кровопійцы,
Гдѣ нарушаютъ миръ гробовъ цареубійцы
И попираютъ дивный крестъ.»

— Итакъ, онъ говорилъ, моей суровой жизни
Я кончилъ длинный путь! итакъ, посолъ обидъ,
Покоя моего на лонѣ сей отчизны
Тюремный стражъ не возмутитъ.

Бога я просилъ въ печали утѣшенья...
:ели онъ мольбѣ моей внималъ —
умеръ я — и цѣпь порабощенья
Съ моею смертью разорвалъ?
вѣрьте мнѣ, я былъ достоинъ сожалѣнья:
нь каждый приносилъ мнѣ лютыя мученья;
гда же, слезъ моихъ не въ силахъ затаить,
плакалъ — то одинъ, безъ матери любимой,
торая бъ могла удѣлъ мой нестерпимый
Одной улыбкою смягчить.
винный и младой — весь ужасъ угнетенья
Я, какъ злодѣй, переносилъ;
никогда не зналъ, какія преступленья
Я въ колыбели совершилъ.
между тѣмъ, предъ казнью этой вѣчной,
ѣ помнится, внималъ я въ сладкой тишинѣ
гласамъ торжества и славы безконечной,
доблестный народъ эгидою былъ мнѣ...
вдругъ покрылось все непостижимой тайной;
Я сталъ добычею оковъ,
на землѣ, какъ листъ поблекшій и случайный,
Подавленъ былъ пятой враговъ.
бросили меня съ глаголами проклятій
› темницу — далеко отъ солнечныхъ лучей...
о вы знакомы мнѣ, о сонмы милыхъ братій!
ы часто надо мной вились во тьмѣ ночей.
Подъ кровожадными руками
оя весна, о Богъ мой, отцвѣла;
о я молю тебя, о правящій вѣками,
Прости имъ злобныя дѣла! —

И пѣли ангелы: «Съ небеснаго ковчега
Завѣса пала предъ тобой!
Духъ юный, пріими крылѣ бѣлѣе снѣга,
Лазурнѣй тверди голубой!
Ты нашъ! младенческія слезы
Мы будемъ вмѣстѣ собирать,
Иль солнцевъ золотыхъ пылающія розы
Дыханьемъ свѣтлымъ обновлять.»

III.

Умолкъ чудесный хоръ; избранные внимали;
Страдалецъ преклонилъ невинную главу;
И вдругъ среди небесъ міровъ мильйоны стали,
Услышавъ гласъ — и всѣ познали Егову!

«О царь, я даровалъ удѣлъ тебѣ суровый:
Носилъ ты на землѣ не скипетръ, а оковы;
Но ихъ, мой сынъ, благослови!
Я врѣзалъ ихъ въ твои младенческія руки,
Но юное чело избавлено отъ муки,
И отъ короны — не въ крови!
Дитя, ты изнемогъ подъ бременемъ страданій,
Межъ тѣмъ, когда цвѣты прекрасныхъ ожиданій
Росли вокругъ твоихъ пеленъ;
Но помни: вѣчный Богъ, Спаситель твой могучій,
Мой Сынъ и Царь, какъ ты, носилъ вѣнецъ колючій,
И крестъ былъ праведнику тронъ.»

1837.

Вѣнокъ на гробъ Пушкина.

I.

Давно ль тебя, о Русь, изъ нѣдръ пустыни дикой
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
Какъ дѣву робкую, на тронъ?
Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья,
Съ улыбкою отца, любви и одобренья,
Твой полуночный небосклонъ?
Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
Онъ новые создалъ великіе народы;
Ихъ въ ризы новыя облекъ.
И ярко засіялъ надъ царскими орлами,
Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
Младой поэзіи вѣнокъ...
Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
Возникли: старина, грядущіе потомки,
И Кантемиръ, и Ѳеофанъ;

И наконецъ, во дни величія и мира,
Взгремѣла и твоя торжественная лира,
Нашъ холмогорскій великанъ.
И что за лира: жизнь! ея златыя струны
Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
Стократъ великаго царя,
И кроткія твои дѣла, Елизавета!
И пѣли все онѣ, въ услышаніе свѣта,
Подъ смѣлой дланью рыбаря.
Открылась для ума невѣдомая сфера,
. . . .
Любовь къ прекрасному зажглась,
И счастія заря роскошно и привѣтно,
До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной,
Отъ водъ балтійскихъ разлилась.
Посѣяли тогда изящныя искусства
Въ груди богатырей возвышенныя чувства;
Окрѣпъ полміра властелинъ,
И обрекли его, въ воинственной державѣ,
Безсмертію вѣковъ и незакатной славѣ —
Петровъ, Державинъ, Карамзинъ.

II.

Потомъ, когда неодолимый
Сынъ революцій, Бонапартъ,
Вознесъ рукой непобѣдимой
Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
Когда подъ сѣнь его эгиды
Склонились робко пирамиды
И Рима куполъ золотой;
Когда смущенная Европа
Въ волнахъ кроваваго потопа

Страдала подъ его пятой;
Когда отважный, внѣ законовъ,
Какъ повелительное зло,
Онъ діадимою Бурбоновъ
Украсилъ дерзкое чело;
Когда, летая надъ землею,
Его орлы, какъ будто мглою,
Мрачили день и небеса;
Когда воинственные хоры
И гимны звучные пѣвцовъ
Ему читали приговоры
И одобренія вѣковъ,
И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословеній
Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманной,
Твой дивный голосъ, о Байронъ!...
Тогда, тогда въ садахъ Лицея,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя,
Разцвѣлъ нашъ дивный корифей;
И гармоническіе звуки
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать.
Шутя перомъ, играя съ лирой,
Онъ Оссіановой порфирой
Хотѣлъ, казалось, обладать.
Онъ росъ, какъ пальма молодая
На Іорданскихъ берегахъ,
Главу высокую скрывая
Въ ему знакомыхъ облакахъ;

И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній,
Возсталъ, какъ новая стихія,
Могучъ, и славенъ, и великъ —
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ него внимало;
Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
Своей поэзіи нагой.
Невинна и смѣла, таинственная дѣва
Отважному ему позволила безъ гнѣва
Себя обвить его рукой;
И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
По лаковымъ парке блистательнаго круга,
Въ дворцахъ царя, князей, вельможъ;
Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ
И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
Мѣняя истину на ложь.
Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
Была въ тоскѣ и на пирахъ,
И никогда, нигдѣ его не покидала;
Какъ милое дитя, задумчиво играла
Или волной его кудрей,
Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
Любила украшать небрежными перстами
Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.
И были времена: унылый и печальный,
Прощался иногда онъ съ музой геніальной,
Искалъ покоя, тишины;

Но и тогда, какъ духъ, приникнувъ къ изголовью,
Она ему съ своей небесною любовью
    Дарила неземные сны.
Когда же, утомясь минутнымъ упоеньемъ,
Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденьемъ,
    Всегда юна, всегда свѣтла,
Красавица земли, она смыкала очи —
То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракѣ ночи
    Для ней рука его рвала.
И въ эти времена невидимая Кліо
Слетала къ своему любимцу горделиво
    Съ правдивой повѣстью вѣковъ;
И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
    Онъ ваши тѣни изъ гробовъ.

IV.

  Гдѣ же ты, поэтъ народный,
Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ;
И могучій, и свободный,
Какъ суровый ураганъ?
Отчего же голосъ звучный,
Голосъ съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охладѣлою душой;
Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему?
Не всегда ли безотчетно,

Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?
О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
Земфиры, Невскихъ береговъ,
Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ,
Ты мчалъ насъ, уносилъ по лону водъ мятежныхъ
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ;
И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ.
Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,
И вдругъ поражены невольнымъ содроганьемъ,
И душу намъ наполнилъ страхъ.
Высоко надъ главой поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальной,
И Пушкинъ — трупъ, и Пушкинъ — прахъ!
Онъ прахъ! довольно! прахъ и прахъ непробудимый!
Угасъ и навсегда, мильйонами любимый,
Державы сѣверной Баянъ.
Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ.

V.

Гимнъ смерти.

Совершилось: дивный геній,
Совершилось: славный мужъ
Незабвенныхъ пѣснопѣній
Отлетѣлъ въ страну видѣній,

Съ лона жизни въ царство душъ.
Пиръ унылый и послѣдній
Онъ окончилъ на землѣ;
Но, безчувственный и блѣдный,
Носитъ онъ вѣнокъ побѣдный
На возвышенномъ челѣ.
О, взгляните, какъ свободно
Это гордое чело;
Какъ оно въ толпѣ народной,
Величаво, благородно,
Новой жизнью разцвѣло.
Если гибельнымъ размахомъ
Безпощадная коса
Незнакомаго со страхомъ
Уравнять умѣла съ прахомъ,
То узрѣлъ онъ небеса.
Тамъ, подъ сѣнію благова,
Милосердаго творца,
Безъ печальнаго покрова,
Встрѣтятъ жителя земнова,
Знаменитаго пѣвца.
И святое провидѣнье
Слово мира изречетъ,
И небесное прощенье,
Какъ земли благословенье,
На главу его сойдетъ...
Тогда, какъ духъ безплотный, величавый,
Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
Увидитъ яркій, свѣтлый день;
И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
Мильонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
Его торжественная тѣнь;

И окружитъ ее надъ облаками
Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
Необозримый легіонъ,
Петрарка, Тассъ, Шенье — добыча казни —
И руку ей, съ улыбкою пріязни,
Подастъ задумчивый Байронъ.
И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
Оплакали тебя и старый, и младой,
И совершили долгъ послѣдній и священный,
Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой,
И блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
Поэзія груститъ надъ урною твоей —
Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы жадный,
О Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней.
Душистые вѣнки великіе поэты
Готовятъ для нея, второй Анакреонъ;
Но вѣрю я — и мой въ волнахъ суровой Леты,
Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ:
На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ.

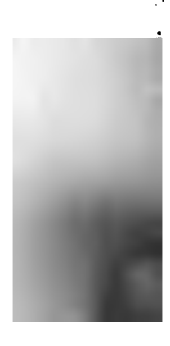
VI.

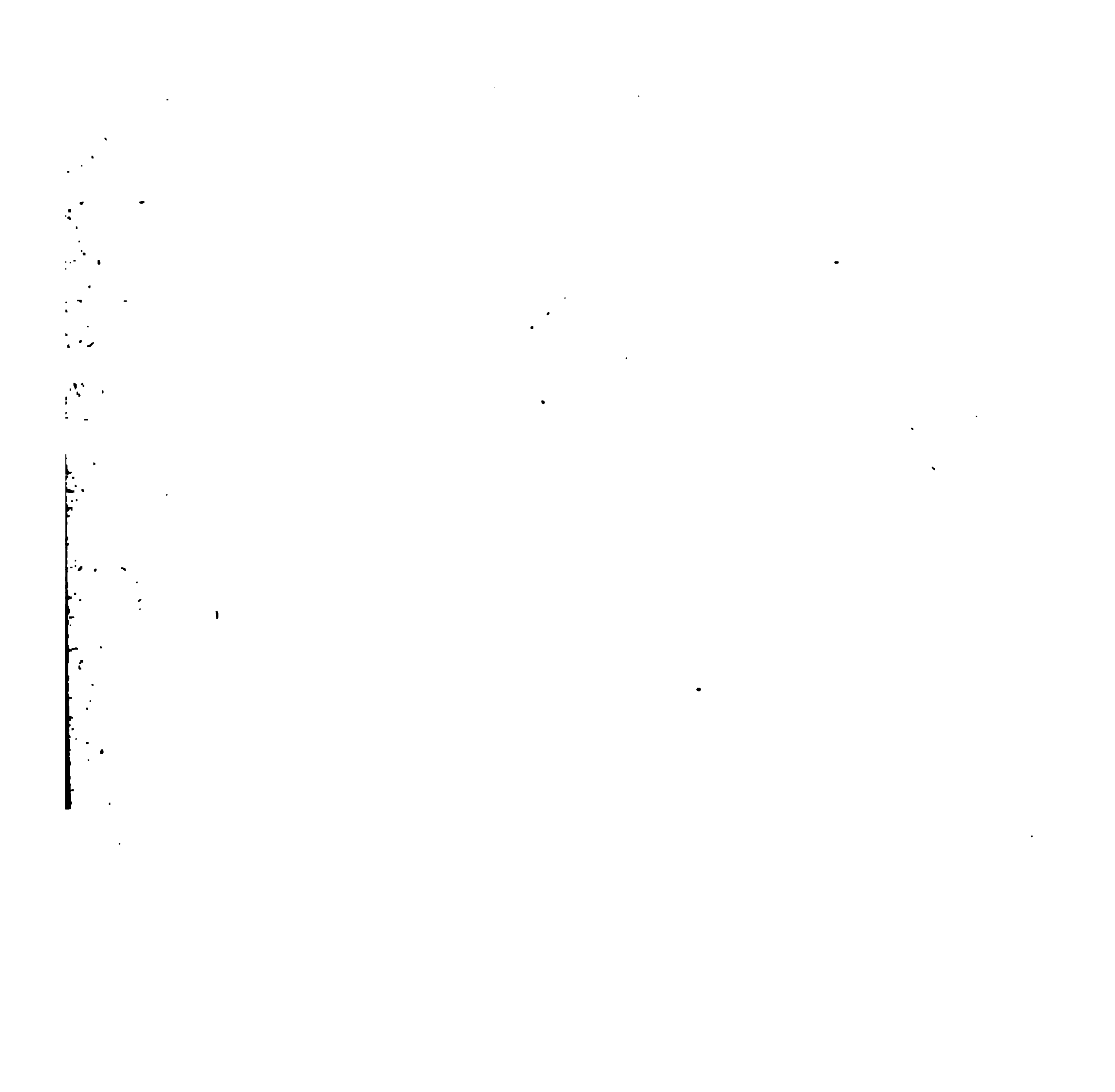
Утѣшеніе.

Надъ лирою твоей, разбитою, но славной,
Зажглася и горитъ прекрасная звѣзда;
Она облечена щедротою державной
Великодушнаго царя.

САТИРИЧЕСКІЯ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ И ПОЭМЫ





1825—1826.

Сашка.

Къ читателямъ.

Не для славы—
Для забавы
  Я пишу;
Одобренья
И презрѣнья
  Не прошу.
Пусть кто хочетъ,
Тотъ хохочетъ,
  Я и радъ;
А развратенъ,
Непріятенъ—
  Пусть бранятъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

«Мой дядя—человѣкъ сердитый,
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто,
Его немного я люблю.
Онъ чортъ, когда разгорячится,
Дрожитъ, какъ пустится кричать,
Но жаръ въ минуту охладится—
И тихъ мой дядюшка опять.
Зато какая же мнѣ скука,
Весь день при немъ въ гостиной быть,
Какая тягостная мука
Лишь о походахъ говорить.

II.

«Супругѣ строить комплименты,
Платочки съ полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Дѣтей въ колясочкѣ катать,
Точить имъ сказочки да лясы,
Водить въ саду въ день раза три
И строить разныя гримасы,
Бормоча: «чортъ васъ побери!»
—Такъ, растянувшись на телегѣ,
Студентъ московскій размышлялъ,
Когда въ ночномъ изъ ней побѣгѣ
Онъ къ дядѣ въ Питеръ поскакалъ.

III.

Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ:
Его фамилья Полежаевъ,
А дальше... эхъ, друзья, не вдругъ!
Я парень и безъ васъ болтливый,
Лишь только бъ васъ не усыпить,
А то внимайте терпѣливо,
Я радъ весь вѣкъ свой говорить.
Быть можетъ, въ Пензѣ городишка
Несноснѣе Саранска нѣтъ —
Подъ нимъ есть малое селишко,
И тамъ мой другъ увидѣлъ свѣтъ...*

IV.

Нельзя сказать, чтобы богато
Иль бѣдно жилъ его отецъ,
Но все довольно таровато,
И промотался наконецъ.
Но это прочь!... Отцу быть можно
Такимъ, сякимъ и разсякимъ,
Намъ говорить о сынѣ должно:
Посмотримъ, вышелъ онъ какимъ.
Какъ быстро съ горъ весенни воды
Въ долины злачныя текутъ,
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ годы
Его младенчества пройдутъ.

---

* Покрышкино, имѣніе Струйскихъ, близъ Саранска, Пензенской губерніи.

V.

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ,
И первый Сашеньки учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ французскомъ Соломонъ,
И что дитя болталъ исправно
Весь сквернословья лексиконъ.
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ «барыню» игралъ,
И что въ . . . ., бабкахъ, свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ.

VI.

Вотъ Сашѣ десять лѣтъ пробило,
И началъ папенька судить,
Что не весьма бы худо было
Его другому поучить.
Бичъ хлопнулъ! тройка быстрыхъ коней
Въ Москву и день и ночь летитъ,
И у француза въ пансіонѣ
Шалунъ за книгою сидитъ.
Я думаю, что всѣмъ извѣстно,
Чтò значитъ модный пансіонъ.
Итакъ не многимъ будетъ лестно
Узнать, чему учился онъ.

VII.

Должно быть, кой-чему учился,
Иль выучилъ онъ на алтынъ,

Когда достойнымъ учинился
Носить студента знатный чинъ!
О, родины прямыхъ студентовъ —
Гёттингенъ, Вильно и Оксфордъ!
У васъ не можетъ брать патентовъ
Дуракъ, алтынникъ или скотъ;
У васъ не можетъ колокольный
Звонарь на лекціи сидѣть,
Вертѣться въ шляпѣ треугольной
И шпагу при бедрѣ имѣть.

VIII.

У васъ не вздумаетъ мальчишка
Шипѣть, надувшись: я студентъ!
Вы судите, пусть онъ князишка,
Да въ немъ ума ни капли нѣтъ!
У васъ студентъ есть мужъ почтенный,
А не паршивецъ, не пошлякъ,
Не полоумишко презрѣнный
И не съ червонцами дуракъ!
У васъ таланты въ уваженьи,
А не поклоны въ трехъ верстахъ;
У васъ заслугамъ награжденье,
А не привѣтствіямъ въ сѣняхъ!

IX.

Не ректоръ духомъ вашимъ правитъ —
Природный умъ вамъ кажетъ путь,
И онъ вамъ честь и чинъ доставитъ,
А не: «нельзя ли какъ нибудь!»
Но ты козлиными брадами

Лишь пресловутая земля,

. . . .

. . . .

Когда тебѣ настанетъ время
Очнуться въ дикости своей?...

X.

Но что я?... Гдѣ?... Куда сокрылся
Вниманья нашего предметъ?...
Ахъ, господа, какъ я забылся:
Я самъ и русскій, и студентъ...
Но это прочь... Вотъ въ вицмундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ пріятелемъ въ трактирѣ,
Какой-то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ,
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ...

XI.

Кричитъ... Пуншъ блещетъ, брызжетъ
Графины, рюмки дребезжатъ,
И вкругъ гуляки молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ...
Махнулъ — и бубны зазвучали
Какъ громъ по тучамъ прокатилъ,
И крикъ цыганской «Черной шали»
Трактира своды огласилъ;
И дикій вопль, и восклицанья
Согласны съ пылкою душой,

И палъ студентъ въ очарованьи
На перси дѣвы молодой.

XII.

Кто жъ сей, во славѣ буйной зримый,
Младой роскошный эпикуръ,
Царицей Паѳоса любимый,
Средь нимфъ увѣнчанный Амуръ?
Друзья, никакъ не можетъ статься,
Чтобъ всякій вдругъ не отгадалъ,
И мнѣ пришлось бы извиняться,
Зачѣмъ я прежде не сказалъ.
Ахъ, мигъ счастливый, быстротечный
Волшебныхъ, юношескихъ лѣтъ!
Блаженъ, кто въ радости сердечной
Тебя сорвалъ, какъ вешній цвѣтъ.

XIII.

Блаженъ, кто слезъ ручей горючій
Рукой Анюты утиралъ;
Блаженъ, кто жизни путь колючій
Виномъ отраднымъ поливалъ.
Пусть смотритъ Гераклитъ унылый,
Съ улыбкой жалкой на тебя,
Но ты блаженъ, о другъ мой милый,
Забывъ въ весельи самъ себя.
Отринемъ, свергнемъ съ себя бремя
Старинныхъ умственныхъ цѣпей,
Которыхъ гибельное время
Еще щадитъ до нашихъ дней.

XIV.

Хорошъ философъ былъ Сенека;
Еще умнѣй—Платонъ мудрецъ;
Но черезъ два или три вѣка
Они ей-ей не образецъ.
И въ тѣхъ, и въ новыхъ шарлатанахъ
Лишь сборъ нелѣпостей однихъ;
Да и весь свѣтъ нашъ на обманахъ
Или духовныхъ, иль мірскихъ.
Но полно, я заговорился,
А какъ мой Саша пировать
. . . . въ трактирѣ научился,
Я и забылъ вамъ разсказать.

XV.

Не знаю я, или природный
Умишко маленькій въ немъ былъ,
Иль пансіонъ учено-модный
Его лозами поселилъ;
Но лишь учась тому, другому,
Онъ кое-что перенималъ
И, словъ не тратя попустому,
Кой въ чемъ довольно успѣвалъ:
Могъ изъясняться по-французски
И по-нѣмецки лепетать,
А что касается по-русски —
То даже риѳмы сталъ кропать.

XVI.

Хоть математикѣ учиться
Охоты вовсе не имѣлъ,

Но поколоться, порубиться
Съ лихимъ гусаромъ не робѣлъ.
Онъ зналъ науки и другія,
Но это болѣе любилъ...
Ну, вѣдь нельзя жъ, друзья драгіе,
Сказать, чтобъ онъ невѣжда былъ!
Притомъ же, правду-матку молвить,
Уменъ — не то, что не ученъ:
Иной куда гораздъ какъ спорить —
Переученъ, а не уменъ!

XVII.

По моему, семинариста
Хоть разучи, Богъ знаетъ какъ,
Строка въ строку . . . .
Прочтетъ на память — а дуракъ.
Я для того здѣсь объ ученыхъ
И умныхъ началъ разсуждать,
Что мнѣ не хочется объ оныхъ
И о наукахъ толковать.
Итакъ ни слова о наукахъ...
Черты характера его:
Свобода въ мысляхъ и поступкахъ,
Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей
(О, жажда вольности строптивой
И необузданность страстей),
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закоренѣлой.

XVIII.

. . . .
Я для того распространяюсь
О столь существенныхъ вещахъ,
Что Сашу выказать стараюсь,
Какъ самого, во всѣхъ мѣстахъ;
Чтобъ знали всѣ его, какъ должно,
Съ сторонъ — хорошей и худой;
Да и, клянусь, ей-ей неложно
Онъ скажетъ самъ, что онъ такой.
Конечно, многимъ не по вкусу
Такой удалый сорванецъ,
. . . .
А право добрый молодецъ.

XIX.

Вотъ все, чему онъ научился —
Свидѣтель университетъ!
Хотя бъ Рафаэль самъ трудился —
Не лучше бъ снялъ съ него портретъ.
Теперь, какими же судьбами,
Меня вы спросите опять,
Сидитъ въ трактирѣ онъ . . . . .
Извольте слушать и молчать.
Рожденный пылкимъ отъ природы,
Не долго былъ онъ средь оковъ:
Искалъ онъ буйственной свободы —
И сталъ свободнымъ, былъ таковъ.

XX.

Какъ вихрь иль конь мятежный въ полѣ
Летитъ, въ свирѣпости своей,

Такъ въ первый разъ его на волѣ
Узрѣлъ я въ пламени страстей.
Ни вы — театры, маскарады,
Ни дамъ московскихъ лучшій цвѣтъ,
Ни петиметрскіе наряды —
Не были думъ его предметъ.
Нѣтъ, не такихъ мой Саша правилъ;
Онъ не былъ отъ роду бонтонъ,
И не туда совсѣмъ направилъ
Полетъ орлиный, быстрый онъ.

XXI.

Туда, гдѣ шумное веселье,
Въ рояхъ неистовыхъ, кипитъ,
Отколь все свѣта принужденье
И скромность ложная бѣжитъ;
Туда, гдѣ Бахусъ полупьяный
Объ руку съ Момусомъ сидитъ,
И съ сладострастною Діаной,
Разнѣжась, юноша шалитъ;
Туда, туда всегда стремились
Всѣ мысли друга моего,
И Вакхъ, и Момусъ веселились,
Принявъ въ товарищи его.

XXII.

Въ его пирахъ не проливались
Ни Донъ, ни Рейнъ и ни Токай:
Но сильно, сильно разливались
Иль пуншъ, иль грозный сиволдай.
Ахъ, время, времечко лихое!
Тебя опять не наживу,

Когда, бывало, съ Сашей двое
Вверхъ дномъ мы ставили Москву.
Пока я живъ на свѣтѣ буду,
Въ какихъ бы ни былъ я мѣстахъ,
Нѣтъ, никогда не позабуду
О нашихъ буйственныхъ дѣлахъ.

XXIII.

Деру «завѣсу темной нощи»
Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней
И вижу: въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей.
Фуражки, взоры и походка —
Все дышетъ жизнью и поетъ;
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ...
Идемъ, качаясь, величаво —
И всѣ дорогу намъ даютъ,
А дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.

XXIV.

Идемъ... И горе тебѣ, дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ!
«Молчать,» кричимъ, насупясь звѣрски,
«Иль выбьемъ потроха какъ разъ!»
Толпа иль дамъ, иль дѣвъ стыдливыхъ
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ миленькихъ, смазливыхъ,
И харкаемъ въ глаза коргамъ.
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ;
Пусть дураки на насъ глядятъ!

Намъ все равно: хвалы не ищемъ,
Пусть что угодно говорятъ!

XXV.

Но вотъ... темнѣе и темнѣе...
Народъ разбрелся по домамъ.
«Извощикъ!» — Здѣсь, сударь! — «Живѣе,
Пошелъ на Срѣтенку . . . .
— Но, но! — И дрожки затрещали.
Летимъ Москвой, летимъ — и вотъ
Къ знакомымъ дѣвамъ прискакали,
Запоръ сломали у воротъ.
. . . .

XXVIII.

Нѣтъ, нѣтъ! и абрисъ невозможно
Такой картины начертать.
Чтобъ это чувствовать, то должно
Самимъ собою испытать.
Но вотъ подъ гибкими перстами
Поетъ гитара, контрабасъ,
И по козлиному межъ нами
Прекрасный сочинился вальсъ!
Возись! Пуншъ плещетъ, брызжетъ пиво,
Полштофы съ рюмками летятъ; —
А колокольчикъ несонливый
Ужъ бьетъ заутренній набатъ...

XXIX.

. . . .
Дымъ каждую туманилъ кровлю,
Ползли ерыги къ кабакамъ,

Шли хищныхъ полчища на ловлю,
И шайки нищихъ тамъ и сямъ.
Прощайте жъ, милыя красотки,
Теперь намъ нечего зѣвать!
Итакъ, допивъ остатокъ водки,
Пошли домой мы съ Сашей спать.

XXX.

Ахъ, много, много мы шалили!
Быть можетъ, пошалимъ опять;
И много, много старой были
Друзьямъ найдется разсказать,
Во славу университета.
Какъ будто вижу я теперь
Осаду нашу комитета!
Вотъ Саша мой стучится въ дверь.
«Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ?»
Оттуда голосъ закричалъ.
«Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ,»
Сердито Саша отвѣчалъ.

XXXI.

Сказавъ, какъ вихорь устремился —
И дверь низверглася съ крючкомъ,
И, заревѣвши, покатился
Лакей съ желѣзнымъ фонаремъ.
Се ты, о Сомовъ незабвенный!
Твоею мощной пятерней
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой!
Какъ лютый волкъ стремится Саша
На дѣву блѣдную одну

И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью, на полу.

XXXII.

Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно избіенныхъ дѣвъ!...
И вдругъ огнями освѣтился
Пространный комитета дворъ,
И съ кучерами появился
Свирѣпыхъ буфелей дозоръ.
«Держи!» повсюду крикъ раздался,
И быстро бросились на насъ;
И бой ужасный завязался...
О грозный день, о лютый часъ!

XXXIII.

Шинели, шляпы и фуражки
Съ героевъ буйственныхъ летятъ
И — что я зрю? О небо! Сашкѣ
Веревкой руки ужъ крутятъ!...
«Mon cher!» кричитъ онъ, задыхаясь:
«Сюда! здѣсь всѣхъ не перебью!»
Народъ же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
Ахъ, Саша! что съ тобою будетъ?
Тебя въ рогатку закуютъ
И рой друзей тебя забудетъ...
Нѣтъ, нѣтъ! ужъ Калайдовичъ тутъ!

XXXIV.

Онъ тутъ — и нѣтъ тебѣ злодѣя:
Твою веревку онъ сорвалъ
И, какъ медвѣдь, все свирѣпѣя,
Во прахъ всѣхъ буфелей поклалъ.
Одной своей телячьей шапки
Уже вовѣкъ ты не узришь;
А самъ, безвреденъ послѣ схватки
Опять за пуншемъ ты сидишь;
Пируй теперь, мой Ждановъ милый,
Твоя обида отмщена,
И проясни свой ликъ унылый
Стаканомъ пѣннаго вина.

XXXV.

И ты, мой другъ въ тогдашни годы,
Теперь — подлецъ и негодяй,
Настрой-ка, Пузинъ, братъ, аккорды,
Возьми гитару и взыграй,
Взыграй чувствительнѣе барда.
Коврайскій! вотъ сивуха — пей!
Прочь, прочь, Надеждинъ, отъ бильярда;
Коль проигралъ, такъ не робѣй!
А ты, нашъ чайный разливатель,
Окушенскій, не отходи,
И, какъ порядка наблюдатель,
За пиромъ радостнымъ гляди!

XXXVI.

Засядемъ дружескимъ соборомъ
За столъ, уставленный виномъ,

И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ
Лихую пѣсню запоемъ...
Летите, грусти и печали,
. . . .
Давно, давно мы не бывали
Въ такомъ божественномъ кругу!
Скачите, дѣвы, припѣвая:
Виватъ, нашъ Саша-молодецъ!
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей-Богу, удалецъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Чуть освѣщаемый луною,
Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
Когда съ уныньемъ и тоскою
Его верхи узрѣлъ мой другъ.
На облучкѣ, спустивши ноги,
Въ забытьи жалкомъ онъ сидѣлъ
И объ оконченной дорогѣ
Въ сердечной думѣ сожалѣлъ.
Стаканъ послѣдній сиволдая
Передъ заставой осушилъ,
И, изъ телеги вылѣзая,
Онъ молчаливъ и смутенъ былъ.

II.

Нева широкая струилась
Близъ постоялаго двора,

И недалеко серебрилось
Изображеніе Петра.
Все было тихо; не спокойно
Въ душѣ лишь Саши моего,
И не смыкалися невольно
Глаза потухшіе его,
Недавно буйнаго студента
Съ дымящимся отъ трубки ртомъ;
Онъ, прислонясь у монумента,
Стоялъ съ потупленнымъ челомъ.

III.

«Увы, увы!... часы веселья,
Вы пролетѣли будто сонъ!...»
Такъ въ петербургскомъ новосельѣ,
Вздохнувши тяжко, молвилъ онъ:
«Быть можетъ, долго, молодыя
Красотки, мнѣ васъ не видать!...
. . . .

IV.

«Прощайте, звонкіе стаканы,
И пуншъ, и мощный ерофей!
Быть можетъ, други мои пьяны
Теперь пируютъ . . . .
И сны пріятные осѣнятъ
Глаза, сомкнутые виномъ,
И яркіе лучи освѣтятъ
Ихъ упоенныхъ крѣпкимъ сномъ!
А я?... Увы, увы, несчастный,
Я бъ проклялъ восходящій день!...»

Умолкъ... и лучъ денницы ясной
Разсѣевалъ ночную тѣнь.

V.

Эхъ, Саша! какъ тебѣ не стыдно,
Сробѣлъ, лихая голова!
Ей-Богу, слышать намъ обидно
Такія вздорныя слова.
Когда ты былъ такою бабой?
Когда такъ трусилъ и тужилъ?
Какъ мальчикъ глупенькій и слабый
При видѣ розогъ пріунылъ.
Что ты въ Москвѣ накуралесилъ
И голъ остался, какъ соколъ —
Такъ и раскисъ, и носъ повѣсилъ...
Пошелъ, братъ, къ дядюшкѣ, пошелъ!...

VI.

И что жъ, друзья?... Вѣдь справедливо
Онъ дядю чортомъ называлъ:
Вѣдь какъ же онъ краснорѣчиво
Его сначала отщелкалъ!
Такую задалъ передрягу,
Такую пѣсенку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бѣднягу,
Что тотъ лишь слушалъ, да потѣлъ;
Потомъ все тише, да смирнѣе,
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Потомъ все ласковѣй, добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.

VII.

А Саша тутъ и распустился,
И чувствуетъ, что виноватъ,
Раскаялся — и прослезился.
А дядя?... Боже мой, какъ радъ!
Повѣсу грязнаго обмыли,
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ,
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть нельзя, до ногъ.
Повеселиться тамъ нисколько,
Никакъ не думавъ, не гадавъ,
Пируетъ Саша мой и только!
Опять въ кругу своихъ забавъ.

VIII.

Гдѣ видъ московскаго гуляки?
Куда дѣвался пухлый ликъ?
Голо-кургузо въ модномъ фракѣ,
Въ отличной шляпѣ à la pique,
Въ подбитомъ бархатномъ жилетѣ,
Въ рукахъ хлыстъ англійскій несетъ;
Вотъ, избоченясь, на проспектѣ
Онъ съ миной важною идетъ.
Червонецъ свѣтлый, драгоцѣнный,
И на театры въ первый рядъ
Билетъ на кресло ежедневный
Въ карманѣ брюкъ его лежатъ.

IX.

Съ какой улыбкою кичливой
На прочихъ франтовъ онъ глядитъ,

Какой улыбкою сонливой
И дамъ, и барышень даритъ!
Съ какой пріятностью играетъ
И машетъ хлыстикомъ своимъ,
И какъ искусно задѣваетъ
Подъ ножки дѣвушкамъ онъ имъ;
Какой бонтонъ въ осанкѣ, взорахъ,
Какую важность возымѣлъ.
Но вотъ на ухарскихъ рессорахъ
Въ театръ, разлегшись, полетѣлъ.

X.

Вошелъ. Съ небрежностью лакею
Билетъ, сморкаясь, показалъ
И, изогнувши важно шею,
Глазами ложи пробѣжалъ.
Взгремѣла Фрейшюца музыка;
Громъ плесковъ залу огласилъ,
И всякъ отъ мала до велика
И упоенъ, и тронутъ былъ.
Что жъ Саша? Съ видомъ пресыщенья,
Разлегшись въ креслахъ, онъ сидитъ,
И лишь съ улыбкой сожалѣнья
Въ четыре стороны глядитъ.

XI.

Напрасно fora всѣ кричали;
Онъ свой выдерживалъ bon ton,
И въ самомъ дѣйствія началѣ
Спокойно пуншъ пить вышелъ онъ;
Напрасно, милая Дюрова,
Твой голосъ всѣхъ обворожалъ:

Онъ не разслышалъ ни полслова,
Но только ножку увидалъ.
Напрасно, Антонинъ воздушный,
Ты рѣзалъ воздухъ, какъ зефиръ:
Для тону Сашѣ будетъ скучно,
Хотя бъ растѣшилъ ты весь міръ.

XII.

Да и нельзя же въ самомъ дѣлѣ...
Смотрите, онъ въ какомъ кругу!
Народъ не тотъ здѣсь . . . .
Все видишь ленту иль звѣзду!
И шутки въ сторону откинуть —
Съ нимъ рядомъ первая вѣдь знать;
Итакъ пристойно ль ротъ разинуть
И дуракомъ себя казать.
Такъ, разъ и твердо затвердивши,
Всегда мой Саша поступалъ,
И, каждый день въ театрѣ бывши,
Роль полусоннаго игралъ.

XIII.

Но какъ же былъ за-то онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полутихо нѣжно-томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ.
Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ всегда благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ.
По Лѣтнему ль гуляетъ саду —
Не свищетъ пѣсенки, небойсь;

Хоть будь красотка — ни полвзгляду
Не кинетъ прямо и ни вкось.

XIV.

Съ какою пылкостью восторга
Хвалилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты,
Съ какимъ онъ жаромъ удивлялся
Наполеонову уму,
И какъ дѣлами восхищался
Моро и Нея, и Даву;
Бранилъ всѣхъ русскихъ безъ разбора
И въ Эрмитажѣ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта, ни взора...
О плутъ! . . . .

XV.

И потакалъ, и лицемѣрилъ,
И льстилъ безсовѣстно, и вралъ —
А честный дядя всему вѣрилъ
И шуту денежки давалъ...
Бывало только онъ съ Мильйонной,
А дядя: «Гдѣ, дружочекъ, былъ?»
— «Да я-съ (куда какой проворный),
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ Дворецъ;
Какая славная погода!»
. . . .

XVI.

Ахъ ты, проклятая собака,
Вѣдь что̀ мошенникъ не совретъ!
А хоть ругай—мой забіяка
Живетъ да пѣсенки поетъ...
Звенитъ цѣлковыми-рублями,
Летаетъ фертикомъ въ садахъ,
Пируетъ, нѣжится . . . .
И сушитъ водку въ погребахъ.
Ну, что̀ ты дѣлать съ нимъ прикажешь?
Не хочетъ слышать ужъ объ нась...
Эй, Саша! или не покажешь
Въ Москву своихъ спесивыхъ глазъ?

XVII.

Постой! не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ Café de France ты будешь пить,
И шейки обнимать лилейны,
И въ шляпѣ à la pique ходить!
Постой, не вѣчно Петербурга
Красотокъ будешь цѣловать,
Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ къ намъ, опять!
Гуляй, пируй, пока возможно,
Крути, помадь свой хохолокъ,
Минуты упускать не должно,
Играй, сбоченясь à la coq!

XVIII.

Не выпускай изъ рукъ стакана,
Отъ Каратыгина зѣвай,

И въ ресторацiи съ дивана,
Дымясь въ вакштафѣ, не вставай;
Катайся въ лодочкахъ узорныхъ,
Лови, обманывай жидовъ,
И мчись на рысакахъ проворныхъ
До позднихъ полночи часовъ…
. . . .
А дядя мыслитъ кое-что:
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто нанято.

XIX.

Различноцвѣтными огнями
Горитъ въ Москвѣ Кремлевскiй садъ,
И пышнопестрыми рядами
Въ немъ дамы съ франтами кишатъ.
Музыка шумная играетъ
На флейтахъ, бубнахъ и трубахъ,
И гулъ гремящiй завываетъ
Кремля высокаго въ стѣнахъ.
Какiя радостныя лица,
Какой веселый, милый мiръ!
Всѣ обитатели столицы
Сошлись на общiй будто пиръ.

XX.

Какое множество букетовъ,
Индiйскихъ шалей и чепцовъ,
Плащей, тюрбановъ и лорнетовъ,
Подзорныхъ трубокъ и очковъ;
И смѣсь роскошная въ нарядахъ,
И лицъ различныя черты,

И выраженія во взглядахъ
Кокетства юной красоты!
. . . .

XXI.

Какъ изъ-подъ шляпки сей игриво
Глазокъ прищуренный глядитъ;
Что для мужчинъ она учтива,
Онъ очень ясно говоритъ.
На грудь лилейную другая
Власы небрежно разметавъ,
И всѣхъ прельстить собой желая,
Нарочно гордый кажетъ нравъ;
Вуалемъ съ нѣжностію вѣя,
Иная томно такъ идетъ;
Но подойди къ ней, не робѣя —
Она и ручку подаетъ.

XXII.

Все живо, все разнообразно,
Все можетъ умъ развеселить!
Тамъ избоченился приказный,
Напрасно ловкимъ хочетъ быть;
Здѣсь купчикъ, тросточкой играя,
Вполнѣ доволенъ самъ собой;
Тамъ, съ генераломъ въ рядъ шагая,
Себя такимъ же чтитъ портной.
Вельможа, поваръ и сапожникъ,
И честный, и подлецъ, и плутъ,
Купецъ, и блинникъ, и пирожникъ —
Всѣ трутся и другъ друга жмутъ.

XXIII.

Но чтò? Не призракъ ли мнѣ ложный
Глаза внезапно ослѣпилъ?
Чтò вижу я? Ужель возможно,
Чтобъ это Саша мой ходилъ?...
Его ухватки и движенья,
Его осанка, взоръ и видъ...
Какое странное сомнѣнье...
И духъ, и кровь во мнѣ кипитъ...
Иду къ нему... трясутся ноги...
Все ближе милыя черты...
Дрожу, страшусь... колеблюсь... боги!...
О другъ любезный, это ты?...

XXIV.

Друзья, завѣсу опускаю
На нашу радость и восторгъ;
Такой минуты, сколько знаю,
Никто намъ выразить не могъ.
Сердцамъ же вѣрнымъ и открытымъ
И все желающимъ узнать,
Умамъ чрезъ мѣру любопытнымъ
Довольно, кажется, сказать,
Что разъ пятнадцать мы обнявшись
И оросивъ слезами грудь,
И разъ пятнадцать цѣловавшись,
Въ трактиръ направили свой путь.

XXV.

Не вспомнишь все, чтò мы болтали,
Но все, чтò онъ мнѣ разсказалъ,

Вы передъ этимъ прочитали,
И я ни капли не совралъ.
Одно лишь только онъ прибавилъ,
Что дядя въ университетъ
Еще на годъ его отправилъ,
И что довольно съ нимъ монетъ.
«Сюда! дѣвицъ!» потомъ гремящимъ
Своимъ онъ гласомъ возопилъ,
И пуншемъ нектарнымъ, кипящимъ
Въ минуту столъ обрызганъ былъ.

XXVI.

Ты видѣлъ, Поль, когда на дрожкахъ
Къ тебѣ онъ быстро подлетѣлъ,
Въ то время съ книгой у окошка,
Дымясь въ вакштафѣ, ты сидѣлъ.
Ты помнишь, о Коврайскій славный,
Студентовъ честь и красота,
Какой ты встрѣчею забавной
Его порадовалъ тогда:
Растрепаннымъ, мертвецки пьянымъ
Тебя онъ въ нумерѣ засталъ...
. . . .

XXVII.

Ты зрѣлъ, любезный мой Костюшка,
Его какъ стельку самого,
И снова, толстенькая Грушка
Ты страстно нѣжила его.
Виватъ, трактиры! . . . . .
Пожива будетъ еще вамъ,
И погребки не опустѣли,

Когда пріѣхалъ Саша къ намъ.
Въ весельи буйственномъ съ друзьями
Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
А разноцвѣтными огнями
Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ...

ЭПИЛОГЪ.

Друзья, вотъ нѣсколько дѣяній
Изъ жизни Саши моего...
Быть можетъ, градъ ругательствъ, брани
Какъ дождь посыплютъ на него.
И на меня, какъ корифея
Его распутства и безчинствъ,
Нагрянетъ, злобой пламенѣя,
Какой нибудь семинаристъ...
Но я ихъ столько презираю,
Что даже слушать не хочу,
И что про Сашу вновь узнаю —
Ей-ей ни въ чемъ не умолчу.

1826.

Иманъ-козелъ.

Въ одной деревнѣ, недалеко
Отъ Триполи иль отъ Марокко —
Не помню я — жилъ человѣкъ,
По имени Абдулъ-Мелекъ.
Не только хижины и мула
Не заводилось у Абдула,
Но даже вѣрнаго куска
Подъ часъ иной у бѣдняка
Въ запасной сумкѣ не случалось.
Онъ пилъ и ѣлъ, гдѣ удавалось,
Ложился спать, гдѣ Богъ привелъ,
И, словомъ, жизнь такъ точно велъ,
Какъ независимыя птицы
Или поклонники царицы,
Котору вольностью зовутъ,
Или какъ нищіе ведутъ.

Съ утра до вечера съ клюкою
И упрошающей рукою,
Бродя подъ окнами домовъ
Пророка ревностныхъ сыновъ,
Онъ ждалъ святаго подаянья;
Молилъ за чувства состраданья
Съ слезой притворной небеса;
Потомъ осушивалъ глаза
Своимъ изодраннымъ кафтаномъ,
И шелъ другимъ магометанамъ
Одно и то же повторять.

Такъ жилъ Абдулъ лѣтъ двадцать пять,
А можетъ быть еще и болѣ,
Какъ вдругъ однажды, сидя въ полѣ
И роя палкою песокъ,
Нашелъ онъ кожаный мѣшокъ.
Абдулъ узлы на немъ срываетъ,
Нетерпѣливо открываетъ,
Глядитъ — и что жъ? О Магометъ!
Онъ полонъ золотыхъ монетъ.
«Чтò вижу я! ужель возможно?
Алла, не сонъ ли это ложный?»
Воскликнулъ радостно бѣднякъ...
«Нѣтъ, я не сонный! точно такъ...
Червонцы, цѐхины безъ счету...
Абдулъ! покинь свою заботу
О пищѣ скудной и дневной;
Теперь ты тотъ же, да другой...»
Схватилъ Абдулъ свою находку,
Какъ воинъ плѣнную красотку,
Бѣжитъ, не зная самъ куда,

Имѣнью радъ — и съ нимъ бѣда!
Бѣжитъ, что силъ есть, безъ оглядки,
Лишь воздухъ разсѣкаютъ пятки,
Земли не видитъ подъ собой.
И вотъ лѣсокъ предъ нимъ густой.
Вбѣжалъ, взглянулъ, остановился
И на мѣшокъ свой повалился.

«Ну, слава Богу!» говоритъ,
«Теперь онъ мнѣ принадлежитъ.
Червонцы все, да какъ прелестны:
Круглы, блестящи, полновѣсны;
Какая чистая рѣзьба!
О, презавидная судьба
Владѣть подобною монетой;
Я не видалъ милѣе этой.
И можно ль статься? Я — одинъ
Теперь ей полный властелинъ!
Я... я... Абдулъ — презрѣнный нищій,
Который для насущной пищи
Два дня лохмотья собиралъ
И ихъ дѣвать куда не зналъ,
Я — бездомовный, я — бродяга...
. . . .
Блаженъ скупой, блаженъ стократъ,
Зарывшій первый въ землю кладъ!
Такъ, такъ! на лоно сладострастья,
На лоно выспренняго счастья,
Въ объятья гурій молодыхъ,
Къ горамъ червонцевъ золотыхъ,
На крыльяхъ вѣтра ангелъ рока
Тебя по манію пророка,

Душа святая, принесетъ —
Тамъ, тамъ тебя награда ждетъ.»
. . . .
. . . .
И снова радостный Абдулъ
На груду золота взглянулъ,
Вертѣлъ мѣшокъ передъ собою,
Ласкалъ дрожащею рукою
Его плѣнявшіе кружки
И вѣсилъ, сколь они легки,
И прикасался къ нимъ устами,
И пожиралъ ихъ всѣ глазами,
И быстро въ землю зарывалъ,
И снова, вырывши, считалъ.
Такъ обезьяна у Крылова
Надѣть очки была готова
Хотя бы на уши свои,
Того не зная, что они
Даны глазамъ въ употребленье.

И вотъ дивится все селенье,
Въ которомъ жилъ Абдулъ-Мелекъ.
«Откуда этотъ человѣкъ
Изъ самыхъ бѣдныхъ, какъ извѣстно,»
Заговорили повсемѣстно,
«Откуда деньги получилъ?
Ну, такъ ли прежде онъ ходилъ?
Какой нарядъ, какое платье!
Ему ли, нищенской ли братьѣ
Носить такія епанчи?
(А онъ одѣлся ужъ въ парчи...).
Давно ли мы изъ состраданья

Ему давали подаянья;
И онъ смиренно у дверей,
Въ чалмѣ изодранной своей,
Босой и голый, ради неба,
Просилъ у насъ кусочка хлѣба —
И вдругъ богатъ сталъ! отчего?...»

«Готовъ и домъ ужъ у него!»
Другой сказалъ съ недоумѣньемъ,
И всѣ объяты удивленьемъ.
«И домъ готовъ! нельзя понять,
А какъ изволитъ отвѣчать,
Коль намекнешь ему объ этомъ.
Ну, заклинай хоть Магометомъ,
А онъ одно тебѣ въ отвѣтъ:
Мнѣ Богъ послалъ.— Ни да, ни нѣтъ.
Чтò хочешь говори — ни слова.
Ты подойдешь: Абдулъ, здорово!
Откуда денегъ ты досталъ?
А онъ проклятый: Богъ послалъ.
Такой отвѣтъ — на что похоже!»
«Да, да! и мнѣ твердитъ все то же,»
Шепталъ завистливый Иманъ,
«Но я открою сей обманъ.
Конечно, много можетъ вѣра,
Однако жъ, не было примѣра,
Чтобъ за хорошія дѣла
Давалъ червонцы намъ Алла.
Люби его всю жизнь усердно,
А все умрешь такъ точно бѣдно,
Какимъ родила мать тебя,
Когда не любишь самъ себя

И тамъ прохлопаешь глазами,
Гдѣ должно дѣйствовать руками.
Пой эти пѣсни простакамъ
И легковѣрнымъ, а не намъ.
Я сорокъ лѣтъ уже Иманомъ,
И если съ денежнымъ карманомъ,
То отъ того, что мало сплю
И кой-что грѣшное люблю.
И какъ, мой другъ, ни лицемѣришь,
Меня ничѣмъ не разувѣришь:
Нашелъ ты, вѣрно, добрый кладъ;
Проспорить голову я радъ...»

И углубился въ размышленье:
Какимъ бы образомъ имѣнье
Себѣ Абдулово достать.
Пронырствомъ истину узнать —
Старанье тщетное — не можно:
Себя ведетъ онъ осторожно.
Прокрасться въ домъ къ нему тайкомъ
И деньги вынудить ножомъ —
Успѣхъ невѣрный и опасный;
Просить на бѣдныхъ — трудъ напрасный;
Взаймы — не дастъ, украсть — нельзя...
Иманъ выходитъ изъ себя:
Нѣтъ средства обмануть Абдула.
Гадалъ, гадалъ, и вдругъ мелькнула
Ему идея сатаны:
Пришельцемъ адской стороны,
Иль просто дьяволомъ съ когтями,
Въ козлиной шкурѣ и съ рогами,
Абдула ночью напугать

И деньги дьяволомъ отнять.
«Прекрасно, чудно, несравненно!»
Кричалъ стократно, восхищенный
Своею выдумкой, Иманъ:
«Какъ дважды-два мой вѣренъ планъ!»
Сказалъ, и разомъ все готово.
Козла здороваго, большаго,
Въ хлѣву поспѣшно ободралъ,
На палкахъ шерсть его распялъ;
Сперва рукой, потомъ другою,
Потомъ совсѣмъ и съ головою
Въ него съ усиліемъ онъ влѣзъ.
И сталъ прямой козелъ и бѣсъ.

«Какъ, какъ! Иманъ въ козлиной шкурѣ?
Не можетъ быть того въ натурѣ,»
Кричатъ пятнадцать голосовъ,
«Не можетъ быть людей-козловъ!»

Друзья мои! пустое дѣло —
Могу увѣрить очень смѣло
И васъ, и прочихъ молодыхъ
Людей неопытныхъ такихъ,
Что въ сто иль въ тысячу разъ болѣ
Искусствъ таинственное поле
Открыто глупымъ дикарямъ,
Чѣмъ нашимъ важнымъ хвастунамъ,
Всезнайкамъ гордымъ и надменнымъ,
Полуневѣждамъ просвѣщеннымъ.
Повѣрьте: множество вещей
(Прочтите Тысячу Ночей),
Которыхъ мы не понимаемъ,

И нагло вздоромъ называемъ,
Враньемъ, несбыточной мечтой,
Въ степяхъ Аравіи святой,
За индостанскими горами,
За неоткрытыми морями —
Не выдумки и не мечты,
А такъ извѣстны, такъ просты,
Какъ наше древнее преданье
Объ очень чудномъ наказаньѣ
Царицей Ольгою древлянъ,
Какъ всякій рыцарскій романъ,
Какъ предреченіе кометы,
Какъ Фонтенели и Боннеты...
Въ козла запрятался Иманъ,
Какъ русскій прячется въ кафтанъ.
Въ козлины лапы всунулъ ноги,
На головѣ явились роги,
Съ когтями, бородой, хвостомъ —
И, словомъ, сдѣлался козломъ.

Коль говорить вамъ правду надо,
Я не видалъ сего наряда;
Но будь на мѣстѣ я — не я,
Когда хоть каплю отъ себя
Въ моемъ разсказѣ я прибавилъ:
Мнѣ это свѣдѣнье доставилъ
Одинъ пріѣхавшій арабъ,
По имени Врилги-хапхапъ.
Онъ человѣкъ весьма пріятный
И, что̀ важнѣе, вѣроятный —
Не лжетъ ни слова — и онъ самъ
Свидѣтель этимъ былъ дѣламъ.

Спустилась ночи колесница;
Небесъ лазоревыхъ царица,
Блеснула блѣдная луна;
Умолкло все, и тишина
Простерлась въ дремлющемъ селеньи.
Свершивъ обряды омовенья,
Облобызавши алкоранъ,
Семейства мирныхъ мусульманъ
Предались сладкому покою.
Одинъ, съ преступною душою,
Въ одеждѣ бѣса и козла,
Забывъ, что бодрствуетъ Алла,
И видятъ все пророка очи,
Одинъ лишь ты во мракѣ ночи,
Иманъ-чудовище, не спишь;
Какъ тѣнь нечистая, скользишь,
Какъ духъ, по улицѣ безмолвной,
Корысти гнусной, злобы полный —
Ты не Иманъ, а Вельзевулъ.

И вдругъ встревоженный Абдулъ —
Къ нему стучится кто-то, слышитъ,
И за дверьми ужасно дышетъ,
И дико воетъ, и скрипитъ,
И хриплымъ гласомъ говоритъ:
«Абдулъ, Абдулъ! вставай скорѣе,
Покинь твой страхъ, будь веселѣе;
Твой гость пришелъ — твой другъ и братъ.
Отдай назадъ, отдай мой кладъ;
Узнай во мнѣ Адрамелеха.»
И снова грозный голосъ смѣха,
И визгъ, и скрежетъ раздались;

Крючки на двери потряслись;
Трещитъ она — валится съ гуломъ,
И предъ трепещущимъ Абдуломъ
Козелъ рыкающій предсталъ...
«Отдай мой кладъ!» онъ закричалъ.
«Отдай!» взревѣлъ громоподобно;
«Мнѣ было дать его угодно —
И отниму его я вновь.
Гдѣ, гнусный червь, твоя любовь
И благодарность за услугу
Мнѣ, избавителю и другу?
. . . .
Кому, о дерзостный, кому
Дерзалъ ты жаркія моленья,
Въ пылу восторга и забвенья,
За тайный даръ мой приносить?
. . . .
Куда, Адамовъ сынъ презрѣнный,
Моей рукой обогащенный,
Златыя груды ты сорилъ?
Меня ли тратой ихъ почтилъ:
Позналъ ли ты мірское счастье,
Забавы, роскошь, сладострастье,
Веселье буйное пировъ
И плѣнъ заманчивыхъ грѣховъ?
Ты не искалъ моей защиты;
Пророкъ угрюмый и сердитый
Тебѣ пріятнѣе меня —
Тебѣ не нуженъ болѣ я!...
Итакъ, свершись предназначенье:
Впади, какъ прежде, въ униженье!

Отдай мой даръ, отдай мой кладъ —
И будь готовъ за мною въ адъ!...»

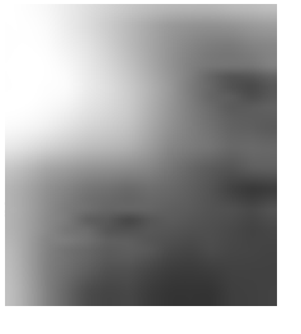
«О сильный духъ, о духъ жестокій!»
Вскричалъ Абдулъ въ тоскѣ глубокой,
«Постой, постой! возьми твой кладъ,
Но страшенъ мнѣ, ужасенъ адъ...
. . . .
. . . .

Иманъ, схвативъ скорѣй мѣшокъ,
Лихимъ козломъ изъ дому скокъ:
Ему какъ пухъ златое бремя,
Какъ Архимедъ въ старинно время,
Нашелъ! онъ радостно кричитъ
И безъ души домой бѣжитъ.
Примчался, кинулъ деньги въ сѣно
И сталъ изъ дьявольскаго плѣна
Свой грѣшный трупъ освобождать,
И такъ и сякъ, тянуть и рвать
Бѣсовъ лукавыхъ облаченье.
Нѣтъ, ни искусство, ни умѣнье,
Ничто ни мало не беретъ:
Козлина шерсть съ него нейдетъ;
Вертится, бѣсится, кружится,
Пытаетъ снять съ себя козла —
Нѣтъ силы... кожа приросла.

Что дѣлать? Бѣдный ты невѣжда!
Исчезла вся твоя надежда:
Сырое липнетъ на сухомъ —
А ты не слыхивалъ о томъ?

Когда бъ ты зналъ хотя немного,
Что запрещается престрого
Отъ европейскихъ докторовъ
(Отъ самыхъ свѣдущихъ головъ)
Не только въ шкуры кровяныя
И не совсѣмъ еще сухія
Влѣзать, какъ ты изволилъ влѣзть,
Но даже стать на нихъ иль сѣсть —
Чему есть многія причины
(Которыхъ, впрочемъ, безъ латыни
Тебѣ не можно разсказать),
То вѣрно бъ шкуру надѣвать
Тебѣ не вздумалось сырую;
Теперь же плачь и вопи: вскую!

Реви, завистливый Иманъ,
Кляни себя и свой обманъ,
Терзайся, лей рѣкою слезы;
Твое лукавство и угрозы
Увлечь ограбленнаго въ адъ
Теперь тебя лишь тяготятъ;
И шерсть козлиная съ тобою
Пребудетъ ввѣкъ, какъ съ сатаною,
Который съ радостію злой
Теперь летаетъ надъ тобой.
«Иманъ, Иманъ!» тебѣ на ухо
Шипитъ ужасный голосъ духа,
Какъ шорохъ листьевъ иль змѣи,
«Пріятны ль цѣхины мои?»
Напрасно, мучимый тоскою,
Окованъ мощною рукою,
Бѣжишь въ обитель спящихъ женъ;



Онѣ невинны: легкій сонъ
Смыкаетъ сладостно ихъ очи,
Для нихъ отрадны тѣни ночи,
Въ душѣ ихъ царствуетъ покой.
Напрасно съ просьбой и мольбой
Ты ожидаешь сострадапья;
Твой гнусный видъ, твои рыданья,
Твои слова: «я вашъ супругъ,»
Какъ громомъ, ихъ сразили вдругъ.
Испуга пагубнаго жертвы,
Онѣ упали полумертвы
При этихъ горестныхъ словахъ.
«Не мужъ явился къ намъ въ рогахъ,
Съ брадой и шерстію козлиной;
Но духъ подземный, нечестивый,
Принявъ козла живаго видъ,
Его устами говоритъ.»

И крикъ дѣтей, и женъ смятенье,
И въ домѣ страшное волненье,
И визгъ, и вой: «Алла, Алла!»
И быстролетная молва,
И рѣчи, сказки объ Иманѣ,
И о смѣшномъ его кафтанѣ
Въ селеньи быстро разнеслись.
«Гдѣ, гдѣ онъ?» вопли раздались;
«Кажите намъ сего урода!»
И сонмы буйнаго народа
Къ нему нахлыпули на дворъ.
«Вотъ духъ нечистый, вотъ мой воръ!»
Кричалъ, съ горящими глазами,
И угрожая кулаками,

И внѣ себя Абдулъ-Мелекъ.
«Отдай, презрѣнный человѣкъ,
Сейчасъ мѣшокъ мой съ золотыми,
Или я въ адъ тебя за ними,
Исчадье адово, пошлю;
Отдай мнѣ собственность мою!»
«Абдулъ, Абдулъ!» сказалъ несчастный,
«Теперь я вижу, что напрасно
Не чтилъ я Аллу моего:
Правдиво мщеніе его.
Возьми твой кладъ: мнѣ бѣсъ лукавый
Вдохнулъ поступокъ мой неправый...»

«Теперь онъ болѣ не Иманъ;
Его на петлю, на арканъ!»
Кричалъ народъ ожесточенный.
«Пускай во всѣ концы вселенной
Пройдетъ правдивая молва,
Что такъ, за гнусныя дѣла,
У насъ караютъ всѣхъ злодѣевъ.
. . . .

«Ура!» раздался общій крикъ,
«Пророкъ божественный великъ!
Предъ нимъ не скрыты преступленья,
И грозенъ часъ его отмщенья!
Покинь, Абдулъ, покинь твой страхъ:
Иманъ и кладъ въ твоихъ рукахъ!...»

«Такъ награждаются обманы
И козлоногіе Иманы!»
Абдулъ безжалостно твердилъ

И по селу его водилъ
Съ веревкой длинною на шеѣ.
«Сюда скорѣй, сюда скорѣе!»
Кричали зрители вокругъ;
И хилый дѣдушка, и внукъ,
И старъ, и молодъ собирались,
Козлу смѣшному удивлялись
И тайно думали: «Алла!
Не дай намъ образа козла!»

Уже то время миновало;
Имана бѣднаго не стало;
Покрыла гробъ его ковыль;
Но неизгладимая быль
Живетъ въ преданьяхъ и разсказахъ,
И объ Имановыхъ проказахъ
Тамъ и доселѣ говорятъ
И дѣтямъ маленькимъ твердятъ:
«Дитя мое! не дѣлай злаго
И не желай себѣ чужаго,
Когда не хочешь быть козломъ:
За зло вездѣ заплатятъ зломъ.»
И въ часъ полночи молчаливой
Ребенокъ робкій и пугливый
Со страхомъ по полю бѣжитъ,
Гдѣ хладный прахъ его лежитъ.
И мусульманинъ правовѣрный
Еще доселѣ суевѣрно
Готовъ пришельцу чуждыхъ странъ
Сказать, что мертвый ихъ Иманъ

Нерѣдко, вставъ изъ гроба, бродитъ
И крикомъ жалостнымъ наводитъ
Боязнь и трепетъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Что — страшно думать о козлахъ.

1829—1834.

День въ Москвѣ.

Я дома... Боже мой, насилу вижу свѣтъ!
Мой милый, посмотри, въ умѣ я или нѣтъ?
Не видишь ли во мнѣ внезапной перемѣны?
Похожъ ли на себя? Съ какой ужасной сцены
Сейчасъ я ускользнулъ!... гдѣ былъ я, о творецъ!
Я мукой заслужилъ страдальческій вѣнецъ!...
Нѣтъ, Сидоръ Карповичъ, покорнѣйшимъ слугою
Прошу меня считать, но въ домъ къ вамъ ни ногою
Хотя бъ вы умерли — не буду никогда.
«Что̀ сдѣлалось съ тобой?» — Бѣда, бѣда, бѣда! —
«Положимъ, что бѣда; но объяснись, какъ должно.»
— Нѣтъ силъ пересказать, наказанъ я безбожно.
Послушай и суди: сегодня поутру
Самъ чортъ меня занесъ къ Mademoiselle Тру-тру,
Извѣстной жрицѣ модъ, торгующей духами,
Ликеромъ, шляпками и многими вещами,

) коихъ я судить ни мало не привыкъ
[о правилу: держи на привязи языкъ;
}зялъ дюжину платковъ, матерій для жилетовъ
[, осмотрѣвъ мильйонъ шнуровокъ и корсетовъ,
аказанныхъ у ней почетнымъ щегольствомъ,
Хотѣлъ благодарить за ласки кошелькомъ;
Какъ вдругъ преддверіе блистательнаго храма
Звенитъ и хлопаетъ... Вуаль отброся, дама
Съ дѣвицей въ локонахъ вступаетъ въ магазейнъ,
И милости прошу: баронша Крепсенштейнъ!
Взошла — и началась ужасная тревога:
«Bonjour, ma chère! Ба, ба, скажите, ради Бога,
Ужели это вы, почтенный нашъ Сократъ?»
Онѣ, какъ сговорясь, вдругъ обѣ мнѣ пищатъ;
«Ахъ, Боже мой! вотъ смѣхъ, вотъ чудеса, вотъ странно!
Серьёзный господинъ, который безпрестанно
Поноситъ женскій полъ и моды, и весь свѣтъ,
Заѣхалъ къ Mademoiselle купить себѣ лорнетъ,
Колечко, медальонъ иль что нибудь такое.
И что же? На софѣ посиживаютъ двое,
Какъ будто о дѣлахъ приличный разговоръ
Ведутъ наединѣ!» Такой нелѣпый вздоръ,
Безстыдство матери и дочери въ огласку,
Невольно бросили меня сначала въ краску,
И я уже хотѣлъ почтенной Крепсенштейнъ
Сказать и пояснить, что если магазейнъ
Француженки Тру-тру слыветъ Пале-Рояломъ,
То ей, окутанной огромнѣйшимъ вуаломъ,
Едва ль не совѣстно съ дѣвицей пріѣзжать
Въ такой свободный домъ товары покупать.
Но быстро всѣ мои тяжелыя заботы
Пресѣкли новые парижскіе капоты.

«Ахъ прелесть! что̀ за цвѣтъ! прекраснѣйшій фасонъ!
А эти складочки, а этотъ капишонъ!...
Ахъ, маменька! скорѣй, немедленно обновы.»
— Изволь, мой другъ, изволь! — отвѣтъ всегда готовый
Былъ дочкѣ радостной. Баронша въ кошелекъ,
А кошелекъ, какъ пухъ, и тонокъ, и легокъ.
«Смотрите, да онъ пустъ!» баронша закричала,
«Ахъ, мой создатель! какъ забывчива я стала!
Безъ денегъ выѣзжать! а все заторопясь.
Mais à propos — ко мнѣ съ улыбкой обратясь,
Сказала дружески — я видѣла при входѣ,
Что есть у васъ большой бумажный курсъ въ расходѣ.
Прошу, отдайте ей за эти пустяки,
А завтра мы сочтемъ и прежніе долги.»
Что̀ дѣлать мнѣ? Полѣзъ къ бумажнымъ кредиторамъ
И, въ знакъ почтенія къ уродливымъ узорамъ
Парижскихъ епанчей, три сотни заплатилъ.
За-то мнѣ и хвала! сказали: какъ онъ милъ!
Конечно, очень милъ — подумалъ я съ досадой
И проклялъ магазинъ со всей его помадой,
Чепцами, блондами, а болѣе всего
Съ гостями вѣчными броншами его.
Потомъ съ покупкою и книжкою карманной,
Довольно гибкою отъ встрѣчи нежеланной,
Я ѣхалъ отдохнуть въ досужный часъ домой.
Но вотъ Кремлевскій садъ пестрѣетъ предо мной.
Нельзя не погулять. «Ѳома, держи лѣвѣе,
Къ воротамъ. Стой!» и слѣзъ. Иду большой алеей,
Любуюсь зеленью и пышностью цвѣтовъ;
Сажусь подъ арками. Тутъ запахъ пирожковъ,
Паштетовъ, соусовъ — приманка сибарита —
Невольно моего коснулся аппетита.

›лпы зѣвакъ еще и гастрономовъ нѣтъ, —
›думалъ я, — велю подать себѣ котлетъ
 выпью рюмки двѣ хорошаго Донскаго.
›думалъ — и взошелъ; велѣлъ — и все готово.
› только сѣсть хотѣлъ, дверь настежъ — и Осдовъ
› отборной партіей бульварныхъ молодцовъ,
къ водится всегда, охотниковъ до рома,
›тлетъ, чужой жены и до чужаго дома,
алилъ прямехонько въ ту комнату, гдѣ я
›товилъ скромное занятье для себя.
Іюбезнѣйшій мой другъ, старинный мой пріятель!»
кричалъ, обнявъ меня, сей новый истязатель.
Здоровъ ли, живъ ли ты? Скажи, какой судьбой
ривелъ меня Господь увидѣться съ тобой?
›зволь, тебя всего сто разъ я поцѣлую!
›тъ другъ мой, господа! мой другъ, рекомендую;
рошу его любить: онъ все равно, что я.
 вамъ представлю ихъ — все добрые друзья:
›тъ князь Свистовъ, а вотъ поэтъ Ахтикропаловъ,
ерчковъ, Бостонниковъ, Облизовъ и Пропаловъ.
І-ей, сердечно радъ! знакомьтесь поскорѣй;
ы время проведемъ какъ можно веселѣй!»
 съ этимъ словомъ всѣ нахалы, пустомели,
ртясь и кланяясь, вокругъ меня обсѣли.
›тлеты, между тѣмъ, свернулися въ желе
 лакомили мухъ покойно на столѣ.
естокая бѣда! но вотъ еще мученье!
ляется паштетъ, огромное строенье,
›ржественный вѣнецъ искусства поваровъ,
› свитой водокъ, винъ и влаги всѣхъ родовъ.
›чтеннѣйшій Осдовъ, на откупъ взявъ желудки,
къ истинный дѣлецъ, успѣлъ уже за сутки

Впередъ распорядить явленье пирога —
И снова я въ рукахъ могучаго врага!
Облизовъ, приступя къ рѣшительному бою,
Сразилъ чудовище искусною рукою;
Огромный зѣвъ его на части раздѣлилъ,
И всякій съ лезвіемъ ко трупу приступилъ.
Припомни, какъ терзалъ Демьянъ сосѣда Фоку,
Какъ потчивалъ его безъ отдыху и сроку,
И градомъ потъ съ него, несчастнаго, бѣжалъ;
Такъ точно и меня знакомецъ угощалъ
Безъ срока, отдыха и даже безъ оглядки!
«Да кушай, милый мой, вотъ ножка куропатки,
Цыплята, голуби и фаршъ — и все тутъ есть.
Отвѣдай же, мой другъ, прошу тебя я въ честь.»
Хочу сказать, что сытъ — не дастъ отвѣтить слова;
Лишь только я начну — и рюмка мнѣ готова.
«Пей, пей, любезнѣйшій! поменьше говори.
Чтò за бордо, сотернъ, шампанское, смотри!
Да кстати, добрый нашъ поэтъ Ахтикропаловъ,
Ты такъ запрятался межъ рюмокъ и бокаловъ,
Что мудрено тебя найти и съ фонаремъ.
Отсвистнись-ка, мой другъ, какимъ нибудь стишкомъ!»
«Готовъ!» сказалъ поэтъ съ довольною улыбкой;
Перстъ ко лбу — и въ ушахъ раздался голосъ хрипкой:
«Я съ удовольствіемъ сижу
Въ кругу друзей почтенныхъ,
И съ чистой радостью гляжу
На строй бутылокъ пѣнныхъ,
Которыхъ слезы, какъ хрусталь
Лазурный, бѣлый и румяный,
Кропятъ граненые стаканы —

И, не откладывая вдаль,
Запью послѣднюю печаль.»
Скончалъ. Бутылка хлопъ — въ фіалѣ зашипѣло,
И «браво», какъ ядро изъ пушки, загремѣло...
«Списать стихи, списать! вотъ истинный поэтъ!
Какъ скоро и легко! отличнѣйшій куплетъ!»
И вдругъ карандаши и книжки записныя
Посыпались на столъ въ хвалу и честь витіи.
А я... какъ думаешь? Скорѣе шляпу, трость,
Да въ общей кутерьмѣ, какъ запоздалый гость,
Забывши заплатить за грѣшныя котлеты,
Которыя опять быть могутъ подогрѣты,
Бѣжать, да какъ бѣжать! Безъ памяти, безъ силъ
Нашелъ свой экипажъ, какъ бѣшеный вскочилъ.
«Пошелъ, Ѳома, пошелъ! скорѣе, ради Бога!»
Пусть тамъ о бѣглецѣ идетъ у нихъ тревога.
Уже двѣ улицы остались позади;
Я духъ переводилъ свободнѣе въ груди,
И только изрѣдка, исполненный боязни,
Погони ожидалъ, какъ будто смертной казни.
Но всѣ несчастія, нарочно сговорясь,
Предъ домомъ Трефиной меня толкнули въ грязь,
Безъ всякой милости, съ Ѳомой, кабріолетомъ,
Журналомъ дамскихъ модъ и наконецъ пакетомъ
Матерій и платковъ Mademoiselle Тру-тру.
Какъ Вакховъ гражданинъ, проснувшись поутру,
Невесело встаетъ съ услужливой постели,
Вставалъ изъ грязи я безъ плана и безъ цѣли.
Вдругъ тонкій голосокъ воздушною струей
Раздался надъ моей печальной головой:
«Вы ль это? Боже мой! какое приключенье!
Не сдѣлалось ли вамъ удара отъ паденья?

Вотъ люди, соль и спиртъ — они васъ укрѣпятъ.
Прошу взойти наверхъ.» Я бросилъ томный взглядъ
Въ воздушную страну, изъ коей, мнѣ казалось,
Истекъ пріятный звукъ. И что же оказалось?
Особа Трефиной, дородна и тучна,
Какъ на морѣ подчасъ девятая волна,
Стояла, на балконъ небрежно опираясь.
Чтò было дѣлать мнѣ? Неловко извиняясь
Въ нечаянномъ грѣхѣ, Ѳому и фаэтонъ
Отправилъ я домой, а самъ, безъ оборонъ
Отъ выдумокъ судьбы жестокой и нахальной,
Повлекся къ лѣстницѣ парадной машинально.
Чѣмъ встрѣтили меня — не трудно угадать.
Ни силъ я не имѣлъ, ни время отвѣчать.
Напала на меня вся дамская эскадра;
Вопросы сыпались, какъ съ Эрзерума ядра.
Богъ знаетъ, до чего бъ ихъ штурмъ меня довелъ;
Но тѣмъ окончилось, что подали на столъ.
Хвала на этотъ разъ уставамъ просвѣщенья!
У Трефиной я былъ избавленъ принужденья:
Сказалъ, что не хочу, и дѣло рѣшено.
Сиди, кури табакъ — хозяйкѣ все равно.
Столъ начатъ хорошо: особы двѣ крестились,
Потомъ, какъ водится, сперва разговорились
О важномъ, напримѣръ, что будетъ государь
На этихъ дняхъ въ Москву, что будто секретарь
Такого-то суда за рубль лишился мѣста,
И замужъ за судью идетъ его невѣста.
Потомъ, на полутонъ понизя разговоръ,
Коснулись ближняго. Какой нибудь узоръ
Подола Мотовой въ прошедшее собранье
Успѣлъ пріобрѣсти всеобщее вниманье.

Инаго съ головы размѣрили до ногъ,
И всякій говорилъ, чтò думалъ и чтò могъ.
Пріѣзжій, между тѣмъ, господчикъ изъ Калуги
Дѣвицѣ Трефиной оказывалъ услуги:
Брался ей косточку разрѣзать съ мозжечкомъ
И многое шепталъ, какъ кажется, о томъ.
Но, какъ бы ни было, столъ кончился исправно.
Я время проводилъ ни скучно, ни забавно.
Десертъ и кофе шли своею чередой,
И я доволенъ былъ обѣдомъ и собой.
Но вотъ что повторю: осмѣй мое сознанье,
А вѣра въ дьяволовъ имѣетъ основанье.
Съизмала вѣрить имъ отъ нянекъ я привыкъ
И послѣ опытомъ ту истину постигъ.
Есть дьяволы — никто меня не переспоритъ —
Не мы, а сѣмя ихъ кутитъ, мутитъ и вздоритъ.
Они, проклятые, безъ тѣла и безъ лицъ,
Влѣзаютъ и въ мужчинъ, и въ женщинъ и дѣвицъ;
Сидятъ въ нихъ, къ пакостямъ, страстямъ, порокамъ клонятъ
И, разъ на шею сѣвъ, въ открытый гробъ загонятъ.
Старинный Ариманъ и новый падшій духъ
Едва ли не живутъ — и давятъ насъ, какъ мухъ!
Мнѣ думать хочется, что это не пустое,
А впрочемъ, вотъ тому свидѣтельство живое:
Дѣвица Фольгина по просьбѣ двухъ шмелей,
Которые, на шагъ не отходя отъ ней,
Точили на-заказъ безбожно каламбуры,
Разыгрывала имъ отрывокъ увертюры
Изъ оперы «Калифъ»; потомъ, переходя
Отъ аріи къ рондо, нѣжнѣе соловья,
Томнѣе горлицы прелестнымъ голосочком[illegible]
Пропѣла пѣсню: «Ра[illegible]еслою подъ ку[illegible]»

И прочая... Игра и пѣніе вокругъ
Сирены Фольгиной собрали знатный кругъ:
Дивились, хлопали, хвалили, разсуждали
И чудомъ изъ пѣвицъ торжественно назвали.
Одинъ изъ сказанныхъ услужливыхъ господъ
Приходитъ въ не-себя, какъ оберъ-франтъ и мотъ,
Скользя, подходитъ къ ней съ улыбкой чичисбея.
«Позвольте, говоритъ, божественная фея,
Устами смертнаго коснуться вашихъ рукъ!
Меня очаровалъ непостижимый звукъ,
Произведенный ихъ летучими перстами.»
Съ симъ словомъ подлетѣлъ и страстными губами
Хотѣлъ восторгъ любви рукѣ ея принесть.
Она, заторопясь наѣзднику присѣсть,
Нечаянно ногой за кресло зацѣпила
И франта на паркетъ съ собою уронила.
«Ай! ахъ!» какъ водится; но дѣло ужъ не въ томъ:
Закрывъ лицо и грудь, горящія стыдомъ,
Какъ серна, бросилась въ другую половину;
А ловкій петиметръ, прелестную картину
Увидя и другимъ немножко показавъ,
Поднялся охая, какъ будто онъ и правъ.
Что было слѣдствіемъ, никто меня не спроситъ:
Кто нюхаетъ табакъ, кто лимонаду проситъ,
Кто сожалѣетъ вслухъ и очень радъ тайкомъ,
Кто утирается батистовымъ платкомъ
И далѣе. Межъ тѣмъ отецъ и мать пѣвицы,
Разглаля нѣхотя наморщенныя лица,
Карету — и съ двора. Я то же замышлялъ,
Но Сидоръ Карповичъ тревогу прокричалъ:
«Куда, куда и вы?... Гей, люди, повелѣнье:
Вотъ шляпа вамъ и трость — убрать на сохраненье!

Ни шагу изъ дому, ни капли воли нѣтъ.
Вы партію женѣ составите въ пикетъ,
Бостончикъ или вистъ. Два столика готовы —
Прошу не отказать, не будьте такъ суровы!»
Засѣлъ я нѐхотя, смертельно не любя
Для прихоти другихъ женировать себя.
Проходитъ часъ и два — намъ дѣла нѣтъ ни мало:
Сражаемся и все!... мнѣ даже дурно стало!
Виконтъ Деля-клю-клю, парижскій патріотъ,
Оставя въ Франціи жену и эшафотъ,
Чтобъ быть учителемъ у русскихъ самоѣдовъ,
По счастью былъ тогда изъ близкихъ мнѣ сосѣдовъ.
Vicomte, prenez ma place, сказалъ я, обратясь.
«Bon, bon!» онъ отвѣчалъ. И я, перекрестясь,
Но только вѣрно ужъ не явно и наружно,
Пошелъ изъ-за стола разсѣять мигъ досужный.
Послушай, что теперь случилося со мной,
И вѣрь, что всѣ дѣла текутъ не сатаной!
Въ исходѣ одного большаго корридора
Вдругъ слышится мнѣ смѣхъ и шопотъ разговора.
Подслушать тайну — есть позорная черта,
Вдали остановясь, подумалъ я тогда.
Быть можетъ, черезъ то я много потеряю...
Но чортъ меня возьми! я точно различаю
Дѣвичьи голоса. Подслушаю секретъ...
Подкрался и вошелъ въ ближайшій кабинетъ.
Вотъ тайный разговоръ отъ слова и до слова:

ДѢВИЦА 1-я.

Да знаешь ли ты, чѣмъ Анета нездорова?

ДѢВИЦА 2-я.

Неужели уланъ?...

1-я.

Ужъ знаетъ вся Москва!...
Прошу покорнѣйше!... но только онъ едва
Останется въ глупцахъ.

2-я.

О, это вѣроятно!...
А впрочемъ, милая, какой мужчина статный!

1-я.

Не Сонинъ.

2-я.

Ха-ха-ха! я думаю, наскучилъ!

1-я.

Пустою нѣжностью въ два мѣсяца измучилъ!
Ахъ, что за фалалей! въ отставку!... со двора!...

2-я.

Налетовъ, камеръ-пажъ... Ma chère, убей бобра.

1-я.

Et vos affaires?

2-я.

Hélas! сказать тебѣ не смѣю!

1-я.

Забавно! до сихъ поръ?...

2-я.

Онъ слѣпъ, а я робѣю!

1-я.

ѹтъ въ парикѣ, осанистый брюнетъ,
ь съ Трефиной такъ счастливо въ пикетъ?
ешь ты его? Онъ мастерски играетъ.
:фина, повѣрь, не много потеряетъ,
ь онъ на нее сто тысячъ записалъ.

2-я.

что? онъ на ногѣ?...

1-я.

Контрактъ ужъ подписалъ:
играетъ тузъ, тѣмъ пользуется дама.

2-я.

:! такъ нагло жить и не бояться срама!...
ь пасмурный и скучный кавалеръ,
ій лошадьми, точь-въ-точь какъ grande-misère,
ухъ: или влюбленъ, или глупецъ тяжелый!

1-я.

кажется, идутъ!... оправимся, пойдемъ!...

въ былъ разговоръ! что думаешь о немъ?
аключеніе, какъ выражено внятно:
нъ или глупецъ!... не правда ли, пріятно?
гь нечего — наука для ушей;
омъ говорятъ: есть кошки для мышей.
оправившись, какъ скромныя дѣвицы,
:я я опять въ клубъ новостей столицы,
— и вижу тамъ всезнаекъ дорогихъ
гу ихъ маменекъ и тётенекъ сѣдыхъ.

Онѣ уже опять, и кротко и невинно,
Какъ куколки, сидятъ въ бесѣдѣ благочинной,
И только изрѣдка кивая головой,
Дивуются вранью разскащицы одной.
Я долго не спускалъ изподтишка ихъ съ глазу;
Но вдругъ: «отъ сорока и восемьдесятъ мазу...»
Раздалося въ углу. И что же? Мой брюнетъ
(Чтò нынѣ на ногѣ), огромнѣйшій пакетъ
Имѣя предъ собой наличныхъ ассигнацій,
Оставя козырей къ услугамъ древнихъ грацій,
Какъ бѣсъ, понтируетъ съ какимъ-то толстякомъ.
Что разъ, то «attendez», то транспортъ, то съ угломъ!...
Толстякъ уже пыхтитъ, лицо краснѣе рака,
А все задорнѣе заманчивая драка.
Но, наконецъ, нѣтъ силъ!... «Нельзя ль перемѣнить?
Прошу, мечите вы!... хоть карту бы убить!...»
Ни слова вопреки. Серьёзно, равнодушно
Колоды обмѣнилъ злодѣй его послушный
И мечетъ. Первая убита толстякомъ;
Вторая — также. Тузъ и дама пикъ съ угломъ
Убиты. Карты въ тосъ. Толстякъ свободнѣй дышетъ.
Другая талія — толстякъ беретъ и пишетъ:
«Тьфу, счастіе!» ворчитъ съ досадою брюнетъ
И съ мѣста пересѣлъ. «Пятьсотъ рублей валетъ!»
Вспотѣвшая рука банкёра задрожала...
Ждутъ оба... карты нѣтъ... идетъ — направо пала!...
«Насилу!... онъ опять!... проклятое пліе!...
Онъ и отыгрывать!... скажите, сряду двѣ
И три!... опять идетъ!» Признаться, эта сцена —
Игры и счастія слѣпая перемѣна —
Невольно и меня влекла въ среду толпы
Зѣвакъ, которые, недвижны какъ столбы,

У стульевъ игроковъ, разиня ротъ, стояли
И съ нетерпѣніемъ конца задачи ждали.
Понтёръ не сводитъ глазъ; торопится брюнетъ —
И вдругъ четвертый разъ на правую валетъ:
«Фальшь!» толстый закричалъ. «Вотъ скраденная карта!»
Хватаетъ за рукавъ, и съ перваго азарта
Съ размаху бацъ его колодою въ високъ...
Банкёръ встаетъ, но стулъ какъ разъ сбиваетъ съ ногъ.
Кровь брызжетъ. Деньги, столъ, мѣлъ, щетки, два стакана
Летятъ за нимъ вослѣдъ безъ цѣли и безъ плана.
«Убійство! караулъ! спасите!» раздалось —
И все собраніе рѣкою разлилось.
«Гей, люди, кучера! салопы и кареты!»
Бѣгутъ по лѣстницѣ, едва полуодѣты,
Тѣснятся, падаютъ, толкаются, пищатъ —
И мигомъ опустѣлъ плачевный маскарадъ.
Я... Боже упаси свидѣтельственной роли!
И что мудренаго? Боясь такой же доли,
Хоть съ роду не бывалъ картежнымъ подлецомъ,
Схватя чужой картузъ, скорѣй оттоль бѣгомъ.
Зову извощика, скачу, какъ изъ Содома,
И вотъ, какъ видишь самъ, сейчасъ лишь только дома!...
Петрушка, гдѣ халатъ? Сними скорѣе фракъ,
Оправь мою постель, дай трубку и табакъ;
Гостей не принимать; гони ихъ, бей, коль можно —
И убирайся самъ — я золъ теперь безбожно!

Кредиторы.

Что дѣлать мнѣ отъ кредиторовъ?
Они замучили меня!
Отъ ихъ преслѣдующихъ взоровъ
Хоть бросься въ воду изъ огня!
Пугаясь встрѣчи ихъ накладной,
Вездѣ я бѣгаю, какъ воръ;
Но, Боже мой, какъ ни досадно:
Гдѣ ни ступи — все кредиторъ!
Какъ саранча, какъ ополченья
Тѣней, лишенныхъ погребенья,
Вокругъ Хароновой ладьи —
Толпятся вкругъ меня стадами
Съ своими жадными руками
Враги-мучители мои!
Какъ на трепещущее тѣло
Въ степи упавшаго быка
Глядитъ толпа воронья смѣло,
Алкая жданаго куска.

Такъ мнѣ глядятъ они въ глаза
Съ ландшафтомъ харь и выраженья
Досады, злости, нетерпѣнья,
Притворной ласки — и слѣдятъ
Меня, какъ рыбу или кладъ!
«Когда же? скоро ли? да что же?
Намъ деньги нужны — вѣдь пора!
Легко ли ждали мы!» О Боже,
Хоть отрекайся отъ двора!
Имъ деньги надобны — вотъ повѣсть;
Кому жъ не надобны они?
Сошлюсь на чью хотите совѣсть.
Я вновь бы занялъ сотни три,
Да что жъ, когда никто не вѣритъ,
А только требуютъ уплатъ;
Тутъ и монахъ залицемѣритъ,
Какъ за грѣхи потянутъ въ адъ...
«Какъ быть, любезные, терпите!»
Заимодавцамъ мой отвѣтъ;
«Въ другое время приходите,
Теперь, ей-ей, ни гроша нѣтъ!»
Отпѣвши такъ, серьёзнымъ тономъ:
Иль «добрый день!» иль «добра ночь!»
И кто съ упрекомъ, кто съ поклономъ —
Они идутъ лѣниво прочь.
Что жъ, други? Честность несомнѣнно
Въ странѣ подсолнечной нужна;
Но, признаюсь вамъ откровенно,
Нужда ужасна и сильна!
Не всякій выгодно повздоритъ
Съ негодной фуріей-нуждой,
За словомъ дѣло переспоритъ,

Хоть будь волшебникъ не пустой!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Скажу короче: благороденъ,
. . . .
. . . .
Богатъ, покоенъ и свободенъ;
Кто обстоятельствамъ не рабъ,
Кто самъ больной и эскулапъ!..
Но тотъ, кого судьба отъ скуки
Согнуть изволитъ въ три дуги,
Хоть будь самъ чортъ, да пусты руки,
Безъ покровительствъ и поруки —
Тотъ носъ и уши береги!
Бывалъ и я когда-то въ свѣтѣ,
Кой-что нерѣдко замѣчалъ —
И что жъ осталось на примѣтѣ?
Не много чести я видалъ!
Случалось, вскользь видать въ прихожей
Или на рынкѣ гдѣ нибудь,
Но все съ такой дурною рожей,
Что даже страшно и взглянуть!
А у вельможъ, господъ чиновныхъ,
Военныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ,
. . . .
. . . .
. . . . Въ . . . . . .
Картежныхъ клубахъ и парадахъ
Они являются безъ ней;
А что того еще смѣшнѣй,

Они, съ богатствомъ и чинами,
Живутъ одними лишь долгами...
И видѣлъ я издалека,
Что отъ долговъ иные бары,
Хотя толсты, какъ самовары,
Но вмѣстѣ тоньше волоска
И легче пёрышка гагары!
Ихъ очень много — перечесть
За трудъ излишній почитаю,
Но вотъ о чемъ васъ вопрошаю:
Куда жъ они зарыли честь?
Смотрите: Н*** спѣшитъ къ обѣду,
Въ ландо разлегшись щегелькомъ;
И вотъ, оставивши бесѣду,
Домой торопится пѣшкомъ.
Карета, лошади, лакеи
Исчезли вдругъ, какъ чародѣи —
Онъ конфискованъ за долги...
И... здѣсь-то честь побереги!...
Спокойно лежа на диванѣ
Съ хорошей трубкой табаку,
Имѣя тысячъ сто въ карманѣ —
Да ни полтинника въ долгу —
Конечно, намъ о благородствѣ
Легко судить и разсуждать
И всѣхъ нечестныхъ осуждать;
Но при большомъ недоброхотствѣ
Слѣпой фортуны, мудрено
Сказать, что бѣдность и раздолье,
Квасъ и шампанское, подполье
И пышный зàмокъ — все равно!
Привычка къ старому невольно

Банкрота мучитъ и крушитъ,
И превратиться въ Ира больно
Тому, кто жилъ какъ сибаритъ.
Что жъ дѣлать въ морѣ отъ ненастья?
Искусно править у кормы.
Чѣмъ замѣнить потерю счастья?
Искусно деньги брать взаймы.
«Но брать взаймы, такъ брать съ отдачей,»
Рычитъ кредиторскій подьячій,
«На это есть свои права.»
О золотая голова!
Давай лишь денегъ намъ поболѣ,
Подъ роспись или подъ закладъ
(Чему не всякій, впрочемъ, радъ),
А тамъ въ твоей, пожалуй, волѣ
По сроку требовать назадъ.
Греми, великій мужъ, протестомъ
И апелляцій не забудь;
Коль нужно будетъ, то присѣстомъ
Махни по формѣ въ Земскій Судъ
И налѣпи на просьбѣ въ пудъ
Печать свинцовой гирей съ тѣстомъ...
А мы червонные твои
Межъ тѣмъ на мелочь размѣняемъ,
И, труся грознаго судьи,
Кой-гдѣ межъ водкою и чаемъ,
. . . .
Когда жъ до мѣднаго рубля
Съѣдимъ, убьемъ и протранжиримъ,
То, совѣсть бережно храня,
Тебѣ жъ его на зубы кинемъ
И будемъ вновь тебя просить,

Нельзя ли вновь насъ одолжить?
Богатъ я — милый, вотъ проценты,
Изволь и съ суммой получить;
Безъ денегъ — другъ мой, документы
Храни, чтобъ все не упустить!
Росписка, вексель — деньги тоже;
А если — вздоръ! но отъ чего,
Межъ тѣмъ, избави тебя, Боже! —
Въ уплату рвенья твоего
Ты не получишь ничего,
То укрѣпись по-философски,
Судомъ раздѣлки не проси
И, какъ процентщикъ, по-геройски
Пустой урокъ перенеси.
Зачѣмъ срамить себя безславно?
Припомни только безъ хлопотъ
Панглоса мудраго разсчетъ:
Онъ доказалъ и очень явно,
Что зло съ добромъ въ связи издавна
И все здѣсь къ лучшему идетъ.
Такъ что жъ печальною мечтою
Тревожить робкіе умы?
Перо съ бумагой предо мною —
Давайте денегъ мнѣ взаймы.
А васъ, старинные знакомцы,
Прошу мнѣ въ уши не жужжать
И знать потверже, что червонцы
Сходнѣе брать, чѣмъ отдавать.
Отдамъ, отдамъ и вамъ, повѣрьте;
Но, ради Бога, вкругъ меня
Безъ шабаша не лицемѣрьте,
Дождитесь радостнаго дня!

Вотъ мы поправимся немного,
Свалимъ огромные грѣхи —
И не всегда невѣжды строго
Судить насъ будутъ за долги,
Какъ нынѣ судятъ за стихи.
Прощайте! — Охъ, какъ будто стало
Теперь на сердцѣ веселѣй;
Авось мучителей, хоть мало,
Я тронулъ логикой своей!

Чудакъ.

Дорóгой въ градъ первопрестольный,
Часа въ четыре поутру,
Игрой судьбины самовольной
Къ ямскому сонному двору
Примчались быстро другъ за другомъ
Двѣ тройки и карета цугомъ.
Уланъ — красавецъ и корнетъ,
Мужчина въ фракѣ, среднихъ лѣтъ,
И барышня свѣжѣе розы,
Съ служанкой сивой, какъ морозы,
Выходятъ — входятъ, и гей-гей!
Давайте чаю поскорѣй!
Читатель, вѣрно вамъ знакомы
Неугомонные содомы
Неугомонныхъ ямщиковъ?
Итакъ, оставя кучеровъ
И слугъ вертѣться возлѣ сѣна
И воевать за рубль промѣна,

Посмотримъ лучше на свою
Разнообразную семью.
Облокотяся нерадиво
На столъ, дѣвица молчаливо
Сидитъ за чайникомъ своимъ;
Уланъ, съ искусствомъ щегольскимъ
Играя перстнемъ и часами,
Въ карманъ не лѣзетъ за словами
И, какъ учтивый кавалеръ,
Желаетъ знать все; напримѣръ:
Кто такова она? откуда?
Какъ имя ей? Мими, Земруда,
Или подобное тому?
Находитъ въ ней достоинствъ тьму,
Обвороженъ ея румянцемъ,
Дивится вслухъ прелестнымъ пальцамъ,
А втайнѣ—ножкѣ; да притомъ
Онъ мыслитъ также о другомъ.
Невольно барышня краснѣетъ;
Но онъ ни мало не робѣетъ,
Осаду правильно ведетъ
И смѣло въ чашку рому льетъ.
Другая рѣзкая картина:
Во фракѣ, среднихъ лѣтъ мужчина,
Качая важно головой,
Какъ будто занятый большой
Алгебраической повѣркой,
Съ полуоткрытой табакеркой
И весь засыпанъ табакомъ,
Ходилъ задумчиво кругомъ.
Вдругъ, скуча долгимъ размышленьемъ,
Подходитъ къ барышнѣ съ почтеньемъ

И предлагаетъ ей — чего?
Понюхать... Барышня его
Глазами мѣритъ съ удивленьемъ
И отвѣчаетъ съ наклоненьемъ:
«Покорно васъ благодарю —
Не нюхаю и не курю.»
Въ отвѣтъ ни слова, хладнокровно
Отходитъ прочь сопутникъ скромный;
Минуты двѣ спустя потомъ,
Вновь угощаетъ табакомъ:
«Прошу понюхать!» — Я сказала,
Смутясь дѣвица отвѣчала,
Что я не нюхаю. — Уланъ,
Поставя выпитый стаканъ,
Взглянулъ, скосясь, на господина;
Но беззаботливая мина
Въ широкомъ фракѣ чудака
Смягчила гнѣвъ его слегка.
Пуншъ снова налитъ; все — какъ прежде;
Но непонятному невѣждѣ
Неймется — барышнѣ опять
Идетъ табакъ свой предлагать:
«Прошу понюхать!» Градомъ слезы
Кропятъ ланитъ прелестныхъ розы.
— Что вамъ угодно отъ меня?
Вскричала жалостно она;
Подите дальше, ради Бога!
«Опять, ужъ это слишкомъ много!»
Вскричалъ значительно уланъ;
«Вы наглы, сударь, вы буянъ!
Прошу раздѣлаться съ корнетомъ
За наглость дамѣ пистолетомъ.»

«Зачѣмъ не такъ: я очень радъ.»
Готовы пули. Идутъ въ садъ;
Курки на взводахъ — бацъ! съ корнета
Летитъ долой полъ-эполета;
Соперникъ живъ, безъ картуза.
Глядятъ, разиня ротъ, въ глаза
Другъ другу храбрые герои;
Потомъ сближаются — и двое
Вдругъ составляютъ одного!
Ура! — и больше ничего...
На столъ являются бутылки.
Уланъ, въ движеньяхъ гнѣва пылкій,
Былъ въ дружбѣ также щекотливъ;
Въ карманной книжкѣ начертивъ
Свой полный адресъ въ память другу,
Пожалъ ему усердно руку,
Два раза въ лобъ поцѣловалъ
И въ ближній городъ поскакалъ.
А барышня? О други, прежде,
Пока забавному невѣждѣ
Защитникъ скромности — корнетъ
Далъ въ руку смертный пистолетъ,
Она, съ досады и испуга,
Не дождалась другаго цуга
И кое-какъ на четвернѣ
Съ двора сверкнула въ тишинѣ;
А нашъ чудакъ съ серьёзной маской
Теперь одинъ въ кибиткѣ тряской
Летитъ дорогой столбовой —
На встрѣчи новыя и бой.
И точно: вдругъ въ глуши крапивной

Онъ слышитъ стонъ и вопль разрывный,
И колокольчикъ въ сторонѣ.
Кинжалъ и сабля на ремнѣ,
Ружье съ картечью у лакея —
Чего бояться? Не робѣя,
Летитъ крапивою на стонъ —
И что жъ, кого встрѣчаетъ онъ?
Два мужика... одинъ съ дубиной,
Съ звѣроподобной образиной,
За возжи держитъ лошадей
Несчастной барышни моей;
А кучеръ съ старою служанкой
Лежатъ бездушною вязанкой,
Опутаны безъ рукъ и ногъ
Веревкой вдоль и поперекъ...
«О Боже! стой!» вскричалъ онъ внятно.
Вооруженный сбруей ратной,
Спѣшитъ къ красавицѣ. Кинжалъ
Съ ружьемъ и саблей заблисталъ.
Злодѣи въ бѣгство. «Вы свободны!»
Гласитъ ей витязь благородный.
Пошло все прежнимъ чередомъ,
И онъ — въ каретѣ съ ней вдвоемъ,
Какъ другъ и ангелъ охранитель.
«Чѣмъ заплачу вамъ, мой спаситель?»
Твердитъ дѣвица чудаку.
— Прошу понюхать табаку! —
А послѣ? Что̀ болтать пустое?
Они въ Москву явились двое,
Смѣялись, думали; потомъ
Накрылъ священникъ ихъ вѣнцомъ;

Потомъ все горе позабыли,
Гуляли, спали, ѣли, пили —
И, пріучившись къ чудаку,
Она привыкла къ табаку.

Авторъ и читатель.

АВТОРЪ.

Позвольте вамъ поднесть
Тетрадь моихъ стиховъ...

ЧИТАТЕЛЬ.

Извольте.

АВТОРЪ.

Прикажете прочесть
Съ полдюжины листовъ?

ЧИТАТЕЛЬ.

Увольте!

АВТОРЪ.

Статейки хороши —
Вотъ эти, напримѣръ...

ЧИТАТЕЛЬ.

Прекрасны.

АВТОРЪ.

А сколько въ нихъ души!
А риѳмы, а размѣръ!

ЧИТАТЕЛЬ.

Ужасны!

АВТОРЪ.

Хочу, чтобы меня
Князь Шаликовъ хвалилъ.

ЧИТАТЕЛЬ.

Отрадно.

АВТОРЪ.

Почтеннѣйшему я
Двѣ книги подарилъ.

ЧИТАТЕЛЬ.

Ну, ладно.

АВТОРЪ.

Я вижу, отъ стиховъ
Вы любите зѣвать?

ЧИТАТЕЛЬ.

Безмѣрно.

АВТОРЪ.

Плодомъ моихъ трудовъ
Нельзя пренебрегать.

ЧИТАТЕЛЬ.

О, вѣрно...

АВТОРЪ.

Желаю васъ спросить:
Вы шутите иль нѣтъ?

ЧИТАТЕЛЬ.

Немного.

АВТОРЪ.

Прошу не позабыть,
Что колкій я поэтъ...

ЧИТАТЕЛЬ.

Какъ строго!

АВТОРЪ.

Сатиру въ цѣлый томъ
И сотню эпиграммъ...

ЧИТАТЕЛЬ.

О Боже!

АВТОРЪ.

Во гнѣвѣ роковомъ
Готовлю я врагамъ...

ЧИТАТЕЛЬ.

И что же?

АВТОРЪ.

Узнаете же вы,
Чтò значу я между̀...

ЧИТАТЕЛЬ.

Глупцами?

АВТОРЪ.

Восплещетъ полъ-Москвы
Правдивому суду...

ЧИТАТЕЛЬ.

Надъ вами!

Картина.

О толстый мужъ, и поздно ты и рано
Съ чахоточной женой сидишь за фортепьяно,
И царствуетъ тогда и смѣхъ и тишина...
О толстый мужъ! о тонкая жена!
Приходитъ мнѣ на мысль извѣстная картина—
Танцующій медвѣдь съ наряженной козой...
О, если бъ кто нибудь увидѣлъ господина,
Котораго теперь я вижу предъ собой,
То вѣрно бы сказалъ: премудрая природа,
Ты часто велика, но часто и смѣшна!
Простите мнѣ, но вы — два страшные урода,
О толстый мужъ! о тонкая жена!

Глупой красавицѣ.

Какъ бюстъ Венеры, ты прекрасна;
Но безъ души и безъ огня,
Какъ хладный мраморъ, для меня,
Ты, къ сожалѣнью, не опасна.
Ты рождена, чтобы служить
Въ лукавой свитѣ Купидона,
Но прежде должно оживить
Тебя рѣзцомъ Пигмаліона.

Атеисту.

Не оглушайте вы меня
Ни вашимъ карканьемъ, ни свистомъ
Противъ начала бытія!
Смотря внимательно на васъ,
Я не могу быть атеистомъ:
Вы безъ души, ума и глазъ!

Напрасное подозрѣніе.

«Нѣтъ! это, другъ, не сновидѣнье:
Я вижу, у тебя есть женскій туалетъ!
Женатъ ты?» — Нѣтъ...
«Не можетъ быть!» — Какое подозрѣнье!
Ты знаешь самъ: я женщинъ не терплю!
«Откуда жъ у тебя явились папильотки?»
— О милый мой! повѣрь, не отъ красотки:
Нерѣдко завивать собачку я люблю!

Удивительное приключеніе одного стихотворца.

Два дня, двѣ ночи онъ писалъ,
На третью, наконецъ, усталъ,
Уснулъ — и что жъ? О удивленье!
Окончилъ сонный сочиненье.
Вдругъ видитъ онъ
Престрашный сонъ,
Что будто демонская сила
Со всѣхъ сторонъ
Его въ постели окружила,
И будто самъ верховный бѣсъ,
Мохнатый,
Какъ уголь черный и рогатый,
Подъ занавѣсъ
Къ нему залѣзъ...
Вотъ онъ встаетъ, творитъ молитву —
И вызвалъ демона на битву.
Не знаю, долго или нѣтъ
Продлилось грозное явленье;

Но только выигралъ поэтъ
Великое сраженье:
Всю крѣпость мышцъ своихъ собралъ
И чорта бѣднаго на части разорвалъ...
Но съ кѣмъ онъ именно сражался?
Ужель никто не отгадалъ?
Ему нечистымъ показался
Его стиховъ оригиналъ!

Чтò, если бы въ жару подобныхъ сновидѣній,
Кончались точно такъ
И многія изъ русскихъ сочиненій?
Но нѣтъ! уменъ лукавый врагъ,
И въ этой жизни онъ никакъ
Не хочетъ насъ оставить безъ мученій.

Глаза.

Нелѣпинъ вѣритъ — и всему,
И безъ понятія, и слѣпо;
Недумъ, не вѣря ничему,
Опровергаетъ все нелѣпо.
Скажите первому, шутя,
Что муха носъ ему откуситъ,
При этой новости онъ струситъ
И вамъ повѣритъ, какъ дитя.
Спросите дружески Недума:
Счастливъ ли онъ своей женой,
И не скрываетъ ли, безъ шума,
Ея фантазій, какъ другой?
Онъ вамъ отвѣтитъ: «о, напрасно!
Я ею счастливъ и богатъ!»
А, между тѣмъ, давно ужъ гласно,
Что онъ невыгодно женатъ...
Противорѣчіе во мнѣньяхъ —
Оригинальный ихъ девизъ,
И то же самое въ явленьяхъ
Большаго свѣта и кулисъ:

Одинъ живетъ слѣпою вѣрой
Въ чужія мысли и дѣла;
Другой скептическою мѣрой
Опредѣляетъ цѣну зла.
И тотъ, и этотъ безъ ошибки
Судить готовы обо всемъ —
И кромѣ горестной улыбки
Надъ ихъ мечтательнымъ умомъ
Они все видятъ и покойны...
Такъ странникъ въ жаркій лѣтній день
Встрѣчаетъ ключъ въ пустынѣ знойной
И пальмы сладостную тѣнь.
И кто узналъ, гдѣ нашъ Іуда?
Когда обрушится, откуда
Неизбѣжимая гроза?
А для того имѣть не худо
Свои хоть слабые глаза...

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Изданія стихотвореній Полежаева.

Собранія стихотвореній А. И. Полежаева были напечатаны въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ:

1. **Стихотворенія А. Полежаева.** «Honni soit qui mal y pense.—Montaigne».—М. Въ т. Лазаревыхъ Инстит. Вост. яз. 1832. Въ 12 д. л., 283 стр. и IV (огл. и опечатки). 54 стихотворенія съ посвятительнымъ: «Другу моему А. П. Л.». Процензуровано 12 января 1832 г. С. Т. Аксаковымъ, который сдѣлалъ многочисленныя исключенія, притомъ даже въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя прежде появленія въ этомъ сборникѣ были напечатаны безъ пропусковъ.—Въ это изданіе вошли стихотворенія 1825—1831 гг. и два стихотворенія 1832 г.

2. **Эрпели и Чиръ-Юртъ.** Двѣ поэмы А. Полежаева. «Evil be to him that evil thinks».—М. Въ той же тип. 1832. Въ 12 д. л., 132 стр. Первая поэма, посвященная «Воинамъ Кавказа», цензурована С. Т. Аксаковымъ 12 января 1832 г., а вторая, посвященная «А. П. Л.», И. М. Снегиревымъ 19 августа 1832 г.

3. **Кальянъ.** Стихотворенія А. Полежаева.—М. Въ той же тип. 1833. Съ портретомъ въ унтеръ-офицерской формѣ, литографіи А. Ястребилова. Въ 12 д. л., 132 стр. и 1 ненум., оглавленіе. 16 стихотвореній. Цензуровано 29 сентября 1833 г. И. М. Снегиревымъ съ значительно меньшими исключеніями, чѣмъ это дѣлалъ С. Т. Аксаковъ.

4. **Тоже.** Изданіе второе.—М. Въ унив. тип. 1836. Въ 12 д. л., 2 нен. стр., 130 и 1 нен. (огл.). Съ тѣмъ же портретомъ. Цензуровано 13 сентября 1835 г. И. М. Снегиревымъ.

5. **Арфа.** Стихотворенія Александра Полежаева.—М. Въ тип. В. Кириллова. 1838. Въ 12 д. л., 115 стр., на которыхъ, начиная съ 110, нѣтъ нумераціи. Съ гравир. портретомъ малаго формата, въ офицерской формѣ. 15 сти-

хотвореній. Цензуровано еще 25 ноября 1835 г. М. Т. Каченовскимъ. Пропуски значительны, особенно въ «Коріоланѣ», гдѣ между прочимъ выпущена вся 1-я глава.

6. Кальянъ. Стихотворенія Александра Полежаева.—М. Въ т. В. Кирилова. • Изданіе третіе. 1838. Въ 16 д. л., 187 стр. Изданіе книгопродавца Василія Алексѣева. Съ гравирован. портретомъ, тѣмъ же, какъ при изданіи «Арфа». Цензуровано 19 ноября 1837 г. И. М. Снегиревымъ, съ исключеніями противъ двухъ первыхъ изданій этого сборника.

7. Часы выздоровленія. Стихотворенія А. Полежаева.—М. Въ тип. Алексѣя Евреинова. 1842. Въ 12 д. л., 67 стр. и 2 нен. (огл.). Цензуровано 17 іюня 1841 г., въ С.-Петербургѣ, С. Куторгой. 16 стихотвореній, съ посвященіемъ: «А. П. Л.......му. При посылкѣ рукописи, Часы Выздоровленія, стихотворенія Полежаева», что̀ представляетъ совершенный вздоръ и по безграмотству этой надписи, и по тому, что само мнимое посвященіе небывалой рукописи представляетъ только отрывокъ изъ «Отрывка» изъ Арестанта, напечатаннаго въ «Галатеѣ» 1829 г.

Всѣ указанныя изданія крайне плохи, какъ въ редакторскомъ, такъ и въ типографскомъ отношеніи, безпорядочны, напечатаны на сѣрой оберточной бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ, со множествомъ пропусковъ (цензурныхъ и отъ небрежности издателей), съ безчисленными опечатками, нерѣдко не только затемняющими, но и совершенно искажающими смыслъ. Въ особенности плохо изданы «Часы выздоровленія», представляющіе собою только самую безцеремонную спекуляцію. Всѣ же приложенные портреты, по отзыву Бѣлинскаго, Е. И. Бибиковой и А. Д. Галахова, нисколько даже не напоминаютъ Полежаева, причемъ самыя литографіи и гравюры исполнены очень дурно.

8. Стихотворенія А. Полежаева. Съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ, написанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.—М. Въ тип. Каткова и К°. 1857. Въ большую 12 д. л., 210 стр., III стр. (огл.) и 1 нен. (опеч.). 62 избранныхъ, по статьѣ Бѣлинскаго, стихотвореній. Цензуровано 11 января 1857 г. Н. фонъ-Крузе. Стр. 7—34 заняты статьею Бѣлинскаго, а 209—210 — спискомъ невошедшихъ въ изданіе стихотвореній, которыя названы «слишкомъ уже плохими», ибо Н. Х. Кетчеръ, редактировавшій это изданіе, считалъ указанія Бѣлинскаго непреложнымъ авторитетомъ и все, неуказанное въ его статьѣ, признавалъ совершенно ничтожнымъ.—Это лучшее изъ всѣхъ изданій. Многія стихотворенія исправлены и пополнены, а нѣкоторыя впервые напечатаны по рукописямъ Полежаева, сообщеннымъ тогда Солдатенкову А. П. Лозовскимъ и нынѣ нами не розысканнымъ, не смотря на всѣ старанія и на публикаціи въ «Новомъ Времени», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». Портретъ къ изданію приложенъ, въ очень плохой литографіи, сдѣланной съ прежнихъ же, но въ другую сторону и съ замѣною унтеръ-офицерской формы «солдатскою».

9. Тоже. Изданіе второе.—М. въ тип. Э. Барфкнехта и комп. 1859. Совершенно тождественное съ предыдущимъ, за исключеніемъ страницы «опечатокъ» и съ добавкою полустиха въ «Гаремѣ». Цензуровано 18 декабря 1858 г. Н. фонъ-Крузе.

10. А. И. Полежаевъ. Собраніе сочиненій (?). Съ біографіей, портретомъ и факсимиле.—М. Изд. книгопр. В. Н. Улитина. 1888. Тип. Э. Лисснера и Ю. Ремана. Въ малую 8 д. л., X и 390 стр. Въ предисловіи «Издатель» увѣряетъ, что сочиненія (?) Полежаева изданы имъ въ полномъ, систематичномъ и точномъ видѣ, добавлено нѣсколько стихотвореній, нѣкоторыя сличены съ рукописями поэта, приданъ сочиненіямъ (?) хронологическій порядокъ, приложенъ портретъ въ снимкѣ съ «принадлежащаго издателю» оригинала и сдѣлано факсимиле одного стихотворенія.—Все это далеко отъ правды: никакой полноты, системы, исправленій и пр. нѣтъ и слѣдовъ. Текстъ, напечатанный то въ одинъ столбецъ, то въ два, искаженъ новыми опечатками, притомъ въ лучшихъ стихотвореніяхъ, и даже пропусками противъ прежнихъ изданій, крайне небрежными, такъ, напр., пропущена въ новомъ изданіи вся 56-я стр. «Стихотвореній» изданія 1832 г., отчего явилось полное отсутствіе смысла, ибо стр. 55-я изданія 1832 г. оканчивается даже не на запятой. Новыхъ стихотвореній прибавлено три, изъ «Пѣсенника», единственно на томъ основаніи, что подъ ними поставлено тамъ: «А. П.», но стихи эти по всей вѣроятности вовсе не принадлежатъ Полежаеву. Вмѣсто «біографіи» 5 разгонистыхъ страничекъ отрывочно набранныхъ свѣдѣній, частію вовсе невѣрныхъ. Портретъ сдѣланъ съ прежняго же оригинала, но только не литографіей, а фототипіей, очень плохой. Подробности неряшествъ этого изданія, худшаго даже, чѣмъ всѣ изданія 1832—1838 годовъ, указаны въ № 4264 «Новаго Времени» (12 января) и въ февральской книжкѣ «Пантеона Литературы» 1888 г.

11. А. И. Полежаевъ. Собраніе стихотвореній. Съ портретомъ, біографіей и факсимиле. Виньетка и портретъ исполнены художникомъ Н. Богатовымъ.—М. Изданіе В. Н. Улитина. 1888. Въ той же тип. (І-й выпускъ Дешевой библіотеки русскихъ писателей). Въ 12 д. л., 52 стр. 36 стихотвореній взятыхъ безъ всякаго выбора, какъ попало. Двѣ странички біографическихъ свѣдѣній совсѣмъ плохи, а портретъ опять сдѣланъ съ прежняго оригинала, но по исполненію еще хуже предыдущаго. На виньеткѣ рядомъ поставлены: Иванъ Великій, Царь-колоколъ, памятникъ Пушкину и какой-то сфинксъ или чей-то поясной бюстъ — разобрать невозможно.

На два послѣднія изданія, какъ не представляющія ни единой поправки, а напротивъ изобилующія ошибками, пропусками и недосмотрами, мы въ частныхъ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ ссылаться вовсе не будемъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ указанія наиболѣе вопіющихъ безобразій.

II. Статьи о Полежаевѣ и его стихотвореніяхъ.

1832 г. 1) Объ изданіи «стихотвореній» 1832 г.: «Молва» № 71; 2) «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» № 83, стр. 663—664; 3) «Московскій Телеграфъ» ч. 45, стр. 335—339; 4) «Сѣверная Пчела» № 222, статья Л. А. Якубовича; 5) Объ изд. «Эрпели и Чиръ-Юрта»: «Московскій Телеграфъ» ч. 46, стр. 566—570.

1833 г. 6) Объ этомъ же изданіи: «Сѣв. Пчела» № 69; 7) «Литературн. прибавленія къ Русск. Инвалиду» № 13, стр. 102—104; 8) Объ изданіи «Кальяна»: «Молва» № 145; 9) «Моск. Телеграфъ» ч. 53, стр. 254—256.

1834 г. 10) Характеристика Полежаева въ «Литературн. мечтаніяхъ», «Молва» № 51, стр. 416—417 (Бѣлинскій, I, 91).

1839 г. 11) Объ изданіи «Кальяна» и «Арфы» 1838 г. и о «Стихотвореніяхъ» 1832 г.: «Московскій Наблюдатель» ч. I, отд. V, стр. 3—16 (Бѣлинскій, III, 29—31); 12) О стихотвореніи «Прощаніе съ жизнью». Тотъ же журналъ, ч. II, отд. IV, стр. 56 (Бѣлинскій, III, 69).*

1842 г. 13) Объ изд. «Часовъ выздоровленія»: «Литературная Газета» № 34, стр. 697—699; 14) «Отечеств. Записки» № 5, отд. VI, стр. 14; 15) Объ изданіи этой же книжки, «Стихотвореній» 1832 г., «Кальяна» и «Арфы»: въ томъ же нумерѣ «Отечеств. Записокъ» отд. V, стр. 1—24 (Бѣлинскій, VI, 167—192 и VII, 35). Перепечатано при изданіяхъ «Стихотвореній Полежаева» 1857 и 1859 годовъ.

1845 г. 16) Краткая характеристика—въ обзорѣ Русской литературы за 1844 г.: «Отечеств. Записки» № 1 (Бѣлинскій, IX, стр. 250).

1856 г. 17) А. Полежаевъ. Прибавленіе къ VII главѣ 1 ч. «Былаго и Думъ». Въ отдѣльномъ изданіи этой книги 1861 г., ч. I, стр. 215—219.

1857 г. 18) Объ изданіи «Стихотвореній» 1857 г.: «Современникъ» № 9, отд. IV, стр. 1—7 (Добролюбовъ, 1862, I, 384—390); 19) «Отечественныя Записки», № 10, отд. II, стр. 82—90, статья П. Б—ва (П. Е. Басистова); 20) «Библіотека для Чтенія» № 11, отд. VI, стр. 1—28. Желаніе пооригинальничать и показать себя проницательнѣе и умнѣе Бѣлинскаго и Добролюбова довело Дружинина въ этой статьѣ до совершенныхъ абсурдовъ (Дружининъ, VII, 414—435); 21) «Московскія Вѣдомости», № 94, статья М. Н. Лонгинова; 22) «Сынъ Отечества» № 38; 23) «Сѣверная Пчела» № 180.

1859 г. 24) Объ изданіи «Стихотвореній» 1859 г.: «Отечеств. Записки»,

---

* Мы указываемъ первоначальное напечатаніе статей Бѣлинскаго, потому что Н. Х. Кетчеръ, редактировавшій изданіе его сочиненій, въ иныхъ случаяхъ сокращалъ статьи, измѣнялъ и даже дѣлалъ добавки, хотя и малыя, но измѣняющія смыслъ. Примѣръ сокращеній представляетъ первая статья, а вторую замѣтку Кетчеръ передалъ такъ: „Стихотвореніе Полежаева примѣчательно только послѣдними стихами". У Бѣлинскаго „только" не имѣется.

№ 10, стр. 86 — 101, статья Эк. С—та (Эксъ-студентъ—псевдонимъ Ал. Ал. Котляревскаго).

1861 г. 25) Фактъ для біографіи—въ «Альманахѣ» Г. на 1862 г., ч. VII, стр. 103 — 104.

1873 г. 26) А. И. Полежаевъ. Въ книгѣ Н. В. Гербеля: «Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб. 1873, стр. 379—384. Статья полная неточностей и ошибокъ, худшая изъ всего появлявшагося въ печати о Полежаевѣ.

1881 г. 27) Александръ Полежаевъ. Біографическій очеркъ Д. Д. Рябинина. «Русскій Архивъ», т. I, вып. 2, стр. 314—365. Къ сожалѣнію, авторъ далъ слишкомъ большую вѣру указаніямъ поэмы «Сашка» и потому отнесъ къ самому Полежаеву безъ исключенія все, что говорится о героѣ поэмы. 28) Новыя свѣдѣнія о Полежаевѣ. Н. А. Попова. Въ томъ же журналѣ, т. II, вып. 2, стр. 471 — 474; 29) Свѣдѣнія объ А. Полежаевѣ. С. А. Карпова. Въ томъ же журналѣ, т. III, вып. 2, стр. 459—460.

1882 г. 30) Встрѣча съ Полежаевымъ. Воспоминаніе Старушки изъ степи (Е. И. Бибиковой). «Русскій Архивъ» кн. 6, стр. 233 — 243. Единственный дошедшій до насъ отзывъ современниковъ Полежаева, при томъ написанный просто и тепло.

1883 г. 31) Полежаеву посвящена XXXIX глава «Очерковъ по исторіи русской цензуры», А. М. Скабичевскаго. «Отечеств. Записки» № 3, стр. 91 — 95.

1887 г. 32) Полежаевъ. Въ книгѣ: «Словарь писателей средняго и новаго періода русской литературы», А. В. Арсеньева, стр. 224 — 226; 33) О предположенномъ изданіи стихотвореній Полежаева. «Новое Время» №№ 4107 (6 августа), 4159 (27 сентября) и 4161 (29 сентября). Первая замѣтка перепечатана: въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» № 262 (23 сентября), въ «Русскомъ Архивѣ» № 9 и въ «Русской Старинѣ» № 10.

1888 г. 34) Объ изданіи «Сочиненій (?) Полежаева» В. Н. Улитинымъ, статья П. А. Ефремова. «Новое Время» № 4264 (12 января). — Статьи и замѣтки по поводу 50-лѣтія съ дня кончины Полежаева: 35) А. И. Полежаевъ, Петра Быкова, «Всемірная Иллюстрація» № 3 (16 января), стр. 53—54, со снимкомъ съ портрета, бывшаго при 1-мъ изд. «Кальяна»; 36) Тоже, П. Б—кова (вѣроятно того же самаго Петра Быкова), «Нива» № 3 (16 января), стр. 82 — 83, съ такимъ же портретомъ; 37) Тоже. «Звѣзда», № 4 (30 января), стр. 61—63, съ такимъ же портретомъ; 38) Тоже. «Живописное Обозрѣніе», № 3 (17 января), стр. 37—39; статья несравненно лучше трехъ предъидущихъ, а портретъ сдѣланъ съ новаго оригинала: лицо похоже на предъидущій портретъ, но вмѣсто унтеръ-офицерской формы на Полежаевѣ статское платье; 39) Памяти А. И. Полежаева, ст. П. А. Ефремова, въ февральской книжкѣ «Пантеона Литературы», стр. 1—18; 40) Александръ Ивановичъ Полежаевъ, ст. Петра Устимовича въ «Варшавскомъ Дневникѣ» №№ 30, 31

и 32 (9, 10 и 11 февраля); 41) **Замѣтка объ А. И. Полежаевѣ, М. Струйскаго.** «Живописное Обозрѣніе» № 13 (27 марта), стр. 211; 42) **Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Полежаева.** «Историческій Вѣстникъ» № 5, стр. 505—506; 43) **Памяти А. И. Полежаева.** «Наблюдатель» (новыя книги), стр. 41—43.

Кромѣ того, многочисленныя замѣтки о Полежаевѣ находятся въ разныхъ статьяхъ Ап. Ал. Григорьева (см. изданіе его «Сочиненій», Спб. 1876 г., т. I), а также краткіе очерки въ «словаряхъ» и «христоматіяхъ». Изъ портретовъ же, сверхъ указанныхъ нами при изданіяхъ стихотвореній и при статьяхъ о Полежаевѣ, имѣются еще два: 1) Съ извѣстнаго унтеръ-офицерскаго приложена литографія В. Бахмана въ «Альбомѣ русскихъ писателей», изд. Н. Н. Полеваго (М. Въ т. Каткова и К°) 1860 г. и 2) Отдѣльно издана, въ 1838 г., большая литографія Ф. Сиверса, на которой Полежаевъ изображенъ въ гробу. Портретъ сдѣланъ по поясъ, на покойникѣ надѣтъ офицерскій сюртукъ съ эполетами; а подъ портретомъ налитографировано съ автографа 7 стиховъ: «И поэтическія вѣжды» (см. выше, стр. 211), съ подписью «Александръ Полежаевъ». Цензурное разрѣшеніе означено такъ: «Лит. позв. Москва 18-го февраля 1838 года. Цензоръ И. Снегиревъ». Прилагаемый же къ нашему изданію портретъ, съ оригинальной акварели Е. И. Бибиковой, еще никогда не былъ изданъ ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи.

III. Библіографическія примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ.

Морни (стр. 1) и Непостоянство (стр. 4) напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1825 г., № 23 — 24, стр. 181 — 184, съ подписью «А. Полежаевъ», какъ и всѣ прочія, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы». Перепечатаны безъ перемѣнъ въ изд. 1832 г. Это первыя появившіяся въ печати стихотворенія Полежаева, хотя нѣкоторые библіографы, безъ всякаго основанія и только по подписи «П — въ» (Писаревъ?), приписываютъ ему стих. «Къ В. И. Г—ну», напечатанное въ «Вѣстн. Евр.» 1822 г.—Н. Гербель, вмѣсто «Непостоянство», прочиталъ въ «Вѣстн. Европы» «Постоянство» и затѣмъ увѣрялъ въ своей «христоматіи», что это стихотвореніе, котораго вовсе не было, въ изданіе стих. Полежаева не вошло (Рус. Поэты, 1873, стр. 379).

Воспоминаніе (стр. 6) — тамъ же, 1826, № 1, стр. 27 — 31, откуда нами и взяты поправки къ 9, 31 и 33 стихамъ, которые въ изд. 1832 читаются: «Полина! о боги, почто я узрѣлъ», «. . . . . . . , почто жъ я живу» и «Далеко, Полина, далеко оно», какъ осталось и въ изд. Улитина.

Любовь (стр. 8) — тамъ же, стр. 32, и въ изд. 1832.

Ночь (стр. 10) — тамъ же, № 5 (мартъ), стр. 35, и въ изд. 1832.

Злобный геній (стр. 12) — тамъ же, № 15 (августъ), стр. 204 — 206. Подъ этимъ стих., явившимся въ печати уже послѣ отдачи Полежаева въ солдаты, полная подпись его замѣнена только буквою «П.» Поправку въ 22 стиху изданія 1832 г. мы взяли изъ «Вѣстн. Европы»; а стихи 34 и 36 тамъ читаются: «Владычица моей души» и «Судьбу мою сама рѣши»; они поправлены въ изд. Солдатенкова.

Юность (стр. 14)—въ той же книжкѣ «Вѣстн. Европы» и съ такою же подписью, стр. 206—207, а оба слѣдующія стихотворенія (стр. 16, 18) впервые напечатаны въ изд. 1832 г.

Дѣвичье поле (стр. 20) — отрывокъ изъ большой рукописной поэмы Полежаева подъ этимъ же заглавіемъ, неудобной къ печати по своему содержанію.

Четыре націи (стр. 22) — въ числѣ многихъ другихъ стихотвореній невѣрно приписывалось Пушкину (см. Москвит. 1849, № 4, с. 85 и VI т. соч. Гоголя, изд. Кулиша) и уже только въ 1859 г. въ «Библіографическихъ Запискахъ» (№ 20, стр. 634—635) были впервые напечатаны три строфы съ именемъ Полежаева, а съ добавкою послѣдней строфы перепечатаны въ «Русской Старинѣ» 1887 г. № 10, стр.140—141.

Вечерняя заря (стр. 25) — первое явившееся въ печати стихотвореніе Полежаева, написанное имъ послѣ его отдачи въ солдаты. Подъ нимъ, равно какъ и подъ всѣми слѣдующими, напечатанными до 1832 г., вмѣсто его подписи, выставлялось только: «ъ. ъ.» Напечатано въ «Галатеѣ» 1829, ч. 1, № 3, стр. 151, подъ заглавіемъ «Вечеръ», съ пропускомъ 8 стиховъ: «Я надежду имѣлъ» и пр., и «Мнѣ противно смотрѣть» и пр., а 4 послѣдніе стиха рукописи никогда не были напечатаны и мы изъ нихъ привели только одинъ. Въ солдатенковскомъ и улитинскомъ изд. въ 4 стихѣ неправильно напечатано: «летя» вмѣсто «слетя», а 4-й стихъ на стр. 27 былъ неправильно напечатанъ въ изданіи 1832 г.: «странствуя».

Видѣніе Валтасара (стр. 28)—въ «Галатеѣ» 1829 ч. 1, № 6, стр. 331, и тогда же появилось, безъ подписи, въ «Москов. Телеграфѣ» (№ 2, январь, стр. 175), на что «Галатея» заявила протестъ (ч. 2, стр. 164). У насъ 14-ый стихъ поправленъ по «Галатеѣ»: возжигаютъ.

Пѣснь плѣннаго Ирокезца (стр. 31) — тамъ же, ч. 2, № 10, стр. 209. Для нашего изданія мы имѣли отъ А. П. Бахрушина черновой подлинникъ этихъ стиховъ, снимокъ съ котораго явился потомъ при изд. В. Улитина. Въ этомъ листкѣ, писанномъ повидимому наскоро, вкралось нѣсколько описокъ напр.: «внимательный слухъ» и затѣмъ «внимательный [illegible] вмѣсто «воинственный духъ». Въ 18 стихѣ мы поправили по [illegible]иску: «безстрашную гибель», тогда какъ печаталось «безмѣр[illegible]

Кремлевскій садъ (стр. 33) — тамъ же, ч. 5, № [illegible]

Табакъ (стр. 35)—тамъ же, ч. 5, № 26, стр. 57, съ пропускомъ 9—12 ст., которые потомъ напечатаны въ солдатенковскомъ изд. только съ измѣненнымъ началомъ 9 стиха. Въ «Галатеѣ» 3-й стихъ съ конца былъ напечатанъ: «Изъ трубки дымъ пріятный».

На смерть Темиры (стр. 36) —тамъ же, ч. 7, № 35, стр. 196.

Пѣсня изъ Панара (стр. 37) — тамъ же, ч. 8, № 40, стр. 196.

Ренегатъ (стр. 39)—тамъ же, ч. 10, № 49, стр. 158, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ поэмы Гаремъ», и съ подписью: «1 -15». Пропуски были сдѣланы послѣ стиховъ: «Платокъ его летитъ», «Волною падаютъ пріятной» и стих. оканчивалось стихомъ: «Ее любовь на ложѣ ждетъ». Послѣдняя строфа явилась въ изд. 1832 г., а во 2-мъ солдатенковскомъ (1859) дополненъ конецъ 5-го стиха. Нынѣшнее заглавіе и добавки взяты нами изъ рукописи.

Рокъ (стр. 43) — въ изд. 1832 г., а въ солдатенковское не вошло, какъ отнесенное Н. Кетчеромъ къ числу «слишкомъ уже плохихъ», хотя оно никакъ не хуже, чѣмъ напр. «Табакъ», удостоенный внесенія. Тоже должно замѣтить и о многихъ стихотвореніяхъ, отвергнутыхъ Кетчеромъ единственно потому, что ихъ не было въ «перечнѣ» Бѣлинскаго, который притомъ пропустилъ въ своемъ указателѣ стихотвореніе. «На смерть Темиры», о которомъ въ статьѣ упомянулъ, какъ о хорошемъ. Кетчеръ и его не внесъ.—Въ концѣ мы добавили 2 стиха изъ четырехъ, которыми оканчивается рукопись.

Цѣпи (стр. 45) — въ изд. 1832 г. напечатано съ пропускомъ 8 стиховъ въ трехъ мѣстахъ (ст. 7—8, 25—28 и 35—36). Они возстановлены въ солдатенковскомъ изд., но въ улитинское внесена изъ этого только половина. Послѣдній стихъ рукописи указываетъ, что это стихотвореніе написано въ 1826 г., или не позже 1827-го:

Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Тогда кляну свой жребій я,
И.... вновь взираю равнодушно
На цѣпи новаго . . . .

Пѣснь погибающаго пловца (стр. 47). Ожесточенный (стр. 52) и Живой мертвецъ (стр. 54) — явились въ изд. 1832 г.

Арестантъ (стр. 56) —три отрывка изъ этого стихотворенія были напечатаны въ «Галатеѣ»: 1) «Ты хочешь, другъ, чтобы рука» (10 стиховъ) 1829, ч. 3, № 12, стр. 41, подъ заглавіемъ «Другу, при посылкѣ стиховъ» и эти же стихи, съ небольшимъ искаженіемъ, перепечатаны вначалѣ сборника стиховъ изд. 1842 г., подъ безграмотнымъ заглавіемъ: «А. П. Л . . . . . . му, при посылки рукописи, Часы выздоровленія, стихотворенія Полежаева». 2) «Оставленъ всѣми одинокъ» (30 стиховъ), подъ загл. «Отрывокъ», 1829, ч. 6, № 30, и 3) «И я въ тюрьмѣ» (34 стиха) — 1830 года. Затѣмъ съ добавкой 30 стиховъ («А ты, примѣрный человѣкъ») — перепечатано въ изданіи 1857 года, причемъ вначалѣ напечатано и посвященіе «А. П. Л . . . . . . му»,

съ пропускомъ заключительныхъ 6 стиховъ и помѣты «Спасскія Казармы 1828 года». Д. Д. Рябининъ, полнѣе напечатавшій это стихотвореніе въ «Русскомъ Архивѣ» (1881, т. 1, кн. 2, стр. 343—347), принялъ эту помѣту посвященія за заглавіе самаго стихотворенія и, вмѣсто «Арестанта», озаглавилъ его: «Спасскія Казармы», а «посвященіе» вовсе пропустилъ и не упомянулъ о немъ даже при своемъ исчисленіи стихотвореній, относящихся къ А. П. Лозовскому (стр. 357 — 358 «Русск. Архива»). До напечатанія г. Рябининымъ, отрывки изъ «Арестанта» были также напечатаны въ «Развлеченіи» 1860, № 19, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ поэмы Узникъ». Мы напечатали заключительные стихи «посвященія» и добавки въ текстѣ стихотворенія по списку, полученному въ 1857 г. отъ Н. Х. Кетчера, чрезъ посредство В. И. Касаткина, бывшаго потомъ издателемъ и редакторомъ «Библіографическ. Записокъ» (1861).

Осужденный (стр. 68) — въ изд. 1857 г.

Провидѣніе (стр. 71)—въ «Телескопѣ» 1831, ч. 3, № 12, стр. 463, съ нѣсколькими незначительными варіантами противъ текста 1832 г. и съ пропускомъ 2-хъ стиховъ. Поправку въ 5-мъ стихѣ «угнетеній», вмѣсто «утѣсненій»—мы взяли изъ «Телескопа».

Къ друзьямъ (стр. 75) и слѣдующія затѣмъ стихотворенія (до стр. 117), присланы были Полежаевымъ съ Кавказа и впервые напечатаны въ изданіи 1832 г., процензурованномъ 12 января этого года, почему мы и отнесли ихъ къ 1830—1831 гг., т. е. со времени прибытія поэта на Кавказъ до поступленія стиховъ въ цензуру.

Другу моему А. П. Л. (стр. 117) — напечатано въ видѣ посвященія къ сборнику стихотвореній 1832 г. и вѣроятно было прислано въ Москву, когда Полежаевъ получилъ оттуда извѣстіе объ окончательномъ изготовленіи для печати сборника его стихотвореній. По всей вѣроятности, одновременно было прислано и стих. «Акташъ-Аухъ», вошедшее въ этотъ же сборникъ. Аулъ Акташъ-Аухъ былъ взятъ 8 января 1832 г., а упоминаемый въ слѣдующемъ стих. «Герменчугъ» — 23 августа.

Всѣ послѣдующія стихотворенія, до стр. 160, не были напечатаны въ альманахахъ и журналахъ, но явились впервые въ сборникѣ «Кальянъ» (1833).

Имениннику (стр. 161) впервые напечатано въ «Русск. Архивѣ» 1881, т. 1, кн. 2, стр. 349 — 350, но безъ 13 заключительныхъ стиховъ и помѣты, напечатанныхъ нами съ списка В. И. Касаткина.

Негодованіе (стр. 163) и прочія стихотворенія, до стр. 189, исключая помѣщенныхъ на 181—182 стр., были напечатаны въ сборникѣ «Арфа», процензурованномъ еще въ ноябрѣ 1835 г., но появившемся въ печати только въ 1838 г. Поэтому вначалѣ этого года, вскорѣ послѣ смерти Полежаева, нѣкоторыя изъ стихотвореній этого сборника, еще до появленія его, были напечатаны въ журналахъ и газетахъ и притомъ въ болѣе исправномъ видѣ, какъ будетъ указано ниже. «Негодованіе» было напечатано въ «Арфѣ» съ большими пропусками и искаженіями. Гораздо полнѣе и исправнѣе оно появи-

лось въ изданіи 1857 г., а у В. Улитина (1888) опять напечатано съ пропусками и искаженіями. Полный текстъ нынѣшняго изданія мы напечатали впервые въ «Пантеонѣ Литературы» 1888, кн. 2.

Сарафанчикъ (стр. 172) — эта пѣсня, въ свое время обошедшая всю Россію въ пѣсенникахъ и на шарманкахъ, не была внесена въ изд. 1857 г. Помимо сборника «Арфа», она была напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1839 г., т. 36, № 12.

Тайный голосъ (стр. 175) — въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» на 1838 г., № 17 (25 апрѣля), стр. 326, подъ заглавіемъ: «Духи зла», а затѣмъ въ «Арфѣ», подъ заглавіемъ: «Божій судъ». По подлинному автографу, сообщенному Е. И. Бибиковой для нашего изданія, впервые было напечатано съ настоящимъ заглавіемъ въ «Русск. Архивѣ» 1882 г., кн. 6, стр. 237. Въ этомъ стихотвореніи 2-й стихъ 1-й строфы былъ напечатанъ въ «Арфѣ» и «Литерат. прибавл.» Благословеннаго творца. 3-й и 4-й стихи 2-й строфы въ «Литературн. прибавл.» были: Изъ тьмы вѣковъ атомъ одушевленный Для солнцевъ, лунъ и звѣздъ. 1-й и 2-й стихи 4-й строфы въ «Арфѣ» и «Литературн. прибавл.»: Тогда предъ нимъ свѣтлы, необозримы, Разстлались гордо небеса. 3-й стихъ 5-й строфы въ «Литерат. приб.»: Вокругъ него, а послѣдній стихъ 6-й строфы и въ «Арфѣ» и въ «Литерат. прибавл.»: Взиралъ съ потупленнымъ челомъ. Въ 8-й строфѣ два первые стиха читаются тамъ согласно съ рукописью, а въ прочихъ изданіяхъ было: «молніи», вмѣсто «молнію». Слѣдующая же 9-я строфа до «Русскаго Архива» вовсе не была напечатана.

Къ Е. И. Бибиковой (стр. 178) - въ нашемъ изданіи напечатано по подлинной рукописи, а въ «Арфѣ» оно явилось съ пропускомъ 3 и 4 стиха и съ перестановками стиховъ въ двухъ мѣстахъ, вѣроятно, потому что поэтъ возстановилъ это стихотвореніе для сборника по памяти.

Къ своему портрету и Е. И. Бибиковой (стр. 180, 181) — напечатаны впервые, по автографу, въ «Русск. Архивѣ» 1882, кн. 6, стр. 240 и 241.

Черные глаза (стр. 182). Первыя 12 строфъ были напечатаны въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838, мартъ, кн. 2, ч. 16, стр. 271—273, по исправленному авторомъ списку, который почти вполнѣ согласенъ и съ имѣющимся у насъ (изъ него мы взяли поправки къ строф. 6-й и 7-й). Изъ варіантовъ укажемъ слѣдующіе. Въ изд. Солдатенкова 3-й стихъ 2-й строфы: «Неистовый, безжалостный къ себѣ»; въ «Арфѣ» и изданіи Солдатенкова 4-й стихъ 3-й строфы: «Я все убилъ въ обманчивомъ покоѣ»; тамъ же 1-й стихъ 6-й строфы: «И погрузясь въ преступныя сомнѣнья»; въ «Арфѣ» и «Моск. Наблюдат.» 4-й стихъ 7-й строфы: «Которое бъ могло безъ сожалѣнья»; въ «Арфѣ» и изд. Солдатенкова послѣдній стихъ 11-й строфы: «Лобзай меня и въ очи и въ уста»; въ «Арфѣ» послѣдній стихъ 12-й строфы: «И врѣзались въ огонь ея очей»; въ «Арфѣ» же послѣдній стихъ предпослѣдней строфы: «Ужасный часъ, ничѣмъ невозвратимой».

Грусть (стр. 188)—въ «Моск. Наблюдателѣ» 1838, мартъ, кн. 2, ч. 16, стр. 202—203, и безъ измѣненій въ «Арфѣ».

Эндиміонъ (стр. 190)—въ «Часахъ выздоровленія». Въ изд. Солдатенкова 6-й стихъ ошибочно напечатанъ: «съ Олимпа скучнаго сошла», а не «мрачнаго», тогда какъ именно мрачность Олимпа противопоставляется свѣту Діаны.

Бѣлая ночь (стр. 192)—въ «Час. выздоровл.». Въ изд. Солдатенкова въ 8 стихѣ 1-й строфы тоже ошибочно напечатано: «вѣтръ» вмѣсто «вихрь», а остальныя строфы не были перепечатаны.

Когда-то (стр. 194) — въ «Часахъ выздоровленія».

Пѣсня (стр. 195) — въ «Лит. приб. къ Русск. Инвалиду» 1838 г., № 23 (4 іюня), стр. 444, подъ заглавіемъ «Русская Пѣсня»; а оттуда въ «Часахъ выздоровл.» и въ Солдат. и Улитин. изданіяхъ съ пропускомъ 4-го стиха послѣдней строфы: «Дайте сердцу послѣ горя отдохнуть». Предпослѣдній стихъ въ «Лит. приб.» читается: «И я снова сладострастнѣй и живѣй».

Къ М. А. Я—й. (стр. 197) — въ «Часахъ выздоровленія».

Въ альбомъ Ѳ. А. Кони (стр. 198) — подлинный автографъ сообщенъ для нашего изданія Анатоліемъ Ѳедоровичемъ Кони. Вслѣдъ за стихами Полежаева на томъ же листкѣ написалъ четверостишіе Л. А. Якубовичъ:

Его стихи я продолжаю:
Дѣвицъ и женщинъ я люблю;
Тебя я просто — уважаю,
Скотовъ я просто — не терплю.
Л. Якубовичъ.

На память о себѣ (стр. 199) — это стихотвореніе сообщилъ для нашего изданія А. Я. фонъ-Ашебергъ изъ бумагъ своего отца, которымъ было помѣчено, что Полежаевъ, находясь въ Мещовскѣ (Калужской губ.), провелъ два дня въ семьѣ смотрителя духовнаго училища, впослѣдствіи протоіерея въ Масальскѣ, И. Ф. Чупрова, и на память о себѣ оставилъ эти стихи.

Картина (стр. 200) и Къ набѣленой красавицѣ (стр. 204) — въ «Часахъ выздоровл.», а въ нашемъ изданіи исправлены по рукописямъ.

Прощаніе (стр. 204) — напечатано въ альманахѣ Н. В. Кукольника: «Новогодникъ» 1839, стр. 346—347, подъ заглавіемъ: «Прощаніе съ жизнію», съ пропускомъ 20 стиховъ послѣ 17 стиха (Когда сыгралъ на сценѣ міра, и пр.). При перепечаткѣ въ «Часахъ выздоровл.» эти стихи были возстановлены, но за то исключено все окончаніе (Скажите жъ мнѣ, и пр.), о которомъ въ рецензіи Бѣлинскаго на альманахъ было упомянуто съ похвалою. Полный текстъ явился въ изд. 1857 г., но безъ помѣты, взятой въ наше изданіе изъ «Новогодника». Опечатка «Часовъ выздоровленія» противъ текста «Новогодника», исправленная солдатенковскимъ изданіемъ, и дававшая одно и то же слово вмѣсто рифмы, вновь появилась въ изд. улитинскомъ.

Отчаяніе (стр. 207) — въ «Телескопѣ» 1836 г., № 12, стр. 457—45 и уда въ изданіи Солдатенкова; въ «Часахъ выздоровленія» оно перепечата но было, какъ и слѣдующее за нимъ, и улитинскимъ изд. отнесено въ « о- мертнымъ», хотя напечатано за два года до смерти поэта.

Къ моему генію (стр. 209) — въ «Галатеѣ» 1839, № 3, стр. 201—20 . Н. Гербель говоритъ, что стих. Полежаева печатались также и въ «Галате » на 1840 г. («Русскіе поэты»), но тамъ не напечатано ни одного. При пере- печаткѣ въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., 20-й стихъ явился съ ошибкою: «Кури мой чистый фиміамъ».

На смерть Пушкина (стр. 211) — взято нами съ автографическаго снимка, помѣщеннаго подъ портретомъ Полежаева, изображеннаго въ гробѣ.

Узникъ (стр. 212) — въ «Отечеств. Запискахъ» 1840 г., № 2, стр. 155. При перепечаткѣ въ «Часахъ выздоровл.» ошибочно напечатаны стихи 11-й и 12-й: «Ночь красавица беззаботная, День обманчивый, я васъ радовалъ»; 22-й: «Саблей острой ей отмѣривалъ»; и 25-й: «Знали всѣ меня — знали старъ и младъ».

Пѣсня (стр. 214) и Тоска (стр. 216) — въ «Часахъ выздоровленія».

Грѣшница (стр. 218) — въ «Литер. прибавл. къ Русскому Инвалиду» на 1838 г., № 20 (14 мая), стр. 384—385, съ пояснительной добавкой: «Подражаніе библейскому»; и оттуда въ изд. 1857 г., а въ «Часахъ выздоровленія» перепечатано не было.

Чахотка (стр. 220) — въ изданіи 1857 г.

Оскаръ Альвскій (стр. 225). — Н. Гербель указываетъ, что переводъ этотъ помѣщенъ въ IX книжкѣ «Новостей Литературы» 1824 г. («Русскіе поэты», стр. 379), но это не имѣетъ никакой достовѣрности, потому что въ «Новостяхъ Литературы» не 1824 г., когда перевода Полежаева еще не существовало, но 1826 г. въ XVII книжкѣ (стр. 216—224) дѣйствительно былъ помѣщенъ стихотворный переводъ этой поэмы Дм. Глѣбова. Что же касается до полежаевскаго перевода, то онъ былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» 1826 г. (ч. VII, стр. 249—269). Предварительно переводъ бы Полежаевымъ «читанъ въ 77 чрезвычайномъ засѣданіи Общества, 19 февра 1826 г.» и въ этомъ же засѣданіи Полежаевъ избранъ въ сотрудники Об ства. Въ текстѣ «Чтеній» много варіантовъ съ текстомъ изданія 1832 г. и сло строфъ меньше, потому что не было напечатано конца 13-й и начала строфы, а въ строфахъ 37-й и 38-й не было по 4 заключительныхъ ст Наибольшему измѣненію при перепечаткѣ 1832 г. подверглись 47-я и строфы. Въ изданіи 1832 г. поэма имѣетъ еще второе заглавіе: «Оска Мора».

Эрпели (стр. 247) и **Чиръ-Юртъ** (стр. 290).—Обѣ поэмы были изданы въ одной книжкѣ въ 1832 г., вскорѣ по выходѣ сборника «Стихотвореній». Эрпели написана лѣтомъ 1830 г., а Чиръ-Юртъ—зимою 1832 г. или въ самомъ концѣ 1831 г., такъ какъ экспедиція продолжалась съ 17 октября 1831 г. по 23 февраля 1832 г., въ предисловіи же говорится, что поэма писана на походѣ при 12—15-градусномъ морозѣ. До улитинскаго изд. поэмы не перепечатывались. Пропусковъ мы не могли возстановить, за исключеніемъ 2—3 стиховъ, которые нашли вписанными въ имѣющемся у насъ печатномъ экземплярѣ, принадлежавшемъ М. Л. Михайлову.

Троянки (стр. 329) и **Видѣніе Брута** (стр. 337) — въ сборникѣ «Кальянъ» 1833 г. Первое не перепечатывалось, а «Видѣніе» вошло въ изд. Солдатенкова.

Коріоланъ (стр. 342) — въ «Арфѣ», съ значительными пропусками и искаженіями, такъ что не вошла даже вся первая глава, несмотря на то, что еще до появленія «Арфы», хотя цензурованной въ 1835 г., но вышедшей въ 1838 г., вся она была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1838 г., № 5, стр. 16—20, подъ заглавіемъ: «Римъ. Отрывокъ изъ поэмы: Коріоланъ». Подъ стихами помѣта «1834 г.», а въ примѣчаніи редакціи сказано: «Одно изъ послѣднихъ стихотвореній поэта, столь безвременно нами утраченнаго». Полный текстъ былъ возстановленъ въ изд. 1857 г. и мы взяли его въ основу, возстановивъ только немногіе слова и стихи по «Арфѣ» и «Сыну Отечества», когда сомнѣвались: не было ли произвольныхъ исправленій редактора изданія 1857 г. Такъ, напр., «Коріоланъ» называетъ римлянъ **сынами** великой державы, а подъ ред. Кетчера они обратились въ «рабовъ», что не имѣетъ мѣста въ данномъ случаѣ.

Марій (стр. 368) — въ изданіи 1857 г.

Послѣдній день Помпеи (стр. 370)—только незначительный отрывокъ былъ напечатанъ въ «Часахъ выздор.», подъ заглавіемъ: «Кар...а», съ стиха: «Когда въ послѣдній разъ» и до конца, и съ ошибками. Полный текстъ данъ изданіемъ 1857 г., равно какъ и слѣдующаго отрывка: **Фалерій** (стр. 377).

Человѣкъ къ Байрону (стр. 383) — напечатано въ «Ураніи» альманахѣ Погодина на 1826 г., стр. 269—287, съ подписью: «Александръ Полежаевъ». Стихотвореніе это одобрилъ Бѣлинскій, находя лучшимъ изъ полежаевскихъ переводовъ изъ Лямартина. У насъ стихотвореніе это исправлено по списку, равно какъ и два — три изъ слѣдующихъ. Въ улитинскомъ изд. пропущена цѣлая 56 страница первоначальнаго текста изд. 1832 года, вмѣсто «**капля блага**», явилась «**капля ада**» и т. п.

Провидѣніе человѣку (стр. 394) и **Восторгъ духъ Божій** (стр. 400) въ изд. 1832 г. Послѣднее стихотвореніе первоначально было напеча

«Вѣсти. Евр.» 1826, № 2, стр. 81, съ подписью «А. П.» и подъ нынѣшнимъ его заглавіемъ. Потомъ оно безъ всякихъ перемѣнъ перешло въ изд. 1832 г. подъ сокращеннымъ заглавіемъ: «Восторгъ». Когда же, по смерти Полежаева, подлинная рукопись, вѣроятно, по незнанію о томъ, что стихи были уже дважды напечатаны, представлена была въ Спб. цензуру, то эта послѣдняя не рѣшилась сама дать разрѣшеніе, а препроводила рукопись въ духовную цензуру (23 февраля 1838 г.). Комитетъ духовной цензуры возвратилъ ее «безъ одобренія», ибо нашелъ, что «Восторгъ» есть не что иное, какъ «несвязный сборъ понятій, изложенныхъ стихами». Подлинное стихотвореніе и любопытная переписка о немъ сообщены намъ А. П. Вороновымъ.

Смерть Сократа (стр. 404)—въ «Трудахъ Общества Любителей Росс. Слов. при Имп. Моск. Университетѣ» 1826, ч. VI, стр. 211—220. Предварительно стихотвореніе было «читано въ 78 засѣданіи Общества, 27 февраля 1826 г.» Въ изданіе 1832 г. перешло безъ перемѣнъ.

Въ память благотвореній (стр. 412). Написано по порученію университетскаго начальства, и напечатано въ книжкѣ: «Рѣчи и стихи, произнесенные въ память незабвенныхъ благотвореній блаженныя памяти Государя Императора Александра I, оказанныхъ Московскому Университету, при воспоминаніи дня основанія онаго, 12 января 1826 года». Моск. Въ унив. т. 1826, въ 4 д. л., 37 стр. Подъ стихами подпись: «Студентъ А. Полежаевъ» (стр. 31 — 33). Передъ ними помѣщены стихи «Кандидата Ивана Слободчикова», а за ними: «Нѣкоторыя строфы изъ торжественной оды, въ воспоминаніе учрежденія Имп. Моск. Унив., сочиненной Лопаснинскимъ 15-лѣтнимъ крестьяниномъ Борисовымъ». При этомъ замѣчено: «Задано написать къ сему дню и пересмотрѣно самимъ попечителемъ Моск. Университета».—Изъ этой книжки стихотвореніе перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1826, № 3, стр. 166, а затѣмъ въ изданіи 1832 г.

Геній (стр. 415). Написано тоже по порученію университетскаго начальства для выпускнаго акта 3 іюля 1826 г., и, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, чрезъ офиціальное изданіе ежегодныхъ «рѣчей и отчетовъ», перешло въ «Вѣсти. Европы» 1826 г., № 12, іюль, стр. 281 — 290. Поэтому наведенія Д. Д. Рябинина («Рус. Архивъ» 1881), будто оба эти стихотворенія написаны Полежаевымъ въ предотвращеніе грозившей бѣды, не имѣютъ основанія: бѣда пришла вдругъ, совершенно неожиданно.

Бонапарте (стр. 424) — въ сборникѣ «Кальянъ» 1833 г.

Людовикъ XVII (стр. 431)—въ «Галатеѣ» 1839, ч. 2, № 13, стр. 305—308, и не было перепечатано въ «Часахъ вызд.», вышедшихъ черезъ три года

Вѣнокъ на гробъ Пушкина (стр. 435) крайне небрежно напечатано въ «Часахъ вызд.» Списокъ, бывшій у насъ, оказался тоже довольно плохимъ, такъ что мы изъ него могли взять только 2 — 3 поправки, VI-ой строфы (стр. 445) въ немъ вовсе нѣтъ — не прибавлена ли она была впослѣдствіи.

Сашка (стр. 445). Эта поэма, написанная въ подражаніе только-что появившемуся тогда началу «Евгенія Онѣгина», разбила всю жизнь Полежаева. Не кутежи его, какіе бы они ни были, а только она виною, что онъ съ университетской скамьи жилъ и умеръ солдатомъ, пройдя кандалы и тюрьму, а затѣмъ пропутешествовавъ походомъ половину Россіи отъ Москвы до Кавказа и обратно. Мы говорили выше, что вся преступность поэмы состоитъ только въ появленіи ея не во́-время: годомъ раньше или 2-мя — 3-мя позже дѣло не приняло бы такого суроваго оборота. Почти вся поэма напечатана въ статьѣ Д. Д. Рябинина («Русск. Архивъ» 1881 г.), но какъ-то прихотливо: изъ средины, изъ конца, изъ начала, потомъ опять все перебивается и перепутывается. Прочтя поэму сряду, читатели увидятъ, что это юношеская задорная похвальба кутежами, до нельзя преувеличенными—хвастовство не въ мѣру, и что невозможно почти каждую ея строку приспособлять и пріурочивать къ біографіи Полежаева, какъ это сдѣлалъ г. Рябининъ, посвятивъ неблагодарному труду такого «приспособленія» цѣлыхъ 20 страницъ (316—336).— Поэма названа «Сашкою», но въ самомъ текстѣ герой вездѣ называется «Сашею», за исключеніемъ только одного случая, гдѣ «Сашка» понадобился для риѳмы. Про̂пуски у насъ невелики: они состоятъ изъ десятка словъ и 3—4 строфъ.

Иманъ-Козелъ (стр. 474) напечатано въ «Вѣстн. Европы» 1826, № 11 (іюнь), стр. 161—177, и при первой же строкѣ точекъ пояснено: «Пропуски въ сей піесѣ сдѣланы самимъ сочинителемъ», въ чемъ, конечно, можно сомнѣваться. Въ изданіи 1832 г. перепечатано безъ перемѣнъ, а въ рецензіи на этотъ сборникъ Н. А. Полевой замѣтилъ, что стихотвореніе Иманъ-Козелъ, въ свое время, надѣлало «довольно шуму». Отчего былъ «шумъ», объясняется разсказомъ Гилярова-Платонова («Изъ Пережитаго». М. 1886, ч. I, стр. 329), такъ какъ Полежаевымъ былъ переложенъ въ стихи ходившій тогда въ Москвѣ слухъ «о попѣ въ козьей шерсти».

День въ Москвѣ (стр. 490) — напечатано въ изд. 1832 г., и судя по упоминанію объ Эрзерумѣ, могло быть написано не ранѣе второй половины 1829 г.

Кредиторы (стр. 504) —тоже въ сборникѣ 1832 г., какъ и слѣдующее стихотвореніе: «Чудакъ» (стр. 511). Вездѣ мы указываемъ только первое напечатаніе стихотвореній или новое воспроизведеніе ихъ съ поправками по рукописямъ, не исчисляя одинаковыхъ перепечатокъ въ сборникахъ, хрестоматіяхъ и пѣсенникахъ, но для «Чудака» дѣлаемъ исключеніе. Недавно это стихотвореніе было напечатано, какъ новость, въ «Невѣ» (1887, №№ 5—6 и 7—8), но до того оно было обезображено, что въ иныхъ мѣстахъ утратился смыслъ, стихи лишены размѣра и риѳмъ и пр. Только справка въ редакціи «Невы» разъяснила намъ, что иначе и быть не могло, потому что стихотвореніе было сообщено кѣмъ-то, записанное имъ на память.

Шесть слѣдующихъ стихотвореній (стр. 517—528), представляющія обо-

рышъ, или, лучше сказать, отбросъ написаннаго Полежаевымъ, приводятся только потому, что внесены были прежними издателями въ сборники, вышедшіе по смерти поэта: «Арфу» (4 первыя) и «Часы Выздоровленія».

Въ заключеніе упомянемъ о стихотвореніяхъ, «приписываемыхъ» Полежаеву. Ему приписываются прежде всего всѣ безъ исключенія эротическія произведенія, если только они написаны слогомъ болѣе новымъ, чѣмъ Барковскій, и приписываніе это дѣлается по произволу, какъ кому вздумается, безъ всякихъ основаній, если не считать основаніемъ извѣстное замѣчаніе Пушкина въ письмѣ къ кн. Вяземскому: «Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ п. . . . . ходятъ подъ именемъ Баркова». На этомъ только основаніи Н. Гербель приписалъ Полежаеву «Вечернюю прогулку» и «Первую ночь брака», долго бродившую съ именемъ Пушкина; пишущій эти строки тоже приписалъ Полежаеву, по голословному указанію Н. А. Ратынскаго, стихотвореніе «Тѣнь Баркова», съ именемъ Пушкина же напечатанное В. П. Гаевскимъ. Приписывалъ всякій, кому было угодно. Второй разрядъ «приписываемыхъ» стихотвореній состоитъ изъ тѣхъ, подъ которыми въ печати подписано: «А. П.» или даже просто «П.» Наконецъ третій разрядъ состоитъ изъ стихотвореній, подъ которыми даже напечатано: «А. Полежаевъ», преимущественно въ плохихъ альманахахъ и пѣсенникахъ, гдѣ не стѣснялись ставить даже имена Пушкина и Жуковскаго подъ всякой дрянью. Для курьёза приведу одну изъ такихъ прелестей, появившуюся въ «Невскомъ альбомѣ» И. Бобылева 1839 года (стр. 117):

Когда душа перекалится въ камень,
Когда глаза точить не станутъ слезъ,
Когда замретъ сердечный пламень
И будутъ сны безъ грезъ;

Тогда возьму я пулю боевую,
Три раза шомполомъ въ зѣвъ смерти вколочу
И пѣснь послѣднюю земную
На лирѣ пробренчу.

И выпью мозгъ кровавый на прощанье:
Укоромъ мертваго месть міру я пошлю
И предмогильное страданье
Терпѣньемъ просвѣрлю.

Когда же въ ночь засмертную, тоскуя
Среди могилъ, явлюсь къ вамъ на-яву;
Тогда вамъ истину скажу я,
Какъ бѣдный тамъ живу.

1836 г. А. Полежаевъ.

Мы хотѣли было подчеркнуть нѣкоторыя слова и цѣлые стихи, но остановились, потому что пришлось бы подчеркивать все сряду.

А вотъ и тѣ три стихотворенія, которыя, по подписи «А. П.», книгопродавецъ Улитинъ выбралъ изъ «Пѣсенниковъ» для своего изданія. Стихъ, которымъ Полежаевъ игралъ по произволу, является тутъ или безъ размѣра, или съ неумѣстными перестановками удареній, напр. «ôдиу повѣсть знаю», или съ странными эпитетами въ родѣ «скороспѣлой жизни», съ какою-то Изабеллою, и т. п.

1.

Глаголомъ совѣсти нещадной
Я осужденъ, я обвиненъ,
И горемъ жизни безотрадной
За юность грѣшную казненъ!..
Я буйной волей отвергалъ
Законы мудрости священной,
Но, какъ проклятьемъ отягченный,
Въ изнеможеніи страдалъ.
Теперь съ душою охладѣлой,
Брожу, какъ призракъ, на землѣ,
И повѣсть жизни скороспѣлой
Ношу на пасмурномъ челѣ!...

2.

Гдѣ ты, души моей богиня,
Единый, несравненный другъ,
Въ комъ сердца падшаго святыня,
Кто мой живитъ убитый духъ?...
Давно «прости» тебѣ сказалъ
Поклонникъ тайный, разлученный,
Давно, давно не лобызалъ
Онъ край одеждъ твоихъ священный...
Все также ль помнишь ты его
И скукой жизнь младую губишь,
Иль друга дѣтства своего
Ты позабыла и не [illegible]бишь?...

Ужъ не желаешь, не зовешь
Конца томительной разлуки...
Мой другъ, ты, можетъ быть, клянешь
Моихъ несчастій злыя муки?
О, ангелъ милый, не внимай
Холодный гласъ предразсужденій,
Съ толпой другихъ не проклинай
Моихъ невинныхъ заблужденій!
О, сколько я терпѣлъ, страдалъ,
Враждуя втайнѣ самъ съ собою;
На мигъ я радость не видалъ,
Какая радость не съ тобою?...

3.

«Добрый витязь, скинь шеломъ,
Отдохни съ друзьями;
Предъ горящимъ камелькомъ
Побесѣдуй съ нами!»

— Что̀ могу я вамъ сказать?
Одну повѣсть знаю,
Мнѣ легко ль ее сказать:
Я люблю, страдаю!

«Добрый витязь, ты горишь
Страстью безнадежной;
Но зачѣмъ дворца бѣжишь
Изабеллы нѣжной?»

— Мрачной горести моей
Взоръ ея — виновникъ;
Я до гроба вѣрный ей
Рыцарь и любовникъ!

Той, которой милъ весь свѣтъ,
Гордый царь владѣетъ;
Позабыть ее — нѣтъ, нѣтъ,
Сердце не умѣетъ!

Скоро, скоро средь мечей
Кончу вѣкъ постылый,
Не могу я жить для ней —
Пусть умру для милой!